

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

БУ ВО «СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СЕВЕР РОССИИ: СТРАТЕГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Материалы II Всероссийской
научно-практической конференции
27 мая 2016 г.*

Том I

**Сургут
2016**

УДК 001(063)
ББК 72
С28

Редакционная коллегия:

О. Г. Литовченко, д. биол. н., профессор; М. А. Ставрук, к. пед. н., доцент; А. А. Хадынская, к. филол. н., доцент; Е. В. Король, к. филол. н., доцент; А. П. Евласьев, к. филос. н., доцент; Д. В. Кирилюк, к. ист. н., доцент; М. А. Авимская, к. ист. н., доцент

С28 Север России: стратегии и перспективы развития : материалы II Всероссийской науч.-практич. конф. (Сургут, 27 мая 2016 г.) : в 4 тт. – Сургут. гос. ун-т. – Сургут : ИЦ СурГУ, 2016. – Т. I. – 273 с.
ISBN 978-5-89545-455-8

Сборник содержит материалы по актуальным проблемам образования и культуры Севера России. В статьях освещены вопросы развития Севера в исторической ретроспективе.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, работников музеев, аспирантов, студентов и других заинтересованных лиц.

УДК 001(063)
ББК 72

ISBN 978-5-89545-449-7
978-5-89545-455-8

© БУ ВО «Сургутский государственный университет»

СОДЕРЖАНИЕ

СЕВЕР РОССИИ: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Андреева О. В.</i> Современные подходы организации дистанционного обучения в школе в России и за рубежом	7
<i>Вдовиченко Л. В.</i> Региональный компонент при обучении английскому языку для специальных целей в современном вузе	10
<i>Вдовиченко Л. В., Сергиенко Н. А.</i> Вербальная агрессия как средство выражения оскорбления (на примере лингвистических исследований научно-образовательного лингвистического центра СурГУ)	13
<i>Гаринова З. Ф.</i> Определение типа восприятия учебного материала учащихся начальных классов	17
<i>Гафарова Г. И.</i> Теоретические аспекты психологического исследования мотивационной сферы основных субъектов образовательного процесса в вузе	22
<i>Грицаюк Д. С., Быкова Л. В.</i> Особенности перевода научно-технической литературы с немецкого языка на русский язык	25
<i>Демчук А. В.</i> Федеральная и региональная политика в сфере образования лиц с ограниченными возможностями здоровья	29
<i>Добродомова Т. М.</i> Роль художественного образования в сохранении национальных культурных традиций народов Севера	32
<i>Жилина А. А., Моор С. М.</i> Возможности использования моды в процессе создания привлекательного образа территории Севера России среди молодежи	35
<i>Задорожная А. В., Быкова Л. В.</i> Особенности перевода реалии в художественном тексте (на примере перевода романа Бернхарда Шлинка «Чтец» с немецкого языка на русский язык)	37
<i>Захаркина А. В.</i> К вопросу о новой парадигме образовательного процесса с учетом специфики непрерывного образования в условиях Севера	41
<i>Исламова Ю. В.</i> Европейская система языковой компетенции в исследовании функционального состояния языков (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)	45
<i>Карчина В. В.</i> К вопросу о народных знаниях восточных ханты	50
<i>Калашникова И. А.</i> Оппозиция «север» – «юг» в лирике Ф. И. Тютчева	54
<i>Кашилатова Л. В.</i> Структурно-семантические особенности текста хантыйской сказки «О сотворении Земли»	58
<i>Костюнина М. В.</i> Метафорический оценочный портрет Д. А. Медведева в дискурсе президентских выборов (2008 год)	61
<i>Лашко Ю. В., Главан А. А.</i> Сопоставительный анализ вербальных и невербальных средств коммуникации в публичном политическом дискурсе (на материале парламентских дебатов Великобритании)	65
<i>Лашманова В. Ф.</i> Технология мониторинга трудовой карьеры выпускников организаций профессионального образования	69
<i>Лезьер В. А.</i> Эстетика и мифология русского Севера в музыке Н. А. Римского-Корсакова	73
<i>Литовченко А. С.</i> Включение орнаментальных мотивов народов ханты в декоративную композицию, выполняемую студентами	77
<i>Мальцева Л. А.</i> Проектно-исследовательская деятельность как эффективное средство профессионального самоопределения школьников	80
<i>Морус Е. В.</i> Работа школьного пресс-центра в рамках проекта «Тром-Аганские звездочки» с целью сохранения родного языка (язык ханты, Сургутский диалект)	85

Муллер О. Ю. Социальное партнерство в инклюзивном образовании	88
Муллер О. Ю., Рассказов Ф. Д., Ротова Н. А. Основные направления адаптационных образовательных модулей в адаптированной образовательной программе высшего образования	91
Мустафина А. С. Особенности национальной музыкальной культуры Севера	94
Наконечный Н. В., Ибрагимова Д. В., Старикова Т. М. Методы поиска информации в сети Интернет для подготовки квалификационных работ студентов и аспирантов	97
Насырова Э. Ф., Руднева Р. И. Реализация системы интегративно-модульного обучения педагогами Ханты-Мансийского автономного округа	101
Николаева А. А. Английский язык в техносфере: организация курса и особенности преподавания	105
Одесский В. С., Таджибова А. Н. Лексические особенности юридических текстов	108
Ослина И. В. Изучение культуры и декоративно-прикладного искусства обско-угорских народов посредством информационно-коммуникативных технологий	112
Плеханова Н. П., Багешева Р. Р. Анализ ценностных ориентаций учащихся школ г. Сургута	116
Рассказов Ф. Д., Муллер О. Ю., Ротова Н. А. Проект «Создание инклюзивной образовательной среды в северном университете г. Сургута»	121
Рубцова К. Р. Сравнительный анализ перевода тропов с английского языка на русский язык на материале романа М. Брэдбери «Профессор криминале»	126
Савиных Л. Е. Дополнительное образование учащихся начальной школы на основе командной гимнастики	130
Савиных Л. Е. Моделирование учебно-тренировочного процесса по командной гимнастике в системе дополнительного образования учащихся начальной школы	133
Савченко Е. А. Концепт «Жизнь» в «Часослове» Райнера Марии Рильке	137
Сало В. Э., Курбанов И. А. Прагматическая адаптация при переводе метафор в художественном тексте (на примере произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ») и его перевода на английский язык)	139
Самсонова М. В. Традиционный праздник обских угров «Вороний день»: опыт ретрансляции в исторической перспективе	143
Симонова О. А., Ситникова А. Ю. Инновационные подходы к совершенствованию профессиональной компетентности учителей английского языка в ХМАО – Югре	146
Сироткина Т. А. Краеведческий компонент лингвистического образования	149
Ситникова А. Ю., Симонова О. А. Формирование социальной активности студентов университета средствами иноязычных интерактивных технологий (на примере клуба дебатов «Спикер»)	153
Соловьева Е. Н. Исследование познавательных процессов одаренных детей младшего школьного возраста	157
Сподина В. И. Разумность, мужество и честь в нравственном опыте обских угров и самодийцев	162
Ставрук М. А., Ибатова А. З. О роли лингво-гуманитарного и историко-культурного научно-образовательных кластеров в инновационном проекте «Кампус-Югра» ...	166
Таджибова А. Н. Метафорическая модель: компоненты и функции	171
Шибяева Л. В. Психологические основания подготовки студентов вуза к решению творческих социально ответственных профессиональных проблем	175

РАЗВИТИЕ СЕВЕРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

<i>Авимская М. А.</i> Жилищное обеспечение железнодорожных строителей на Тюменском Севере (середина 1960-х – середина 1980-х гг.)	182
<i>Алексеева Л. В.</i> История города Нижневартовска (о проекте кафедры истории России Нижневартовского государственного университета)	185
<i>Банникова Н. А.</i> Детская игровая культура русского старожильского населения Севера Западной Сибири в конце XIX – первой половине XX вв.	188
<i>Бобейко В. И.</i> Геополитические аспекты истории ХМАО – Югры в эпоху новейшего времени	191
<i>Давыдова А. О.</i> Книга на всеююзных ударных стройках Тюменского Севера в 1980-е гг.	194
<i>Ершов М. Ф.</i> Березов конца XVIII – начала XX вв. в советской историографии	197
<i>Задорожня О. А.</i> Правовой статус «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли»	201
<i>Иванов А. С.</i> Правовое пространство спецпоселения (на материалах Ханты-Мансийского округа)	207
<i>Исмаилов А. А.</i> Основные направления применения авиатранспорта и обеспечение безопасности его полетов в Тюменской области в 1960 – начале 1970-х гг.	212
<i>Кирилук Д. В.</i> Непростые сборы в школу: Реализация всеобщего обучения детей в школах Югры в 1945–1953 гг.	215
<i>Корнилов Г. Е.</i> Модернизация и население Ямала в конце XIX – начале XXI в.	219
<i>Кузьменко А. Ю.</i> Быт коренной семьи ХМАО в годы активного сселения и оседания	224
<i>Курносов В. В.</i> К вопросу о характере взаимоотношений тюркоязычных кочевников и угро-самодийского неземледельческого населения лесостепных и южно-таежных регионов Западной Сибири в период Раннего Средневековья	227
<i>Макулов В. И., Дроздов Н. И.</i> Проблемы сохранения археологического наследия северных территорий Красноярского края в условиях современного экономического развития	231
<i>Мантикова Э. К.</i> Дошкольные учреждения в социальном пространстве энергетиков в период нефтегазового освоения ХМАО (1960-е – начало 1990-х гг.)	236
<i>Постнов А. В., Басова Н. В.</i> Следы бронзолитейного производства в материалах раскопок на поселении Сырой Аган 1	241
<i>Приходько Ю. С.</i> Экологические риски проекта строительства Нижнеобской ГЭС на севере Западной Сибири в 1950–1960-е гг.	244
<i>Стась И. Н.</i> Гендер и женщина в динамике нефтегазовой урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960-е – начало 1990-х гг.)	248
<i>Сулейманов А. А.</i> Академия наук СССР и биологические исследования в Российской Арктике в 30-е гг. XX в.	253
<i>Цыбанков А. А., Постнов А. В., Кениг А. В., Ломов П. К.</i> Методические проблемы сохранения объектов археологического наследия, выявленных при проведении обследования технического состояния ОАН в Сургутском районе ХМАО – Югры	257
<i>Шаймиева Л. И.</i> Сургутские «лишенцы»	260
<i>Шуляк Е.В.</i> Из истории представительных и исполнительных органов власти Ханты-Мансийского округа – Югры: председатели окружного исполкома народных депутатов Яков Матвеевич Рознин (1896–1934) и Михай Яковлевич Савин (1912–1982) ...	265
<i>Сведения об авторах</i>	268

Дорогие друзья!

26–27 мая 2016 года в Сургутском государственном университете при поддержке Департамента образования и молодёжной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры состоялась II Всероссийская научно-практическая конференция «Север России: стратегии и перспективы развития», посвященная обсуждению социально-экономических, экологических, технологических, инфраструктурных, медицинских проблем и перспектив устойчивого развития северных территорий России.

На пленарном заседании прозвучали доклады, в которых подчеркивалась важность исследований вопросов, посвященных Северу. Учёные говорили о позиционировании России между Западом и Востоком, о региональной системе высшего образования Югры, участники конференции познакомились с направлениями работы Уральской инженерной школы как программы кадрового развития региона, с возможностями современных компьютерных архитектур. Эти актуальные проблемы вызвали живой научный интерес участников мероприятия и задали настроение активного обсуждения секционных докладов.

В работе конференции приняли участие более 500 ученых, представителей образовательных и научных учреждений, ведущих специалистов крупных предприятий из Москвы, Казани, Екатеринбурга, Новосибирска, Тюмени, Челябинска, Ханты-Мансийска, Сургута. В результате работы 15 секций, 5 круглых столов и семинара-практикума были намечены пути реализации научных исследований и перспективы развития таких направлений, как медицина, спорт, экология, электроэнергетика, информационные технологии, системная безопасность, язык, культура, образование, история.

Уверены, что обсуждение актуальных тем, связанных с Севером и Арктикой, продолжится в мае 2017 года на III Всероссийской научно-практической конференции «Север России: стратегии и перспективы развития».

Желаем учёным успехов в развитии и реализации научных идей и проектов, продуктивных встреч на научных площадках и плодотворного сотрудничества как с научным, так и с бизнес-сообществом России.

*С уважением
оргокомитет конференции*

СЕВЕР РОССИИ: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

371.2.018.432:004

Андреева О. В.

Andreeva O. V.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

MODERN APPROACHES OF DISTANCE LEARNING ORGANIZING IN SCHOOL IN RUSSIA AND ABROAD

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы организации дистанционного обучения и его роли в образовательной политике в странах Западной Европы, Великобритании и США. Представлен анализ использования дистанционных технологий в системе общего образования в России.

Ключевые слова: дистанционное обучение, дистанционные технологии, web-технологии, информационно-образовательная среда.

В настоящее время в мире накоплен определенный положительный опыт реализации систем дистанционного обучения.

Единственным средством дистанционного образования первого поколения был написанный от руки или печатный материал. Начиная с середины XIX века с развитием железнодорожной системы и сети почтовой службы появилась возможность осуществлять доставку учебно-методических материалов большему числу учеников [1]. Внедрение радио в 20-е годы XX века привело к формированию радиокурсов, состоящих из серии бесед [7]. Как правило, такие курсы дополнялись печатными материалами и аудиторными занятиями. В 50-е годы бурное развитие получили телевизионные курсы, сочетающиеся с изучением пособий, аудиторными занятиями и экзаменационным контролем.

Создание Открытого университета в Великобритании в 1969 году обозначило собой начало второго поколения [2]. С этого периода в дистанционном образовании впервые начал использоваться комплексный подход к обучению с использованием всего разнообразия средств при преобладающем положении печатных материалов. В рамках Открытого университета было разработано большое число разнопрофильных учебных пособий, специально предназначенных для дистанционного обучения. Контакт учебного заведения и студента происходил через печатный материал, дополняемый радио- и телепередачами, в ряде случаев использовались очные консультации.

Третье поколение дистанционного образования непосредственно связано с активным использованием информационных и коммуникационных технологий. Оно предлагает двухстороннюю связь в самых разных формах (текст, графика, звук, анимация) с использованием электронной почты, Интернета или телеконференций. Появившиеся технические возможности могут применяться в качестве дополнения к курсам первого и второго поколения либо использоваться самостоятельно. В любом случае они позволяют облегчить взаимодействие между наставником и учеником, между учеником и учеником, а также между учеником и различными типами электронных образовательных ресурсов.

Анализ эволюции дистанционного образования наглядно свидетельствует о его адекватности новым потребностям общества и релевантности в самых разных странах мира. Методы организации дистанционного обучения менялись с появлением новых технологий, и теперь можно говорить о трех этапах или поколениях дистанционного образования.

Дистанционная форма обучения в Западной Европе имеет более чем 40-летнюю историю развития [4]. За это время западные дистанционные учебные заведения успешно отработали технологию данного обучения, а именно:

- модульный принцип разработки учебных материалов и методов обучения;
- систему подготовки тьюторов или учебных представительств в наиболее перспективных районах дистанционного обучения;
- принципы построения оперативной связи обучающихся с учебным заведением;
- гибкую систему оплаты обучения, удобную для обучающегося и учебного заведения;
- набор специальностей для обучения, ориентированный на популярные конкурентоспособные профессии;
- учебную программу, которая гарантировала бы возможность получения образования в соответствии с дипломом, имеющим соответствующую котировку на рынке труда.

В связи с тем, что дистанционное обучение в последние годы приобретает все большую популярность, возникает необходимость в стандартизации подходов к созданию курсов дистанционного обучения. В связи с этим Министерство обороны США и Департамент политики в области науки и технологии Администрации Президента США в ноябре 1997 г. объявили о создании инициативы ADL (Advanced Distributed Learning). Целью создания данной инициативы является развитие стратегии, проводимой Министерством обороны и правительством, в области модернизации обучения и тренинга, а также для объединения высших учебных заведений и коммерческих предприятий для создания стандартов в сфере дистанционного обучения. Создание стандарта SCORM является первым шагом на пути развития концепции ADL, так как данный стандарт определяет структуру учебных материалов и интерфейс среды выполнения [3]. Благодаря этому учебные объекты могут быть использованы в различных системах электронного дистанционного образования. SCORM описывает эту структуру с помощью нескольких основных принципов, спецификаций и стандартов, основываясь при этом на других уже созданных спецификациях и стандартах электронного и дистанционного образования. Модель учебного материала включает в себя: Asset – элемент, Sharable Content Object (SCO) – разделяемый объект учебного материала и Content Organization – организацию учебного материала. В процессе работы над SCORM было сформулировано несколько требований ко всем системам, которые будут разрабатываться в соответствии с данным стандартом. Они известны как «ilities» ADL («возможности» или «способности» ADL) и формируют основу для изменений и дополнений SCORM.

Дистанционное обучение в Великобритании – популярный метод, который чаще используется для получения специального и высшего образования [5]. Среди школьников оно не слишком распространено, применяется в особых обстоятельствах, например, в случаях, когда ученики по тем или иным причинам не посещают школу. Сюда входят не только дети с ограниченными физическими и умственными возможностями, но и те, чьи родители предпочитают обучать их дома.

Существует ряд организаций, которые устраивают занятия в режиме онлайн. Наиболее часто возникающая ситуация, когда ученики прибегают к дистанционным репетиторам, связана с нехваткой ресурсов в школах, которые они посещают.

Например, программа Further Mathematics Support Programme получает средства от Министерства образования Британии. Она предлагает поддержку школьникам, которые хотят изучать математику повышенной сложности – этот предмет входит в школьную программу, по нему сдают экзамены. Три года назад в программе начали применять онлайн-методики и теперь занимаются этим в широких масштабах. Каждый год на уроки записывается около двухсот школьников. Проходят они, как правило, следующим образом. Раз в неделю после школы ученики встречаются в режиме онлайн со своим преподавателем. В группе обычно четыре-пять, реже шесть человек. Занятия достаточно интенсивные. Используется специальный пакет программ Shared Whiteboard или «Общая классная доска». Преподаватель пишет на этой виртуальной доске, одновременно говоря в микрофон; ученики могут задавать

вопросы либо через микрофон, либо набирая их на клавиатуре. Школы регистрируются бесплатно, и желающим ученикам предоставляется возможность заниматься в режиме онлайн. Программа по дистанционному обучению математике рассчитана не только на старшеклассников, но и на 17–18-летних подростков, которые выбрали соответствующую специальность и готовятся к поступлению в университет. Поддержка предоставляется и школьникам от 11 до 16 лет, занимающимся по программе школы второй ступени. Обязательный курс математики для учеников британских школ заканчивается в 13–14 лет, после чего дети могут выбрать из ряда предметов те, которые понадобятся им в будущем, и заниматься только ими.

Первые шаги в направлении применения дистанционных технологий при обучении школьников в России стали появляться на рубеже XX–XXI веков. Датой официального развития дистанционного образования можно считать 30 мая 1997 года, когда вышел приказ № 1050 Минобразования России, позволяющий проводить эксперимент в сфере дистанционного образования. Это было связано в первую очередь с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, а также с появлением альтернативных форм получения образования. Появление интернета стало решающим фактором для возникновения Виртуальных школ, которые предлагают образовательные модули по предметам общеобразовательной школы. За последнее десятилетие в России было создано несколько интернет-школ, которые, к сожалению, лишь на платной основе осуществляют получение полного общего образования с применением дистанционных технологий. Лишь совсем недавно, в конце первого десятилетия XXI века в программы развития многих общеобразовательных учреждений включено создание и использование учебно-методических комплектов для дистанционного обучения.

В настоящее время в России можно найти много интересных примеров реализации дистанционных образовательных технологий. Дистанционное обучение школьников осуществляет интернет-школа «Просвещение.ru» [6]. Некоммерческое партнерство «Телешкола» представляет первую в России лицензированную и аккредитованную интернет-школу, имеющую официальный статус среднего общеобразовательного учреждения и прошедшую все ступени государственной экспертизы [6]. Компанией разработана комплексная система дистанционного обучения, размещенная в пространстве Интернета. В ней содержатся все необходимые учебные материалы, система коммуникаций между учащимися и сетевыми учителями, технические средства учета успеваемости и многое другое.

С 2007 по 2010 год МБОУ СОШ № 18 имени В. Я. Алексеева являлась окружной экспериментальной площадкой по внедрению дистанционных технологий в процесс обучения детей с ограниченными возможностями здоровья в ХМАО – Югре. Целью внедрения данного проекта является обеспечение доступности, качества и эффективности образовательных услуг как базового, так и дополнительного образования для детей с ограниченными возможностями здоровья на основе системного внедрения и активного использования информационно-коммуникационных технологий. Использование технологии дистанционного обучения является возможностью обучаться в удобном для ребёнка месте по индивидуальной образовательной траектории в информационной образовательной среде с удаленным на значительное расстояние учителем, при этом имея постоянный контакт с ним. Для дистанционного обучения выбрана образовательная платформа государственного образовательного учреждения Центра образования «Технологии обучения» (I – школа) [8]. Сетевым преподавателям, организующим образовательный процесс, предоставляется авторизованный доступ к специализированным образовательным ресурсам посредством компьютерной системы (платформы) дистанционного образования с правами педагога-предметника. Рабочие места учителей оснащаются комплектом оборудования и обеспечиваются доступом в Интернет в общеобразовательном учреждении.

Таким образом, можно прийти к выводу, что организация дистанционного обучения в общеобразовательной школе полностью соответствует основным принципам, заложенным в концепцию развития образования в России, и часто является единственным и оптимальным способом, позволяющим детям с особыми образовательными потребностями получить каче-

ственное среднее образование. Разнообразие моделей организации дистанционного образования в общеобразовательной школе дает возможность выбрать наиболее удобные формы организации, соответствующие как техническому уровню обеспечения, так и образовательным потребностям учащихся.

Литература

1. Баканова Е. Дистанционное обучение: международный опыт. URL: http://www.snews.ru/reviews/free/national2007/articles/remote_training.shtml (дата обращения: 20.04.2016).
2. Бережная С. В. Педагогический опыт: теория, методика, практика // Сб. материалов II Междунар. науч.-практич. конференции. Чебоксары. 2015. URL: <http://www.konf.x-pdf.ru/19pedagogika/247038-27-pedagogicheskiy-opit-teoriya-metodika-prak-tika-sbornik-materialov-mezhdunarodnoy-nauchno-prakticheskoy-konferencii-chebok.php> (дата обращения: 20.04.16).
3. Все о дистанционном обучении. URL: http://dstudy.ru/scorm_into/ (дата обращения: 20.04.16).
4. Мадыханова К. А. Проблемы реализации дистанционной технологии обучения в учебный процесс вуза // материалы республик. науч.-метод. конференции «Инновации в образовании: развитие научно-методического потенциала высшей школы». Алматы. 2012.
5. Современная школа России. URL: http://www.owc.ru/news_2011-12-29.php (дата обращения: 20.04.16).
6. Телешкола. Дистанционное образование. <http://www.internet-school.ru> (дата обращения: 20.04.16).
7. Шайденко Н. А. Дистанционное образование детей-инвалидов: учеб. пособие / под ред Ж. Е. Фомичева, В. Н. Андреева, О. Н. Антонова и др. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2010.
8. I-Школа. официальный сайт. URL: <http://cotg.mskobr.ru/> (дата обращения: 20.04.16).

УДК 378. 147: 811.111

Вдовиченко Л. В.
Vdovichenko L. V.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

REGIONAL MODULE IN LEARNING ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES AT MODERN UNIVERSITY

В статье рассматриваются вопросы обучения английскому языку для специальных целей, также обосновывается актуальность разработки этнолингводидактического сопровождения к базовым учебникам по английскому языку для студентов неязыковых направлений, проводится анализ ряда учебно-методических пособий.

Ключевые слова: региональный компонент, методические принципы, межкультурная компетенция.

Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 309-ФЗ была утверждена новая структура ФГОС ВПО третьего поколения, согласно которой высшее образование должно вырабатывать у студентов общекультурные и профессиональные компетенции. Внедрение новых образовательных стандартов было обусловлено рекомендациями Болонского процесса и участием России в организации общеевропейского образовательного пространства. В ФГОС

ВПО третьего поколения отсутствует деление на федеральный, национально-региональный и вузовский компоненты, так как стандарт является федеральным. Но в каждом цикле с целью сохранения актуальных для вузов компонентов образовательных программ установлены базовая и вариативная части. Вариативная часть дает возможность расширения и углубления знаний, умений, навыков и компетенций, определяемых содержанием базовых дисциплин или модулей и дисциплин специализаций, она «формируется участниками образовательного процесса» [1, с. 4]. Федеральный компонент стандарта обеспечивает единство образовательного пространства в стране, включает образовательные области и базовые предметы общенационального и общекультурного значения и является обязательной частью содержания образования, национально-региональный компонент – это часть содержания образовательного процесса, отражающая национальное или региональное своеобразие культуры, реализуемая в вариативной части ФГОС [2].

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра относится к тем регионам России, на территории которого проживают представители более 100 наций и народностей. Свообразием региона является синтез различных национальных культур и религий. Соответственно, включение регионального компонента в процесс обучения английскому языку для специальных целей предполагает отбор содержания, методов, средств и форм обучения с учётом социально-экономической, культурной, исторической, этнической специфики региона.

В настоящее время теории и практики обучения профессионально-ориентированному языку широко используют термин-аббревиатуру ESP (English for Specific Purpose) [3, с. 748]. Основная цель обучения ESP – научить студентов неязыковых направлений владеть иностранным языком на уровне, позволяющем осуществлять повседневное общение и профессиональную деятельность в иноязычном мире. Преподавание иностранного языка для специальных целей требует специальных методик и их совершенствования. Так, одной из наиболее активно используемых методик выступает проблемное обучение и применение кейс-метода. Современный подход к обучению специалистов неязыковых направлений предполагает формирование у студентов способности общения на иностранном языке в той или иной сфере с учетом особенностей профессионального мышления, применение иностранного языка для проведения деловых бесед, участия в научных конференциях. При этом общение может быть как официальным, так и неофициальным, проходить в группе или индивидуально, в виде ролевых игр по обсуждению договоров, составлению деловых писем. Формирование и развитие таких способностей становится главным отличием профессионально-ориентированного обучения иностранному языку от обучения для общих целей. Однако нельзя сказать, что обучение ESP сводится только к изучению профессионального языка, напротив, оно направлено на объединение специальных знаний из профессиональных дисциплин.

Исходя из вышесказанного, для лучшего освоения и применения студентами ESP необходимо следующее: увлеченность и интерес студентов к изучаемому языку, коммуникативная и компетентностная направленность процесса обучения, творческий подход к выбору методик преподавания, создание благоприятной психологической среды для овладения устной речью на иностранном языке, профессиональная компетенция преподавателя в области преподаваемого ESP. Соответственно, обучение студентов английскому языку в профессиональной сфере (ESP) требует как нового подхода в методике преподавания, так и нового взгляда на содержание обучения. При изучении ESP студенту необходимо овладеть межкультурной компетенцией страны изучаемого языка. Таким образом, профессионально-ориентированное обучение иностранному языку имеет своей целью формирование личности будущего специалиста, который на протяжении своей трудовой деятельности обладает активной жизненной позицией и профессиональными знаниями на иностранном языке, позволяющими ему стать специалистом международного уровня.

Использование регионального компонента соответствующего ФГОС ВПО представляется наиболее перспективным в рамках получения студентами неязыковых направлений профессионального образования.

В 2011–13 гг. коллективом преподавателей кафедры иностранных языков Сургутского государственного университета ХМАО – Югры был разработан цикл учебно-методических пособий, представляющих собой этнолингводидактическое сопровождение к базовым учебникам по иностранному (английскому) языку для студентов неязыковых направлений. Актуальность разработки данного цикла была обусловлена:

- возрастающими требованиями к уровню овладения иностранным языком и межкультурной коммуникацией студентами неязыковых направлений современного вуза;
- повышенным интересом к поиску эффективных средств обучения иностранному языку и межкультурной коммуникации;
- отсутствием учебно-методических и учебных пособий для внедрения регионального компонента в нашем регионе и нашем вузе.

Исходя из общедидактических требований к процессу обучения иностранным языкам в вузе, при разработке цикла использовались определенные методические принципы, к примеру, принцип междисциплинарности, систематичности, тематичности, компаративности, технологизации, когнитивности и толерантности.

• *Принцип междисциплинарности*, согласно которому использование краеведческих материалов подразумевает связь с другими дисциплинами вузовской программы (политология, история, культурология, региональная экономика и др.), их группировку и концентрацию в контексте решаемых задач;

• *Принцип систематичности*, который состоит в целенаправленном, запланированном характере использования краеведческих материалов на разных этапах обучения иностранному языку;

• *Принцип тематичности*, предполагающий разработку соответствующих материалов к каждой теме базовых учебников по английскому языку для студентов неязыковых направлений;

• *Принцип компаративности*, предполагающий своеобразное «соизучение» языков и культур, включающий в себя предьявление и использование наряду с краеведческими материалами материалы страноведческого характера (стран изучаемого языка);

• *Принцип технологизации*, предполагающий использование соответствующих образовательных технологий, активизирующих способность студентов моделировать «условно реальную» коммуникацию в искусственных условиях;

• *Принцип когнитивности*, предполагающий познание студентами в процессе обучения посредством краеведческого материала новых сведений, нового знания;

• *Принцип толерантности*, способствующий развитию у студентов способности понимать и воспринимать культуры других этносов, народов, религий.

Данный цикл состоит из трех пособий: «Faces of Russia», «Focus on Ugra», «Surgut at a Glance» и является элементом реализации регионального компонента при обучении иностранному языку в вузе. Особенностью каждого из пособий является богатый фактический материал печатных и электронных СМИ страны, региона, города. Учебно-методическое пособие «Faces of Russia» отражает важнейшие стороны жизни современной России. Составители данного учебно-методического пособия старались учесть как лингвострановедческие, так и структурно-смысловые особенности текстов по темам «Political System», «Economy», «Social Profile», «Science and Technology», «Mass Media», «Religions», «Holidays and Traditions», «Arts». Учебно-методическое пособие «Focus on Ugra» составлено на основе актуального аутентичного материала, направленного на формирование навыков чтения, говорения и письма по темам «Okrug and People», «Economic Profile», «Education and Culture», «Tourism and Attractions», освещающим политические, экономические, культурные аспекты жизни в современной Югре. Лексический и грамматический материал, подобранный авторами учебно-методического пособия «Surgut at a Glance» с учетом информативно-познавательной ценности, отражает реалии современной жизни Сургута и Сургутского района.

Система предтекстовых и послетекстовых упражнений, использованных в учебно-методических пособиях, способствует устранению языковых и смысловых трудностей, расширению словарного запаса, развитию речевой, языковой и страноведческой компетенции студентов неязыковых направлений, что и является целью настоящего учебно-методического цикла.

В 2013 г. коллектив авторов стал дипломантом II Международного конкурса учебно-методической, учебной и научной литературы, изданной в 2012/2013 гг., «Золотой корифей». Конкурс «Золотой корифей» проводится Международным исследовательским центром «Научное сотрудничество» (г. Ростов-на-Дону).

В 2015 г. коллектив авторов учебно-методического пособия «Focus on Ugra» стал победителем международного методического конкурса по проблеме преподавания английского языка «World of Teaching» в номинации «учебно-методические пособия».

Литература

1. Володарская А. А., Станулевич О. Е. Определение специфики и целей использования вариативной части основных профессиональных образовательных программ // Научные исследования в образовании. 2011. № 6. С. 3–8.

2. Разработка национально-региональных компонентов государственных образовательных стандартов : материалы семинара-совещания руководителей органов управления образования России. М., 1996. С. 198.

3. Шаимова Г. А. ESP (English for Specific Purpose – английский для специфической цели) или профессионально ориентированное обучение английскому языку // Молодой ученый. 2013. № 6. С. 748–749.

УДК 316.77:81'276.2:316.62

*Вдовиченко Л. В., Сергиенко Н. А.
Vdovichenko L. V., Sergienko N. A.*

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОСКОРБЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА СУРГУ)

VERBAL AGGRESSION AS MEAN OF ABUSE (LINGUISTIC RESEARCH CASE STUDY OF SURGUT STATE UNIVERSITY SCIENTIFIC-EDUCATIONAL LINGUISTIC CENTRE)

В статье рассматриваются вопросы выражения оскорбления посредством вербальной агрессии, определяются ее разновидности, также приводятся примеры лексов агрессии из лингвистических исследований, проведенных специалистами научно-образовательного лингвистического центра СурГУ.

Ключевые слова: вербальная агрессия, лексы агрессии, оскорбление.

Попытки определения понятия «вербальная агрессия», его систематизации и классификации предпринимаются давно. По мнению Ю. В. Щербининой, «...сложность определения понятия «вербальная агрессия» заключается, прежде всего, в том, что данный феномен нельзя считать единой формой поведения, отражающей какое-то одно побуждение. Этот термин употребляется применительно к самым разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по мотивации, ситуациям проявления, формам словесного воплощения, интенциональной направленности, и потому не может быть исчерпывающе определен посредством таких обобщенных понятий, как “патогенная коммуникация”, “негативное речевое

воздействие”, “грубость речи” и т. п.» [8, с. 14]. При проведении лингвистических исследований под вербальной агрессией понимается форма агрессии в виде причинения психологического вреда с использованием преимущественно вербальных компонентов речи (инвектива, оскорбления и т. п.) и используется классификация вербальной агрессии, предложенная психологом А. Бассом. Он в 1976 г. предложил 4 разновидности агрессии слова:

1) вербальная активная прямая (прямое непосредственное вербальное оскорбление или унижение адресата);

2) вербальная активная непрямая (распространение злостной клеветы или сплетен о третьем лице);

3) вербальная пассивная прямая (отказ говорить с адресатом). В этом случае адресант намеренно сохраняет молчание, чтобы показать свою агрессивную настроенность по отношению к адресату: адресант недостоин того, чтобы получить ответ;

4) вербальная пассивная непрямая (отказ дать определенные словесные пояснения или объяснения, высказаться в защиту незаслуженно критикуемого человека) [1, с. 29].

Вербальная агрессия выражается, как показывают лингвистические исследования, при помощи лексов агрессии. Лексы агрессии – слова и словосочетания, служащие для выражения агрессивности в письменной или устной речи. Лексы используются для реализации потенциала агрессивности в символической форме, поскольку являются вербальными или текстуальными символами. Существует несколько наиболее распространенных категорий лексов, используемых в конфликтной ситуации:

- ненормативная лексика по отношению к адресату;
- необоснованные обвинения;
- любые слова с измененной интонацией, демонстрирующие агрессивные намерения субъекта;
- провокационные оценки индивида и преувеличенные суждения о его недостатках;
- заведомо неприятные слова, выражающие сомнения относительно интеллектуальных или физических способностей адресата;
- неуместные сравнения адресата и его близких с животными, предметами материального мира;
- слова, выражающие оценку собственных чувств, вызванных другим человеком;
- угрозы и проклятия.

Лингвистические исследования указывают на употребление таких лексов агрессии, как зоометафоры или зоосемизмы/зооморфизмы. Под зоосемизмом/зооморфизмом понимается использование названия животного в переносном значении. Негативно-оценочный компонент является неотъемлемой частью лексического значения зоометафор, поскольку говорящий, используя для наименования человека название животного, считает его, возможно, стоящим на менее высокой эволюционной ступени: «*черные крысы*», «*Кавказ и страны Азии как Таджикистан, Узбекистан и прочие – это естественный вольер с приматами. Вы все приматы, озорные обезьянки*». В текстах исследований реплики воспроизводятся дословно, с сохранением орфографии, синтаксиса и пунктуации анализируемого языкового материала.

КРЫСА – 2. О человеке, род занятий, деятельность которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное, жалкое; отмечается также со значением «предатель».

Данное слово представляет собой ярко выраженную зоосемантическую метафору. Существительное «*крыса*» выражает негативную оценку человеческих качеств либо рода занятий обозначаемых лиц, рассматривается как инвективное языковое средство, адресное употребление которого является потенциально оскорбительным для человеческого достоинства обозначаемого лица, безотносительно к его национальной принадлежности. В данном контексте национальная принадлежность выражается путем использования атрибутива «*черные*».

ПРИМАТЫ (лат. *Primates*, фр. *Primat*, от *primas*, букв. «первые») – один из наиболее прогрессивных отрядов плацентарных млекопитающих, включающий, в том числе, обезьян и человека.

В лингвистических исследованиях также отмечено наличие экспрессивной лексики (слова, выражающие неодобрение, пренебрежение, фамильярность и т. д.) и оценочной лексики, используемой для прямой авторской оценки событий, явлений, предметов: «гнида черножопая», «тварь черножопая», «быдло черножопое», «Вы русские далбаебы».

БЫДЛО – *ср.* 1. Рабочий рогатый скот. 2. *перен.* Люди, выполняющие тяжелую работу и занимающие низкое социальное положение. 3. *разг.-сниж.* Духовно неразвитые, бесслесно покорные люди, подчиняющиеся чужой воле и позволяющие себя эксплуатировать. 4. Употребляется как порицающее или бранное слово [7].

ГНИДА – *ж.* 1. Яйцо вши. *м. и ж.* 2. *разг.-сниж.* Ничтожный человек. 3. Употребляется как порицающее или бранное слово [7].

ТВАРЬ – *ж.* 1. Любое живое существо. 2. *разг.-сниж.* Подлый, мерзкий, отвратительный, презираемый человек. 3. Употребляется как порицающее или бранное слово [7].

Бранные, просторечные выражения, зафиксированные в данных контекстах, являются эмоционально окрашенными, в которых проявляется негативная коннотация (оценка).

Как показывают результаты лингвистических исследований, в материалах, представляемых на исследование, содержится инвективная, а именно обценная лексика, оскорбительные ненормативные этнонимы и неофициальные топонимы: «чурбан», «черный», «грязные жиды», «Хороший чурка – ползающий чурка», «гнида черножопая», «бей чурбанов, трави их собаками», «рашисты», «русня», «Чуркистан», «хачастан», «Хохляндия», «эрэфия». Следует отметить, что «в основе инвективного общения лежит стремление понизить социальный статус адресата или уровень его самооценки, нанести моральный урон. Во вторую очередь, через оскорбление и обиду может преследоваться практическая цель – добиться изменения поведения адресата» [2, с. 23].

В соответствии с материалами, рекомендованными для использования при проведении экспертных исследований гильдией лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, оскорбительную, или инвективную, лексику и фразеологию составляют слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценке, оскорбление личности адресата, интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речью [5].

Используя дефиниционный метод, предназначенный для анализа значений отдельных единиц текста и их представления в лексикографических источниках, определим толкование ненормативных этнонимов:

ЖИД – *І м.* *разг. сниж.* Название еврея (обычно с оттенком пренебрежительности). *ІІ м.* 1. *разг. сниж.* Жадный человек; скряга. 2. Употребляется как порицающее или бранное слово.

ЧУРКА – *жс.* 1. Короткий обрубок, кусок дерева или металла. 2. *разг.-сниж.* Бесчувственный человек. 3. Употребляется как порицающее или бранное слово. Глупый, тупой человек. 4. Житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

ХАЧ – *м.* *Т. н.* «лицо южной национальности», кавказец; *м.* *жарг.* Азербайджанец.

ЧЕРНЫЙ – *уничижительное, презрительное, разговорно-сниженное.* О людях с темным, смуглым цветом кожи; о кавказцах или о выходцах из некоторых азиатских стран. Субстантивированное прилагательное «черный» используется в значении «кавказец», «житель Кавказа или Средней Азии» (*пренебрежительное*); «прозвище кавказца». В Толковом словаре русского общего жаргона квалифицируется как *грубое, презрительное, насмешливое, уничижительное.* Отнесенность данного слова к жаргонной лексике свидетельствует о его стилистической сниженности. Пометы *уничижительное, презрительное, пренебрежительное, грубое, презрительное, насмешливое* фиксируют присущую существительному «черный» в указанных значениях негативно оценочную составляющую. Объектом негативной оценки выступает обозначаемый данными словами человек как представитель определенной этнической группы.

ЧЕРНОЖОПЫЙ – м. 1. Негр. 2. Т. н. «лицо южной национальности» (кавказец или житель Средней Азии). 3. «Черный» + «жопа»; синоним «чернозадый» в значении существительного. 4. *Вульг. пренебр.* Прозвище кавказцев; в знач. суц. м. *груб.-прост., пренебр.* Чернокожий, негр.

ЧУРБАН – 2. *Бранно.* О бестолковом, глупом или чёрством человеке. Существительное «чурбан» используется в значении «оскорбительное наименование жителя Средней Азии и Закавказья», а также как «житель Кавказа, Средней Азии» (*пренебрежительное*).

Лексикографические источники указывают на стилистическую сниженность данного слова. Пометы *бранно, бранное, пренебрежительное, грубое* фиксируют присущую существительному «чурбан» в указанных значениях негативно оценочную составляющую. Объектом негативной оценки выступает обозначаемый данными словами человек.

Этноним «*рашисты*» образован от ненормативного топонима «Раша» калькированием с английского языка «Russia» (Россия). Суффикс -ист- образует существительные со значением лица по принадлежности к учреждению, профессии, определенному общественному направлению.

Этноним «*русня*» образован при помощи суффикса -н-. Суффикс -н- – словообразовательная единица, образующая имена существительные со значением «группа лиц, названных мотивирующим именем существительным», присоединяется к усеченной до корня основе слова «русский». Слова, образованные по такой модели, приобретают пренебрежительный или даже презрительный оттенок, поскольку собирательность исключает восприятие членов группы по отдельности. Говорящий негативно воспринимает группу в целом и тем самым дискриминирует ее.

Данные оскорбительные слова классифицируются под названием *национал-инвективы*. Данный термин прямо указывает на функцию ненормативных этнонимов в речи: *инвектива* – в узком смысле слова способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной (под)группе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе инвективой можно назвать вербальное (словесное) нарушение этического табу, осуществленное неcodифицированными (запрещенными) средствами [6].

В материалах, представляемых на исследование, содержатся неофициальные топонимы «*Чуркистан*», «*хачастан*», «*Хохляндия*», «*эрэфия*».

Лексема «*Чуркистан*» (*презрительное* – помета в лексикографических источниках о странах Средней Азии) представляет собой словообразовательный производный топоним: Чурки + стан (усечение основы топонимов Таджикистан либо Туркменистан либо любых других топонимов с подобными усеченными основами). Лексема «*хачастан*» также представляет собой словообразовательный производный топоним: хач + стан (усечение основы топонимов Таджикистан, либо Туркменистан, либо любых других топонимов с подобными усеченными основами). Семантическая мотивация образования данных неофициальных топонимов используется для принижения и имеет явно презрительную оценочность. Топоним «*Хохляндия*» представляет собой разговорное, сниженное или шутовское название Украины. Топоним «*эрэфия*» образован от аббревиатуры «РФ» и представляет собой словообразовательно производный топоним, не мотивированный этническим стереотипом, используемый уничижительно.

Таким образом, оскорбление – любое слово или выражение, содержащее обидную характеристику адресата. При оскорблении «коммуникативное давление на личность происходит через воздействие на ее ценностную сферу» [3, с. 12], т. е. используя вербально-агрессивный акт оскорбления, адресант завоевывает доминирующее положение. Намеренное оскорбление – это сознательно направленная вербальная агрессия, адресат целенаправленно подбирает слова для принижения и выражения явно презрительной оценочности. Как показывают результаты лингвистических исследований, вербальная агрессия может быть открытой или скрытой. Открытая вербальная агрессия проявляется явным намерением причинить коммуникативный урон адресату, «иллокутивная цель говорящего непосредственно мани-

фестируется» [4] и выражается в очевидных унижительных формах (ругательства, оскорбления). Скрытая вербальная агрессия – это систематическое и уничижительное давление на адресата, но без открытого проявления враждебных эмоций.

Литература

1. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб. : Питер, 2001. 352 с.
2. Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М. : Ладомир, 2001. 349 с.
3. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для университетов и институтов. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.
4. Кобозева И. М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/08.htm> (дата обращения: 20.04.16).
5. Понятие чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М. : Медея, 2004. 328 с.
6. Поляков А. Ненормативные этнонимы в русском языке. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 137 с.
7. Толковый словарь современного русского языка /под ред. В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной. М. : Эксмо, 2008. 928 с.
8. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М. : КомКнига, 2006. 360 с.

37.04-053"465.06/.11"

*Гарипова З. Ф.
Garipova Z. F.*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПА ВОСПРИЯТИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

PRECEPTION TYPE DEFINITION OF ELEMENTARY SCHOOL PUPILS LEARNING MATERIAL

В статье представлена взаимосвязь восприятия учебного материала с уровнем познавательного развития младших школьников. Подчеркивается необходимость дифференцированного обучения в соответствии с типом восприятия. В исследовании принимали участие учащиеся 3-х классов общей численностью 48 человек МБОУ НШ № 30 г. Сургута.

Ключевые слова: младший школьник, восприятие, ведущая модальность, дифференцированное обучение.

Концепция модернизации образования предусматривает необходимость учета интересов, потребностей и возможностей участников образовательного процесса. В ней отмечается, что современная общеобразовательная школа должна характеризоваться завершенностью, практико-ориентированной направленностью, регионализацией, индивидуализацией, вариативностью, уровневой и профильной дифференциацией.

Главная цель школы – способствовать умственному, нравственному, эмоциональному и физическому развитию личности, всемерно раскрывать её творческие возможности, формировать основанное на общечеловеческих ценностях мировоззрение, гуманистические отношения, обеспечивать разнообразные условия для расцвета индивидуальности ребёнка с учётом его возрастных особенностей, – это личностно-ориентированное образование. Всякое

обучение по своей сущности есть создание условий для развития личности. Личность – это психическая, духовная сущность человека, выступающая в разнообразных обобщенных системах качеств. Личностно-ориентированное образование ориентировано на ученика, на его личностные особенности, на культуру, на творчество как способ самоопределения человека в культуре и жизни [2].

Актуальность исследования заключается в том, что важность дифференцированного обучения по особенностям восприятия в начальной школе обусловлена тем, что у ребёнка ещё недостаточно развиты адаптационные механизмы. Дети не знают особенностей своего восприятия и не могут самостоятельно выбрать лучший способ познавательной деятельности. Основная идея дифференцированного обучения по особенностям восприятия детей младшего школьного возраста состоит в том, что важно не только приспособиваться к особенностям ребёнка, но и научить детей пользоваться своим ведущим каналом восприятия и переводить информацию из одной системы в другую.

Несмотря на то, что в педагогике достаточно подробно изучены различные формы дифференциации, психофизиологические особенности личности, в частности восприятие информации, как основание для дифференциации выделяют редко. Значимость процесса учёта особенностей восприятия информации учащимися для современного образования и недостаточная её изученность в педагогической науке определяют актуальность выбранной темы исследования «Дидактические условия дифференцированного обучения младших школьников (по особенностям восприятия учебного материала)».

Цель: исследование типа восприятия учебного материала младших школьников.

Исследование проводилось в параллели третьих классов МБОУ НШ № 30 г. Сургута. В исследовании принимали участие учащиеся 3-х классов общей численностью 48 человек. Сначала был выявлен уровень познавательных способностей учащихся двух параллельных классов при помощи теста «Определение уровня интеллекта у младших школьников». Затем был определен ведущий тип восприятия с помощью наблюдения, методики на определение ведущей модальности, теста «Ваш способ восприятия», анкеты «Определение полимодальности восприятия» и теста «диагностика доминирующей перцептивной модальности С. Е. Ефремцева».

В определении тестовых методик мы основывались на понимании нейролингвистического программирования (НЛП) основных процессов восприятия информации: любой стимул из внешнего мира улавливается анализаторами, переводится во внутренний (интериорируется), перерабатывается (соотносится с имеющейся внутренней репрезентацией, видоизменяется, структурируется и т. д.), хранится и в нужный момент снова поступает (выводится) во внешний мир. Весь этот процесс имеет глубинную нейрофизиологическую обусловленность, поэтому процессы репрезентации отражаются в речи (сенсорные предикаты) и микрофизиологии (дыхание, мускульное напряжение, глазодвигательные реакции и т. д.).

Ниже хотелось бы изложить некоторые из использованных в процессе исследования методик.

Тест «Определение уровня интеллекта у младших школьников».

Цель: проверить уровень интеллекта у младших школьников.

Результаты использования методики показали, что учащиеся в параллели третьих классов практически не различаются по уровню интеллекта. В обоих классах собрался хороший контингент детей, у которых познавательные способности находятся на хорошем уровне (табл. 1).

Таблица 1

Уровень интеллекта у младших школьников

Уровень интеллекта	I группа третьеклассников		II группа третьеклассников	
	количество	%	количество	%
Исключительный	–	–	–	–
Отличный	–	–	–	–
Высокий	7	29	5	20,5
Хороший	13	54	14	58
Средний	3	12,5	3	12,5
Низкий	1	4,5	2	9

Тест на определение репрезентативной системы «Ваш способ восприятия».

Цель: определить, каким образом ребёнок усваивает новые знания, каким видом ощущения при этом пользуется (слуховое, зрительное, кинестетическое восприятие).

Результаты данной методики отразили следующее (рис. 1).

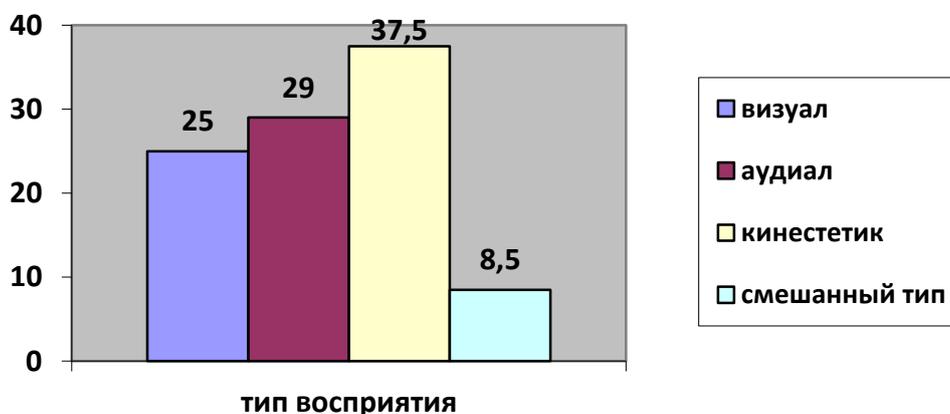

Рис. 1. Распределение способов восприятия младших школьников

Методика на определение ведущей модальности.

Цель: определение ведущей модальности. Ведущая модальность – это наше предпочтение в сенсорной пище, с помощью которой мы лучше всего понимаем происходящее. В решении любой задачи один человек нарисует на бумажке разные варианты, другой проговорит их вслух, третий разложит перед собой предметы.

Результаты методики интерпретируем по следующим отличительным признакам: способ получения информации; восприятие окружающего мира; на что обращают внимание при общении с людьми; речь; движение глаз; память. По результатам этой методики у учащихся 3 класса были получены следующие данные (рис. 2).

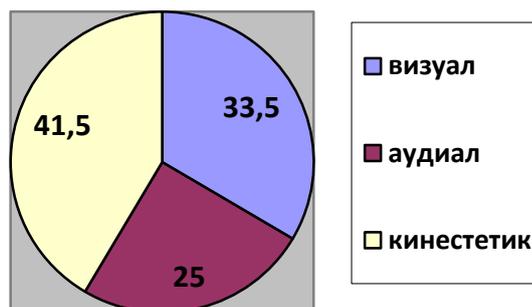

Рис. 2. Распределение ведущих типов восприятия третьеклассников

Анкета «Определение полимодальности восприятия».

В ходе проведения анкеты получили следующие результаты (рис. 3).

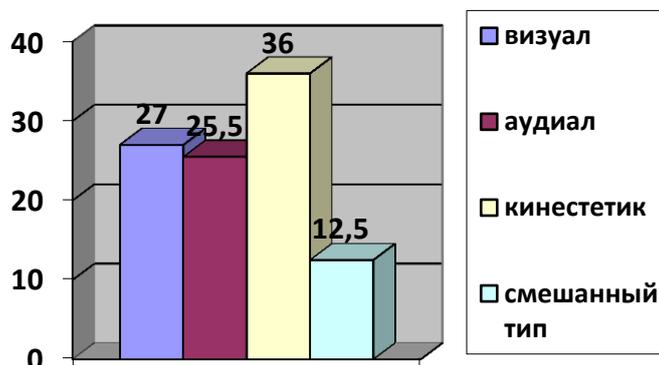

Рис. 3. Результаты анкеты «Определение полимодальности восприятия»

Тест «диагностика доминирующей перцептивной модальности С. Е. Ефремцева» демонстрирует следующие результаты (рис. 4):

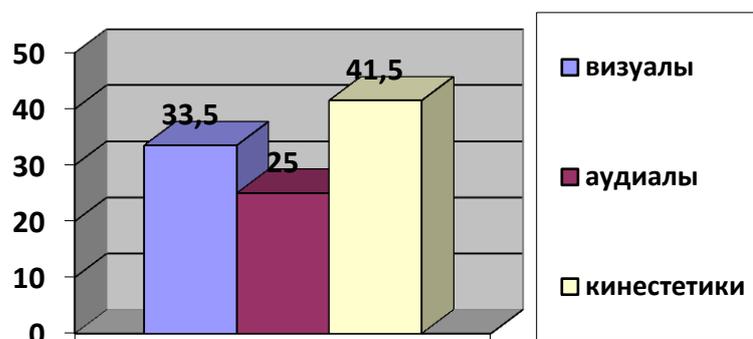

Рис. 4. Распределение доминирующего типа восприятия учащихся

Результаты, полученные по всем тестам, были соотнесены методом обобщения независимых характеристик, что позволило сделать вывод об особенностях развития репрезентативных систем младших школьников.

Таким образом, в ходе нашей исследовательской деятельности при определении ведущего типа восприятия мы использовали диагностический материал, представленный нами выше, сопоставили результаты диагностических методик и установили, что количество детей с ведущим кинестетическим каналом восприятия составило – 41,5 % от общего числа обследуемых, визуалов – 33,5 % и аудиалов – 25 %. Результаты исследования типов восприятия представлены в виде диаграмм (рис. 5).

Таким образом, образовательная среда младшего школьного возраста – кинестетическая. Важно использование прикладного материала, учение через выполнение работ, в движении и физической активности. Однако нужно отметить, что занятия в основном ориентированы на визуально-аудиальную систему восприятия. При таком обучении в преимущественном положении оказываются визуально ориентированные дети и дети, которые хорошо могут усваивать, воспринимать информацию на слух (аудиалы). Многие дети на таких занятиях часто отвлекались, начинали вертеться, мешать учителю и другим детям. Это те самые кинестетики (которые составляют большинство в этом возрасте), которым, чтобы запомнить что-нибудь информацию, необходимо сначала эмоционально настроиться, прочувствовать, «попробовать её на ощупь».

Итак, в результате исследования выяснилось, что у детей экспериментальной группы наиболее развит кинестетический тип восприятия. Такой тип восприятия предполагает сильно развитую моторику, активное движение. Аудиальный тип восприятия развит в этом воз-

расте наименее. Следовательно, младшим школьникам тяжело познавать окружающий мир, воспринимая голоса и звуки, им предпочтительнее зрительные ощущения.

Рис. 5. Распределение типов восприятия учащихся

Каждый педагог сталкивается с такими трудностями школьного обучения, которые не зависят от уровня интеллектуального развития ученика, готовности к школьному обучению, степени овладения знаниями, умениями и навыками. В процессе обучения обязательно должно происходить *развитие способностей различных модальностей*.

Хотя вопрос о дифференцированном обучении хорошо разработан теоретически, многие практические вопросы остаются открытыми, а именно:

- как организовать учет индивидуальных особенностей учащихся, как лучше разделить их на подгруппы и установить причины, по которым ребенок не успевает по предмету;
- как методически правильно построить урок;
- как организовать постоянную (а не эпизодическую) работу с хорошо успевающими учениками;
- как проводить дифференцированные проверочные работы и оценивать их;
- исходя из каких критериев отбирать учебный материал для каждой группы и как предъявлять его [1].

После формирования групп можно переходить к варьированию учебного материала в соответствии с особенностями восприятия учащихся. Работа учителя в трех модальностях возможна на всех уроках. Необходимо только помнить, что кинестетика нельзя заставлять долго сидеть неподвижно, ибо во время движения у него идет прочное запоминание материала. Визуал должен постоянно зарисовывать свои впечатления, поэтому ему можно позволить на уроке чертить на листе бумаги. Аудиалу нельзя делать замечания, если он в процессе выполнения задания проговаривает его, шевелит губами, издает звуки.

Чтобы подготовка к уроку не казалась учителю трудоемкой, все содержание учебного материала необходимо разделить по способу изложения: 1) говорю и слушаю; 2) показываю и вижу; 3) делаю [2].

В заключение можно сказать, что организованный учебный процесс учащимся позволяет эффективно усваивать учебный материал, привыкать постоянно, работать на уроке в течение длительного времени, не отвлекаясь, так как материал, предлагаемый учителем, им понятен, а способы деятельности учитывают их индивидуальные особенности, учащиеся чувствуют себя комфортно. Во взаимодействии учителя и ученика, в их совместной работе формируется стиль деятельности, общения, происходит раскрытие природных задатков детей, развитие их способностей.

Литература

1. Богоявленский Д. Н., Менчинская Н. А. Психология усвоения знаний в школе. М. : АПН РСФСР, 1959.
2. Вергелес Г. И. Младший школьник: помоги ему учиться : книга для учителей и родителей. СПб., 2000.
3. Столяренко Л. Д. Основы психологии : практикум. Ростов н/Дону : Феникс, 2006. 704 с.

УДК 316.628:378.1-057.875

Гафарова Г. И.
Gafarova G. I.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ОСНОВНЫХ СУБЪЕКТОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ**

**THEORETICAL ASPECTS OF MOTIVATIONAL SPHERE PSYCHOLOGICAL
RESEARCH OF EDUCATIONAL PROCESS MAIN SUBJECTS AT UNIVERSITY**

В данной статье рассматривается мотивационная сфера основных субъектов образовательного процесса в вузе. Именно личность и индивидуальность человека с присущими ему характеристиками являются результатом образовательного процесса. При этом формирование системы потребностей и мотивов влияет на воспитание и развитие личности.

Ключевые слова: учебная деятельность, студенты, мотивы, мотиваторы, самомотивирование.

Проблема изучения мотивов личности студента всегда является актуальной и значимой в условиях получения высшего профессионального образования, т. к. недооценка мотивационной готовности к профессиональному самоопределению, слабое осмысление профессиональной и личностной идентичности к выбранной специальности, принятие на себя ответственности за успешность и качество учебной и профессиональной деятельности влияют на уровень личностной направленности студента к качественной и эффективной будущей профессиональной деятельности и требуют как познания, так и избирательного управления их формированием на ступени высшего образования. Изучение личностной направленности студентов вуза определяется необходимостью в первую очередь исследования и анализа мотивационной сферы студентов.

Следует отметить, что неудовлетворительная разработанность проблемы мотивации, отсутствие единства и четкости в определении сущности этого явления наложили отпечаток и на методологические подходы исследования мотивов. Многие авторы пытаются упорядочить и классифицировать разнообразные мотивы [7].

Рассмотрим понятие «мотив» (фр. *motif* – побуждение, от лат. *moveo* – двигаю). Оно означает побуждение к деятельности, побудительную причину действий и поступков. Мотивы могут быть различные: интерес к содержанию и процессу деятельности, долг перед обществом, самоутверждение и т. п. [5].

Мотив – материальный или идеальный предмет, достижение которого выступает предметом деятельности. Мотив представлен субъекту в виде специфических переживаний, характеризующихся либо положительными эмоциями от ожидания достижения данного предмета, либо отрицательными, связанными с неполнотой настоящего положения. Но для осознания мотива, т. е. для включения данных переживаний в культурно обусловленную категориальную систему, требуется особая работа.

В психологической литературе мотив используется для определения самых различных явлений и состояний, вызывающих активность субъекта. А поскольку эти явления и состояния могут иметь различную природу, то мотивы часто рассматривают как эквивалент весьма различных психологических понятий: потребности, влечения, стимула, установки и пр.

В процессе образования мотива можно выделить несколько шагов:

- с возникновением потребности, нужды в чем-то, сопровождаемой эмоциональным беспокойством, неудовольствием начинается мотив;

- осознание мотива ступенчато: вначале осознается, в чем причина эмоционального неудовольствия, затем осознается объект, который отвечает данной потребности и может ее удовлетворить (формируется желание), позже осознается, каким образом, с помощью каких действий возможно достичь желаемого;

- реализуется энергетический компонент мотива в реальных поступках.

Таким образом, мотивы формируются из потребностей человека. Процесс «узнавания» потребности собственного предмета называется опредмечиванием. Определенное – это акт, в котором рождается мотив.

Целью называют осознаваемый результат, на достижение которого в данный момент направлено действие, связанное с деятельностью, удовлетворяющей актуальную потребность. Цель воспринимается человеком как образ желаемого будущего, ближайший ожидаемый результат его деятельности [5].

Принято различать цель деятельности и жизненную цель. Это связано с тем, что человеку приходится выполнять в течение жизни множество разнообразных деятельностей, в каждой из которых реализуется определенная цель. Но цель любой отдельной деятельности раскрывает лишь какую-то одну сторону направленности личности, проявляющуюся в данной деятельности. Жизненная цель выступает в качестве обобщающего фактора всех частных целей, связанных с отдельными деятельностями.

С жизненными целями связан уровень достижений личности, «концепция собственного будущего». Осознание человеком не только цели, но и реальности ее осуществления рассматривается как перспектива личности.

В соответствии с новыми стандартами во главу процесса обучения ставится студент, который мотивирован на получение высокопрофессиональных знаний, приобретение профессиональных компетенций, стремящийся к саморазвитию и профессиональной самореализации.

Все структурные компоненты направленности личности: и потребности, и мотивы, и интересы – тесно связаны между собой [7].

Одним из объяснительных направлений психологического механизма сознательного выбора из альтернатив (принятия решений) является мотивационная парадигма. Многие исследователи (Е. П. Ильин, У. Джемс, В. А. Иванников, В. Г. Асеев и др.) связывают процесс принятия решений (выбора) с формированием мотива. Другими словами, мотивация, по большому счету, и есть выбор. Выделяются 3 стадии формирования мотива: 1) формирование первичного мотива (потребности); 2) внешняя или внутренняя поисковая активность; 3) выбор конкретной цели и формирование намерений [1].

Объяснение того, что служит мотиваторами выбора, предлагает теория мотивации А. Маслоу [3]. Теория А. Маслоу говорит о том, что служит мотиваторами выбора, но не рассматривает, как формируется мотивация. Б. П. Яковлев рассматривает понятие мотиватор как мотивационный фактор, удовлетворение которого влияет на эффективность деятельности и имеет значимую корреляционную связь с результатом деятельности [5].

«Принятие социально зрелым человеком решений к совершению того или иного поступка, действия находится под постоянным давлением моральных, нравственных норм и принципов и осуществляется с учетом его возможностей, состояний в данный момент, ситуации [1, с. 84]. При рассмотрении факторов, обуславливающих принятие решения, Е. П. Ильин выделяет так называемые мотиваторы, которые при объяснении основания действия и поступка становятся аргументами принятого решения: нравственный контроль, предпочтения; внешняя ситуация; собственные возможности (знания, умения, качества), собственное состояние в данный момент; условия достижения цели (затраты усилий и времени); последствия своего действия. Выделение мотиваторов, по мнению автора, имеет принципиальное значение, так как именно их многие исследователи называют мотивами. Отсюда у А. Н. Леонтьева появляются «знаемые» и «реально действующие» мотивы [2, 4]. Первые связаны с пониманием причин необходимости совершения того или иного поступка, проявления активности. Но эти причины не приводят к конкретному поступку или действию, не обладают побудительной силой. В процессе мотивации (при выборе цели и способов ее достижения) многие

мотиваторы остаются только «знаемыми», и «реально действующими» становятся только те, которые приобретают наибольшую значимость для человека и приводят к формированию побуждения. Сформированный же мотив всегда действителен, потому что включает в себя побуждение к достижению цели «здесь и сейчас».

Согласно данной теории, поведение человека детерминировано его потребностями – состояниями, создаваемыми нуждой в объектах, необходимых для его существования и выступающих источником его активности. Пока потребность не удовлетворена, она активизирует человека. После удовлетворения потребность теряет свою актуальность.

Важным выводом из теории А. Маслоу следует, что при рассмотрении выбора жизненного пути человеком необходимо учитывать индивидуальные различия в мотивах его поведения. Важную роль в поисковой активности студента играет факт самомотивирования.

Самотивировка (самотивирование) – рациональное объяснение субъектом причин действия посредством указания на социально приемлемые для него и его референтной группы обстоятельства, побудившие к выбору данного действия. Мотивировка отличается от действительных мотивов поведения человека и выступает как одна из форм осознания этих мотивов. С помощью мотивировки личность иногда оправдывает свои действия и поступки, приводя их в соответствие с нормативно задаваемыми обществом способами поведения в данных ситуациях и своими личностными нормами. Самомотивирование – это процесс саморегуляции студента с целью самопобуждения к определённым действиям путём опредмечивания в нём определённых потребностей, намерений, побуждений для достижения специфических целей в условиях учебной деятельности. Непосредственная необходимость выполнить деятельность определённым образом действий, является проявлением самомотивации студента.

Большинство психологов согласны с выделением двух типов мотивации и соответствующих им двух типов поведения: 1) внешней мотивации и, соответственно, внешне мотивированного поведения и 2) внутренней мотивации и, соответственно, внутренне мотивированного поведения. Внешняя мотивация (экстринсивная) – это мотивация, не связанная с содержанием определённой деятельности, но обусловленная внешними по отношению к субъекту обстоятельствами. Внутренняя мотивация (интринсивная) – мотивация, связанная не с внешними обстоятельствами, а с самим содержанием деятельности. Внешняя мотивация – конструкт для описания детерминации поведения в тех ситуациях, когда факторы, которые его инициируют и регулируют, находятся вне «Я» личности или вне поведения. Достаточно инициирующему и регулирующим факторам стать внешними, как вся мотивация приобретает характер внешней [5].

Таким образом, изучение мотивов учения в процессе овладения специальностью, выявление факторов, влияющих на изменение мотивов в условиях учебно-профессиональной деятельности, дает возможность корректировать мотивы учения и влиять на профессиональную направленность студентов. Правильное использование действующих жизненных ориентиров во взаимосвязи с мотивами учения, влияющих на развитие профессиональной направленности личности, является важнейшей задачей современной психологии и педагогики в решении проблем профессиональной подготовки будущих специалистов.

Литература

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2000. 512 с.
2. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М. : МГУ, 1972. 575 с.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. пер. с англ. СПб. : Питер, 2008. 352 с.
4. Лазарев В. С. Системное развитие школы. М. : Педагог. о-во России, 2002. 304 с.
5. Психология физической культуры : учебник для фак. физич. культуры / под ред. проф. Б. П. Яковлева, Г. Д. Бабушкина. Сургут : Винчера, 2014. 602 с.
6. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М. : Педагогика, 1986. Т. 1. 406 с.
7. Яковлев Б. П. Мотивация и эмоции в спортивной деятельности : учеб. пособие. М. : Советский спорт, 2014. С. 4–8.

УДК 811.112.2`255.2=161.1:62

Грицаюк Д. С. Быкова Л. В.
Gritsayuk D. S. Bykova L. V.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

SCIENTIFIC AND TECHNICAL LITERATURE TRANSLATING FEATURES FROM GERMAN INTO RUSSIAN

Статья посвящена проблемам перевода научно-технических текстов с немецкого языка на русский язык на примере инструкций к нефтегазовому оборудованию.

Ключевые слова: научно-технический текст, научно-технический стиль, термин.

Научно-техническая специализация – это довольно яркий признак современного мира. Практически всё, что мы сейчас имеем, мы имеем благодаря науке и техническому прогрессу. Научно-техническому переводу присваивают статус самостоятельной прикладной дисциплины, рассматривая этот вид перевода с точки зрения лингвистики, ученые изучают стилистику, грамматику и лексику, характерные для данного вида перевода.

Наиболее типичным лексическим признаком научно-технической литературы является насыщенность текста терминами и терминологическими словосочетаниями, а также наличие лексических конструкций и сокращений. Одним из сложнейших видов лингвистической работы считается перевод технического текста с немецкого на русский и наоборот. К техническим текстам относят:

- специализированные книги;
- статьи из специализированных периодических изданий;
- монографии;
- инструкции по эксплуатации оборудования;
- справочники;
- коммерческие предложения;
- патенты и другие документы.

Особенность всех этих текстов – насыщенность спецтерминологией. Если необходимо получить общее понятие о содержании текста (например, инструкции для бытовых нужд), можно воспользоваться переводом технических текстов с немецкого онлайн. Более сложный перевод требует профессионального подхода. Помимо насыщенности спецтерминами, при техническом переводе с немецкого языка на русский можно столкнуться с такой проблемой, как большое количество сложных предложений. Чтобы понять основную мысль, специалист должен потратить время на выяснение общей структуры представленного текста.

В своей книге «Теория перевода» В. Н. Комиссаров подробно описывает позицию терминологии в научно-технических текстах: «Термины должны обеспечивать четкое и точное указание на реальные объекты и явления, устанавливая однозначное понимание специалистами передаваемой информации. Поэтому к этому типу слов предъявляются особые требования. Прежде всего, термин должен быть точным, т. е. иметь строго определенное значение, которое может быть раскрыто путем логического определения, устанавливающего место обозначенного термином понятия в системе понятий данной области науки или техники» [3, с. 113].

Основное правило перевода немецкой технической литературы – сухость, отсутствие эмоциональной окраски. От специалиста требуется четкая передача смысла и логики текста,

без каких-либо образов, метафор, витиеватых оборотов. В отдельных случаях, при непереводаемости термина, допускается его развернутое объяснение, при этом нужно придерживаться максимальной точности расшифровки.

Характерными особенностями научно-технического стиля являются его информативность (содержательность), логичность (строгая последовательность, четкая связь между основной идеей и деталями), точность и объективность и вытекающие из этих особенностей ясность и понятность [3, с. 110].

Каждый профессиональный переводчик должен не только знать слова и словосочетания, употребляемые в повседневной речи, но и наиболее важные узкоспециализированные термины. Кроме того, ему должны быть знакомы слова и речевые обороты, характерные для научно-технических текстов. Желательно, чтобы технический перевод инструкций и других текстов с немецкого языка на русский осуществлялся несколькими специалистами – лингвистами и техническими редакторами, способными точно подобрать русский эквивалент для каждого понятия. Технический перевод – сложный и трудоемкий процесс, потому что его результат должен быть точен в формулировках и понятен специалистами. Потребность технического перевода довольно высока. Специалисты, не имеющие должного образования, выполняют перевод с ошибками, и тогда некачественная работа переводчика становится причиной неправильной эксплуатации и даже поломки дорогого оборудования.

Специфика научно-технического перевода исходит из специфики самого научно-технического языка. Принадлежность оригинала к конкретному функциональному стилю предопределяет применение переводчиком особых приемов и методов перевода, а также выбор таких языковых средств, которые характеризуют функциональный стиль в переводном языке.

При переводе немецкой научно-технической литературы на русский язык устанавливается ограниченный круг лексических и грамматических явлений, имеющих значение для частной теории перевода с немецкого языка на русский (например, обороты «haben» и «sein» в спрягаемой форме и Infinitiv с частицей zu, выражающие долженствование или возможность; sich lassen с Infinitiv и т. д.).

Следует иметь в виду, что различие грамматического строя вызывает необходимость при переводе передать морфологическую особенность подлинника синтаксическими или лексическими средствами. Например: *Diese Vertikalbohrungen müssen mit der Horizontalbohrung verbunden werden und sind deshalb mit Referenzsendern ausgestattet, damit die Signale von der Horizontalbohranlage erfasst und angesteuert werden können.* – *Вертикальные скважины должны быть соединены с горизонтальными скважинами и, следовательно, оснащены опорными датчиками так, чтобы сигналы горизонтально-направленной буровой установки можно было обнаружить и проконтролировать.*

Очень редки случаи, когда и в переводе распространённого предложения, и в подлиннике совпадают порядок слов, их число, грамматические категории и основные значения.

Можно указать на два основных типа грамматического расхождения между подлинником и переводом:

1. Наличие в немецком тексте элементов, не имеющих формально грамматического соответствия в языке перевода (например, категория артикля и разница между определенным и неопределенным артиклями, сложные формы прошедшего времени в немецком языке, не имеющие соответствия в русском, неопределенно-личное местоимение man и др.). Один из примеров сложной формы прошедшего времени Perfekt: *Für diesen Zweck hat Prime Drilling die MDD Bohranlagen entwickelt.* – *Для этих целей компания «Prime Drilling» разработала буровые установки МНБУ.*

2. Наличие в русском языке элементов, не имеющих формального соответствия в языке подлинника, а между тем неизбежно применяемых при переводах (например, форма вида глагола, наличие причастий активной формы прошедшего времени и пассивной формы настоящего времени в русском языке). Так, например, в русском языке глаголы бывают со-

вершенного и несовершенного вида: *Die 7-fach gelagerte Antriebswelle, welche mit 3 Hubscheiben ausgestattet ist, ersetzt die herkömmlich bekannte Kurbelwelle.* – Приводной вал с 7 подшипниками, оснащенный 3-кулачковыми дисками, заменяет известный ранее коленвал.

Специфика выбора и применения грамматических вариантов при переводе определяется соотношением и взаимодействием грамматических систем двух языков. Учет всех существующих возможностей исключает случайный выбор варианта перевода, позволяет сравнить все имеющиеся способы передачи, чтобы применить самый лучший.

Выбор наиболее приемлемого грамматического варианта при переводе является еще более необходимым, чем при работе над оригинальным текстом. Это объясняется тем, что вариант, формально близкий к подлиннику, часто оказывается либо неправильным, либо стилистически неполноценным, следовательно, надо выбрать такой вариант, который наиболее точно и грамотно передавал бы содержание подлинника.

Рассмотрим пример из области синонимии наклонений. Предположим, что в инструкции к нефтегазовому оборудованию написано: *Durch das geschlossene System kann nahezu die gesamte Lagerstätte entgast werden.* Данное предложение можно перевести по-разному:

1. Таким образом, при помощи замкнутой системы может быть произведена дегазация всех месторождений.
2. При помощи замкнутой системы можно произвести дегазацию всех месторождений.
3. Таким образом, с помощью замкнутой системы возможно произвести дегазацию всех месторождений.
4. Таким образом, можно дегазировать все месторождения с помощью замкнутой системы.

Часто встречающейся в немецкой научно-технической литературе формой является пассивный залог (Passiv) [1, с. 89]. Практическая грамматика указывает, что Passiv переводится формами на «-ся» или сочетанием «быть» с причастием. Русский язык, где страдательный залог применяется реже, очень богат средствами для выражения этого же содержания. Проиллюстрируем примеры:

Das auf diese Weise gewonnene Kohleflözgas wird überwiegend zur Stromerzeugung genutzt und um den Gasgehalt in der Kohlelagerstätte soweit zu reduzieren, dass die Kohleförderung ohne Sicherheitsrisiken ausgeführt werden kann. – Извлеченный таким образом метан из угольных пластов, в основном, используется для выработки электроэнергии, а также для снижения содержания газа в угольном месторождении до такой степени, чтобы можно было осуществлять добычу угля, которая не будет представлять угрозу для безопасности.

Die Bohr- und Einrichtfunktionen werden aus der Bedienerkabine heraus gesteuert. – Функции бурения и установки выполняются из кабины оператора.

Очень часто основной причиной для употребления Passiv в языках с твердым порядком слов является стилистическая необходимость поставить то или иное слово на первое место, поэтому его употребляют как подлежащее пассивной конструкции. При переводе часто целесообразно, сохранив порядок слов оригинала, заменить пассивную конструкцию активной. Например: *Die Transfer- und Mischpumpen werden über Elektromotoren angetrieben, welche eine Leistung von 45 kW haben.* – Электромоторы, мощность 45кВт, приводят в движение перекачивающий и смесительный насосы.

Иногда пассивную форму приходится переводить с помощью лексической синонимии типа *modifiziert werden = abändern* – «изменять, модифицировать»; *entwickelt werden = ausarbeiten* – «разрабатывать, подготавливать».

Итак, каждый вариант имеет особый стилистический оттенок, причем в одних и тех же условиях в немецком и русском языках оказываются стилистически уместными разные варианты.

При выборе грамматического варианта возникают особые трудности, т. к. русский язык располагает большим числом грамматических возможностей для передачи содержания, выраженного в подлиннике той или иной формой. Требования смысла и стиля подлинника, с

одной стороны, и требования полноценности русского перевода, с другой стороны, решают вопрос в пользу одного из них применительно к условиям каждого отдельного случая.

Далее мы рассмотрим термины, которые должны быть однозначными. Они являются таковыми в их реальном употреблении в соответствующей отрасли, т. е. в речи. А. Д. Швейцер предлагает исключить из числа терминов слова обиходного языка, если они не несут особой, специфической нагрузки в языке технической литературы [4, с. 95]. Однако из-за сложной эволюции немецкого языка в нем широко развита синонимия, одно и то же понятие можно выразить разными словами. Сложность перевода термина заключается в его многозначности, поэтому найти его правильный перевод, соответствующий данному конкретному тексту, может лишь тот переводчик, который превосходно разбирается в тематике переводимого текста.

Как правило, в специальном тексте термины часты, даже преобладают над прочими словами. Но они, как и обычные слова, могут быть полисемичны, т. е. многозначны, выступая в научно-техническом тексте как названия различных вещей и понятий в зависимости от контекста. Например: *die Abweichung* – ненормальность (в химической промышленности); отклонение, сдвиг (в технической отрасли); расхождение (в горном деле). *Die Überwachung* – слежение (в технической отрасли); осмотр (в горном деле); контроль (в электротехнике).

Поскольку характерной чертой термина является четкость семантических границ, он обладает значительно большей самостоятельностью по отношению к контексту, чем обычные слова. По тем же причинам термин должен быть однозначным и в этом смысле независимым от контекста. Иначе говоря, он должен иметь свое точное значение, указанное его определением, во всех случаях его употребления в любом тексте, чтобы пользующимся термином не нужно было в каждом конкретном случае решать, в каком из возможных значений он здесь употреблен. Непосредственно связано с точностью термина и требование, чтобы каждому понятию соответствовал лишь один термин, т. е. чтобы не было терминов-синонимов с совпадающими значениями. Понятно, что точная идентификация объектов и понятий затруднена, когда одно и то же именуется по-разному.

Однако термины, естественно, не являются единственной составляющей лексики. Выявлено вполне четкое деление лексического состава немецкой научной и технической литературы на: собственно термины; слова и сочетания, которые являются «служебными»: артикли, служебные глаголы, прилагательные, наречия, союзы, местоимения, предлоги, т. е. слова, не зависящие от стиля речи и которые присутствуют в любом стиле; общенаучная лексика.

Основными чертами русского технического и научного стиля являются строгость и ясность изложения, стремление к точности, четкости, полноте формулировок, не допускающей возможности ложного истолкования. Этот стиль следует сохранять и в переводе. Перевод научно-технического текста тем и отличается от перевода художественного, что он не должен передавать форму и стиль подлинника, а, наоборот, не меняя содержания, передавать его в стиле, принятом для такого материала на русском языке.

Литература

1. Борисова Л. И. Лексические особенности немецко-русского научно-технического перевода. М. : НВИ-Тезаурус, 2005. 158 с.
2. Буровые установки. URL: http://www.prime-drilling.de/d_bohranlagen.html (дата обращения: 23.04.16).
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-в и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1990. 253 с.
4. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 236 с.

УДК 376.014

*Демчук А. В.
Demchuk A. V.*

ФЕДЕРАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

FEDERAL AND REGIONAL POLICY IN SPHERE OF INDIVIDUALS WITH DISABILITIES EDUCATION

В статье рассматривается проблема образования лиц с ограниченными возможностями здоровья на федеральном и региональном уровнях образовательной и социально-экономической политики.

Ключевые слова: образование лиц с ограниченными возможностями здоровья, федеральная (государственная) политика, региональная политика.

В Российской Федерации и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре с каждым годом все больше внимания уделяется вопросам, связанным с образованием детей и взрослых, имеющих ограниченные возможности здоровья. Разрабатываются положения нормативно-правовых актов, связанных с образованием лиц данной категории. Федеральные и региональные законы, подзаконные акты и другие нормативные документы свидетельствуют об активной социально-экономической и образовательной политике государства и регионов в этой области.

Существует несколько направлений проблемных вопросов в сфере образования лиц с ограниченными возможностями здоровья: по степени распространения и реализации (федеральная, региональная, муниципальная и локальная политика); по цензу и направленности подготовки (политика в области общего образования, среднего профессионального образования и высшего образования, профессионального обучения, дополнительного образования); по форме получения образования (очное, заочное, очно-заочное, интегрированное, инклюзивное, дистанционное, специальное); по созданию условий для реализации образовательных услуг (создание доступной среды, профессиональная подготовка педагогического кадров к работе с лицами, имеющими ограниченные возможности здоровья; усовершенствование медико-психолого-педагогического комплекса в образовательных организациях и др.). В теории и практике педагогической науки, политики и нормативно-правовом поле ранее не были столь активно решаемы эти вопросы.

Создание доступной среды становится все более реализованной задачей, особенно в крупных городах России, Краснодарском крае (г. Сочи) и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. С доступной средой организуется и инклюзивное образовательное пространство, которое достаточно новое для Российской Федерации. Под образовательным пространством можно понимать совокупность и взаимодействие всех подсистем и цензов образования. Образовательное пространство представляет собой многокомпонентную и многоуровневую суперсистему, включающую не только отдельные образовательные организации, научные центры, органы управления и надзора, но и специфические условия, факторы, связи и взаимодействия субъектов образования, определяющие характер педагогических процессов [1, с. 75].

В современном российском обществе в последнее десятилетие произошли изменения социокультурной и образовательной ситуации, выражающиеся в демократизации всех сфер жизнедеятельности человека и общества, которые повлекли пересмотр отношения к образо-

ванию лиц с ограниченными возможностями здоровья на нормативно-правовом, научном и методическом уровнях.

О целях, основных направлениях, стратегии развития образования в РФ мы можем судить по целому комплексу нормативно-правовых актов. Рассмотрим некоторые из них. Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г. (от 04.10.2000 № 751) – основополагающий государственный документ, устанавливающий приоритет образования в государственной политике, стратегию и основные направления его развития. В доктрине указывается необходимость сохранения и развития единого образовательного пространства России; формирования в общественном сознании отношения к образованию как высшей ценности гражданина, общества и государства; создания и реализации условий для получения общего и профессионального образования детьми-инвалидами; индивидуализации образовательного процесса за счет многообразия видов и форм образовательных учреждений и образовательных программ, учитывающих особенности, интересы и способности личности [2].

Всем гражданам Российской Федерации независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения обеспечивается общедоступное и бесплатное специальное образование для лиц с ограниченными возможностями здоровья [2].

В рамках Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг. (от 23 мая 2015 г. № 497) предполагается создание и развитие инфраструктуры, обеспечивающей доступность получения качественного образования независимо от места проживания обучающихся, повышение конкурентоспособности российского образования, обновление кадрового потенциала преподавательского и административного состава, обеспечение реализации индивидуальных траекторий обучающихся и их участия в территориально-распределенных сетевых образовательных программах, социальную ориентированность мероприятий, связанных с обеспеченностью доступа детей и молодежи с ограниченными возможностями здоровья к получению общего, профессионального и дополнительного образования, в том числе в образовательных организациях, расположенных в различных субъектах Российской Федерации [4].

При реализации мероприятия «Создание условий для получения среднего профессионального и высшего образования людьми с ограниченными возможностями здоровья посредством разработки нормативно-методической базы и поддержки инициативных проектов» (Федеральная целевая программа развития образования) обеспечиваются условия получения среднего профессионального и высшего образования, в том числе с использованием дистанционных образовательных технологий, инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья, создается методическое обеспечение образовательного процесса инклюзивного обучения [4].

В федеральном законе от 29.12.2012 г. № 273 «Об образовании в РФ» образованию лиц с особенностями развития посвящены разделы. В целях реализации права каждого человека на образование федеральными органами государственной власти, субъектов РФ и местного самоуправления должны быть созданы необходимые условия для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья. Далее отмечается, что образование обучающихся с ограниченными возможностями здоровья может быть организовано как совместно с другими обучающимися, так и в отдельных классах, группах или в отдельных организациях, осуществляющих образовательную деятельность, а Государство обязуется обеспечивать подготовку педагогических кадров, владеющих специальными профессиональными подходами и методами обучения и воспитания обучающихся с ограниченными возможностями здоровья [3].

Существует поручение Президента Российской Федерации от 15.11.2009 г. № 3035 и поручение Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию от 18.11.2009 г.

№ ВП-П13-6734, федеральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов», Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», постановление Правительства Российской Федерации от 17 марта 2011 г. № 175 «О государственной программе Российской Федерации “Доступная среда” на 2011–2015 годы» и др., где ставится задача о необходимости повышения социальной активности, преодолении самоизоляции инвалидов и негативного отношения к ним, роста уровня социальной сплоченности и социальной стабильности в обществе.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре руководствуются направлениями политики в области образования лиц с ограниченными возможностями здоровья исходя из федеральной, но существует ряд региональных нормативно-правовых актов, определяющих специфику этой политики: постановление Правительства ХМАО – Югры от 10.02.2012 г. № 52-п «О комплексе мер по модернизации общего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2012 году»; постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 13.12.2013 г. № 543-п, «Положение об организации инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». Данные документы регламентируют вопросы организации инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательных организациях округа, определен порядок взаимодействия между Департаментом образования и молодежной политики ХМАО – Югры, органами местного самоуправления, муниципальными органами, осуществляющими управление в сфере образования, и образовательными организациями.

Безусловно, федеральная (государственная) и региональная политика образования находится в постоянном развитии, требует более детальной разработки. Создание условий образования лиц с ограниченными возможностями здоровья необходимо и важно как в рамках Российской Федерации, так и региона, о чем свидетельствуют государственная и региональная политика ХМАО – Югры.

Литература

1. Демчук А. В. Инклюзивное пространство в условиях развития образования в современном обществе // Инновационная наука: прошлое, настоящее, будущее : сб. ст. междунар. науч.-практич. конф. (Уфа. 1 апреля 2016 г.). в 5 ч. Уфа : АЭТЕРНА, 2016. Ч. 4. С. 75–77.
2. Национальная доктрина образования в Российской Федерации. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/231204> (дата обращения: 03.05.2016).
3. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 03.05.2016).
4. Федеральная целевая программа развития образования на 2016–2020 годы (от 23 мая 2015 г. № 497). URL: <http://base.garant.ru/71044750/#ixzz43nhdNM4k> (дата обращения: 03.05.2016).

УДК 37:7:39(1-17=1.2.)

Добродомова Т. М.

Dobrodomova T. M.

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НАРОДОВ СЕВЕРА

ART EDUCATION ROLE IN NATIONAL CULTURAL TRADITION PRESERVATION OF THE NORTH

В статье рассматривается значимость художественного образования для сохранения культурных традиций, связь национальной культуры с современной культурной средой, говорится о важности бережного отношения к национальным культурным традициям на основе художественного опыта в образовательных центрах разного уровня.

Ключевые слова: художественное образование, обучение, творчество, традиции, культура, культурная среда.

В Концепции художественного образования в России говорится о том, что художественное образование – это процесс овладения и присвоения человеком художественной культуры своего народа и человечества, один из важнейших способов развития и формирования целостной личности, ее духовности, творческой индивидуальности интеллектуального и эмоционального богатства.

Художественному образованию отведена значительная роль в сохранении и развитии национальных традиций. Искусство помогает понять и принять другого человека. Без знания традиций своего народа нельзя воспитать полноценного человека, важно знать историю того уголка страны, в котором живешь. На протяжении многих веков накапливается мудрость народа, его исторический опыт, который становится неотъемлемой частью его духовной культуры. Развиваясь, художественные промыслы испытывают постоянное влияние современности, ведь сберечь – это не значит остановиться на повторении и просто копировать.

В настоящее время особое внимание при изучении народного творчества в школах уделяется региональному компоненту – изучению традиционных художественных промыслов народов Севера.

Национальные культурные традиции по сути своей связывают прошлое и настоящее, представляя собой такую силу, без сохранения которой невозможна национальная общность.

Можно много говорить о важности традиций, но носителем их все же остается человек, мастер своего дела. Наряду с высоким техническим мастерством от народного мастера требуется сознательное творческое отношение к своей деятельности, способность ориентироваться в вопросах современного и мирового искусства. Многие мастера получают художественное образование. Системность художественного образования в основе своей предполагает многоуровневую комплексную организацию процессов изучения художественной культуры, направленную на эстетическое развитие как важнейшую компоненту становления творческой личности. Процесс художественного образования, по сути, не имеет временных ограничений и может продолжаться на протяжении всей жизни, обретая новые формы и трансформируясь при переходе с одной ступени на другую. Различные формы организации образования в сфере культуры и искусства включают общее и дополнительное художественное образование, предпрофессиональное, профессиональное и послевузовское образование, а также различные формы повышения квалификации [1].

С давних пор Россия славилась умельцами, которые обучали детей мастерству. Мастера учили, передавали опыт, раскрывали секреты в процессе изготовления изделий, параллельно формируя уважение к труду. Передаваясь из поколения в поколение, такие секреты становятся традицией. Опять же можно определить традиции как опыт коллективного творчества для многих поколений, проживающих на одной территории достаточно длительное время.

Очень важно приобщать детей к творчеству с раннего возраста, помогая им увидеть удивительный мир народного искусства, и чем раньше происходит приобщение, тем оно органичнее и необратимее. Через предметный мир творчества дети воспринимают культуру своего народа. Погружая ребенка в стихию национальных традиций, можно заложить фундамент, на котором будут формироваться его нравственные и эстетические идеалы, восприятие культуры своего народа. Эстетическая культура человека представляет собой сложнейший многогранный процесс, объединяющий духовную и материальную часть личности [3]. Поэтому основной задачей обучения традиционному искусству народов Севера было привить любовь к этому виду народного художественного творчества, обучить практическим навыкам работы с материалами, научить создавать самостоятельно художественные произведения в национальных культурных традициях.

Часто возникновение промысла основывалось на наличии сырья. Использование природных материалов – одна из основных традиций народного искусства. Так как обработка кожи и меха издавна являлась основным видом промысловой и хозяйственной деятельности, то развивались оригинальные приемы обработки оленьих шкур, камусов (шкур с оленьих ног), лобашей (шкур с голов оленей). И что интересно – эта отрасль народного искусства до сих пор находится на уровне домашнего ремесла, она целиком направлена на обслуживание домашнего, семейного быта оленеводов и охотников Севера, а обособленность и специфические условия существования привели к тому, что традиционное народное искусство сохранилось практически в нетронутом виде. Многие мастерицы применяют аппликацию для украшения национальной одежды и обуви. Огромное количество вещей делается из бересты, для их орнаментации применялось девять способов: выскабливание (процарапывание), тиснение, ажурная резьба с подкладным фоном, аппликация, раскрашивание, профилировка краев, накальвание, нанесение узора штампом, сшивание различно окрашенных кусочков бересты. Все предметы богато украшаются орнаментом с наружной или с внутренней стороны. Одним из главных искусств является шитье, создание одежды, которая богато украшается бисером ярких тонов, цветными узкими полосками-аппликациями. Самым распространенным головным убором является платок.

Для занятия национальным творчеством наравне с овладением конкретными техническими приемами того или иного народного промысла требуется знание основ композиции и цветоведения.

Изначально в России художественное образование существовало в форме индивидуальной подготовки в мастерских. В течение XIX столетия значительно вырос интерес к художественному образованию, что привело к возникновению частных учебных заведений художественно-промышленного образования [2].

Тематика национальной культуры имеет большой потенциал в сфере образования, так как позволяет сохранить традиционные виды декоративно-прикладного искусства. При изучении народного творчества обязательно рассматривается технология выполнения орнаментов, что способствует сохранению традиций и опыта, накопленного поколениями.

К сожалению, малочисленность коренного населения, его социальная незащищенность отрицательно сказывается на уникальности их самобытной культуры, они словно растворяются в огромном миграционном пространстве. Именно поэтому большая работа в регионе направлена на сохранение национальной культуры народов Севера, на формирование уважительного отношения к ней.

Важной частью народной культуры является орнаментальное искусство, которое привлекает оригинальностью выполнения, многообразными сюжетами, четкостью построения.

Через орнамент можно проследить национальные особенности народа, и даже зашифрованный смысл, несущий определенную информацию. Национальное искусство северных народов тесно связано с повседневной жизнью и бытом человека. Очень часто орнаменты возникали в результате наблюдений за окружающим миром, узорам давали названия по сходству с предметом или животным. Народные мастера изображали богатую природу и свою жизнь на севере в орнаментальной символической форме. В основном орнаменты являлись условными символами солнца, земли, неба и зверей и составлялись из геометрических фигур: треугольников, прямоугольников и квадратов (орнаментов должно быть нечетное число). Такие символы-обереги переходили по материнской линии. В национальных орнаментах записана история народа, рассказывается о человеке, из какого он поселения, какой у него род занятий и достаток. Также орнаменты выполняли функцию оберегов. Некоторые из них выполнялись при случае какого-либо события, например, вышивание медвежьего следа на рукавице, которую дарили охотнику, добывшему медведя. Такие предметы неповторимы, а мастерицы небезосновательно гордятся умением изготавливать красивые вещи.

Сегодня в системе дополнительного художественного образования большой популярностью пользуются центры народных ремесел, творческие мастерские. Данное направление детского и юношеского художественного творчества, наряду с развитием собственно художественно-эстетических способностей, способствует решению таких социально значимых задач, как сохранение традиций российского семейного уклада, обеспечение преемственности среди носителей секретов народного мастерства, распространение и сохранение многообразия традиций народов России [1].

В наше время народное творчество, национальные традиции в искусстве продолжают возрождаться. Необходимо помнить о том, что народное искусство является уникальным миром духовных ценностей, своеобразным древом современной культуры. Роль национальных традиций и народных промыслов в образовании подрастающего поколения сложно переоценить. Приобщение к национальным культурным традициям не дают народу забыть свою историю. Традиция жива, пока ее берегут.

Литература

1. Алексеева Л. Л., Быховская И. М., Кочеляева Н. А. и др. Художественное образование в Российской Федерации: развитие творческого потенциала в XXI веке : аналит. доклад / отв. ред. К. Э. Разлогов и др. Рос. ин-т культурологии. М., 2011. 72 с.
2. Добродомова Т. М. Исторический аспект системы художественного образования России // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности. Тамбов, 2015. С. 25–26.
3. Литовченко А. С. Декоративная композиция как средство развития эстетической культуры будущих учителей технологии // Наука и инновации XXI века. Сургут : Дефис, 2012. С. 197–200.

УДК 391:316.7(1-17):316.346.32-053.6

Жилина А. А., Моор С. М.
Zhilina A. A., Moor S. M.

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДЫ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРА РОССИИ
СРЕДИ МОЛОДЕЖИ**

**POSSIBILITIES OF FASHION USING IN PROCESS OF RUSSIAN NORTH TERRITORY
ATTRACTIVE IMAGE CREATION AMONG YOUNG PEOPLE**

В статье рассматриваются возможности внедрения в моду традиционных элементов культуры коренных народов Севера с целью формирования привлекательного образа территории Севера России среди молодежи. В работе определена актуальность поиска новых средств продвижения территорий. Молодежь представлена как важный субъект развития территориальных образований и ведущий участник инновационных процессов. Мода показана в качестве способа присоединения к культурному опыту и его распространению. Управляемый процесс формирования модных тенденций предлагается рассматривать в контексте социальных технологий.

Ключевые слова: мода, молодежь, продвижение территорий, культурные традиции, Север России.

Продвижение территории – сравнительно новое в отечественной практике направление социально-экономического развития городов и регионов, которое характеризуется целенаправленностью и согласованностью с интересами развития места, информационно-коммуникативным характером и ориентацией на формирование и изменение представлений общественности. В ответ на глобализацию потребность в продвижении территориальных образований различными средствами стремительно растёт, разрабатываются долгосрочные стратегии и комплексные программы. Тема гео-продвижения занимает стратегическую позицию в профессиональном дискурсе. Ведется поиск новых путей формирования привлекательного и запоминающегося образа территорий.

Идеальный образ территории складывается в социально-культурном пространстве. Для его формирования в комплексе продвижения территорий важная роль отводится коммуникативным технологиям, направленным на создание связанных с ним положительных ассоциаций. Территория с четкой позицией имеет значительные конкурентные преимущества – в ней отражаются своеобразие и неповторимость в числе подобных. Так, Север России – это уникальные территории по наличию природных ресурсов, присутствию культурной и исторической составляющей, которые требуют сохранения самобытного культурного наследия коренных народов.

Опыт показывает, что создание позитивного коммуникативного контекста восприятия территорий напрямую влияет на заинтересованность со стороны партнёров, инвесторов, туристов и местных жителей. Существенная роль в развитии территорий принадлежит социальной группе молодежи, формирование устойчивого интереса которой – это вклад в будущее, инвестиции в человеческий капитал. Удержать и привлечь молодежь – особо важные задачи для удаленных от центра, а тем более северных территориальных образований. Это реальные люди, которые со временем займут ведущие позиции в экономике и политике, социальной и духовной сферах общества. Принимая во внимание обусловленные возрастом особенности, специфические интересы и ценности молодежи, необходимо делать ставку на формирование одновременно привлекательного образа жизни и образа будущего территории.

В обществе одним из действенных способов присоединения к культурному опыту и его трансляции является мода. В широком смысле мода определяется как «существующее в определенный период и общепризнанное на данном этапе отношение к внешним формам культуры» [4, с. 11]. В этом смысле мода отражает общественное и культурное содержание. С другой стороны, культурные ценности, являясь структурообразующим компонентом моды [2], и социальные факторы определяют динамику и формы моды. Отражая актуальный социокультурный контекст, мода оказывает на него непосредственное влияние, выступает в качестве фактора формирования социокультурного пространства, воздействует на социальные, культурные и личностные аспекты участников социокультурного процесса. Сегодня исследователи понимают моду не только как социальный феномен, но и как элемент социально-производственной системы, который накладывает отпечаток на развитие общества и оставляет свой след в динамике и направлении развития каждой из его сфер [1, с. 284]. Целенаправленное формирование и регулирование модных тенденций может представлять собой социальную технологию и использоваться в социально-экономическом управлении.

Молодежь – важный субъект перемен, обладающий огромной инновационной силой, находящийся в постоянном развитии; особенно восприимчива к моде, является активным участником модной коммуникации и зачастую выступает основным распространителем и получателем модных сообщений [2, с. 115]. Становление современной молодежи происходит в сложных условиях ломки устоявшихся ценностей, традиций и формирования новых социальных ориентиров. Вместе с тем эти ценности и традиции, обеспечивая фон запускаемых инновационных процессов, могут играть важную роль в достижении стратегических целей социального управления, в том числе и по формированию позитивного образа территории. «В XXI веке современная заполярная культура может органично вписаться в мировую культуру» [5], – считают эксперты. Основанный на историко-культурной самобытности территории, образ Севера России будет отражать его достоинства, ценности и уникальность в перспективе индустриального будущего.

Новации как изобретаемые и вводимые в культуру элементы, сталкиваясь с традициями, устойчивыми элементами культуры, в процессе сложного взаимодействия образуют новые формы культуры. Особое значение моды для молодежи определяется стремлением к самоопределению и самопозиционированию в общем социальном контексте. Традиционные элементы как часть социокультурного пространства территории могут быть вписаны в структуру модных атрибутов, став популярными, обозначать культурные ценности коренных народов и транслировать их далеко за её пределами. Сегодня, когда использование этнических мотивов является модным трендом и поддерживается в коммуникационном пространстве, задаваемом предприятиями модной индустрии, появляется перспективная возможность использовать национальные элементы коренных народов Севера. Принятые элементы как знак могут найти проявление не только во внешнем виде молодежи, но и включаться в модное контекстуальное пространство её жизнедеятельности. Можно отметить, что культурная индивидуальность является знаковой основой продвижения образа территории не только среди отдельных социальных групп местной общественности. Распространяясь средствами моды, она может получить популярность далеко за их пределами, преодолевая национальные границы и культурные барьеры, усиливая свое влияние в исходной точке.

В ситуации, когда молодежь предпочитает новации традициям, это может быть ключом к решению проблемы – внедрение традиционных форм в модные тренды меняет восприятие их и создает позитивный контекст, визуализируя и означая традиционные культурные ценности. Погружаясь во внешние формы культуры, которые обладают модными значениями и получили распространение благодаря моде, молодежь принимает их базовое содержание и соответствующие им способы поведения. Созданный таким образом комплекс традиций и новаций может стать одним из действенных способов решения важных социальных задач по формированию у молодежи привлекательного образа северных территорий России.

Литература

1. Алексеенко Л. В. Социология моды: классический социологический дискурс о моде // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 6. С. 284–288.
2. Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 5-е изд. М.: Книжный дом «Университет», 2013. 228 с.
3. Жилина А. А., Мор С. М. Коммуникационные средства формирования моды в молодежной среде // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании. Организационная коммуникация – 2016 : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Минск, 7–9 апр. 2016 г. / отв. ред. О. В. Терещенко. Минск : Изд. Центр БГУ, 2016. С. 115–117.
4. Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды / пер. И. М. Ильинской, А. А. Лосевой. Прага : Артия, 1988. 608 с.
5. Культура и искусство Арктики // Арктика-Инфо. URL: <http://www.arctic-info.ru> (дата обращения: 20.04.16).

УДК 811.112.2`255.2=161.1:821.112.2Бернхард

Задорожная А. В., Быкова Л. В.
Zadorozhnaya A. V., Bykova L. V.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА БЕРНХАРДА ШЛИНКА «ЧТЕЦ» С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

TRANSLATING REALIA PECULARITIES IN LITERARY TEXT (BASED ON TRANSLATION OF NOVEL «THE READER» BY BERNHARD SCHLINK FROM GERMAN INTO RUSSIAN)

Данная статья посвящена проблемам перевода реалий в художественном тексте. В статье рассматриваются особенности перевода реалий Германии, принадлежащих теме концлагерей.

Ключевые слова: реалия, переводческие трансформации, языковая картина мира.

В данной статье мы рассмотрим возможности перевода реалий, учитывая лингвистические и экстралингвистические факторы, которые в целом влияют на выбор подходящего лексического соответствия.

Актуальность данной темы заключается в том, что переводчик довольно часто сталкивается с проблемой перевода реалий, и вопрос о способах их перевода остается открытым. Кроме того, реалии играют большую роль в процессе межкультурной коммуникации. Знание тех явлений и предметов, которые обозначают слова-реалии, непосредственно связано со знанием культуры страны исходного языка.

Проблема неперевода оригинального текста всегда была и остается актуальной для теории и практики перевода. Теория принципиальной неперевода отрицала возможность создания такого перевода, который можно было бы назвать полноценным. Но данная теория была опровергнута живой переводческой практикой. И все-таки, несмотря на это, в любом художественном произведении есть такие лексические единицы, перевод которых вызывает определенные трудности. Слова-реалии обозначают специфические особенности народа, страны языка оригинала, они тесно связаны с культурой и историей.

По мнению профессора С. Г. Тер-Минасовой, в новых условиях необходимо изучать язык на широком фоне социальной, культурной, политической жизни народов, говорящих на

этих языках, то есть в тесной связи с миром изучаемого языка [4]. Современные исследования показывают, что для успешной коммуникации собеседники должны владеть не только одинаковыми языковыми средствами, но и общими содержательными знаниями о мире. Подобные общие для участников акта общения когнитивные знания принято называть фоновыми знаниями. Это подтверждается утверждением Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, что даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур [2]. Поэтому предметом многих исследований являются языковые единицы, которые отражают культурные и национальные особенности той или иной страны.

Под реалиями в лингвистической литературе понимаются предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках [4].

С. Влахов и С. Флорин дают следующее определение: «Реалии являются словами (и словосочетаниями), которые называют объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу «на общем основании», требуя особого подхода» [3].

В качестве языкового материала для данной статьи были использованы роман немецкого юриста и писателя Бернхарда Шлинка „Der Vorleser“ («Чтец») и его перевод на русский язык, выполненный А. Тарасовым.

Основных трудностей передачи реалий при переводе две: отсутствие в языке перевода соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта и необходимость, наряду с предметным значением реалии, передать и коннотацию – ее национальную и историческую окраску.

Прежде чем приступить непосредственно к переводу, необходимо осмыслить незнакомую реалию в подлиннике, т. е. место, занимаемое ею в контексте, – как она подана автором и какими средствами он пользуется, чтобы довести до сознания читателя ее семантическое и коннотативное содержание. Незнакомой чаще всего является чужая реалия. Автор вводит ее в текст художественного произведения главным образом при описании новой для носителя данного языка действительности, а свои, т. е. знакомые реалии не нуждаются в каком-либо осмыслении.

При передаче реалий необходимо выбрать наиболее подходящий прием. Перед переводчиком встает вопрос: как наиболее точно воспроизвести колорит и сохранить структуру текста. Выбор приема перевода зависит от многих условий и обстоятельств.

Отсутствие в языке перевода лексического эквивалента для лексической единицы исходного языка не означает, что ее значение вообще не поддается воспроизведению при переводе. Как правило, оно воспроизводится с помощью определенных приемов. Факт лексической безэквивалентности означает, что значение лексической единицы исходного языка не может быть передано аналогичным, «симметричным» образом, т. е. с помощью лексической единицы языка перевода. Иными словами, лексическая безэквивалентность в переводе в основном имеет не абсолютный, а относительный характер.

С. И. Влахов и С. П. Флорин выделяют два способа передачи реалии: транскрипцию и перевод. Г. Д. Томахин выделяет следующие способы передачи иностранных реалий: транскрипция и транслитерация; калькирование; описание или разъяснительный перевод; трансформационный или контекстуальный перевод. Решающим фактором при выборе между переводом и транслитерацией Г. Д. Томахин называет фактор целесообразности коннотации. «Сохранение коннотации важно при описании референта, специфического для данной страны, использование транслитерации может быть оправдано необходимостью сохранения местного колорита и наиболее точной передачи и содержания в очерках и описаниях страны, путевых заметках» [5].

Рассмотрим некоторые примеры перевода слов-реалий, которые были выявлены нами в романе Б. Шлинка «Чтец» и его переводе, выполненным А. Тарасовым.

Пример 1: *Mein erster Weg führte mich von der **Blumenstraße**, in der wir im zweiten Stock eines um die Jahrhundertwende gebauten, wichtigen Hauses wohnten, in die **Bahnhofstraße*** [6].

Перевод на русский язык: *Мой первый после болезни путь вел меня с **Блюменштрассе**, где мы жили на третьем этаже массивного, построенного на рубеже веков дома, на **Банхофштрассе*** [1].

При переводе имен собственных переводчик использовал такую переводческую трансформацию, как транскрипция. Часто переводчики прибегают именно к этому приему, но мы считаем, что он не совсем удачен. При переводе названий топонимов следует применять транслитерацию/транскрипцию и разъяснительный перевод.

Пример 2: *Ich sagte, ich hätte mich verirrt; ich hätte einen Spaziergang über den Ehrenfriedhof zur **Molkenkur** geplant, sei aber lange nirgendwo und schließlich in **Nußloch** angekommen* [6].

Перевод на русский язык: *Я сказал, что хотел прогуляться через братское кладбище к **замку Мольтенкур**, но почему-то долго не мог к нему выйти и в конце концов очутился в **Нуслохе*** [1].

В следующем примере мы наблюдаем такие приемы перевода, как добавление и транскрипция. В данном случае, чтобы внести ясность, переводчик добавил лексическую единицу «**замок**».

Пример 3: *Über die **Weimarer Republik** und das **Dritte Reich** hatte ich schon im Krankenbett gelesen* [6].

Перевод на русский язык: *О **Веймарской республике** и **Третьем рейхе** я успел прочитать, еще лежа больным в постели* [1].

Реалии, относящиеся к политическому устройству Республики, переводятся путем калькирования.

Пример 4: *Das Gericht, drei Richter in schwarzen Roben und **sechs Schöffen**, saß an der Stirn des Saals, und rechts war die Bank der Angeklagten und Verteidiger, wegen der großen Zahl mit Tischen und Stühlen bis in die Mitte des Saals vor die Reihen des Publikums verlängert* [6].

Перевод на русский язык: *Сам суд, три судьи в черных мантиях и **шесть шеффенов**, восседал во главе зала, справа же находилась скамья подсудимых и защитников, удлиненная из-за их немалого числа столами и стульями до середины зала, до самых рядов с публикой* [1].

В данном примере реалия передана путем такого переводческого приема как калькирование. Чтобы понять значение лексемы «шеффены», читателю потребуется обратиться к дополнительным источникам информации и узнать, что **шеффены** являются выборными судьями в Германии.

Пример 5: *Ihr Blick tastete alles ab, die **Biedermeiermöbel**, den Flügel, die alte Standuhr, die Bilder, die Regale mit den Büchern, Geschirr und Besteck auf dem Tisch* [6].

Перевод на русский язык: *Она ощупывала своим взглядом все, что находилось вокруг нее: **мебель в стиле бидермейер**, рояль, высокие старинные часы, картины, полки с книгами, посуду и приборы на столе* [1].

В данном примере использована переводческая трансформация транслитерация и калькирование. *Бидермейер* – это художественный стиль, направление в австрийском и немецком искусстве, распространенном в 1815–1845 гг.

Пример 6: *Sie waren mühelos; das **Abitur** und das aus Verlegenheit gewählte Studium der Rechtswissenschaft fielen mir nicht schwer, Freundschaften, Liebschaften und Trennungen fielen mir nicht schwer, nichts fiel mir schwer* [6].

Перевод на русский язык: *Они были нетрудными; экзамены на **аттестат зрелости** прошли для меня легко и изучение юриспруденции, которую я выбрал, скорее, повинуясь сиюминутной ситуации, тоже шло гладко; дружеские и любовные связи, равно как и расставания, давались мне без особого труда, ничего не представляло для меня особого труда* [1].

Реалия переведена путем описательного перевода, так как система образования Германии имеет отличительные черты по сравнению с российской. Обратившись к интернет-ресурсам, можно выяснить, что для получения аттестата зрелости выпускнику необходимо сдать экзамен, подтверждающий успешное окончание гимназии и дающий право на зачисление в университет.

Пример 7: *Es war nicht **der erste KZ-Prozeß** und keiner der großen* [6].

Перевод на русский язык: *Это был не **первый «концлагерный» процесс** и не самый крупный* [1].

Перевод терминологии, относящейся к политическому устройству, представляет собой особый интерес для переводчика. В примерах, найденных при анализе перевода романа, можно обнаружить, что многие реалии данной тематики переведены путем калькирования. В данном примере дается разъяснение аббревиатуры.

Пример 8: *Der Professor, einer der wenigen, die damals über **die Nazi-Vergangenheit** und die einschlägigen Gerichtsverfahren arbeiteten, hatte ihn zum Gegenstand eines Seminars gemacht, weil er hoffte, ihn mit Hilfe von Studenten über die ganze Dauer verfolgen und auswerten zu können* [6].

Перевод на русский язык: *Профессор, один из немногих, занимавшихся тогда правовой стороной преодоления **нацистского прошлого** и методикой специального судебного производства, сделал этот процесс предметом отдельного семинара, надеясь с помощью студентов от начала до конца проследить за его ходом и вывести из него необходимые заключения* [1].

Как и было отмечено ранее, тематическая лексика передана путем калькирования.

Пример 9: *Manche Väter waren im Krieg gewesen, darunter **zwei oder drei Offiziere der Wehrmacht** und ein Offizier **der Waffen-SS**, einige hatten Karrieren in Justiz und Verwaltung gemacht, wir hatten Lehrer und Ärzte unter unseren Eltern, und einer hatte einen Onkel, der hoher Beamter beim **Reichsminister des Inneren** gewesen war. Ich bin sicher, daß sie, soweit wir sie fragt und sie uns geantwortet haben, ganz Verschiedenes mitzuteilen hatten* [6].

Перевод на русский язык: *У кого-то отцы воевали – среди них были, например, **два-три офицера вермахта** и **один войск СС**, – у кого-то они сделали карьеру в юстиции и административном деле; среди наших родителей были учителя и врачи, и у кого-то был дядя, занимавший раньше высокий пост в **рейхсминистерстве внутренних дел*** [1].

Чтобы полностью разобраться в понятиях, относящихся к политике тех времен, читателю романа будет необходимо использовать дополнительные источники. *Вермахт* – это Вооруженные силы нацистской Германии в 1935–1945 гг. Исторически словом «Вермахт» обозначались вооруженные войска любой немецкоязычной страны. Войска СС (нем. *die Waffen der Schutzstaffel* – Войска охранных отрядов) – военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

Пример 10: *Es war einmal etwas anderes, nicht Kaufrecht und nicht Täterschaft und Teilnahme, nicht **Sachsenspiegel** und keine rechtsphilosophischen Altertümer* [6].

Перевод на русский язык: *Он сулил что-то новое, уводящее в сторону от торгового права, виновности и пособничества, **Саксонского зеркала** и древней философско-правовой абракадабры* [1].

В данном примере переводчик использовал калькирование. Для того чтобы правильно понять данную реалию, необходимо обратиться к дополнительным источникам. *Саксонское зеркало* является сборником германского средневекового права. Данный сборник был составлен шеффеном Эйке фон Пенков в 1221 году.

Пример 11: *Der Vorsitzende ließ sich von Hanna einsilbig bestätigen, daß sie bis Frühjahr 1944 in **Auschwitz** und bis Winter 1944/1945 in einem kleinen Lager bei **Krakau** eingesetzt war, daß sie mit den Gefangenen nach Westen aufgebrochen und dort auch angekommen war, daß sie bei Kriegsende in **Kassel** gewesen war und seitdem hier und dort gelebt hatte* [6].

Перевод на русский язык: *Дальше Ханна односложно подтвердила председателю, что до весны 1944 года она входила в состав охранного подразделения **Освенцима** и до зимы*

1944–1945 годов несла службу в небольшом лагере под **Краковом**, что оттуда она, охраняя колонну заключенных, совершила марш на запад, что она дошла до цели, что к концу войны она находилась в **Касселе** и с тех пор жила то здесь, то там [1].

В данном предложении реалии **Auschwitz (Освенцим)** и **Krakau (Краков)** переведены путем калькирования. Интересным остается факт, что в мировой практике принято использовать немецкое название «Аушвиц», а не польское «Освенцим», поскольку именно немецкое название использовалось нацистской администрацией. В советских и российских справочных изданиях и СМИ исторически преимущественно используется польское название, хотя и немецкое постепенно входит в употребление. При переводе топонима **Kassel (Кассель)** использована трансформация транскрипция.

Методика выбора при переводе реалий каждый раз требует ответа в первую очередь на вопрос: транскрибировать или переводить? Какой из этих путей приведет к лучшему восприятию текста и его колорита, позволит наиболее полно и ненавязчиво раскрыть значение реалии. Выбор пути зависит от нескольких предпосылок: от характера текста; от значимости реалии в контексте; от характера самой реалии, ее места в лексических системах исходного языка и языка перевода; от самих языков – их словообразовательных возможностей, литературной и языковой традиции; от читателя перевода.

Перевод – это не простое механическое воспроизведение всей совокупности элементов подлинника, а сложный сознательный отбор различных возможностей их передачи. Исходной точкой должно считать целое, представляемое оригиналом, а не отдельные его элементы. Мастерство перевода предполагает умение не только сохранять, но и жертвовать чем-либо – именно ради более близкого соответствия подлиннику.

Литература

1. Бернхард Шлинк. Чтец. М. :Азбука-классика, 2009. 224 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М. : Высш. шк, 1976. 276 с.
3. Влахов С. Непереводимое в переводе. М. : Высш. школа, 1986.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. 215 с.
5. Томахин Г. Д. Реалии – американизмы : пособие по страноведению : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1988. 239 с.
6. Schlink B. Der Vorleser. Switzerland : Diogenes Verlag Ag, 2003. 206 p.
7. Multitran. URL: <http://www.multitran.ru> (дата обращения: 20.04.16).

УДК 378.01(1-17)

Захаркина А.В.
Zakharkina A.V.

К ВОПРОСУ О НОВОЙ ПАРАДИГМЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА С УЧЕТОМ СПЕЦИФИКИ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРА

TOWARDS NEW PARADIGM OF EDUCATIONAL PROCESS SPECIFIC TO CONTINUING EDUCATION IN THE NORTH

Статья посвящена национально-региональному компоненту современного концепта образования в Российской Федерации. Отмечается, что одним из факторов решения стратегических задач, направленных на развитие регионов Севера, является наличие корпуса высококвалифицированных кадров, обладающих в достаточной степени необходимыми компе-

тенциями и подготовленных с учетом особенностей региональной экономики. Делается вывод о том, что задачей номер «один», стоящей перед современным российским обществом, является формирование установки на постоянное получение новых знаний и навыков профессионального или иного характера.

Ключевые слова: образовательная парадигма, регионализация образования, непрерывность образования.

Неуклонно возрастающее значение регионов Севера России – это закономерный процесс, связанный с тем, что именно эти территории представляют собой зону стратегических интересов России в силу обладания уникальным геополитическим, природно-ресурсным и социально-экономическим потенциалом. Не вызывает сомнений, что эффективное использование и развитие регионов будет способствовать повышению статуса данных регионов как в национальной среде, так и на международной арене, что неизбежно приведет к формированию новой национальной модели развития Российской Федерации и будет способствовать укреплению ее геополитической и геоэкономической роли как ведущей северной державы.

Одним из факторов решения стратегических задач, направленных на развитие регионов Севера, является наличие корпуса высококвалифицированных кадров, обладающих в достаточной степени необходимыми компетенциями и подготовленных с учетом особенностей региональной экономики. Особую актуальность исследованию закономерностей развития региона в зависимости от образовательного уровня населения придает тот факт, что образовательный уровень населения региона выступает важнейшей составляющей показателя регионального развития и маркирует степень готовности и способности региона к решению интеллектуальных задач, а также развитию научно-технического прогресса.

Актуализация национально-региональных компонентов образовательного процесса связана и с тем, что названные компоненты служат составной частью поликультурного и общемирового образовательного процесса. В перспективном развитии образования на Севере одинаково опасны как тенденция абсолютизации региональной специфики, так и недооценка ее особенностей.

В современной парадигме образовательного процесса все большую значимость приобретает национально-региональный компонент, являющийся одним из определяющих факторов адаптации выпускника на региональном рынке труда. В связи с этим трендом современного образования становится его регионализация, под которой понимается включение в образовательный процесс историко-культурного, этнографического, духовного опыта, определяющего сущность сложившейся в регионе культурной, социальной и профессиональной среды. Подчеркнем, что регионализация, будучи многоуровневым и многофункциональным явлением, направлена, прежде всего, на удовлетворение актуальных потребностей экономики региона в области подготовки высококвалифицированных кадров, стремящихся к самообразованию и самореализации.

При этом важно отметить, что основная цель регионального компонента – это адаптация федерального компонента профессиональной подготовки выпускника к условиям региона, трансформация его в фактор развития профессионально-образовательной среды региона.

В современных условиях Севера на первый план выходит проблема сохранения и приумножения этнической целостности населения северных регионов, что может быть эффективно достигнуто только с помощью создания новых организационно-педагогических и здоровьесберегающих форматов образования. Вероятно, требуется и пересмотр учебного плана образовательных учреждений регионов России в сторону переориентации вектора развития на вариативное решение локальных проблем с учетом самобытной жизнедеятельности, природно-ресурсных условий народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

На данном этапе развития регионов Севера России ощущается острая необходимость в наращивании образовательного потенциала, способного в будущем преобразоваться в ка-

питал. Магистральная идея модернизации образования в регионах Севера – трансформировать накопленный опыт, обозначить перспективы решения назревших проблем, переориентировать вектор развития на доминанту ценностей современного информационного общества. Таким образом, теория обоснования перспективных этнорегиональных систем образования с каждым годом лишь актуализируется. При этом усиление эффективности образования в регионе должно идти по пути его непрерывности.

Регулярное обучение прежде всего взрослого населения страны в целях повышения уровня их компетентности только и способно справиться со всевозрастающими вызовами нашего времени во всех сферах жизни общества.

Ключевая проблема современного российского общества в вопросе повышения качества жизни – отсутствие социально-психологической установки людей на приобретение и постоянное поддержание высокого уровня профессиональной и общекультурной образованности, без которой невозможно построить экономику знаний.

Одной из причин данной проблематики выступает достаточно часто ощущаемое в обществе разочарование в полученном профессиональном образовании. И это совершенно не означает, что в России на сегодняшний день низкое качество образования. Причины такого разочарования, как нам представляется, коренятся в следующем. Во-первых, еще не забыты с советских времен плановой экономики гарантии трудоустройства по специальности, которых в современных условиях нет. Во-вторых, выпускники категорически отрицают задачу регулярного самостоятельного «добора» наиболее актуальных знаний по выбранной специальности, при том что в современном открытом виртуальном пространстве это не составляет труда. Именно отсюда возникает трудноразрешимая проблема – несоответствие выпускаемых специальностей запросам рынка и постоянная потребность в оформлении новых видов деятельности. В-третьих, современное высшее профессиональное образование ошибочно рассматривается как формирование готового «под ключ» специалиста, который с момента выпуска может больше никогда не учиться и при этом оставаться востребованным на рынке труда. Хотя это невозможно.

Другой причиной обозначенной проблемы является установка современного общества на «энергосбережение». Так, постоянное совершенствование личности требует значительных усилий и даже затрат (денежных, временных и т. д.), что, к великому сожалению, не является нормой поведения в современном российском обществе.

Нельзя не обратить внимание и на то, что в последние два десятилетия на высшем уровне власти формируется деструктивная, демотивирующая установка в отношении образования, что, безусловно, осуществляется сознательно с целью достижения определенных негативных результатов в отношении российского общества. К сожалению, такая установка вызывает повсеместное общественное признание, в результате чего различного рода обучение и развитие человека, особенно в зрелом возрасте, не является социально поддерживаемым поведением. Так, всем известно словосочетание «вечный студент», которое в наше время приобрело ярко выраженную негативную окраску. При этом, так называют людей, которые получают образование излишнее с точки зрения общества, «отвлекающее» человека от трудовой деятельности. Более того, считается, что такие «вечные студенты» фактически «отлынивают» от общественно-полезной деятельности, которая ошибочно рассматривается как более тяжелая деятельность, нежели образовательная. Зависть к человеку, имеющему желание и возможность (в том числе материальную) обучаться, приводит и к таким широко известным общественным оценкам, как «с жиру бесится», «деньги некуда девать», «с ума сошел на старость лет» и т. п. Однако не вызывает сомнений, что непрерывное образование, т. е. образование длиною в жизнь, не подразумевает отрыв от трудовой деятельности и не требует обязательных значительных материальных затрат. Хотя встает риторический закономерный вопрос: во что вкладывать заработанные деньги, как не в себя самого?

Важно подчеркнуть, что человек, постоянно стремящийся к образованию, воспринимается социумом как лицо, находящееся в поиске себя и своего места в жизни. И такой по-

иск, безусловно, осуждается, а не поддерживается. В таких психологических условиях проблема профессиональной ориентации является даже в некоторой степени «постыдной» для взрослого человека, который якобы «не может определиться, чего он хочет от жизни». При этом, чем старше человек, который как-либо изменяет свой вектор развития и чем кардинальнее это изменение, тем больший элемент «чуда» предписывается этому событию.

Как показывает практика, человек, вовлеченный в процесс умственного труда, не представляет своей жизни без дальнейшего обучения, развития и самосовершенствования. Как любитель спорта не представляет своей жизни без регулярных физических нагрузок, доставляющих огромное удовольствие, так и люди, вставшие на путь непрерывного образования, обычно не желают останавливаться на достигнутом. Дело в том, что развивая свои когнитивные способности путем постоянного самообразования, человек не совершает героического поступка, а просто поддерживает свой профессионализм на достойном уровне с целью востребованности на рынке труда.

Отметим, что изменение психологических установок современного российского общества необходимо и в направлении мотивирования трудовой мобильности, необходимость в которой связана с неравномерным развитием регионов огромной территории России.

Сложность задач, стоящих перед современным образовательным процессом, заключается еще и в том, что важно не просто выпустить специалиста, получившего подготовку высокого уровня, но и включить его уже на стадии обучения в производственную среду, сделать его способным к самостоятельному принятию новых решений, а также успешно выполняющим функции менеджера. Реализация этих приоритетных направлений невозможна без педагогической инноватики. При этом готовность к инновационной педагогической деятельности является базисом профессионально-педагогической позиции преподавателя, основой его самосовершенствования, формирования активной жизненной позиции, способной «заражать» учащихся.

Традиционная система профессионального образования, направленная на «знаниевую» парадигму обучения, не в состоянии удовлетворить современные запросы общества и государства в целом, воплотить в жизнь которые под силу только системе непрерывного образования.

Переход от «знаниевой» парадигмы к «понимаемой» неизбежен, что нельзя не оценить крайне положительно. Новая образовательная парадигма способна существовать в цепте непрерывного образования, ценна с точки зрения отсутствия «возрастных» барьеров, ориентирована на индивидуализацию образовательного процесса.

Частью парадигмального кризиса образования является проблема характера социальных взаимодействий и отношений между учителем и учеником, педагог императивного склада уже не отвечает духу времени и современной культуре. Педагог обновляющейся образовательной парадигмы, выступающий в роли тьютора, супервайзера или андрогога – это человек, готовый к проектированию индивидуального образовательного маршрута студента, организации рефлексии учащегося относительно своей деятельности, ведению портфолио, проектной инновационной деятельности.

Важно, чтобы организация учебного процесса в учреждении строилась таким образом, чтобы сам студент мог определять свою собственную стратегию профессионального развития. Это во многом зависит от того, как в том или ином учреждении организована совместная продуктивная деятельность студента и преподавателя, открывающая перспективы их взаимообогащения.

В современных условиях модернизации образовательного процесса ощущается острая необходимость в разработке управленческо-педагогической парадигмы. Решение названной проблемы возможно только в рамках и на базе андрагогики как самостоятельной науки об обучении взрослых. К сожалению, научные исследования в области андрагогики, разработка методики обучения взрослых, учитывающей социально-психологические особенности обучающихся, в России недостаточно масштабны.

Андрогог – это специалист в области учебной, воспитательной, информационно-ориентационной и организационной работы со взрослыми. Для успешного выполнения своих

функций андрагог должен обладать высоким уровнем общекультурной и профессиональной подготовки, а также владеть универсальным технологическим арсеналом преподавания.

Не вызывает сомнений, что задачей «номер один», стоящей перед современным российским обществом, является формирование установки на постоянное получение новых знаний и навыков профессионального или иного характера. Применительно к гражданину современного постиндустриального общества, занятого в экономике знаний, ярлык «вечный студент» в его негативной интерпретации категорически неприменим.

Общеизвестно, что активизация образовательного процесса заключается в поиске, разработке и апробации активных форм обучения, а парадигма современного образования выступает в некотором роде новацией, основные концепции которой сформированы и признаны, однако их реальное воплощение требует серьезных умственных и материальных затрат. Формальное отношение педагога к своей инновационной работе со студенческой аудиторией, включение в свой рабочий план, рабочую программу и учебно-методические материалы якобы «инновационных» методик образования с целью постановки «галочки» – распространенное и весьма негативное явление, оказывающее не менее негативное влияние на образование, нежели отсутствие желания у самих студентов учиться. Прежде чем искать проблемы в законодательстве об образовании, сетовать на широкомасштабный экономический кризис, препятствующий внедрению в образовательную среду инновационных технологий, важно, чтобы каждый студент, а также педагог ответил себе на вопрос: а ты готов меняться?

Литература

1. Афанасьев А. Е. О некоторых социально-педагогических условиях развития образования на крайнем севере // Философия образования. 2006. № 2. С. 43–49.
2. Жаров В. С., Щеглова А. Н. Региональные особенности развития высшего профессионального образования на севере России // Фундамент. исследования. 2013. № 4–1. С. 198–201.
3. Льдокова Г. М. Андрогикика как основа репрофессионализации // Академ. журн. Западной Сибири. 2011. № 1. С. 6.
4. Медведева Е. Ю., Ольхина Е. А. Специальная андрогикика: актуализация проблемы // Проблемы современ. педагог. образования. 2016. № 51–6. С. 260–266.

УДК 81`27

*Исламова Ю.В.
Islamova Ju.V.*

ЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ)

EUROPEAN LANGUAGE COMPETENCE SYSTEM IN FUNCTIONAL STATE LANGUAGES STUDY (ON EXAMPLE OF KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – UGRA)

В работе рассматривается возможность применения Европейской шкалы уровней владения языком в изучении витальности этнических языков. Исследование показало, что использование принципов европейского документа с разной степенью реализации может осуществляться как в социолингвистическом, так и социологическом исследованиях.

Ключевые слова: языковая компетенция, Европейская шкала, этнические языки.

Исследования региональных языковых ситуаций являются относительно новым направлением в социологии и социолингвистике, по этой причине единой общепринятой методики, с помощью которой можно было бы определять степень знания языка его носителей, до настоящего времени не выработано. Разработка унифицированной системы оценки языковой компетенции во владении этническими языками может способствовать получению представления о функциональном состоянии языков без установления критериев, заложенных автором в основу мониторинга.

Обзор литературы, посвященной этой проблеме, показывает, что в подавляющем большинстве исследований как социологических, так и социолингвистических в целях определения уровня знания этнического языка применяется метод субъективной оценки испытуемых (Р. В. Борисов, С. Х. Хакназаров, Ч. С. Цыбенова, П. Г. Никифорова и др.). Его использование позволяет сократить сроки исследования и опросить значительное количество респондентов. Тем не менее, более объективную картину языковой компетентности, как отмечается в ряде работ (А. И. Донцов, Т. Г. Стефаненко, Ж. Т. Уталиева и др.), дает комплексное изучение устной и письменной речи респондентов с привлечением экспертов-лингвистов.

Социолингвистические изыскания в силу своего междисциплинарного характера не ограничены в выборе используемых методов (собственно лингвистических, социологических и др.). Отбор методов социологического исследования обусловлен его основной целью – получением объективной картины о том или ином социальном явлении.

Основным методом исследования языковых процессов в социологии является опрос. Его особенность заключается в массовости, т. к., как правило, требуется получение сведений о группе индивидов, а не изучение отдельного представителя [1]. Соцопрос не предполагает глубокого исследования языковой компетенции каждого участника. Тем не менее в связи с тем, что оценка уровня владения языком того или иного этнического сообщества складывается из оценки уровня владения языком отдельных его членов, система оценки языковой компетенции, наряду с субъективными, может включать и объективные методы. Базой для нее может стать широко распространенная Европейская шкала определения уровня знания языка.

Проблема уровня языковой компетенции получила интенсивное развитие после публикации Советом Европы документа «Современные языки: изучение, преподавание, оценка» (Страсбург, 1976). Его целью была разработка методов обучения, учебных программ и оценки уровня владения иностранным языком, применимых для всех европейских языков. В книге содержится шкала уровней владения языком, для каждого из которых разработаны критерии компетенции в чтении, восприятии на слух, устной и письменной речи. Шкала включает в себя три яруса, а также ряд подуровней [4, с. 24] (табл. 1).

Таблица 1

Шкала уровней владения языком

Уровень	Подуровень	Критерии компетенции
А – элементарное владение языком	А 1 – уровень выживания	умение понимать и использовать простые фразы, предназначенные для удовлетворения конкретных потребностей
	А 2 – предпороговый уровень	умение понимать предложения, имеющие непосредственное отношение к повседневной деятельности
В – самостоятельное владение языком	В 1 – пороговый уровень	умение составить простой связанный текст на тему
	В 2 – продвинутый пороговый уровень	умение общаться бегло и спонтанно
С – свободное владение	С 1 – уровень профессионального владения	умение использовать язык гибко и эффективно в социальной, научной и профессиональной деятельности
	С 2 – уровень владения в совершенстве	умение выражать свои мысли спонтанно, очень бегло и точно, подчеркивая самые тонкие оттенки значений

В середине 90-х гг. XX в. в европейскую систему определения уровней владения языком включились российские методисты, разработав к настоящему времени несколько описаний уровня владения языком. Применительно к владению русским языком как иностранным, достигаемым за период обучения в вузе, система уровней выглядит следующим образом:

1. Элементарный уровень.
2. Базовый уровень.
3. Пороговый уровень, или 1-й сертификационный.
4. Пороговый продвинутый уровень, или 2-й сертификационный.
5. Постпороговый уровень, или 3-й сертификационный.
6. Совершенный, или 4-й сертификационный уровень. Уровень носителя языка [2].

Другая популярная общая шкала уровней владения иностранными языками была разработана аккредитованной Европейской комиссией по образованию организацией ALTE (The Association of Language Testers in Europe – Европейская ассоциация экзаменационных советов по иностранным языкам).

Первоочередной задачей ALTE стала разработка общих стандартов на всех этапах языкового тестирования и критериев оценки владения языком для всех европейских стран, соответственно, разрабатывалась и шкала уровней знания языка для целей тестирования. ALTE делит студентов на 6 уровней, начиная от начального (базового) и заканчивая совершенным уровнем [5].

В Обско-угорском институте прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск) накоплен опыт социологического исследования состояния языков коренных малочисленных народов Севера. Разработана методика мониторинга функционирования языков автохтонных этносов, описаны критерии оценки уровня владения.

В 2014 г. автором было проведено социологическое исследование уровня языковой компетенции во владении этническими языками коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югры. Основными методами получения данных были анкетирование и интервью. Анкетирование позволило в сжатые сроки опросить значительное количество респондентов. Интервью послужило дополнительным методом получения расширенной информации по исследуемой проблеме.

В ходе опроса респондентам предлагалось самостоятельно оценить свой уровень знания этнического языка по предложенной шкале:

1. Свободно владею, предпочитаю родной язык.
2. Свободно владею, но вынужден использовать язык большинства (т. е. русский).
3. Говорю с небольшими ошибками.
4. Владею, пишу и читаю.
5. Свободно понимаю родную речь.
6. Понимаю язык, но не говорю.
7. Понимаю два десятка слов.
8. Не понимаю языка.
9. Понимаю, о чем говорят.
10. Затрудняюсь ответить.

На основании полученной информации респонденты были отнесены к одной из 3 категорий: 1) владеющие языком, 2) владеющие языком на уровне понимания, 3) не владеющие языком. К владеющим языком причисляем респондентов, отметивших один или несколько пунктов шкалы: с 1-го по 5-й. В число знающих этнические языки на уровне понимания включаем выбравших пункты 5–6. Респонденты, отметившие пункты 7–10, признаются не владеющими языком.

Уровень владения этническими языками в целом по отдельным населенным пунктам, районам, согласно разработанной С. Х. Хакназаровым условной шкалы [6, с. 145], оценивался на основании совокупности ответов респондентов по следующим параметрам: 75–100 % (очень высокий); 53–74 % (высокий); 42–52 % (средний); 21–41 % (низкий); 0–20 % (очень низкий).

Применение данной методики позволило получить следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2

**Владение этническими языками КМНС
в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югры**

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа опрошенных
Свободно владею, предпочитаю родной язык	8	5,6
Свободно владею, но вынужден использовать язык большинства (т. е. русский)	7	4,9
Говорю с небольшими ошибками	2	1,4
Владею, пишу и читаю	1	0,7
Свободно понимаю родную речь	2	1,4
Понимаю язык, но не говорю	13	9,1
Понимаю два десятка слов	18	12,6
Не понимаю языка	86	60,1
Понимаю, о чем говорят	3	2,1
Затрудняюсь ответить	1	0,7
Итого ответивших:	138*	96,5**
Нет данных	5	3,5
	143	100,0

Примечание: * сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, среднее число ответов на 1 опрошенного 1,0; ** в данном случае рассчитана не сумма, а отношение числа ответивших к числу опрошенных.

На основании полученных данных приходим к выводу о том, что в Ханты-Мансийском районе языками автохтонных этносов владеют 12,6 % респондентов. Понимают язык, но не говорят на нем 20,5 %.

В настоящее время под языковой компетенцией понимается собственно лингвистический уровень владения языком: владение грамматической и словарной сторонами языка. К языковым умениям говорящего относят: умение выражать заданный смысл разными способами; умение извлекать смысл из сказанного; умение отличать правильные в языковом отношении высказывания от неправильных [7].

Исходя из определения понятия языковой компетенции, становится ясным, что для получения объективной картины владения этническим языком необходимо оценивать лингвистическую компетенцию как в устной, так и в письменной речи.

Очевидно, что формат социологического исследования не позволяет проводить детальной проверки уровня владения языком, поскольку сделает его громоздким, потребует привлечения значительного количества специалистов в области лингвистики, однако некоторые принципы Европейской шкалы уровней владения языком могут быть применимы к оценке состояния этнических языков.

Одним из вариантов может стать совмещение разработанной в Обско-угорском институте методики оценки с системой уровней Европейской шкалы. Субъективные данные, полученные от респондентов, могут быть отнесены к одному из выделяемых в ней уровней. Так, пункты 1 (свободно владею, предпочитаю родной язык), 2 (свободно владею, но вынужден использовать язык большинства, т. е. русский), 4 (владею, пишу и читаю) могут соответствовать уровню С (свободное владение) Европейской шкалы. Пункт 3 (говорю с небольшими ошибками) – уровню В (самостоятельное владение). Таким образом, можно говорить о том, что 11,2 % респондентов Ханты-Мансийского района имеют свободный уровень владения языком, 1,4 % находятся на уровне самостоятельного владения.

В отличие от социологического, в социолингвистическом исследовании может использоваться не только уровневая система Европейской шкалы, но и критерии определения уровня владения языком, разработанные в ней для каждого вида речевой деятельности (чтение, говорение, аудирование, письмо). Целесообразным в этом случае представляется использование опыта тестирования по русскому языку как иностранному.

Российская государственная система тестирования (ТРКИ) иностранных граждан по русскому языку была создана в 1992 г. Благодаря созданию системы тестирования РКИ был включен в мировое (международное) образовательное пространство. Тем самым был повышен статус русского языка как средства межкультурного общения.

Сертификационное тестирование позволяет определить степень сформированности коммуникативной компетенции по русскому языку иностранных граждан независимо от времени и места их обучения. Единая система уровней владения русским языком как иностранным соотносится с Европейской шкалой владения иностранными языками.

Российские тесты включают 5 субтестов: 1) Лексика. Грамматика; 2) Чтение; 3) Аудирование; 4) Письмо; 5) Говорение.

Оценка работы каждого участника теста складывается из баллов, полученных по формализованным тестам (в них предъявляются задания с выбором ответа из заданного множества) – чтению, аудированию, лексике и грамматике, и из баллов по письму и говорению. Прошедшим тест считается тестируемый, выполнивший каждый из субтестов не менее, чем на 66 % [3].

Применительно к проверке языковой компетенции во владении этническими языками может быть достаточно исследования устной и письменной речи посредством тестов «Говорение» и «Письмо». На основе полученных данных степень владения языками может определяться по уровневой системе Европейской шкалы.

Таким образом, Европейская шкала может служить базой для разработки системы оценки языковой компетенции. В зависимости от вида и целей исследования Шкала может использоваться целиком либо только ее уровневая градация.

Литература

1. Никандров В. В. Вербально-коммуникативные методы в психологии. СПб. : Речь, 2002. 480 с. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/metod_oprosa (дата обращения: 03.03.2016).
2. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР. 2009. 448 с. URL: http://methodological_terms.academic.ru/2159/УРОВЕНЬ_ВЛАДЕНИЯ_ЯЗЫКОМ (дата обращения: 29.02.16).
3. О функционировании российской системы государственного тестирования иностранных граждан по русскому языку как иностранному языку. О составе рабочей группы МВК. URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_10/mpr13-2.htm (дата обращения: 15.03.2016).
4. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка / Департамент современ. яз. Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы. М. : Изд-во МГЛУ, 2003. 256 с. URL: http://mosmethod.ru/files/DEUTSCH/obsheevropeiskie_kompetencii_vladeniya_inostrannym_yazykom_i.doc (дата обращения: 29.02.16).
5. Уровни владения иностранным языком. URL: http://ispeak.com.ru/publ/language_proficiency_levels/1-1-0-2 (дата обращения: 12.02. 2016).
6. Хакназаров С. Х. Состояние родных языков коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2008–2011 годах. Ханты-Мансийск, 2012. 202 с.
7. Языковая компетенция. URL: http://sociolinguistics_dictionary.academic.ru/897/Языковая_компетенция (дата обращения: 15.03.2016).

УДК 398(=511.142)

Карчина В. В.

Karchina V. V.

К ВОПРОСУ О НАРОДНЫХ ЗНАНИЯХ ВОСТОЧНЫХ ХАНТЫ

TOWARDS PEOPLE KNOWLEDGE OF EASTERN KHANTY

В статье раскрываются особенности народных знаний восточных ханты: календарь, способы сохранения здоровья и лечения болезней, знания о мерах и весах, знания о погоде. Здесь используются полевые материалы, собранные в экспедициях на р. Юган, Пим, Тром-Аган и по их притокам.

Ключевые слова: мировоззрение народа ханты, духовная культура народа ханты, хантыйские приметы, традиционная медицина, народный календарь.

Народные знания являются частью традиционной культуры. Генетически они тесно связаны с фольклором и народной педагогикой. В большинстве общественных наук народные знания нередко приравниваются к народной науке и рассматриваются в качестве особой формы вне научного и внерационального знания, ставшей в настоящее время делом отдельных групп или отдельных субъектов: знахарей, целителей, экстрасенсов, а ранее – шаманов, жрецов, старейшин рода [2].

Народные знания включают в себя народную медицину, народный календарь и метеорологию, метрологию, астрономию и космологию, а также знания о растениях и животных. В. В. Подмаскин в своих трудах о культуре народов Нижнего Амура и Сахалина считает, что использование научных терминов «медицина», «астрономия», «метрология» в качестве синонимов областей народных знаний к этносам, не имеющим в прошлом письменности и науки, нецелесообразно. Например, словосочетание «народная медицина» можно заменить – «народные способы сохранения здоровья и лечения болезней»; «народная астрономия» – «народные знания о небесных телах»; «народная метрология» – «народные знания о мерах и весах» и т. д. [5]. Мы придерживаемся такого же мнения.

Знания и умения народа ханты базируются на огромном коллективном и индивидуальном опыте. Ведь основные занятия – охота, рыболовство и оленеводство – требуют от них знаний о географических особенностях местности, о растительном и животном мире, о погодных условиях и т. д. Эти умения и знания коренные жители передают своим детям, внукам, многое забывается и уходит в небытие.

В древности счет времени и определение периодов ханты вели по ярким, значимым приметам, например, год хорошего урожая морошки и др. Календарем ханты являлись двенадцать неравных отрезков времени, которые были обусловлены некими природными явлениями и событиями, т. к. именно погодные и природные условия определяли особенность их хозяйственной деятельности. В названиях месяцев народа ханты отражена почти вся хозяйственная деятельность человека. Каждый месяц связан с каким-либо изменением, причем известны различные названия одного и того же месяца (табл. 1).

Хантыйские названия месяцев связаны с изменениями в природе, которые не могли происходить в одни и те же дни из года в год. Традиционный хантыйский календарь и аспекты хозяйственного цикла связаны теснейшим образом.

До появления письменности у ханты не велся счет прожитым годам, не было летосчисления. Рождение человека или какое-нибудь важное событие они фиксировали, например, как год больших морозов, урожайный год кедрового ореха, большие комары, жаркое лето и т. д.

Таблица 1

Названия месяцев народа ханты

январь	1. Түлэх йӓчэ тылӓс 2. Йӓлӓп от тылӓс	1. Месяц середины зимы 2. Месяц нового года	смена сезонов
февраль	Роҳпӓң курӓк тылӓс	Обманчивого орла месяц	природные особенности
март	Сӓрӓ курӓк тылӓс	Крепкого орла месяц	природные особенности
апрель	Вурӓи тылӓс	Вороний месяц	природные особенности
май	Лонт-васӓх тылӓс тылӓс	Месяц прилета перелетных птиц (гуси-утки)	природные особенности, хозяйственно-трудовая деятельность
июнь	1. Койӓм тылӓс 2. Лор войӓх тылӓс 3. Ай вар ики тылӓс	1. Рыба мечет икру – месяц. 2. Месяц гагары. 3. Маленького заporного мужчины месяц.	природные особенности, хозяйственно-трудовая деятельность
июль	1. Пит войӓх тылӓс 2. Лӓвтӓм кул тылӓс 3. Лӓң йӓчэ тылӓс	1. Утки линяют – месяц. 2. Рыба поднимается вверх по те- чению – месяц. 3. Месяц середины лета.	природные особенности, хозяйственно-трудовая деятельность, смена сезонов
август	1. Йӓңк той тылӓс 2. Қор нарӓксӓт тылӓс 3. Йӓм анчӓх тылӓс	1. Вода вытекает – месяц. 2. Месяц гона быков (оленей, лосей). 3. Месяц, когда поспевают ягоды.	природные особенности, хозяйственно-трудовая деятельность
сентябрь	1. Сарӓх тылӓс 2. Лыптӓт питӓт тылӓс	1. Месяц рыбы – сырок. 2. Месяц листопада.	природные особенности
октябрь	1. Сӓх тылӓс 2. Нӓур йӓхӓп қӓ 3. Лыпӓт тылӓс 4. Вӓлӓх йӓхӓт тылӓс	1. Месяц налима. 2. Голое дерево. 3. Месяц, когда листья опадают. 4. Голые деревья – месяц.	природные особенности, хозяйственно-трудовая деятельность
ноябрь	Ай йыр қӓ тылӓс	Месяц малых холодов.	природные особенности
декабрь	Ӕнӓл йыр қӓ тылӓс	Месяц больших холодов.	природные особенности

Мерой расстояния у народа ханты служило количество песков на реке, а зимой – количество дней или ночевок. Длину измеряли шагами, обхватом рук, частями пальцев. Глубину воды мерили веслом и другими предметами. Вес определяли по объему сосудов, по тяжести груза в руке [1, с. 116].

До начала XX века ханты не имели письменности и при передаче информации пользовались разными способами: делали зарубки на дереве, на специальных палочках, в качестве личной подписи ставили какой-либо знак, рисовали зверька, птицу. «При охоте на медведя на кедре рисовали лицо медведя, и сколько было людей, столько палочек ставили. Дни считали так: треугольная палочка, на ней каждый день зарубку делали» [4, с. 30].

Ханты могли предсказать большие морозы, время прилета и отлета птиц, большую воду и тому подобное. Охотники, например, по урожаю кедровых орехов и ягод определяют, много ли будет белок.

Важным фактором в жизнедеятельности народа ханты является погода. Существует много различных примет определения погодных условий, например, по небесным светилам:

- если летом закат солнца ярко-красного цвета – к сильному ветру, если зимой – быть сильным морозам;
- с какой стороны звезды на небе больше мигают – оттуда ветер подует;

- полярная звезда приблизится к луне – к холодам, к морозу;
- вокруг луны большой круг – к пурге, к холодам;
- зимой в вечернее время, если солнце одело «варежки и шапку» (вокруг солнца круги, как радуга) – к оттепели – солнце спрятало морозы;
- если утром солнце восходит в варежках и шапке – к морозу;
- если облака на небе в два слоя и плывут в противоположные стороны – это к неустойчивой переменной погоде;
- если зимой солнце в большом круге – это к снегу, если в маленьком – то к морозу.

По поведению животного мира, рыбы и насекомых:

- если дятел кричит не как обычно «кру-кру-кру», а «выть-выть-выть» – жди дождя;
- вороны, сидящие в кучке, в какую сторону головой – с той стороны будет ветер, если они сидят ближе к дереву – к ненастью;
- собака ест зеленую траву – к дождю;
- на рыбалке, если рыба сильно кровит – к дождю;
- много комаров и мошек – к дождю.

По растениям:

- если много рябины – зима будет теплая.

По дыму и огню:

- если дым от костра едкий, ест глаза – погода испортится к дождю, если нет – к хорошей погоде;
- дым столбом – к морозному дню;
- сильная тяга в печи, красный огонь, дрова горят с треском – к морозу.

По своему состоянию или по снам:

- если во сне увидишь медведя – это к морозу.

Познания в области медицины у народа ханты имеют немаловажное значение в их жизни. Используемые в лечении меры носят рациональный характер. Определены средства, которые применяются при той или иной болезни.

Ханты лечатся природой, вернее природными средствами. Самым здоровым считается тот, кто питается медвежьим мясом, жиром, т. к. они, особенно желчь, очень полезные при различных заболеваниях. Медведя и в прошлом, и в настоящем почитают повсеместно, приписывая ему способность охранять членов семьи от болезней [3, с. 89].

Каждую болезнь, по мнению ханты, приносит определенный дух. Поддержку и покровительство они также ищут у духов-покровителей. Например, духу воды при серьезной болезни бросают в речку материю.

Ханты верят в различные приметы для сохранения здоровья и придерживаются их. Для сохранения здоровья и предотвращения различных болезней на спелую красивую морозку одевали платочек и поясик из ткани красного цвета.

Детям специально подвешивают сзади украшения из бисера, копейки, пуговицы, колокольчики – от сглаза, порчи, от болезней. Объясняется это тем, что звон монет и других украшений отпугивает злых духов. У новорожденных, у которых еще нет зубов, на рубашечке под мышкой оставляют маленькую дырочку, а на носке обуви пришивают бисер – тоже от сглаза. А мужчины в качестве оберега носят на поясе медвежий зуб.

Ханты знают секреты лечения травами, при каких болезнях пить тот или иной отвар, в какое время года нужно собирать их. Весной собирают набухшие почки багульника, отвар из которых пьют для выведения глистов. При туберкулезе заваривают кору черемухи, лучше весеннюю, багульник или бессмертник – при сильном кашле. В начале лета брусничный лист – при заболеваниях почек, мочевого пузыря.

От болей в животе и желудке ханты заваривают чай из коры березы, брусничного листа, пьют отвар из чаги. При расстройствах желудка употребляют черемуху, чернику. Морозка полезна при заболеваниях печени. Смолу лиственницы и сосны ханты жевали от цинги. Вообще, у ханты редко бывает зубная боль, возможно, потому, что большинство мужчин

и даже женщин закладывают за губу специально приготовленную смесь – чакэм, в основу которой входит зола березового тутовика [6, с. 28].

У пимских ханты существует поверье, что если даже случайно взять в рот осиновою веточку, то зубы у человека будут плохими, т. к. осина считается плохим деревом.

Священным деревом является береза. Круглый год вместо чая пьют березовый гриб – чагу. Летом делают настой из березовых почек. При выздоровлении человека именно на березу вешают материю – в знак благодарности духам.

Лечить, а не только кормить и одевать, может и животный мир наших лесов. О лечебных свойствах препаратов животного происхождения издревле известно народу ханты. Например, чирей, из рассказов пимских ханты, лечили так: заячью шкуру, намазанную собачьим калом, прикладывают к больному месту на ночь, а когда высохнет и начнет стягивать, убирают. Ожоги лечат собачьим жиром. При любом удавшемся случае ханты пьют кровь только что убитых животных – обычай, присущий охотникам у многих народов. Это благотворно влияет на самочувствие человека, придает ему новые силы.

Черный дятел встречается в наших лесах очень редко, человек страдающий заиканием, съев его мясо, излечивается от этого недуга.

В народной медицине применяются лекарственные средства из рыбы. Из чешуи готовят клей, обладающий ранозаживляющими свойствами. При ожогах и ранах применяют желчь. Вообще желчь и рыбы, и различных животных высоко ценится в народной медицине. При разделке щуки ханты тут же глотают желчь целиком, говорят, что хорошее средство при язве желудка. Очень полезен рыбий жир.

Стрептодермию пимские ханты лечат над горячим дымом от березовых дров, сгоревших до крупных углей.

Кроме всего прочего, пимские ханты верят в сглаз или порчу и знают различные заговоры для их снятия. Женщина-ханты, с реки Юган, лечит своих детей так: берет стакан с водой, набрав в рот немного воды, произносит по-хантыйски, почти мыча: «Сама рожаю, сама лечу» 3 раза. Затем этим же стаканом воды обводит три раза по солнцу вокруг дверной ручки. Умывает этой водой лица детей, не вытирая их, пока не высохнут сами.

Лечат еще и так. При кашле или простуде можношить маленький халатик, высморкаться в него, привязать к кусочку коры любого дерева и выбросить в реку, чтобы его унесло течение.

Ханты всегда соблюдают правила общественной и личной гигиены и придерживаются разного рода запретов.

Это далеко не полный перечень всех народных способов лечения и сохранения здоровья. Далеко не все они применяются в официальной научной медицине, многое подлежит тщательному исследованию. Но уже имеющееся заставляет задумываться о рациональном использовании богатств, данных нам природой.

Главным для народа ханты является бережное отношение и рациональное использование природы. Ведь природа – это их дом, это и наш дом. Нужно об этом помнить всегда.

Литература

1. Бахлыков П. С. Юганские ханты: история, быт и культура : Краткое историческое повествование о ханты Сургутского района. Тюмень : СофтДизайн, 1996. 208 с.
2. Кохановский В. П., Золотухина Е. В., Лешкевич Т. Г., Фатхи Т. Б. Философия для аспирантов : учебн. Пособие ; изд. 2-е. Ростов н/Д : Феникс, 2003. С. 6–26.
3. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск : Наука, 1992. 135 с.
4. Лукина Н. В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Т. 2: Средняя Обь. Вах. Кн. 1. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2005. 352 с.
5. Подмаскин В. В. Народные знания в традиционной культуре тунгусо-маньчжуров и нивхов Нижнего амура и Сахалина, середина XIX–XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2002. 22 с.
6. Тахтуева А. М. Материальная культура юганских ханты. Сургут : Северный дом, 1993, 80 с.

УДК 821.161.1 Тютчев.07

Калашиникова И. А.
Kalashnikova I. A.

ОППОЗИЦИЯ «СЕВЕР» – «ЮГ» В ЛИРИКЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА

OPPOSITION «NORTH» – «SOUTH» IN F.I. TYUTCHEV LYRICS

В статье рассматриваются различные аспекты функционирования философско-поэтической оппозиции «Север» – «Юг» в лирике Тютчева. «Роковой» Север традиционно семантически соотносится в художественной картине мира поэта с образами Ночи, Хаоса, «блаженный» Юг – с Днем, Гармонией.

Ключевые слова: оппозиция, антитеза, Север, Юг, Тютчев, поэзия, лирика.

Лирика Ф. И. Тютчева традиционно воспринимается как поэзия контрастов и бинарных оппозиций: день – ночь, Гармония – Хаос, жизнь – смерть, человек – природа, движение – покой и проч. В ней явления и силы окружающей действительности противостоят и сосуществуют. В этой системе противопоставлений существенную роль играет антитеза Севера и Юга, являющаяся органичной частью художественной картины мира поэта.

Первоначально поэтическое обозначение Севера и Юга возникает в ранней лирике Тютчева как маркер широты охвата пространства, указывающий основные горизонтальные векторы движения жизненной энергии. Так, в стихотворении «Урания» (1820) лирический субъект приветствует благие деяния богини одухотворенной, «небесной» любви. Описывая распространение просвещения «по манию ее могущего жезла», он отмечает всеохватность, вездесущность этого явления:

И блага жизни изливает

На Запад, на Восток, на Север и на Юг... [3, с. 52].

Показательно, что уже здесь, в первом поэтическом тексте, Тютчев употребляет эти понятия, обретающие в данном случае и географическую, и мифологическую семантику, используя написание с заглавной буквы, что впоследствии станет традиционно для метафорических случаев функционирования образов Севера и Юга.

Сходное значение географического маркирования пространства использование лексем «Север» (в данном случае в варианте «Норд») и «Юг» приобретает в более позднем тексте «Из Гётева Западно-Восточного Дивана» (1829). В данном случае возникает бинарная оппозиция, приобретающая политически и исторически ориентированную семантику. Одним из элементов этой оппозиции становятся деструктивные Запад, Север и Юг, противопоставленные гармоничному Востоку:

Запад, Норд и Юг в крушенье,

Троны, царства в разрушенье, –

На восток укройся дальный

Воздух пить патриархальный!.. [3, с. 90]

И в более поздней поэтической декларации «Русская география» (1848) Тютчев вновь актуализирует географический аспект семантики образов Севера и Юга, в котором они выступают скорее в единстве, чем в оппозиции:

Москва, и град Петров, и Константинов град –

Вот царства русского заветные столицы...

Но где предел ему? и где его границы –

На север, на восток, на юг и на закат?

Грядущим временам судьбы их обличат... [3, с. 152]

Более яркую метафорическую смысловую окраску получает образ Севера в поэтической зарисовке «С чужой стороны» (1823 или 1824) – тютчевском переводе стихотворения Г. Гейне. Здесь Север наделяется оценочным эпитетом «мрачный»; его поэтическими атрибутами становятся «дикая скала», «кедр одинокий», «снег», «сон», «инистая мгла», «вьюга» [3, с. 67]. Следует заметить, что, стремясь передать метрическое своеобразие подлинника, поэт в то же время смещает смысловые акценты исходного текста, на что обратил внимание Б. Я. Бухштаб: «Мысль Гейне деформирована изменением одного стиха. У Гейне сосна одинока «на голой вершине», а пальма – «на утесе горячем» (по точному переводу Лермонтова). Тютчев же вместо стиха «Auf brennender Felsenwand» («на утесе горячем») дает «Под мирной лазурью, на светлом холму». Гейневский параллелизм заменяется тютчевским контрастом» [1, с. 60].

Включение образа Севера в систему контрастных оппозиций становится одним из любимых и часто встречающихся приемов в зрелой тютчевской лирике. Но если в анализируемом тексте «мрачный север» противопоставлен Востоку, то более распространенным явлением становится антитеза «Север» – «Юг».

Наиболее развернуто и глубоко эта антитеза представлена в стихотворении «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...» (1837). Здесь реальным для лирического субъекта является северный пейзаж (настоящее), а южный представляет собой воплощенную картину воспоминаний (прошлое) и мечтаний (будущее):

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,

Я зрел тебя лицом к лицу <...>

Я вновь на Север увлечен <...>

Еще я вижу вас вдали... [3, с. 142–143]

Юг представляется лирическому субъекту в образе «бога разоблаченного», доступного, близкого и дружелюбного к человеку – «пришлецу». Пространство Юга предстает многомерным и объемным, лирический субъект всеми органами чувств включен в его восприятие. Мир Юга наполнен для него самыми разнообразными и яркими ощущениями: звуковыми («пенье Великих Средиземных волн»), зрительными (блеск и «лазорева равнина» вод), обонятельными и осязательными (свежесть). Палитра чувств лирического субъекта так же многогранна, ему сложно передать ее конкретными определениями: он «заслушивается» пением волн, и его душа наполняется не восхищением, но некими «новыми чувствами». Лирический субъект ощущает судьбоносность момента единения с прелестью Юга, неслучайность возникшей между ними связи.

Время не властно над миром Юга: «Великие Средиземные волны» равно прекрасны, их песнь «полна гармонии», как «во время оно», когда из них явилась пенорожденная Афродита, так и в настоящем:

Они всё те же и поныне –

Всё так же блещут и звучат [3, с. 142]

Так, пространство Юга входит в контакт со временем как реальным (воспоминания лирического субъекта), так и мифологическим (явление Киприды и «святых призраков»), являясь объектом сосредоточения волевых интенций лирического субъекта.

Однако в настоящем лирический субъект находится в ином пространстве – пространстве Севера. Он также вступает во взаимодействие с этим пространством, но взаимодействие это совершенно иного рода. Автор наделяет мир Севера поэтическими атрибутами, свидетельствующими о чуждости и враждебности лирическому субъекту: «свинцовый небосклон», «снег обильный», «воздух колет», «царство вьюги». Человек находится в этом пространстве не по своей воле – сюда он «увлечен». Безраздельно царствует в этом мире холод – «чародей всесильный». Отметим, что колдовскими свойствами Тютчев будет наделять мир Севера и впоследствии. Так, лирический субъект стихотворения «Глядел я, стоя над Невой...» (1844) взволнованно вопрошает:

О Север, Север-чародей.

Иль я тобой околдован? [3, с. 150]

В заключительной части стихотворения «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...» внимание лирического субъекта вновь возвращается к миру Юга, причем его прелесть и обаяние кратно возрастают после столкновения с антагонистичным Севером:

Вы блещете еще прекрасней,

Еще лазурней и свежей [3, с. 143]

Образ Юга наделяется яркими оценочными эпитетами «золотой», «светлый».

В композиционном отношении трем строфам описания Юга соответствует лишь одна строфа, рисующая картину Севера, что очевидно свидетельствует о предпочтениях лирического субъекта. В финале, в сильной позиции текста, он приходит к утверждению единения с миром Юга:

И говор ваш еще согласней

Доходит до души моей! [3, с. 143]

В упомянутом выше стихотворении «Глядел я, стоя над Невой...» устремления лирического субъекта так же связаны не с Севером – реальным пространством, – а с Югом – пространством воображаемым, возникающим в его воспоминаниях:

О, если б мимолетный дух,

Во мгле вечерней тихо вея,

Меня унес скорей, скорее

Туда, туда, на теплый Юг... [3, с. 150]

Двукратный лексический повтор призван передать силу этого мысленного, чувственного и волевого устремления. Однако лирический субъект ощущает себя прикованным к «гранитной полосе» северной столицы. Образ Севера наделяется в данном лирическом тексте атрибутами безжизненности, застылости, темноты: «мгла морозного тумана», «мертвенный покой», «оледенелая река». Несмотря на то, что большее пространство текста посвящено описанию Севера (три строфы из пяти), в финале стихотворения вновь, как и в «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...», в сильной позиции находится образ Юга.

В стихотворении «Вновь твои я вижу очи...» (1849) «южный взгляд» возлюбленной рассеивает «сонный хлад» и производит чудесное действие в душе лирического субъекта:

Сновиденьем безобразным

Скрылся север роковой... [3, с. 157]

Вновь из реального пространства Севера он устремляется в воображаемое – в «волшебный», «родимый край», наделенный чертами райского сада: «живительный» свет «легкого и прекрасного» небесного свода, «чистые лучи», «лавров стройных колыханье», «воздух голубой», «моря тихое дыханье» [3, с. 158] и т. д.

Б. Я. Бухштаб справедливо утверждает, что поэтическое восприятие образов Севера и Юга связано в подобных случаях с событиями личной жизни поэта: «Русского Юга Тютчев не знал. Юг для него – это Бавария и Италия, это его молодость; Север – это Петербург, это годы, когда жизнь уже начала покрываться «льдиистой корой». Однако содержание контрастных образов Севера и Юга у Тютчева не только географическое и биографическое, но и политическое» [1, с. 51–52]. Исследователь считает, что в стихотворениях, написанных в конце 1840-х годов, таких, как «Русской женщине» или «Итак, опять увиделся я с вами...», семантически примыкающих к группе лирических текстов, воплощающих образы Севера и Юга, чувства горечи и тоски, охватывающие лирического субъекта, связаны с неприятием поэтом современной ему русской действительности николаевской эпохи.

В тесной смысловой связи с анализируемыми текстами находится целый ряд стихотворений, в которых Север и Юг не получают своего конкретного определения, но изображенная картина жизни соответствует тому или иному образу из представленной оппозиции. Так, в стихотворении «Итальянская villa» (1837) поэт рисует типичную южную ситуацию – спокойную, гармоничную, одухотворенную: небо, «благосклонное» к земле, «цветущая

юдоль», «фонтан лепечет», «гуляет ветерок». Эта картина словно застыла в своей блаженной неге, она неподвластна разрушающему действию времени, на что лирический субъект неоднократно обращает внимание:

*И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим... [3, с. 141]*

Однако эта гармония отнюдь не является неуязвимой: она легко разрушается вторжением в нее человека, обуреваемого бушующими и суетными страстями.

Черты пространства Севера мы находим, например, в стихотворениях «Через ливонские я проезжал поля...» (1830) и «На возвратном пути» (1859). Мир Севера воплощен здесь в целом ряде образов, объединенных темой безжизненности – отсутствием яркого цвета и света, ясного звука, стремительного движения: «бесцветный грунт небес, песчаная земля», «пустынная река» [3, с. 109–110], «безлюдный край», «огромная туча снеговая», «угрюмый лес», «осенняя мгла» [3, с. 199–200]. Этот «грустный вид» наводит на лирического субъекта ощущение уныния, подталкивает к печальным раздумьям. Характерно, что в стихотворении «Грустный вид и грустный час...» (первой части диптиха «На возвратном пути»), имеющем двухчастную композицию, дважды возникает один и тот же образ – образ месяца. Но если в строфе, посвященной описанию северного пейзажа, месяц сравнивается с «призраком гробовым» [3, с. 199], то во втором шестистишии, воспроизводящем воспоминания лирического субъекта о Юге, –

Тот же месяц, но живой... [3, с. 200]

Важно заметить, что образы Севера и Юга в тютчевской лирике приобретают не только биографическую, географическую и политическую семантику, но и онтологическое, бытийное значение. Ю. М. Лотман указывает: «В самом приближенном виде югу соответствует жизнь, движение, интенсивность бытия, северу – сон, постепенное замирание, ослабление бытия вплоть до полного перехода в небытие» [2, с. 581]. Другими словами, образу Юга соответствует стихия Гармонии, Дня, Северу – Хаос и Ночь. Человек, попадающий в пространство Севера-Хаоса, постоянно ощущает неприютность, незащищенность, иллюзорность своего существования:

*Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья –
Жизнь отошла – и, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе... [3, с. 200]*

В большинстве случаев пространство Юга становится для человека спасением от этих ощущений. Однако в ряде поэтических текстов мы можем заметить амбивалентность семантики этого образа. Так, в стихотворении «О, этот Юг, о, эта Ницца!..» (1864) блеск и яркость южного мира тревожат душу лирического героя, внося в нее разлад, навевая грустные размышления. Объяснение этому необычному оттенку образа Юга мы находим в биографии поэта: стихи написаны в Италии, где находился Тютчев после смерти Елены Денисьевой, и отражают его подавленное состояние. «Есть страны, где носят траур ярких цветов. Повидимому, это мой удел...», – пишет он дочери Анне [4, с. 276].

Еще одну новую коннотацию получает образ южного мира в стихотворении «Mala agia» (1830). Здесь поэт рисует картину, которая наполнена деталями, традиционно связанными с образом Юга: «источник, прозрачный, как стекло», «радужные лучи», «высокая безоблачная твердь», «теплый ветер», «запах роз» [3, с. 112]. Однако, как отмечает Ю. М. Лотман, здесь «мы сталкиваемся со смысловой инверсией: Юг может интерпретироваться как полюс зла» [2, с. 582]. В каждом из этих ярких зрительных, звуковых, обонятельных, осязательных чувственных образов лирический субъект видит предвестники Смерти, «разлитое, таинственное Зло» [3, с. 112]. Атрибуты южного мира выступают в данном случае лишь завесой, «тканью легкой», которой прикрыт скорый приход смерти, «усладителем последней нашей муки» [3, с. 112]. Эта семантика образа Юга соотносится со значением Дня как «бли-

стательного» «златотканого покрыва» [3, с. 145], наброшенного на бездну Ночи и Хаоса, в стихотворении «День и ночь» (1839).

Образы Севера и Юга в лирике Ф. И. Тютчева выступают в качестве устойчивой бинарной философско-поэтической оппозиции, соотносящейся с центральными антитезными парами онтологических универсалий, лежащих в основе художественной картины мира поэта: Хаос – Гармония, День – Ночь. Семантика этой оппозиции может быть прокомментирована в географическом, биографическом, политическом, бытийном контекстах. Традиционно пространство Севера выступает в тексте в качестве метафизического пейзажа, характеризуемого рядом художественных деталей, имеющих семантику холода, безжизненности, враждебности человеку. Пространство Юга часто возникает в лирическом сюжете в связи с поэтической ситуацией воспоминания или мечты. В большинстве текстов оно наделяется значениями тепла, движения, вступает в гармоничные многомерные отношения с лирическим субъектом. Однако в ряде случаев семантика этого образа амбивалентна и связана с представлением об иллюзорности жизни.

Литература

1. Бухштаб Б. Я. Русские поэты. Л. : Худ. лит., 1970. 250 с.
2. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб. : Искусство, 1996. 848 с.
3. Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л. : Сов. пис., 1987. 448 с.
4. Тютчев Ф. И. Сочинения : в 2 т. Письма. М. : Худ. лит., 1984. Т. 2. 447 с.

УДК 398.211(=511.142):801

Кашлатова Л. В.
Kashlatova L. V.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА ХАНТЫЙСКОЙ СКАЗКИ «О СОТВОРЕНИИ ЗЕМЛИ»

STRUCTURAL-SEMATIC FEATURES OF KHANTY TALE TEXT «ABOUT CREATION OF THE EARTH»

Данная статья является продолжением исследования духовной культуры среднеобских хантов. Автор рассматривает структурно-семантические особенности текста хантыйской сказки «О сотворении Земли». В текстах выявлена особая картина мироустройства, где создателями одновременно являются антропоморфные, орнитоморфные и зооморфные персонажи; характеристики времени и пространства, особенности окружающих предметов и персонажей.

Ключевые слова: мифологическое сказание, сотворение Земли, эпоха первотворения, персонажи, Нуми Торум, мифическое животное, Каттась-Ими.

В настоящий момент обско-угорский фольклор характеризуется богатством и разнообразием мифологических сказаний о возникновении Земли. Они различаются по многообразию деталей и вариаций, по сюжету и действующим лицам, но больше всего внимания уделяется созданию земной тверди из первичной водной стихии.

Объектом исследования является «Сказка о сотворении Земли», на хантыйском языке звучит как «*Миг ховтум моньци*»¹, и дословно переводится как «Сказка о всплытии, подня-

¹ Данный миф на магнитофонной ленте и расшифрованный текст в 1998 г. передала Е. А. Шмидт в Березовский научно-фольклорный фонд народа манси автору данной статьи для перевода с хантыйского на русский язык (среднеобский диалект).

тии земли». Данное произведение относится к мифологическим сказаниям, так как отражает самую древнюю эпоху первотворения и занимает особое место в мировоззрении хантов. Её записала венгерская исследовательница фольклора, кандидат исторических наук Е. А. Шмидт в 1982 году в с. Полноват Берёзовского (ныне Белоярского) района. Исполнитель этого мифологического сказания – Григорий Прокопьевич Смолин (1908–1985 гг.), уроженец д. Мулигорт Октябрьского района. Бывший охотовед, до выхода на пенсию работал егерем в заповеднике «Малая Сосьва». На его счету ни один десяток добытых медведей, поэтому он хорошо знал репертуар медвежьих игр, слыл в роду прекрасным сказочником. Текст мифа изложен на мало-сосьвинском говоре среднеобского диалекта хантыйского языка.

На примере данной сказки мы проанализируем структурно-семантические особенности фольклорного текста. Для этого вкратце рассмотрим сюжет мифа.

Верховное божество *Нуми-Торум* со своей семьёй – двумя сыновьями и тремя дочерьми – живёт на небесах. Каждый день он ходит на охоту – «по ста соболиным тропам, по ста звериным тропам». Имеет дом, величиной в семь саженей. В его половине дома, куда не разрешается входить детям, в полу имеется дыра. Но в его отсутствие дети увидели внизу сплошное море воды и стали просить своего отца опустить их вниз.

Отец опускает их вниз в люльке, но, оказавшись внизу, они висят между небом и водой, так как земли нет. Тогда старшая дочь говорит: «Пойду наверх, отец имеет *карт тохтынг* ‘железную гагару’ и *лулы*¹, попрошу их у него». Она возвращается с птицами и отправляет их под воду за землёй. Они приносят маленький кусочек земли, вокруг которого образовался островок. Но её мало, всюду вода и земля вся «дрожит-колышется». Здесь старшая дочь опять вспоминает, что у отца есть *тут-кев* «камень-огонь», она поднимается к нему по лестнице, причём лестницу она сплела из своих волос. Добыв камень-огонь у отца, она возвращается вниз, бросает его, и он превращается в Уральские горы. Земля перестала колышаться, но её мало, а у гагары и *лулы* не хватает сил поднять отставшую землю. Тогда старшая дочь вспоминает ещё об одном небожителе – о мифическом существе *лэн*². Опять она поднимается к отцу, выпрашивает у него это животное. Кстати сказать, участие животного-демиурга и его роль в картине мироустройства является чрезвычайно важным для хантыйской космогонии [7, с. 36], но это уже отдельная тема. Сильный зверь поднимает землю со дна мирового океана, она вырастает до больших размеров, но животное остается в земле и от его движений земля начинает крутиться.

Следующий эпизод связан уже с творением растительного мира. И за это опять берется старшая дочь. Она начинает расчесывать свои волосы, появляется тальник, затем густые леса с деревьями, где начинают бегать красные звери, черные звери. С завершением оформления земной поверхности старшая дочь обращается к отцу: «Отец, мы имён не имеем. Дай нам имена. Мы с именем на именной Земле сядем, мы со звоном на звонкой Земле сядем». Отец соглашается со старшей дочерью и дает им имена.

Таким образом, череда эпизодов в своей последовательности передают естественное течение сюжетного действия во времени и пространстве. Начальный эпизод сказки даёт завязку действий (дети *Нуми Торума* заглядывают в дыру и видят внизу пространство, которое их манит). Кульминацией мифологического сказания является сотворение Земли мифическим зверем. И последний эпизод, когда дети – два сына и три дочери – садятся богами на сотворенной Земле: «*Летней белки, осенней белки Знающий Богатырь – это старший сын на вершине обильной Оби пусть сядет (это Ас тый ики). Другой сын – в город бегущей лошади, в город идущей лошади пусть идет (это Ем вош ойка)*» [2].

События в сказке отражают представления о существовании нескольких эпох: это, прежде всего, хаос, когда не было земли, только одна вода. Необходимо было остановить

¹ Точного перевода названия данной птицы нет, но большинство ученых предполагают, что это красношейная поганка.

² Название мифического зверя сказитель взял от русского слова «лев». Автор предполагает, что сказитель не знал, как называется животное, но сравнил его со львом, так как мог его видеть по телевидению.

этот хаос, и тогда наступает следующая эпоха, самая древняя эра, «когда Землю садили», затем время первотворения «когда богов сажали на Земле» [2, с. 33; 3, с. 4; 4, с. 52]. В этой сказке особенно ясно проявляется конкретизированная история, отражающая какие-то реальные события обских угров. По выражению В. Я. Проппа, «в сказках отражается время, эпоха..., что волшебные сказки имеют реально исторические корни» [5, с. 360].

Персонажи сказки – вся семья небожителей: пять детей, Небесный отец *Торум*, две птицы и мифическое животное. Однако главным действующим лицом и инициатором творения Земли выступает старшая дочь, ставшая впоследствии женским божеством. Этот миф отличается от ранее известных мифов тем, что творцом выступает женское божество, что именно женщина является устроительницей миропорядка. Сам *Нуми Торум* в сотворении Земли не участвует, он лишь в самом конце наделяет каждого из своих детей функциями. Братья также не принимают участия в сотворении мира, они упоминаются в самом начале и в конце сказки. *Нуми-Торум* рассказывает их и назначает богами-духами на определённой им территории. Явившись на сотворённую Землю, они выполняют динамичную роль преобразователей и устроителей природы и социума в лице культурного героя с большим творческим потенциалом, чаще в орнитоморфном облике гуся, лебедя, орла или гагары. Деяния культурных героев связаны с облагораживанием Земли, созданной Матерями Природы, с добычей материальных благ для первых людей, с утверждением определённого общественного устройства [8, с. 193; 9, с. 50].

Старшую дочь *Нуми-Торум* отправляет на среднюю Обь богиней, с кровавыми жертвами пусть сядет, на среднюю Обь богиней, с простыми жертвами пусть сядет *Каттась-Ими*¹, и определил ей функции, которые являются для жизни человека существенными, поскольку связаны с рождением и смертью. Здесь явно прослеживается древнейшее представление о значении материнского начала. Вторую дочь *Нуми-Торум* отправляет на вершину *Казыма*, на вершине *рыбного Казыма* пусть сядет (*Касум-Ими*). Младшую дочь отправляет к старшей дочери, на середину Оби, при этом без имени (скорее всего, исполнитель либо специально скрыл имя третьей дочери, т. к. рассказывал женщине, либо действительно не знал). Превращение основных героев в главных местных духов характерно для мифологических сказаний [2, с. 45].

Участие в творении мира зооморфных существ – ныряющих птиц и мифического зверя – говорит о глубокой древности данного сюжета. Мифы, где есть мотив поднятия земли с участием животных, есть у разных народов: мамонт (долгане), черепаха, вепрь (индейцы), выдра, бобёр (индейцы) [10, с. 126, 133]. Исследователь космологических мифов о творении мира В. В. Напольских отмечает, что фольклорные источники с участием животных есть у всех северных народов, а также в алтайской и финно-угорской традициях, такие мифы общеизвестны [4, с. 126]. В них отмечена первичность водной стихии, и создание Земли происходит на фоне беспредельной глади моря – это самое древнее время. Нет никакой жизни внизу. Первым действующим лицом называется небесный отец *Нуми Торум* – верховное божество обских угров. Внизу сплошная вода, а вода, как заметил А. М. Сагалаев, «наиболее ёмкий символ хаоса, который предстоит разъять для того, чтобы упорядочить, превратить в Космос» [6, с. 25].

Итак, исходя из анализа мифа, видим, что в финале, несмотря на космогонический текст, главные герои оказываются духами-покровителями определённой территории: вершина реки Обь, Средняя Обь, вершина реки Казым, т. е. указываются конкретные географические названия. По мнению Н. В. Лукиной, исследователя обско-угорского фольклора, «такие топографические увязки могут создать впечатление «историчности» жанра» [2, с. 49].

Таким образом, данный фольклорный текст является исключительно редким вариантом и отличается от ранее известных мифов. В нем представлена картина мироустройства,

¹ Обще-угорская богиня *Калтась-Ими* на каждой локальной территории проживания ханты и манси имеет свои имена: *Калтась* (манс.), *Калтац* (каз.х.), среднеобские ханты её называют *Каттась-Ими*, *Каттась-Анжи*. В данной работе имя обще-угорской богини *Калтась* приводится на среднеобском диалекте.

где создателями одновременно являются антропоморфные, орнитоморфные и зооморфные персонажи. А создание Земли, животного и растительного миров, устройства миропорядка, появление особо значимых божеств – происходит по велению женщины, её роль в сотворении мира неоспорима.

Литература

1. Лапина М. А. Предначертания в фольклоре хантов // Фольклор в истории народа и его место в современной культуре : материалы науч. конф., посвящ. 10-летию науч. фольклор. архива народа манси (р. п. Березово. 19–22 сентября 2003 г.). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2005. С. 52–56.
2. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. М. : Наука, 1990. С. 568.
3. Молданов Т. А., Молданова Т. А. Боги земли казымской. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2000. 114 с.
4. Напольских В. В. Древние финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 5–21.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. С. 361.
6. Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск : Наука, 1992. 176 с.
7. Успенская С. С. Сотворение Земли зооморфными персонажами // Мифология Хантов. Ханты-Мансийск, 2008. С. 34–49.
8. Фатыхов С. Новая археология матриархата. Социокультурный анализ реликтов : моногр. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; науч. ред. В. С. Цукерман. Екатеринбург, 2009. 252 с.
9. Хлобыстина М. Д. Говорящие камни. Сибирские мифы и археология. Новосибирск : Наука, 1987. С. 128.
10. Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. Л. : Наука, 1971. С. 238.

УДК 32(092)(470):81`42:324(470)«2008»

*Костюнина М. В.
Kostyunina M. V.*

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОЦЕНОЧНЫЙ ПОРТРЕТ Д. А. МЕДВЕДЕВА В ДИСКУРСЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ (2008)

METAPHORICAL ASSESSMENT PORTRAIT OF D. A. MEDVEDEV IN PRESIDENT ELECTIONS DISCOURSE (2008)

Статья посвящена выявлению и описанию метафорического оценочного портрета Д. Медведева в период предвыборной кампании 2008 года. Используемая в работе типология оценок основана на частотно оценочной классификации, предложенной Н. Д. Арутюновой.

Ключевые слова: метафора, оценочный портрет, когнитивная лингвистика, политический дискурс, президентские выборы.

Последние четыре десятилетия внимание исследователей и политических идеологов приковано к изучению использования метафор как средств убеждения. Существуют различные толкования среды, в которой функционируют метафоры. Исследователь Дорис Грабер приводит сравнение политической коммуникации с кровью или материнским молоком поли-

тики, так как коммуникация представляет собой основную деятельность, которая объединяет различные части общества и дает возможность функционировать как единое целое [16]. Эдельман, напротив, утверждал, что суть политической коммуникации заключается в способности политиков использовать метафоры и символы, которые заставят массы осознать скрытые тенденции [14].

Интересно отметить и часто цитируемое среди исследователей мнение Пайвио: «Метафора – это солнечное затмение. Она скрывает объекты исследования и в то же самое время раскрывает самые яркие и интересные характеристики, если наблюдать их в правильный телескоп» [12]. По мнению А. П. Чудинова, при дискурсивном подходе к изучению политической коммуникации предполагается «исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, и его соотношения с другими текстами» [12]. В данной статье рассмотрен метафорический оценочный портрет кандидата в президенты Д. Медведева, актуализированный в дискурсе предвыборной кампании 2008 г.

Природа образования и реализации метафоры может быть описана двумя подходами: семантическим и когнитивным. В своей работе мы основываемся на принципах второго, описывающего язык как инструмент познания мира и отражение когнитивной деятельности человека. Основываясь на современном когнитивном подходе, мы, вслед за А. П. Чудиновым, понимаем метафору как «основной элемент ментальной операции, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [13, с. 36]. Благодаря когнитивному определению метафоры к ней можно отнести различные части речи, обладающие метафорическим потенциалом, наряду с сравнительными конструкциями и метафорическими словоупотреблениями в составе пословиц, афоризмов. Вследствие чего возникла необходимость структурировать эти словоупотребления. Согласно теории метафорического моделирования, процесс метафоризации происходит через осмысление нового фрагмента действительности с использованием концептов хорошо знакомой мыслительной сферы. А. П. Чудинов определяет метафорическую модель как «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений» [13, с. 35].

Важно учитывать эффекты метафоры в контексте, в более широком смысле в отношении последствий политической коммуникации. Средства массовой информации являются мощным двигателем общественного мнения. Исследования многих ученых доказывают, что СМИ также представляют собой эффективное средство манипуляции общественным сознанием: говорят, о чем думать и что думать. Авторы газетных статей, уделяя больше внимания одним политическим вопросам или политическим фигурам и, соответственно, меньше другим, влияют на относительный интерес и важность по отношению к политическим вопросам в сознании общественности.

Описание оценочного портрета кандидата в президенты Д. Медведева было построено на типологии оценок, представленной в работе А. М. Стрельникова, основанной на частотно оценочной классификации, предложенной Н. Д. Арутюновой: оценка рейтинга и шансов на победу, морально-этическая оценка, интеллектуальная, эстетическая, утилитарная, нормативная, телеологическая, оценка профессионализма и политического статуса.

Количественное распределение оценочных словоупотреблений по типам оценки в оценочном портрете Д. А. Медведева представлено в диаграмме на рис. 1.

В 2007 г. Д. А. Медведев был выдвинут в качестве преемника В. В. Путина на пост президента. Основным аргументом в пользу этого выдвижения было то, что Медведев призван обеспечить преемственность власти. В. Путин прокомментировал свое решение так: «Что касается кандидатуры Дмитрия Анатольевича Медведева, я знаком более 17 лет очень близко с ним, и целиком и полностью поддерживаю эту кандидатуру» (Сообщение агентства «Интерфакс» от 10.12.07). Президентская кампания Д. Медведева была блестяще спланиро-

вана командой В. Путина и не оставила оппозиции ни малейшего шанса. С 2006 г., когда начались разговоры о преемнике, Д. Медведев был постоянным гостем на подконтрольном властям телевидении, появлялся в теленовостях каждый день, иногда по несколько раз. Выступления Медведева отличались преувеличенным чиновничьим разглагольствованием: «...непосильных задач нет, есть только плохие исполнители» [7].

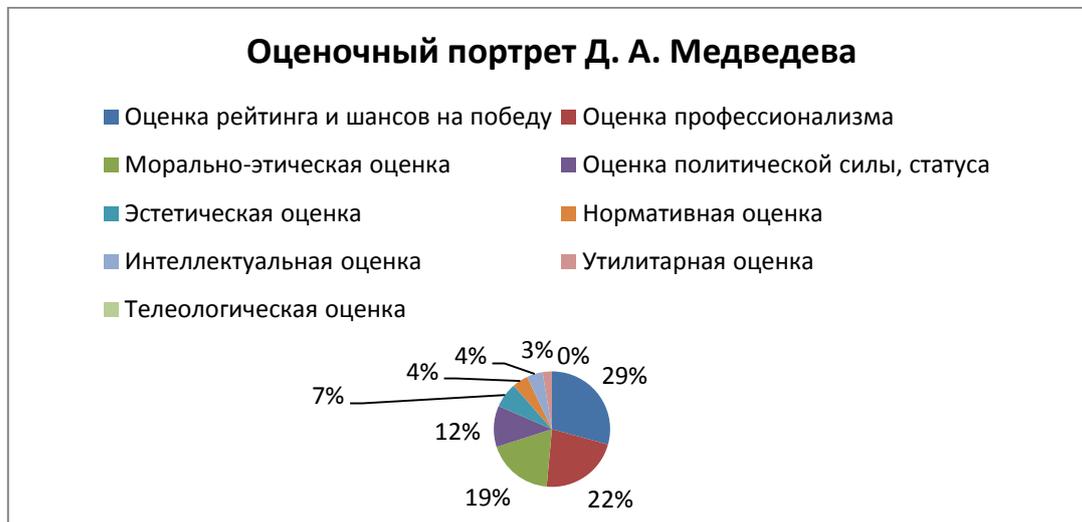

Рис. 1. Оценочный портрет Д. А. Медведева

Из ряда телепередач следовало, что Медведев может все: нужно превратить Россию в ведущую сельскохозяйственную державу – превратит, оздоровит население – оздоровит, обеспечить людей жильем – всех поселит. Разъезжая по стране, Медведев осматривал курятники, свинофермы, постройки, заводы, скринсейверы, спортзалы, детские сады и тому подобное, время от времени впечатляя потенциальных избирателей речами: либо «мы достигли значительных успехов» [1]; либо «успехи есть, но рано радоваться»; либо «плохо работаете, а нужно лучше» [1].

Ежедневная трансляция подобного рода поездок сформировала у населения представление о Медведеве как о деловом, энергичном и компетентном руководителе.

Телеобраз Медведева до избрания президентом характеризовался следующими чертами: эрудированность во всех без исключения вопросах, ни один из которых не оставляет его равнодушным; желание внести вклад в решение бесконечного числа проблем; одобрительное отношение к своей собственной деятельности и к деятельности своего кремлевского наставника; строгость к нерадивым исполнителям; душевное отношение к простым людям, понимание их проблем, которые, разумеется, уже решаются на высшем уровне.

Такая мощная атака телевидения не могла пройти бесследно и незамеченно. Ежедневный показ одного и того же кандидата, пусть он даже ростом 156 сантиметров и порой крайне неуверен в себе, внушит, в конце концов, своим избирателям принятие «правильного» выбора. Эфирное время Медведеву обеспечили, защиту в виде президента – тоже.

Обратимся к оценочному портрету Д. Медведева, созданному СМИ. Как отмечалось выше, Медведев был представлен широкой публике самим президентом, что, в свою очередь, обеспечило часть голосов. Обычно навязывание рейтинга кандидатов в газетном дискурсе происходит накануне голосования, однако, как видно из проведенного анализа, оценка рейтинга и шансов на победу кандидата занимает лидирующую позицию, и появление данного типа оценки зафиксировано в СМИ с начала предвыборной кампании. Такие показатели указывают на то, что российский избиратель должен подсознательно сделать выбор в пользу кандидата с самыми высокими рейтингами и шансами на победу. Ср.: «Но кто бы ни был в списке соперников, вряд ли кому-то из них повезёт. В високосном 2008 году, как прежде в

1996-м, 2000-м и 2004-м, победу кандидату от власти гарантируют, кажется, сами звёзды» [15]. Президент сделал несколько интересных признаний: «...И, КРОМЕ всего прочего, у нас личная химия, я ему доверяю. Такому человеку не стыдно и не страшно передать основные рычаги управления страной» [3]; «Ни один из претендентов на пост президента России не может сравниться с Дмитрием Медведевым ни по личным, ни по профессиональным качествам» [9]; «Кандидат в президенты номер один продолжает предвыборные поездки по России» [2].

Среди огромного количества оценок рейтинга и шансов на победу, безусловно, имеются и отрицательные оценки с весомой долей иронии и даже сарказма. Ср.: «Рейтинг Дмитрия Медведева – это всенародный вздох облегчения: больших перемен не будет, а те, которые будут, хорошие и нестрашные. И слава богу: можно расслабиться и продолжать заниматься своими делами, не заморачиваясь на счет „политики“» [6]; «У Дмитрия Медведева ситуация сегодня совсем другая. Его выигрыш на грядущих президентских выборах может предотвратить разве что разочарование ВВП в своем преемнике или нашествие инопланетян» [10]; «Главный фактор интенсивного движения настроений избирателей к Дмитрию Медведеву – это следствие прямой и недвусмысленной рекомендации Путина» [6]; «Но если фаворит ни с кем не борется, то вызовут ли выборы интерес у общества?» [4]. Авторы представленных цитат пытаются заставить читателя подумать о предстоящих выборах и критически оценить предложенную кандидатуру преемника. Наличие подобного рода оценок несколько подрывает имидж Медведева как самостоятельного политика с собственными взглядами и мыслями, тем не менее, их количество недостаточно велико, чтобы избиратели усомнились в правильности предложенной президентом кандидатуры.

Несмотря на приписывание Д. Медведеву несамостоятельности, авторы текстов предвыборного дискурса дали высокую оценку его профессионализму. Ср.: «Юрист Медведев считает, что ассоциация должна быть ближе к народу и активнее вести работу по правовому просвещению» [8]; «Россияне считают, что на социальный вызов, стоящий перед страной, наиболее убедительный ответ сможет дать именно Медведев» [11]. Журналисты различными способами втолковывают избирателям, что Медведев – правильный кандидат и что только он сможет стать президентом нашей страны.

Представленная в работе диаграмма показывает, что основной по частотности стала оценка рейтинга кандидата и его шансов на победу. Выбор именно этой оценки продиктован особым положением Медведева среди остальных кандидатов. Журналисты активно подчеркивают тот факт, что Медведев является преемником Путина и продолжателем намеченного им курса политики. Также важно отметить, что оценка политического статуса кандидата лишь на четвертой позиции, следовательно, сам по себе данный кандидат не имеет устойчивого политического статуса, а представляет интересы действующего президента.

Исходя из того, что Д. А. Медведев стал президентом России, можно сделать вывод, что журналисты представили его кандидатуру таким образом, что для многих избирателей его оценочный портрет стал основой их выбора.

Литература

1. Дмитрий Анатольевич Медведев. URL: <http://www.dp.ru /msk/news /politics/2008/02/14/259805/> (дата обращения: 20.04.2016).
2. Ильичев Г. Россияне не видят равных Медведеву // Труд. 2008. 19 янв.
3. Костиков В. Возможен ли равноправный тандем президента и премьера // Аргументы и факты. 2007. № 51. 19 дек.
4. Кудрикова В. С таким счетом Медведев победит Зюганова // Труд. 2008. 1 февр.
5. Литовкин В. Преемник в гостях у Калашникова // Независимая газ. 2008. 20 февр.
6. Ростовский М. У великороссов нет вопросов. От публичных теледебатов отказался не Медведев, а само российское общество // Моск. комсомолец. 2008. 29 янв.
7. Сайт кандидата Д. А. Медведева. URL: http://traditio-ru.org/wiki/Дмитрий_Анатольевич_Медведев#cite_ref-6 (дата обращения: 20.04.2016).

8. Цепляев В. Выборы: искушение красного вождя // Аргументы и факты. 2008. № 5. 30 янв.
9. Цепляев В. Выборы: скука или шоу? // Аргументы и факты. 2008. № 4. 24 янв.
10. Чадаев А. Операция «Оттепель» // Независимая газ. 2008. 26 февр.
11. Чародеев Г. Медведев пообещал юристам праздник // Труд. 2008. 30 янв.
12. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.
13. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. Екатеринбург, 2001. 238 с.
14. Edelman M. Political Language. Words That Succeed and Policies That Fail. New York ; San Francisco ; London : Academic Press, 1977. 166 p.
15. Guardian.co. UK. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2007/dec/21/russia.topstories3> (дата обращения: 20.04.2016).
16. Graber D. A., Smith J. M. Political Communication Faces the 21st Century // Journal of Communication. Vol. 55. Issue 3. P. 479–507.

УДК 316.772.2: 81`42:808.53:32(410)

*Лашко Ю. В., Главан А. А.
Lashko Yu. V., Glavan A. A.*

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ
КОММУНИКАЦИИ В ПУБЛИЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)**

**COMPARATIVE ANALYSIS OF NON-VERBAL AND VERBAL MEANS
OF COMMUNICATION IN PUBLIC POLITICAL DISCOURSE
(ADAPTED FROM PARLIAMENTARY DEBATES IN GREAT BRITAIN)**

Работа посвящена анализу соотношения вербальных и невербальных средств коммуникации в публичных выступлениях политических деятелей Великобритании. Данные исследования в области невербальной коммуникации дают возможность проследить многие особенности этого вида общения, установить связи между поведением оратора, его словами и невербальными сигналами.

Ключевые слова: невербальные средства коммуникации, вербальные средства коммуникации, публичное выступление, политические дебаты.

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с взаимодействием невербальных и вербальных форм коммуникации.

Язык – это передатчик, орудие, зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [4, с. 85].

Помимо родного и иностранного языка, языка программирования существует еще один общедоступный, понятный и международный язык – это язык жестов, телодвижений и мимики человека – “bodylanguage”. Наиболее влиятельной работой начала XX в. была работа Чарльза Дарвина «Выражение эмоций у людей и у животных», опубликованная в 1872 г. Что касается других ученых, занимающихся данным вопросом, то Аристотель в своей работе «Физиогномика» соотносит признаки, по которым можно распознать характер человека (тип тела, фигура, волосатость, выражение лица и т. п.), с признаками животных [2, с. 117].

Впервые серьезным исследованием этого языка занялся в конце 70-х гг. Аллан Пиз, который является автором методики обучения основам коммуникации и признанным знатоком психологии человеческого общения. Выделяют следующие средства общения: вербальные (слово, речь), невербальные (неречевые средства: мимика, жесты, телодвижения), смешанные (сочетание вербальных и невербальных) [3, с. 352].

Публичная речь создает оратору дополнительные трудности. При публичном выступлении о реакции собеседника надо догадываться по поведению слушателей, их жестам, репликам, мимике. Это надо делать одновременно с произнесением речи.

Политическая коммуникация неоднократно привлекала внимание исследователей, являющихся представителями самых разных областей научного знания, в том числе и лингвистики (А. П. Чудинов, В. Н. Шапошников, Е. И. Шейгал, Тен ван Дейк). Согласно исследованиям П. Экмана политики относятся к категории людей, которым по роду своей деятельности приходится часто скрывать свои истинные мысли, соответственно, они обязаны профессионально владеть языком жестов для того, чтобы никто не мог догадаться, когда они говорят правду, а когда ложь.

Цель данной работы – изучить невербальные аспекты коммуникации в ходе анализа политических дебатов и сопоставить полученные результаты с текстовым сообщением.

В качестве анализируемых публичных выступлений политических деятелей рассматривались парламентские дебаты Великобритании «Prime Minister's Question» (сокращенно PMQs и официально «Вопрос премьер-министру»), которые сравнивались со стенограммами текстов выступлений. Дебаты PMQs транслируются по телевидению с 1990 г. и формируют важную часть британской политической культуры.

В статье рассматривались публичные выступления следующих политических деятелей:

1. Edward Samuel Miliband (Эдвард Сэмюэл Милибэнд) – лидер парламентской оппозиции Великобритании (Лейбористская партия) с 2010 г.
2. David William Donald Cameron (Дэвид Уильям Дональд Кэмерон) – лидер Консервативной партии, премьер-министр Великобритании с 2010 г.

Исследуя британский публичный политический дискурс, мы руководствовались следующими этапами когнитивно-дискурсивного анализа, которые предлагаются Ю. Н. Карауловым [1, с. 91–92]:

1. Характеристика политического деятеля как языковой личности (и такое качество, как толерантность) // Характеристика когнитивно-речевых стратегий говорящего (обобщение, повтор, уступки, приведение примера, усиление);

2. Характеристика невербальных компонентов коммуникации: здесь мы опирались на работы таких ученых, как П. Экман «Психология лжи», А. Пиз «Язык жестов» и «Язык телодвижений», В. А. Лабунская «Невербальное поведение» и др.

3. Характеристика языкового пространства, или текста. На данном этапе ставится задача проанализировать публичные речевые акты британских политиков. Здесь рассматриваются синтаксические, лексические и грамматические уровни языка. Подробно описываются стилистические средства, характерные для политика, лексическая и синтаксическая составляющая речи, модальность.

В ходе анализа вербальной коммуникации нами были замечены следующие ее невербальные компоненты. В примерах были учтены все три характеристики, представленные ранее. Для комплексного анализа компонентов коммуникации рассмотрим примеры в некоторых ситуациях.

Ситуация № 1. «Отношение к оппоненту». С точки зрения современных требований политкорректности Э. Милибэнд не совсем толерантен, поскольку в его речи присутствуют как агрессивные высказывания в адрес премьер-министра, так и соответствующие невербальные средства. Э. Милибэнд использует жесты, направленные на аудиторию, которые, в свою очередь, имеют по природе сильную окраску агрессивности, обладая значением обвинения, они производят неприятное впечатление (указывание пальцем, кулаком). Для данного политика характерно использование таких жестов в следующих контекстах:

«*Mr. Speaker, what world is he living in?*» – агрессивное личностное высказывание [5; 6].

«*What terrible complacency from this Prime Minister*» – оратор затрагивает личностные качества, используя существительное «*complacency*», которое несет негативную окраску, и усиливая эффект с помощью прилагательного «*terrible*» (когнитивно-речевая стратегия усиления) [5; 6].

«*He cannot blame the Greeks, he cannot blame the Bank of England...*» – оратор употребляет отрицательную форму модального глагола «*can*», тем самым запрещая обвинять других в своих собственных ошибках. Усиление запрета происходит за счет неоднократного повтора фразы «*he cannot blame*» (стратегия усиления и повтор) [5; 6].

Для Д. Кэмерона характерна демонстрация открытых ладоней для смягчения негативных высказываний. В высказывании «*He is simply wrong about that, as he usually is*» явно видно отрицание позиции оппонента, что несет исключительно негативную коннотацию, при этом премьер-министр указывает открытой ладонью на оппонента, что смягчает указательный жест и делает его менее агрессивным [5; 6]. Такой же эффект наблюдается и в речевом отрывке «*...he ought to make a constructive contribution*» [5; 6].

Ситуация № 2. «Уверенность или сомнение?» Во время выступления Э. Милибэнда, лидера оппозиции, такой жест, как простукивание кулаком каждого слова обозначает желание говорящего привлечь внимание к его словам, является показателем уверенности в своих словах. Кроме того, корпус оратора подан вперед, и спина чуть согнута, что говорит о заинтересованности в вопросе: «*It is because it is a bad policy, a policy nobody voted for*». В качестве вербального усилительного эффекта политик использует такой стилистический прием, как анадиплозис, а также синтаксический параллелизм, который почти всегда сопровождается лексическими и синтаксическими анафористическими повторами (стратегия усиления и повтор) [5, 6].

Для Д. Кэмерона характерно использование «открытых» невербальных средств. Жест «открытая ладонь» может выражать сомнение в сказанном на примере субъективной модальности: «*He is no longer, h-he is no longer an MP because he lost the election – I am afraid, because of the Conservative candidate*» [5; 6]. В данном случае премьер-министр отводит руку в сторону ладонью вверх, голова наклонена в сторону, при этом наблюдается одностороннее пожимание плечами, что характеризует слова говорящего как неправдивые, вызывающее сомнение и неуверенность.

Ситуация № 3 «Только достоверность!» Достижение соответствия невербальных поведенческих реакций вербальному сообщению – одна из главных задач, решаемых политиком в процессе работы над своим невербальным имиджем.

Э. Милибэнд часто держит указательный палец вертикально вверх, что является еще одним жестом, направленным на то, чтобы слушатели обратили внимание на произносимую информацию. Направление жеста совпадает с направлением взгляда говорящего. Данное явление можно проследить в контексте: «*It is a policy that was not in the Prime Minister's manifesto, it was not in the Deputy Prime Minister's manifesto either at the general election, and it was not even in the coalition agreement*» – эти анафористические повторы задают ритм, передавая живое, пульсирующее чувство [5; 6].

В то же время плохо контролируемые жесты Д. Кэмерона могут обнаружить несоответствие между его словами и истинным мыслями. Говоря «*Of course we have to go ahead with driving out the bureaucracy...*» и усиливая (стратегия усиления) выражение с помощью употребления наречия «*of course*», что обозначает крайнюю уверенность в своей точке зрения, оратор употребляет прямо противоположный значению данной конструкции жест: голова смотрит влево, замах руки идет справа, при этом в динамике направления движения головы и руки расходятся в разные стороны [5; 6]. Поворот головы слева-направо несет в себе значение отрицания «нет», а режущий воздух жест рукой говорит о категорическом отрицании. Вербально говоря «да, конечно», оратор невербально отрицает свои же слова. Это говорит о том, что Д. Кэмерон не верит в то, что говорит.

Ситуация № 4. «Невербальная реакция на вербальное сообщение». Рассмотрим прагматический аспект информации. Во время выступления Д. Кэмерона следует обратить внимание на его высказывание: «(*Calm, calm down, dear*) *I am not going to apologise; you do need to calm down*» [5; 6]. В данной ситуации нами была замечена следующая реакция Э. Милибэнда на слова оппонента: рука была обхвачена другой рукой выше локтя, что говорит о попытках взять себя в руки; также наблюдалось непроизвольное подергивание туловища – нервы на пределе, раздражение ситуацией и неудовлетворение. Кроме того, этот случай показывает отношение лидера оппозиции к премьер-министру: голова опущена вниз, взгляд исподлобья, брови сведены над переносицей, при смехе видны зубы (похоже на звериный оскал), скулы и виски напряжены. Все эти признаки говорят о нескрываемом презрении к оратору.

Таким образом, в ходе исследования видеозаписи парламентских дебатов [6] и текстового сообщения [5], сопровождающего видеоматериал, мы пришли к следующим выводам:

1. Д. Кэмерон старается использовать только открытые жесты, располагающие к общению (различные комплексы жестов, включающие жест «открытая ладонь»), в количестве от 10 до 11 жестов в минуту.

2. Э. Милибэнд использует от 10 до 14 негативно-агрессивных резких жестов (указывание пальцем, указательный палец вверх, кулак) в минуту и соответствующих им слов с негативной окраской.

3. Потеря контроля над эмоциями выражается в личностных высказываниях.

4. Частота использования жестов, помогающих придать себе уверенность, характерна для обоих исследуемых ораторов.

5. Анализ искренности: Э. Милибэнда можно охарактеризовать как искреннюю личность, значение его слов совпадало с телодвижениями. В то же время некоторые невербальные компоненты общения Д. Кэмерона не совпадали с его текстовым сообщением и указывали на неискренность оратора.

В целом анализ видеоматериалов и стенограмм публичных выступлений политических деятелей Великобритании подтверждает вывод о том, что несловесные составляющие общения имеют диагностическую ценность и обладают значительной информацией: показывают изменения эмоционального подъема или волнения, значимость происходящих событий для человека. Невербальное общение «выдает» собеседников и ставит порой под сомнение то, что было сказано, обнажая их истинное лицо. Таким образом, невербальная сторона общения занимает важное место в процессе межличностного взаимодействия, позволяя увидеть то, что мы не слышим.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 264 с.
2. Лагун А. Е. Невербальное поведение: к методике использования в социологическом исследовании. // Ретроспектива развития знаний о невербальном языке в междисциплинарном контексте : сб. ст. Москва, 2004.
3. Нэпп М., Холл Д. Невербальное общение. Мимика, жесты, движения, позы и их значение. М. : Прайм-Еврознак, 2007. 512 с.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Слово, 2000.
5. Daily Hansard // Debate. Wednesday 27 April 2011. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201011/cmhansrd/cm110427/debtext/110427-0001.htm#11042772000010> (дата обращения: 06.05.2015).
6. House of Commons // Wednesday 27 April 2011. URL: <http://www.parliamentlive.tv/Event/Index/890d1e1e-0e93-4b55-b41748c1c04c98bc?in=12%3A01%3A10> (дата обращения: 06.05.2015).

УДК 378.225:005.966

Лашманова В. Ф.
Lashmanova V. F.

ТЕХНОЛОГИЯ МОНИТОРИНГА ТРУДОВОЙ КАРЬЕРЫ ВЫПУСКНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

A TECHNOLOGY OF MONITORING THE GRADUATES' EMPLOYMENT CAREERS OF PROFESSIONAL EDUCATION ORGANIZATIONS

В статье разработана схема проведения мониторинга рынка труда. Показано, что основными приоритетами для работодателя являются профессиональные компетенции, а общекультурные отступают на второй план. Окончательный вывод о качестве образования может быть сделан спустя некоторый период после начала трудовой деятельности выпускника образовательной организации. Состояние учебно-методической документации на кафедре мало влияет на качество образования. Указывается, что основными факторами повышения качества образования являются материально-техническая база вуза, состояние НИР и тесное сотрудничество с работодателями, которые позволяют внедрять инновационные достижения науки в учебный процесс.

Ключевые слова: мониторинг, качество образования, компетенция, образовательный стандарт, модель, прогноз, управление, анализ.

Мониторинг системы содействия трудоустройству. В широком смысле мониторинг – это специально организованное, систематическое наблюдение за состоянием объектов, явлений, процессов с целью их оценки, контроля и прогноза [1].

В социологии под мониторингом понимают определение некоторого множества показателей, отражающих состояние социальной среды, с последующим накоплением данных и анализом информации в динамике посредством сравнения анализируемых данных с нормативными показателями.

Основные задачи, решаемые в ходе мониторинга развития системы содействия трудоустройству, сводятся к следующему:

- выработка комплекса показателей, обеспечивающих целостное представление о состоянии системы, о качественных и количественных изменениях в ней;
- систематизация информации о состоянии и развитии системы содействия;
- обеспечение регулярного и наглядного представления информации о процессах, происходящих в ней;
- информационное обеспечение анализа и прогнозирования состояния и развития системы.

Мониторинг трудовой карьеры (МТК) – процесс многоплановый, включающий в себя мониторинг регионального рынка труда образовательных услуг (РРТОУ), исследование влияния индивидуальных способностей человека, выбора специальности и т. д. Условно методике проведения мониторинга можно представить так, как это показано на рис. 1.

Он включает в себя мониторинг рынка труда. Целью деятельности Центра сопровождения выпускников (ЦСВ) является исследование того сегмента рынка, в котором рассматривается фактическая и потенциальная востребованность специалистов, обладающих профессиональной подготовкой, полученной в организации профессионального образования (ОПО) различного уровня: СПО или ВПО. Наличие или отсутствие конкурентов-претендентов на рабочее место создают конъюнктуру рынка труда. Конъюнктура рынка труда характеризуется совокупностью определяющих показателей, которые отражают его состояние. Такими показателями являются: численность занятых и безработных, соотношение претендующих на работу и числа вакансий, динамика изменения этого соотношения и др.

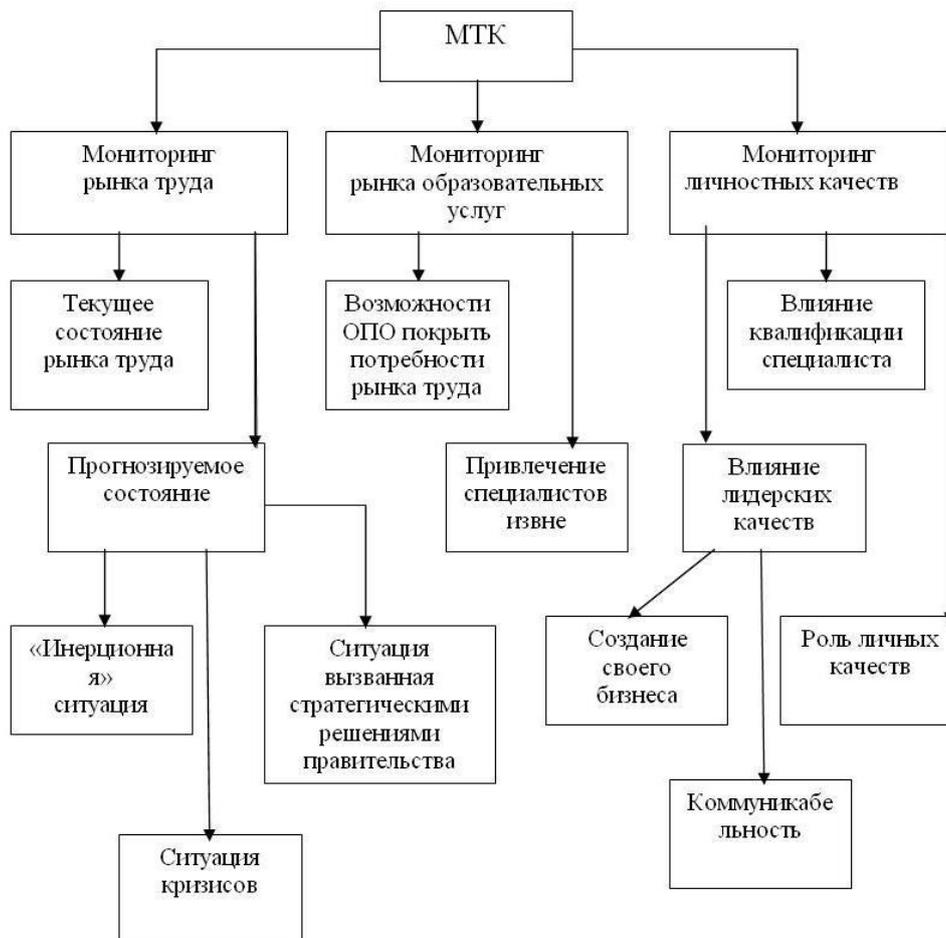

Рис. 1. Схема проведения мониторинга рынка труда

Анализ состояния рынка труда и рынка образовательных услуг является необходимой частью работы по управлению учебно-методической работой организации профессионального образования. Оперативное и правильное реагирование организации профессионального образования на нужды экономической и социальной сферы региона не может быть осуществлено без понимания текущей ситуации на рынке труда и образовательных услуг. Предварительные численные эксперименты позволяют с уверенностью утверждать возможность точного предвидения ситуации на рынке труда на интервале в 5 лет [2].

Очевидно, что алгоритм анализа должен заключаться в получении и сравнении трех спектров данных: 1) распределение среднегодовой численности работников по укрупненным группам специальностей, сложившееся к настоящему времени; 2) распределение численности выпускников ОПО к концу текущего учебного года по укрупненным группам специальностей; 3) распределение среднегодовой численности работников по укрупненным группам специальностей, планируемое в связи со стратегическими планами развития ХМАО на среднесрочную перспективу (пять лет).

Разница между имеющейся и необходимой численностью работников, занятых в том или ином секторе экономики или социальной сфере, является основанием для принятия обоснованных управленческих решений по оптимальному планированию регионального заказа на специалистов с профессиональным образованием. В этом случае будет определена и цена вопроса по осуществлению государственного заказа в соответствии с формулой «количество – цена – качество».

Анализ должен проводиться по двум направлениям. Первое из них – необходимо получить и обработать достоверные статистические данные для построения указанных трех спектров. Каждый из трех спектров должен быть получен для текущего года и в динамике за

обозримый прошедший интервал времени с годовым циклом. На основании обработки статистических данных о численности работников и выпускников ОПО требуется сформировать функции численности работников и выпускников в зависимости от номера укрупненной группы специальностей. Следующим этапом является построение одномерных массивов (матриц) полученных функций. Далее производится построение спектров и изучение их изменений на временном интервале.

Примерно такой же алгоритм используется при отслеживании траекторий выпускников ОПО предыдущих лет. Конечным итогом является построение базы данных о выпускниках, которые в дальнейшем должны быть введены для числовой обработки в программу, реализующую работу аналитической математической модели. Последняя призвана «вычислять» наиболее перспективные траектории карьерного роста для выпускников текущего года.

Возможность получения информации предоставлена в доступных официальных источниках Правительства ХМАО в сети Интернет. Преимущество использования информации, систематизированной в одном источнике, заключается в уменьшении так называемой методической погрешности получения данных. Получение разрозненной информации из других источников: районных, городских центров занятости, методом опроса на предприятиях и т. п. – увеличивает погрешность анализа в несколько раз. ЦСВ должен вплотную сотрудничать с общественными организациями и подразделениями ОПО, имеющими доступ к более точной информации о своих выпускниках. Такой подход апробирован в Сургутском государственном университете на примере сотрудничества с Ассоциацией выпускников СурГУ кафедры теории и методики профессионального образования, которая сумела наладить постоянную связь со многими преуспевающими выпускниками.

Мониторинг личностных качеств осуществляется с целью исследования возможности удовлетворить потребности работодателей, особенно представляющих небольшие фирмы и компании, где личность работника в тесном коллективе приобретает главную роль после профессиональных качеств. Мониторинг личностных качеств выпускника может осуществляться по результатам тестирования. Автор работы может сослаться на апробацию таких технологий в центре «Гуманитарные технологии», созданном при Московском государственном университете. Пример подобных данных, имеющих значение для конкретного региона, представлены на рис. 2. Результаты качественного мониторинга рынка труда, проведенного кадровыми агентствами различных территорий РФ, т. е. не отнесенными к конкретной территории, представлены на рис. 3.

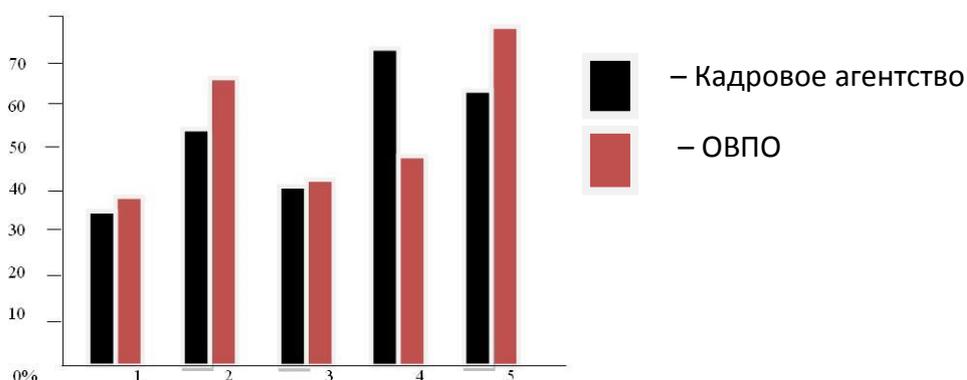

Рис. 2. Результаты мониторинга личных качеств выпускников (по результатам опроса кадровых агентств и ЦСВ вузов, центра «Гуманитарные технологии»)

Примечание: 1 – креативность и нестандартность мышления (уникальность); 2 – умение продавать себя, проходить собеседование; 3 – успешный опыт работы и поставленные трудовые навыки; 4 – потенциал; 5 – хорошие знания и образование

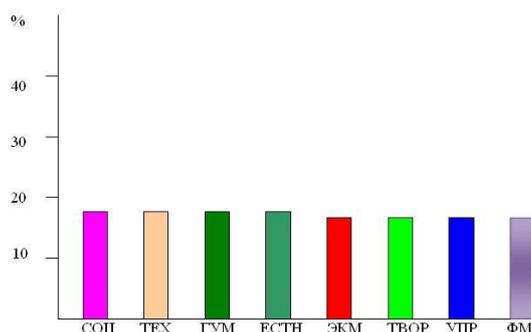

Рис. 3. Результаты качественного мониторинга рынка труда по ответам на вопрос: «Какие профессии наиболее востребованы рынком на сегодняшний день?»

Примечание: УПР – управленческая сфера деятельности; ТВОР – творческая сфера деятельности; ЭКМ – экономическая сфера деятельности; ЕСТН – естественнонаучная сфера деятельности; ГУМ – гуманитарная сфера деятельности; ФМ – физико-математическая сфера деятельности; ТЕХ – техническая и технологическая сферы деятельности; СОЦ – социальная сфера деятельности

Формирование спроса на выпускников конкретных направлений подготовки и специальностей, подчиняясь законам рыночных отношений, зависит как от общего социально-экономического положения в стране, так и от субъективных условий, складывающихся в отдельных административных образованиях. Таким образом, результаты мониторинга рынка труда и образовательных услуг позволяют скорректировать работу ЦСВ при формулировке ближайших целей.

- Цель №1: понять, какие специальности будут востребованы в ближайшее время и как корректировать планы приема (бакалавров, магистров, слушателей дополнительного профессионального образования), чтобы выпускать оптимальное количество нужных выпускников.

- Цель №2: создать такие качественные образовательные услуги в согласии с запросами рынка труда, которые будут способствовать повышению конкурентоспособности выпускников на рынке труда, и, как следствие, формированию успешного имиджа вуза, стабильному потоку абитуриентов, дополнительным финансовым потокам, развитию вуза и удержанию преподавательского и научного состава: (фактически это продвижение культуры построения карьеры среди студентов и выпускников).

- Цель №3: привести в соответствие с запросами рынка деятельность и спектр услуг ЦСВ.

Литература

1. Калмазан А. В. Мониторинг образовательного процесса как фактор повышения качества в системе дополнительного профессионального образования // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 4. С. 175–180.
2. Лашманова В. Ф. О введении единицы измерения качества образования // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2015. № 7 (160). С. 59–62.

УДК 782.1(470) Римский-Корсаков.04:398.211

Лезьер В. А.
Leusiere V. A.

ЭСТЕТИКА И МИФОЛОГИЯ РУССКОГО СЕВЕРА В МУЗЫКЕ Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

ESTHETICS AND MYTHOLOGY OF RUSSIAN NORTH IN MUSIC OF N. A. RIMSKY-KORSAKOV

Автор статьи обращается к музыке Н. А. Римского-Корсакова, в которой эстетика и история Русского севера представлена в мифологической и символической форме. В операх русского композитора «Снегурочка», «Садко», «Сказка о Царе Салтане» озвучены образы северной природы, народных сказаний, создается явление «мифологического неоархаизма». Интерес композитора к образам и персонажам русского севера инициируется художественными поисками новой формы: обращение к мифу как символизации универсального общечеловеческого опыта.

Ключевые слова: сакральность, мифомышление, партиципация, мифологический неоархаизм, теургия, русский Север.

Русский Север – это особая историко-культурная и этнографическая область России, включающая в себя земли Вологодской, Архангельской, Мурманской областей, республик Карелия и Коми, а также относящийся ныне к Уралу Пермский край. Русский Север в творчестве писателей, поэтов, музыкантов и художников – это уникальный сакральный мир, полный величественной поэтики и музыки. Великий русский ученый и поэт М. В. Ломоносов открыл тему Севера в русской поэзии, которую подхватили поэты, философы и композиторы, нашедшие источник вдохновения в безграничности снежных просторов, в сиянии льдов, в суровой красоте северного моря.

Сакральность русского Севера стала одной из ярких тем философов и литераторов, открывших в нем иной мир, иной план бытия, живущий по своим законам, который можно постичь лишь в реальности мифа, в сакральных формах пространства и времени, в обращении к мистицизму. Хорошо об этом сказал философ-поэт Н. М. Теребихин: «*Мистицизм Севера скрыт в его запредельности, недоступности, неподвластности законам “земного тяготения”.* По мере продвижения на Север весь тварный, видимый и осязаемый мир начинает терять свои “обычные” твердые формы и установленные очертания... Пространство истончается, просветляется и исчезает, растворяясь в стихии целокупного света полярного дня. Подобная же трансформация происходит и со временем, которое начинает замедлять свой ход и, достигнув своего предела, навсегда останавливается и становится вечность» [7, с. 66].

Мифологическое постижение феномена Севера, выражение в звуковой палитре его многомерной красоты становится одной из тем в художественных стремлениях русских композиторов.

В настоящей статье мы обратимся к творчеству Н. А. Римского-Корсакова, в операх которого эстетика и история Русского севера представлена в мифологической и символической форме. Оперное творчество русского композитора, в котором озвучены образы северной природы, народных сказаний, можно отнести к явлению «мифологического неоархаизма» – т. е. к искусству, в котором все разнообразие красок современного оркестра служит построению модели мира способом, диктуемым логикой современного мифа [6, с. 87–92].

Предшественником русского композитора, создавшего в музыке свойственное архаическому мифу единство глубинной модели «уничтожения времени» и внешнего повествовательного (эмпирического) слоя на европейской культурной почве, можно назвать Рихарда Вагнера. В его музыке была гениально озвучена скандинавская мифология. Соотношение музыкального стиля Р. Вагнера с мифологическим началом выявляет следующие его характерные черты: длительные энгармонические модуляции создают ощущение безостановочного развития, столь свойственного мифологическому понятию времени, не имеющему ни начала, ни конца; симфонизация оперы и полифонизация оркестра, в первую очередь, обусловлена стремлением композитора к всеохватности как основному свойству мифа, к совмещению реального с ирреальным; лейтмотивная система композитора отражает мифологический уровень восприятия времени, образуется единое семантическое поле, в котором возможно поливариативное толкование смыслов, и, соответственно, рождается высшее архетипическое единство [1, с. 52].

Творчество русского композитора Н. А. Римского-Корсакова представляет иную музыкально-эстетическую программу, полемизирующую с вагнеровской интерпретацией мифа. Перегруженной интриге «Кольца Нибелунгов» Римский-Корсаков противопоставляет прозрачный «зримый» сюжет, допускающий бессловесное воплощение в опере-балете «Ночь перед Рождеством»; текучести «бесконечной мелодии» Вагнера – архитектурно четкую конструкцию, расчлененную кадансами, цезурами, тональными и ритмометрическими контрастами. Сплошная декламация в операх немецкого композитора меняется развернутыми вокальными, танцевальными, пантомимными эпизодами в музыкальных драмах русского композитора. Наконец, растворению голосов в оркестровой ткани вагнеровских произведений Римский-Корсаков противопоставляет четкую дифференциацию номеров с доминирующей вокальной мелодикой и чисто симфонических разделов; причем хор выполняет функцию «голоса толпы», «монолога массы» или «обрядового песнопения». В его музыке мы открываем миф, воплощающий некоторые фундаментальные структуры человеческих характеров, отношений и судеб, повествующий о неуязвимости нравственной чистоты и ее преобразующей силе [1, с. 53]. Так, его интерес к образам и персонажам русского севера объясняется новым сдвигом, сопутствующим внутренним исканиям: обращение к мифу как символизации универсального общечеловеческого опыта.

Мифология русского Севера и образы святой Руси Римского-Корсакова представлены им в операх «Снегурочка», «Садко», «Сказка о Царе Салтане». В этих операх Н. Римский-Корсаков воплотил акты единства с народным мифомышлением. В повествовании о творчестве Римского-Корсакова мы определяем русский Север как сакральное явление, которое постижимо в контексте его соотносительности с центральным концептом пространственной картины русского народа, а именно с топосом Лукоморья. Согласно исследованию А. Г. Дугина, Белое море, расположенное на Севере России, в мифологической картине Лукоморья соединяется с Океан-морем, с Востоком (как говорится в русском стихе, «на море на Океане, среди моря Белого»), иницируя, таким образом, поляризацию Лукоморья на два противостоящих сакральных центра – Север и Юг [2, с. 29–30]. Примеры из народной мифологии и древнерусской книжности говорят о существовании в народном мировосприятии двух образов Лукоморья: первый – это Лукоморье, локализованное в полунощных пределах Северной Руси, у «луки» Студеного Океана-моря, и Лукоморье Южной Руси, лежавшее в «неизвестных землях» половецкого поля-степи, у «луки» Черного и Хвалынского (Синего) морей [2, с. 30].

Все мифологические персонажи и образы оперы Римского-Корсакова «Сказка о Царе Салтане», созданной по мотивам одноименной сказки А. С. Пушкина, обитают в стране Лукоморья: здесь мы встречаем и остров Буян, и Мировое древо в виде Ели с поющей белкой, и Царя Салтана и Царя Гвидона. Особый пласт музыкального действия являют собою темы моря и связанные с ними темы Лебеди. Поразительно, что после «Шехеразады» и «Садко», казалось, исчерпавших морские образы, Римский-Корсаков нашел для моря в «Салтане» совсем новые краски: море ласковое, теплое, море – первородная колыбель человечества. Жи-

вописно написала об этом музыковед М. П. Рахманова: *«И эта вселенная – шатер из ночного неба и моря принимает в себя человека и оберегает мать и ребенка... Море в „Салтане“ – могучая сила, благожелательная к человеку и чудотворная стихия. Оно исполняет желания и рождает чудеса: дает чудесное спасение, чудесное царство, чудесную Царевну Лебедь. И оно же – пространство, разделяющее и связывающее Тьмутаракань и Леденец, мир Салтана и мир Гвидона, отца и сына»* [5, с.114].

Мифологическое пространство Лукоморья, согласно исследованиям культурной антропологии, это некий священный круг Руси – Гардарики, который включает в себе как пространство Русской земли (Круг Земной), так и ее космологическое время (годовой цикл). А. Г. Дугин в работе «Россия-Дева солнечная» обращает наше внимание на то, как структурировано сакральное пространство Руси: *«... этот круг ограничен с севера и юга двумя водными пространствами, которые имеют выразительные и символические названия: на севере это Белое море, на юге море Черное. При этом север в мифологических сюжетах русских (и славянских) преданий обычно имеет положительную, световую, солнечную окраску, а юг, наоборот, негативную, тeneвую. Поэтому логично отождествлять Север нашего круга, Белое море, с Летом, а Юг, Черное море, – с Зимой. Восток вполне закономерно можно сопоставить с Весной, а Запад с Осенью»* [2, с. 30].

Именно в этом контексте можно предположить, что царство берендеев из сказки А. Островского, в котором царили свет и гармония, находилось на Севере сакрального пространственно-временного круга. В опере «Снегурочка» ярко выражено увлечение композитора красотой древнего русского обычая и языческого пантеизма, культа Ярилы-Солнца, стремление воплотить в музыке образы Снегурочки, Леся или Весны.

Опера стала светлым гимном идеальной стране берендеев с ее высшими законами добра и красоты, гармоничному единению человека и природы. Пролог оперы начинается с оркестрового вступления, рисующего красочный зимний северный пейзаж. В сказке А. Островского пейзаж «нарисован» яркими и точными для описания северной природы эпитетами: *«...Леса стоят безмолвны, под снегами/ Опущены густые лапы елей,/ Как старые, нахмуренные брови./ В малинниках, под соснами стеснились/ Холодные потемки, ледяными/ Сосульками янтарная смола/ Висит с прямых стволов. А в ясном небе/ Как жар горит луна и звезды блещут/ Усиленным сиянием. Земля,/Покрытая пуховою порошей,/ В ответ на их привет холодный кажет/ Такой же блеск, такие же алмазы...»* [4].

В опере Римского-Корсакова звучит «суровый и сковывающий» (по определению композитора) лейтмотив Деда-Мороза в нижнем регистре оркестра у виолончелей и контрабасов. Интересно то, что в русской мифологии Божественные персонажи оперы – Ярило и Мороз – это дети Велеса, или его ипостаси (что в ряде случаев одно и то же), явья и навья стороны. Велес – бог Воли, волшебства, бог мудрости и искусства, покровитель магических искусств, повелитель животного мира, в его власти находятся все пути и Перекрестки. Он Страж на дороге из мира явного в мир сакрального. Не случайно на знаменитом Збручском Кумире он выступает трехликим Чернобогом, поддерживающим и Правь, и Явь [3, с. 98].

Образ Снегурочки в опере словно соединяет мир природы и мир людей, их волшебные и реальные черты. Рождение чувства любви в душе Снегурочки происходит одновременно с пробуждением весенней природы. Весна-Красна, ярко представленная в опере, в мифологии связана с явлением Зари и ее красотой. Весна мыслилась берендеями как утро года: подобно заре, выводящей ясное солнце из темных затворов ночи, Весна открывает Солнцу путь из затворов зимы [3, с.146–147]. Искупавшись в утренней росе или дождевых потоках, Ярило-солнце обретало утренний блеск и восходило на небо.

В опере Римского-Корсакова свет и чистота северной страны берендеев создаются благодаря легкой светлой звучности музыки, преобладанию верхнего и среднего регистров хора (сопрано и альтов), прозрачному тембру оркестра.

В разговоре о русском севере упоминание Новгорода и анализ «новгородской» оперы Римского-Корсакова «Садко» объясняется тем, что именно новгородские традиции, которые

были намного древнее московских, формировали самосознание всего Русского Севера в ранний период становления его общественной жизни. Новгород идеологически и социально-политически оформил северорусское своеобразие. Как предположил Н. М. Терехин, *«новгородские духовные и политические ценности удачно вписывались в социально-экономические и географические особенности жизни Севера. Для подчиненных ему земель Новгород Великий представлял «эталонным» городом, поэтому существо новгородской колонизации северных земель можно определить как «сакрализацию “новой земли”», перенесение на нее благодатных свойств, ценностей, имен, установлений “старой земли”, ее священного центра»* [8, с. 48]. Автор исследования подчеркивает также, что после разгрома Новгорода святости и вольности (для северян неразрывно связанных) стали искать на Севере, на берегах студеных морей, где искали встречи со Святой Русью, с сокровенной полярной страной – Беломорьем или Беловодьем [8, с. 48].

Опера начинается оркестровым вступлением, названным самим композитором «Океан-море синее», рисующим спокойную, но грозную морскую стихию: ровно катятся волны в необъятном морском просторе, их гул стоит над океанской ширью. Поразительно, как искусно композитор создал столь захватывающую звуковую картину из мотива, состоящего всего из трех звуков. Этот мотив становится лейтмотивом моря. Следует заметить, что образ Океана-моря в опере неизменно меняется. Как пишет М. П. Рахманова, *«возникая сначала как образ мечты Садко в его первой арии, тема Океана затем начинает активно разрабатываться... В пятой картине, после останковки корабля, ее звучание приближается по смыслу к теме рока, судьбы... В следующей картине тема Океана погружается в среду фантастического царства, а в кульминации... ее превращения символизируют преобразование природной стихии в хаос... При возвращении Садко с Волховой в реальный мир тема Океана сочетается с уходящими темами волшебного Царства и, как бы поглощая их, восстанавливается в своем первичном значении – образа природы. В финальной сцене она входит в апофеоз Великого Новгорода...»* [5, с. 62–63].

Образу моря композитор не случайно уделяет столь пристальное внимание в оперном творчестве. Вне пространства моря миф Севера не сложился бы, сакральность Руси часто связывалась именно с этим образом. Очень точно эту идею проиллюстрировал в своем труде о Русском Севере Н. М. Терехин: *«Дорога России к морю, к “берегам семи морей” – это одна из ипостасей ее дороги к Храму, который и открылся русской душе на Севере, на берегах Белого Студеного моря-океана, который, как и пустыня, сокращает путь к Богу... этот путь России неожиданно обрывается и превращается в то, что всегда называли “Святая Русь”, с учетом ее водных, водолейных оснований, – это Беловодское царство, на поиски которого устремлялась душа русского человека. ...»* [8].

Вся поэма о Садко построена на магической соотнесенности игры на гусях и поведения водного божества: три дня гусяр играет на берегу Ильменя, и божество награждает его небывалым уловом рыбы; пляску морского царя, вызывающую бурю, топящую корабли, можно прекратить, порвав струны на гусях. В контексте русских сказаний Севера морской царь, или повелитель срединных и нижних вод – это Велес [3]. В былине о Садко он представлен и как сам ящероподобный Волхов – водяник, и как покровитель мореходов – Никола Угодник. Как известно, в этой, фантастической, линии действия Римский-Корсаков использовал в наибольшей степени материалы своей ранней симфонической картины, но сама идея Подводного царства не только получила значительно более широкое развитие, но и сильно изменилась. В безлично-колористической картине, калейдоскопе красочных видений появились образы-символы: Морской царь – Волхова – Никола, т. е. самодовлеющая мощь стихии – ее устремленность к человеку – высшая сила, повелевающая стихиями и людьми.

Мифология как принцип художественного воплощения замысла композитора инициировала поиски нового музыкального языка. Римский-Корсаков создает речитатив – условно-уставный былинный сказ или распев, первообраз которого можно найти в декламации новгородских былин. Virtuозное владение формой вариации в сочетании со спецификой

былинного интонационного материала (строфичность, вариантность) обусловили создание Римским-Корсаковым подлинно народной, былинной музыки. Рождаемые в речитативе сказовые интонации становятся стержнем большинства сцен оперы, сопровождаясь лейтмотивом Великого Новгорода. Фантастическая часть оперы тоже построена на преимущественно колористическом и ладогармоническом варьировании комплекса лейтинтонаций и лейтгармоний. В целом, композитор в интонационности, в ритме народных сцен оперы выразил то, что весь XIX век влекло русское искусство к образу Древнего Новгорода как архетипу русской северной культуры.

Таким образом, в операх-сказках творчество мастера воссоздает по-настоящему онтологическое действие: не иллюзорное построение, а реальное сотворение музыкального мира русского Севера – мира Иной красоты, который для слушателей как участников акта партиципации более истинен, чем мир повседневности. В музыкальном символизме и мифе Римского-Корсакова поистине осуществляется теургия – искусство, творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как сущее.

Литература

1. Апрелева В. А. Музыка как выражение и предвосхищение культуры. СПб. : Инфо-ДА, 2004.
2. Дугин А. Г. Россия – Дева солнечная // Наука и религия. 1997. № 4.
3. Лезьер В. А., Лукьяненко А. А. Сакральные истоки древнерусской культуры. Тюмень : ГСХАСЗ, 2015.
4. Островский А. Снегурочка. Весенняя сказка // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <http://ilibrary.ru> (дата обращения: 20.04.2016).
5. Рахманова М. П. Н. А. Римский-Корсаков (1890–1900 годы) // История русской музыки : в 10 тт. Т. 9. Конец XIX–XX века. М. : Музыка, 1994.
6. Сисаури В. Об исторической типологии систем музыкального мышления. Жанрово-стилистические тенденции классической и современной музыки. Л. : ЛГИТМиК, 1980.
7. Терехихин Н. М. Лукоморье: очерки религиозной геософии и маринистики Северной России. Архангельск, 1999.
8. Терехихин Н. М. Сакральная география Русского Севера (религиозно-мифологическое пространство северорусской культуры). Архангельск : Изд-во Поморск. ун-та, 1993.

УДК 378.14:7.016.4(511.142)

*Литовченко А. С.
Litovchenko A. S.*

ВКЛЮЧЕНИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВОВ НАРОДОВ ХАНТЫ В ДЕКОРАТИВНУЮ КОМПОЗИЦИЮ, ВЫПОЛНЯЕМУЮ СТУДЕНТАМИ

INCLUSION OF ORNAMENTAL MOTIFS OF KHANTY PEOPLES DURING STUDENTS MAKING DECORATIVE COMPOSITIONS

В данной статье рассмотрена актуальность изучения творчества народов ханты, а именно необходимость ознакомления с орнаментальными мотивами народов ханты при выполнении студентами декоративной композиции. Выделены составляющие процесса приобщения студентов к творчеству народов ханты. Раскрыты термины «орнамент» и «декоративная композиция». Определены основные задачи включения орнаментальных мотивов народов ханты при выполнении студентами декоративной композиции.

Ключевые слова: орнамент, орнаментальные мотивы, декоративная композиция, творчество народов ханты.

Одной из главных целей Национальной доктрины образования в Российской Федерации является реализация исторической преемственности поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России. Важной государственной задачей в сфере образования определяется гармонизация национальных и этнокультурных отношений, сохранение и поддержка этнической и национально-культурной самобытности народов России, гуманистических традиций их культур, что подразумевает увеличение уровня культуры и искусства в образовании, сохранение и развитие сложившейся в России уникальной системы учреждений художественного образования. Исходя из этого, художественное образование призвано обеспечить подготовку творческих специалистов в сфере искусства, педагогов для системы художественного образования, а также приобщить граждан России к ценностям отечественной и зарубежной художественной культуры, лучшим образцам народного творчества, классического и современного искусства [2].

Немаловажным является то, что в России совершенствуются системы художественного образования, сохранены и развиваются важнейшие элементы отечественного художественного образования [1].

Изучение декоративно-прикладного искусства народов ханты приобретает особую значимость в условиях пробуждения национального самосознания студентов, их активного стремления приобщиться к истокам культуры коренного народа округа.

Приступать к изучению декоративно-прикладного искусства народов ханты необходимо с ознакомления орнаментов. Осваивая образцы предков, можно создать новые современные образы, но здесь важно не потерять традиционных, веками отработанных приемов формообразования и декора. Источником вдохновения для студентов может служить окружающая природа, национальный быт, народные обычаи, фольклор народов ханты.

В работе со студентами по изучению орнаментов народов ханты надо учитывать следующие моменты:

- изучение наследия культурно-исторического смысла и их ценности;
- познание художественных особенностей орнаментов ханты;
- углубление представлений о художественном образе в орнаменте.

Это составляющие процесса приобщения студентов к творчеству народов ханты, познанию ими секретов создания декоративной композиции с включением орнаментальных мотивов народов ханты.

Декоративная композиция – это творческий процесс создания произведений декоративного искусства на основе эмоционального восприятия и образной переработки явлений действительности; это система построения декоративного образа, основным признаком которого является условность и обобщенность; это средство выражения замысла в определенном материале и технике; это конечный результат творчества – декоративное произведение [3].

Орнамент – базисное явление материально-художественной культуры общества. В орнаменте утверждается единство человеческой художественной культуры – фундаментальные ценности всех эпох, всего человечества, объединяющее прошлое с настоящим. Ничто так ярко, как орнамент, не скажет об исторической эпохе, об особенностях породившей его культуры, её отношениях с миром [5].

Художественно-образный язык орнамента разнообразен. «Орнамент – это мощный пласт сегодняшней культуры хантыйского народа. Он богат и многогранен» – так пишет об орнаменте Т. А. Молданова.

Слово «орнамент» в переводе с латинского «ornamentum» означает «украшение». Орнамент не является независимым произведением искусства, это узор, который в зависимости от характера предмета может быть исполнен различной техникой и из самого различного материала.

Применение орнамента в жизни народов ханты чрезвычайно широко, почти безгранично. Орнамент встречается повсюду, и в творчестве, и в быту: на внешних и внутренних стенах зданий, на различных предметах домашнего обихода, на текстильных изделиях, на изделиях декоративно-прикладного искусства. Столетиями в творчестве народов ханты выработывалось своё представление образа мира, свои орнаментальные мотивы и композиции, свои художественные принципы. В них выражались нравственные и эстетические идеалы народов ханты. Тесно связанное с бытом, народное искусство развивалось не только в единстве с трудом, но и с праздниками – как одной из важных форм народной культуры.

Ханты считают, что вещь готова и воспользоваться ею можно лишь тогда, когда она орнаментирована, поэтому нанесению орнаментов уделяется не меньше времени, чем изготовлению вещи. Именно по этой причине орнамент в культуре народов ханты весьма устойчив и «умирает» вместе с вещами. В большинстве случаев орнамент переживает их, оказывается более стойким, более жизнеспособным, поскольку переносится на нетрадиционные вещи, включается в новую культуру.

Орнаментальные мотивы, к которым обращаются современные мастерицы, сформированы и отработаны в процессе длительной творческой практики. Поэтому изделия декоративно-прикладного творчества характеризуются высочайшим уровнем художественного оформления и особой уникальностью.

Орнаменты народов ханты можно разделить на категории, так как многие мотивы имеют символические значения. Часть из них связаны с изображением зверей, растительного мира. Выделяется категория, где преобладает изображение птиц, рыб, земноводных. Присутствуют рисунки с человеком и его бытом. Есть крестообразные орнаменты и орнаменты новой модернизации. Названия орнаментов тоже очень разнообразны, они могут носить названия различных деревьев, веток. А некоторые элементы орнамента носят названия частей тела животных и птиц.

Народное искусство, обладающее нравственной, эстетической, познавательной ценностью, воплотившее в себе исторический опыт многих поколений и рассматриваемое как часть материальной культуры, имеет большое значение в обучении студентов.

Основными задачами включения орнаментов ханты при выполнении студентами декоративной композиции являются:

- организация гармоничного сочетания орнаментальных мотивов в декоративной композиции;
- различные художественные решения при изображении деталей орнамента;
- изучение творчества народов ханты;
- приобретение новых изобразительных навыков;
- определение пропорциональности элементов простых узоров, гармонии цветовых отношений и т. д.

Практические занятия должны быть нацелены на выполнение различных упражнений по изучению и копированию образцов орнаментов ханты, анализ композиции, цветового решения и декоративных элементов. Изучение народного и декоративно-прикладного творчества несет высокие эмоциональные и духовные качества, активно влияет на развитие личности студента, способствует совершенствованию его профессионального мастерства.

В процессе выполнения декоративной композиции с включением орнаментальных мотивов народов ханты изучаются немаловажные для творческого развития студента понятия, как ритм, пропорции, сочетание форм, конструкция, композиция. Значимую роль в процессе творческой работы над орнаментальной композицией играет и личность студента, его образное мышление, его идеи и представления, реализуемые в конкретном художественном произведении. Уровень развития общества и культуры, особенности национальной культуры также выполняют свою корректирующую функцию в процессе выполнения композиции.

Орнаментальное искусство народа ханты постоянно привлекало внимание ученых, художников, искусствоведов, этнографов, историков своей уникальностью и художествен-

ными достоинствами: богатством форм, многообразием сюжетов, строгостью и четкостью построений. Интерес объясняется тем, что орнамент, как значимая часть народной культуры, считается средством выражения художественных вкусов, национальных отличительных черт народа, его мировоззрения. В известном смысле он выражает историю своего народа [4].

Литература

1. Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности : сб. науч. тр. : материалы междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 30 мая 2015 г. : Консалтинг. компания Юком, 2015. 168 с.
2. Валиева Р. З. Формирование эстетических представлений студентов художественно-графического факультета (на материале национального орнамента) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2011.
3. Кабижанова Г. К. Содержание и методы обучения основам декоративной композиции в системе подготовки художника-педагога: на материале текстильного искусства: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. Алматы, 1999. 180 с.
4. Культурно-художественное пространство декоративно-прикладного искусства в ХМАО – Югре : материалы регион. науч. конф. Нижневартовск, 27–28 марта 2008 / отв. ред. М. В. Исаева. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. 164 с.
5. Шевченко Г. Л. Орнамент: методические рекомендации для преподавателей. Н. Новгород : ННГАСУ, 2009. 17 с.

УДК 371.31.047

*Мальцева Л. А.
Maltseva L. A.*

ПРОЕКТНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

DESIGN AND RESEARCH ACTIVITY AS EFFECTIVE MEAN OF SCHOOLCHILDREN PROFESSIONAL SELF-IDENTIFICATION

В статье излагаются теоретические и методологические положения реализации технологии исследовательской и проектной деятельности учащихся на основе системно-деятельностного подхода. Проектно-исследовательская деятельность является логическим звеном в системе работы школы по реализации программы развития «Школа гражданского самоопределения», в рамках подпрограммы «Профессиональное самоопределение учащихся». Работа направлена на самоопределение учащихся в условиях предпрофильного и профильного обучения, на создание поля выбора и профессиональной ориентации, на стимулирование учебно-познавательной мотивации за счет создания проектов, на создание ситуации для самопрезентации успеха каждого участника образовательного процесса.

Ключевые слова: мотивация, мышление, исследование, проект, самоопределение.

Федеральные государственные образовательные стандарты установили новые требования к результатам обучения и вызывают необходимость в изменении содержания обучения. В новых условиях необходимы новые методы, технологии, позволяющие по-иному организовать процесс обучения. Проблема выбора необходимого метода работы возникала перед педагогом всегда.

Актуальным вопросом в преподавании физики становится подготовка конкурентоспособной личности с развитой любознательностью, устойчивым вниманием, неординарным мышлением, навыками самостоятельного поиска и обработки информации, умением творчески находить выход из сложных ситуаций, умением безошибочно принимать решения [1; 2; 4; 6].

В статье излагаются теоретические положения реализации технологии исследовательской и проектной деятельности учащихся на основе системно-деятельностного подхода. Проектно-исследовательская деятельность является логическим звеном в рамках реализации одного из направлений приоритетного национального проекта «Образование» и в системе работы школы по реализации программы развития «Школа гражданского самоопределения», в рамках подпрограммы «Профессиональное самоопределение учащихся». Работа направлена на самоопределение учащихся в условиях предпрофильного и профильного обучения, на создание поля выбора и профессиональной ориентации, на стимулирование учебно-познавательной мотивации за счет создания реальных образовательных продуктов – проектов, позволяющих апробировать имеющиеся в передовой педагогической теории и методике моделей уроков, занятий, внеклассных мероприятий; ориентирует на личностное самоопределение учащихся в конкретной практике, создаёт ситуации для самопрезентации успеха каждого участника образовательного процесса.

Ни для кого не является секретом, что детская потребность в исследовательском поиске обусловлена биологически. Всякий здоровый ребенок рождается исследователем. Неутолимая жажда новых впечатлений, любознательность, стремление наблюдать и экспериментировать, самостоятельно искать новые сведения о мире традиционно рассматриваются как важнейшие черты детского поведения. Постоянно проявляемая исследовательская активность – естественное состояние ребенка: он настроен на познание мира. Это внутреннее стремление к познанию через исследование и порождает исследовательское поведение, создает условия для исследовательского обучения. Принципиально важно, чтобы психическое развитие ребенка уже на самых первых этапах разворачивалось как процесс саморазвития. В связи с требованиями к обучению формирование исследовательского мышления на основе системно-деятельностного подхода является очень актуальной темой. Деятельностный подход позволяет конкретно воплотить принцип системности на практике.

Основная идея системно-деятельностного подхода состоит в том, что новые знания не даются в готовом виде. Дети «открывают» их сами в процессе самостоятельной исследовательской деятельности. Задача учителя при введении нового материала заключается не в том, чтобы все наглядно и доступно объяснить, показать и рассказать. Учитель должен организовать исследовательскую работу детей, чтобы они сами додумались до решения проблемы урока и сами объяснили, как надо действовать в новых условиях.

Основой педагогической практики является исследовательская деятельность учащихся. **Цель исследовательского метода** – «вызвать» в уме ученика тот самый мыслительный процесс, который переживает творец и изобретатель, школьник должен почувствовать прелесть открытия.

Первым условием для формирования исследовательского мышления является организация учебной деятельности таким образом, чтобы у обучающихся сформировались потребности и способности в осуществлении творческого преобразования учебного материала с целью овладения новыми знаниями в результате собственного поиска: идеи, гипотезы, версии, способы, выраженные в продуктах деятельности (схемы, модели, опыты, тексты, проекты и пр.). Исследования теоретического материала приводят к выводу, что важно так организовать учебную работу детей, чтобы они ненавязчиво овладевали приемами исследования, последовательно проходя все его основные этапы: мотивация исследовательской деятельности, постановка проблемы, сбор фактического материала, систематизация и анализ полученного материала, выдвижение гипотез, проверка гипотез, доказательство или опровержение гипотез. Полноценное выполнение исследовательского задания требует тщательной подготовки

соответствующего методического обеспечения. Не секрет, что на практике многие школьники в погоне за результатом не проходят все этапы исследовательской работы. Выдвижение гипотез происходит спонтанно, без должного обоснования, их проверка зачастую не производится вообще, а попытки доказательства оканчиваются нередко неудачей. Поэтому при работе с учениками необходимо уделить особое внимание аппарату исследования.

Вторым условием формирования исследовательского мышления является системное наполнение учителем занятий определённого вида содержанием, которое способствует успешной реализации цели. На уроках физики школьники учатся рассуждать, доказывать, находить рациональные пути выполнения заданий, делать соответствующие выводы. Таким образом, учителю предоставляется уникальная возможность – пробудить интерес и любопытство обучающихся, предлагая им задачи, соразмерные их знаниям.

Третьим условием, формирующим исследовательское мышление, является развитие потребности в поисковой активности. Первоначальным этапом готовности учеников к данному виду деятельности становятся чувство удивления и желание принять нестандартный вопрос. Задача же учителя – постоянно поддерживать интерес учащихся к открытиям, помнить, что необходимым условием для развития исследовательской позиции, образного творческого воображения является систематическое усложнение учебной задачи в условиях ограничения детей во времени.

Следующим аспектом, важным для будущих ребят-исследователей, оказывается умение работать с имеющейся информацией, умение добывать необходимый научный материал, умение грамотно систематизировать, логически распределять данные, выделять в изучаемой монографии информационный центр, умение свертывать информацию путем исключения избыточной либо путем обобщения целого ряда известных фактов, умение переформулировать мысль. Многие истины могут остаться абстрактными для ученика, если он сам не выстрадает их, не придёт к ним через свои открытия, свои прозрения и неудачи. Вот почему актуальны нестандартные уроки: уроки-исследования, уроки-дебаты, уроки-презентации миниисследований и минипроектов. Учебно-исследовательская деятельность эффективна при выполнении определенных условий, ученик должен хотеть проводить исследование (важна система мотивации); суметь это сделать (для этого у него до выполнения работы должны быть уже сформированы определенные компетентности); получить удовлетворение от своей работы (должна быть разработана система оценки, поощрения).

Не менее интересным и важным для формирования исследовательского мышления, по нашему мнению, является метод проектов. На уроках физики используются как индивидуальные, так и групповые проекты. Каждый тип проектов имеет свои преимущества при формировании исследовательского мышления, позволяющий создателям приобрести опыт исследовательской деятельности на всех этапах его выполнения, сформировать ключевые компетентности: исследовательские, презентационные, оценочные, коммуникативные.

В основе проекта лежит какая-либо проблема. Конечно, для ее решения требуются знание основного курса физики и разнообразные предметные знания. Кроме того, школьники должны владеть определенными учебно-организационными, интеллектуальными, коммуникативными, учебно-информационными и творческими умениями. Таким образом, для грамотного использования метода проектов требуется значительная подготовительная работа, которая должна проводиться постоянно, систематически и параллельно с работой над проектом. Основная работа по сбору информации, изготовлению продукта и подготовке презентации выполняется в рамках внеклассной деятельности и дома, поэтому подготовка к урокам физики не обходится без участия учителей русского языка и литературы, химии, биологии, информатики. Чаще всего работа над межпредметным проектом занимает много времени, поэтому основная масса работы проводится во внеурочное время и под руководством учителей-предметников в различных областях знаний. Такие проекты требуют глубокой содержательной интеграции уже на этапе постановки проблемы. Во время внеурочной деятельности по созданию исследовательских работ или проектов у обучающихся формируются исследовательские навыки, упомянутые выше.

Учёт психологических особенностей учащихся – это четвертое условие успешности формирования исследовательского мышления. Развитие мышления происходит в неразрывной связи с развитием речи:

- развитие умения ставить вопросы,
- развитие умения видеть проблемы,
- развитие умений выдвигать гипотезы,
- развитие умений давать определения понятиям,
- развитие умений классифицировать,
- развитие умений наблюдать, экспериментировать.

Технология проектной деятельности – одна из актуальных технологий современного образования, поскольку ее применение приводит к развитию творческого потенциала и природных способностей обучающихся; созданию условий для обретения каждым учеником универсальных умений и навыков деятельности; созданию на уроке ситуации «успеха»; к адаптации ребят к жизни в современном мире.

Новизна проектного метода состоит в создании системы организационно-педагогических условий, ориентированных на формирование у обучающихся навыков самостоятельной исследовательской и проектной деятельности, и развитии у них на этой основе способности к творческому решению познавательных и исследовательских задач.

Внедрение проектной деятельности активизирует поисковую, познавательную, творческую и исследовательскую деятельность обучающихся.

Метод проектов – это модель обучения, которая вовлекает ученика в процесс решения сложных проблем. Результатом процесса является реальный материал – продукт проекта. Однако всем проектам свойственны общие черты. Проекты базируются на таких вопросах, ответы на которые не могут быть получены зубрежкой. Проекты ставят ученика в активную позицию человека, который ставит цель, задачи, исследует, изучает, решает проблемы, принимает решения, документирует свою деятельность.

Среди учебных проектов можно выделить типы: исследовательские (научное исследование), творческие (газета, фильм, сценарий мероприятия, публикация, буклет), информационные (презентация), социально значимые.

Для успешного формирования исследовательских умений и навыков нами применяется метод проектов, основные положения которого отражены в трудах Е. С. Полат. Это позволяет обучать проектированию как целенаправленной деятельности по нахождению способа решения проблемы путем решения задач, вытекающих из этой проблемы [5].

Убеждены, что творческие способности заложены в каждом ребенке. Чтобы сформировать умение творческой работы, требуется постоянная целенаправленная совместная деятельность учителя и ученика. Еще Сократ говорил о том, что научиться играть на флейте можно только играя самому. Точно так же творческие, исследовательские и деятельностные способности учащихся формируются лишь тогда, когда они не пассивно усваивают новые знания, а включены в самостоятельную учебно-познавательную деятельность.

Работу с учащимися выстраиваем исходя из основной мировоззренческой идеи выдающегося психолога В. В. Давыдова: «Школа должна в первую очередь учить детей мыслить, причем, всех детей, без всякого исключения, несмотря на разное имущественное и социальное положение семей, а также наследственных задатков детей» [3].

Более семи лет активно используем проектный метод на уроках физики. Это очень важно сегодня, когда от выпускника школы требуется мобильность, креативность, способность применять свои знания на практике, умение мыслить нестандартно. Все это вынуждает учителя уходить от привычной структуры урока, традиционных педагогических технологий.

Первоначально наблюдалось, что только у незначительного числа обучающихся проявлялась потребность к самостоятельному поиску истины, желание получить ответ на проблемный вопрос и создать конкретный творческий продукт. А создание в учебном процессе условий для осуществления полной структуры мыслительного акта позволили вовлечь в проектно-исследовательскую деятельность почти всех обучающихся.

Цель продуктивного проектного образования – предоставить ученикам возможность творить знания, создавать образовательную продукцию по всем предметам, научить их самостоятельно решать возникшие проблемы. В этом случае обучающийся сам открывает путь к познанию.

В процессе проектной деятельности формируется человек, не только умеющий действовать по образцу, но и самостоятельно получающий необходимую информацию из большого числа источников, умеющий анализировать, выдвигать гипотезы, строить модели, экспериментировать, делать выводы.

Применение методов проектов имеет большие преимущества:

- выходя за рамки учебных программ, этот метод заставляет обучающихся обращаться не только к справочной литературе, но и к Интернет-ресурсам, электронным источникам;
- актуальность тем исследования, возможность ярко, наглядно познакомить с результатами своих поисков аудиторию развивают творческие способности обучающихся;
- создается ситуация, при которой обучающийся, не обнаруживающий особых успехов в обучении, имеет возможность тесного общения с более способными ребятами;
- даже неудачно выполненный проект имеет для обучающихся большое положительное значение, так как на этапе самоанализа, а затем защиты проекта учитель с учащимися разбирают причины неудач, а понимание ошибок создает мотивацию к повторной деятельности, формирует личный интерес к новому знанию. Подобная рефлексия позволяет сформировать самооценку окружающего мира и себя в этом мире;
- выбирая проблему исследования, обучающиеся исходят из своих интересов и степени подготовленности. Это создает возможность построения открытой системы образования, обеспечивающей каждому обучающемуся собственную траекторию обучения и самообучения.

Работа в группе формирует личность, способную осуществлять коллективное целеполагание и планирование, распределять задачи и роли между участниками группы, осуществлять коллективное подведение итогов, защиту проекта. Защита проекта обязательно должна быть публичной, хотя бы для небольшой аудитории (в классе), или заседания научного общества обучающихся, или школьной конференции. В ходе защиты обучающийся учится излагать свои мысли, представлять добытую информацию, отстаивать свою точку зрения, отвечать на вопросы. Важно отметить и практическую значимость проекта.

Таким образом, применение проектно-исследовательской деятельности в учебном процессе формирует метапредметные умения и навыки. Очень важно именно в школе выявить всех, кто интересуется различными областями науки, помочь претворить в жизнь их планы и мечты, вывести школьников на дорогу науки, помочь наиболее полно раскрыть свои способности, привлекая к научно-исследовательской работе. Это возможно сделать в рамках внеурочной деятельности.

Введение курса «Робототехника» во внеурочную деятельность позволило повысить мотивацию обучающихся, способствовать развитию их творческих способностей. Проявляется интерес к техническому творчеству, обучающиеся овладевают навыками технического конструирования, что сейчас очень актуально, так как имеется спрос на специалистов технического направления.

В результате работы над проектами обучающиеся разрабатывают буклеты к урокам и исследовательским проектам, составляют презентации к различным темам, конструируют и изготавливают приборы, такие как: гигрометр, влагомер, перископ, электроскоп, приборы для демонстрации теплового расширения твердых тел, прибор для автоматического включения и выключения света при изменении освещенности в целях экономии электроэнергии, изготовление электрометра, «вечного двигателя». Их можно использовать на уроках для наглядного объяснения нового материала.

Проектная методика является эффективной инновационной технологией, которая значительно повышает внутреннюю мотивацию обучающихся, уровень самостоятельности школьников, уровень компьютерной грамотности, их толерантность, а также общее интел-

лектуальное развитие. Поэтому организация уроков проектно-исследовательской направленности не просто веяние времени и требование ФГОС, а необходимость для успешной социализации и саморазвития школьников.

Литература

1. Аркадьева А. В. Исследовательская деятельность младших школьников // Начальная школа + до и после. 2005. № 2. С. 8.
2. Бартенева Н. В., Дворникова О. Л. Научно-исследовательская работа // Преподавание истории в школе, 2005. № 3.
3. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М. : ИНТОР, 1996.
4. Леонтович А. В. Исследовательская деятельность учащихся : сб. ст. М., 2003. 96 с.
5. Полат Е. С. Как рождается проект. М., 2003. 296 с.
6. Шарова Н. Формирование научно-исследовательских умений и навыков у учащихся // Преподавание истории в школе. 2000. № 9.

УДК 371.385.6(571.122.1-22Русскинская)=511.142

*Морус Е. В.
Morus E. V.*

РАБОТА ШКОЛЬНОГО ПРЕСС-ЦЕНТРА В РАМКАХ ПРОЕКТА «ТРОМ-АГАНСКИЕ ЗВЕЗДОЧКИ» С ЦЕЛЬЮ СОХРАНЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА (ЯЗЫК ХАНТЫ, СУРГУТСКИЙ ДИАЛЕКТ)

SCHOOL PRESS CENTRE WORK UNDER PROJECT "TROM - AGAN STARS" FOR PURPOSE TO PRESERVE NATIVE LANGUAGE (KHANTY LANGUAGE, SURGUT DIALECT)

В статье говорится о школьном пресс-центре, который является мощным инструментом социализации сельских детей, юношества и молодежи. На сегодняшний день пресс-центр выпускает единственное издание для молодежи на сургутском диалекте ханты. Издание такого качества способствует сохранению языка ханты, транслированию традиционных ценностей культуры коренных малочисленных народов Севера в информационное пространство, подготовке молодой журналистской смены для двуязычных газет округа.

Ключевые слова: журналистика, дети, сообщество, образовательный процесс, коллектив, проект, ханты, сургутский диалект.

*«Учитель и ученик растут вместе...»
(Конфуций)*

В настоящее время все более актуальным в образовательном процессе становится использование в обучении приемов и методов, которые формируют умения самостоятельно получать новые знания, собирать новую информацию, выдвигать гипотезы, делать выводы и умозаключения. Об этом говорится в федеральном государственном образовательном стандарте второго поколения, в нем же обозначены личностные характеристики школьников.

Ребенок может развиваться и добиваться всего сам, только если он будет видеть, что его уважают и в него верят. В своей работе следуем принципам народного учителя В. Ф. Ша-

талова [1]. Вся его система обучения была построена на уважении личности школьника и гуманного отношения к нему. Он верил в учебные способности и возможности каждого ученика. Создавая доброжелательную обстановку на занятиях, учитель должен вызывать у детей чувство уверенности в своих силах и успехе в работе. «Учиться победно!» – вот девиз педагога Шаталова. Успех в усвоении он считал важным дидактическим принципом.

Тема проекта очень актуальна, потому что в современном обществе, и в частности в школах, происходят значительные перемены. Детям необходимо получать новые знания, узнавать много интересного, делиться полученной информацией со сверстниками. Поэтому возникла необходимость создания школьной газеты, а впоследствии журнала «Тром-Аганские звездочки».

Новизна проекта заключается в том, что он направлен на совершенствование основных видов речевой деятельности в их единстве и взаимосвязи; подразумевает теоретическую и практическую подготовку и создание условий для сохранения сургутского диалекта письменного языка ханты, развитие навыков у молодежи перевода с русского языка на язык ханты и наоборот.

На сегодняшний день это единственное издание для молодежи на сургутском диалекте ханты. Издание такого качества способствует сохранению языка ханты, транслированию традиционных ценностей культуры коренных малочисленных народов Севера в информационное пространство, подготовке молодой журналистской смены для двуязычных газет округа.

В этом году, благодаря выигранному гранту в конкурсе «Культурная мозаика малых городов и сел УОРФ», мы взглянули на свой проект с другой стороны. Из ранее проделанной работы сделали выводы, что нам уже тесно в рамках школы и необходимо расширять границы общения. Возникла необходимость подключить в проект многие общественные организации нашего поселка, чтобы информация в журнале была интересна не только нашим ребятам, но и жителям поселка. Теперь проект «Тром-Аганские звездочки» – это не только издание детского журнала, но и содружество общественности поселения Русскинских.

Работа началась с анкетирования жителей поселения, из результатов которого мы узнали, насколько важен такой проект и необходим, как он повлияет на будущее Русскинских. Результат был положительным: этот проект будет жить и радовать Русскинские. Затем был проведен ряд необходимых встреч. На встрече с главой администрации поселения А. В. Сытовым ребята поделились новостью о гранте и рассказали о своих планах, получили одобрение на намеченную работу и поддержку.

Рассказывать о своем проекте, о своей работе приходится не только со страниц журнала. Такая работа – это совместный труд многих ребят и взрослых людей. Выступления на научных конференциях повышают уровень собственных знаний и значимость проекта среди людей в научной сфере деятельности.

Работники Центра национальной культуры (ЦНК) с нашими ребятами встречаются регулярно, сейчас такие встречи проводятся еще более тесно и плодотворно, потому что у юных журналистов и работников ЦНК общая цель: сохранить культуру, традиции своего народа, а также свой родной язык. Через наши издания это можно донести до многих читателей, находящихся далеко за пределами нашего поселения и даже района.

Только реализуясь в тесном сотрудничестве детей и взрослых, проект мог достигнуть очень хороших результатов. Дети в процессе работы научились помогать и понимать друг друга. Старшие ребята помогают пятиклассникам в работе с переводами и составлением текстов. Вновь хочется обратиться к В. Ф. Шаталову, который говорил о приемах коллективной познавательной деятельности, взаимной консультации детей, взаимоподдержке.

В этом году, благодаря поездке в г. Ханты-Мансийск, наладилось сотрудничество с окружными национальными СМИ «Луима Сэрипос» и «Ханты Ясанг». Юнкорам школьного пресс-центра было полезно побывать в редакции газет, принять участие в мастер-классах. Такое сотрудничество и поддержка профессионалов еще больше укрепило веру ребят в нужность и необходимость той работы, которую они делают для сохранения родного языка.

Наше издание в этом году полностью перестроилось. Если раньше статьи выходили только о жизни школы и интерната, то сейчас на страницах журнала «Тром-Аганские звездочки» можно увидеть много интересной информации от учителей, воспитателей, школьников не только из Русскинской. Это говорит о том, что издание пользуется спросом не только в рамках школы. Журналом стали интересоваться родители детей, которые работают в школьном пресс-центре. Это помогает найти общий язык между родителями и детьми. Родителя стали больше доверять детям, а дети чаще советоваться с родителями. В этом году копилка наших изданий пополнилась детским картинным словарем на трех языках (хантыйском, русском и английском), сборником фольклорных и авторских сказок, буклетом о Русскинской, методичкой, раскраской. Все эти издания выполнены детьми, украшены яркими картинками и послужат малышам для изучения родного языка, а также познакомят с культурой народа ханты читателей из других районов.

Успех проекта формируется различными методами, приемами и формами работы с детьми. «Пройдя через душу педагога, согретую любовью к детям и наполненную чувством гуманности, только так работа может быть эффективной», – утверждал Ш. А. Амонашвили [1]. По выражению Е. Н. Ильина, педагога-новатора, учителя литературы: «необходимо строить новый тип отношений учителя с учеником, в основе которого – «доброжелательность, мудрая простота, взаимный контакт и интерес» [2]. Работа в школьном пресс-центре строится именно на таких отношениях.

Педагогическая целесообразность проекта «Тром-Аганские звездочки» заключается в том, что он позволяет решить следующие проблемы: пробуждения интереса обучающихся к информационной деятельности; занятости свободного времени детей, профессионального самоопределения каждого обучающегося; социализации личности; создания условий для формирования активной и независимой жизненной позиции, интереса к культуре и истории малочисленных народов Севера.

Самое главное, чтобы проект продолжал радовать своих читателей, надо верить в тех, кто его создает, благодаря кому он существует – детям. Они все по-своему талантливы и обладают разнообразными потенциальными способностями: у кого-то получается хорошо писать тексты, у кого-то организовывать, кто-то хорошо переводит, кто-то фотографирует, но а кто-верстает. В этом и заключается работа нашего коллектива школьного пресс-центра. И к этим успехам пресс-центр шел не один год.

Благодаря занятиям в школьном пресс-центре ребята учатся работать коллективно, решать вопросы с учётом интересов окружающих людей, учатся контактировать с разными людьми, помогать друг другу, учатся оценивать события с нравственных позиций, приобретать навыки контролирования себя и своих поступков, становятся более эрудированными и коммуникабельными людьми.

Занятия журналистикой способствуют повышению общего уровня культуры, позволяют развивать свою речь, а речь развивается в процессе общения. А общение является необходимым условием формирования детей как личностей в современном обществе.

Литература

1. Амонашвили Ш. А. Здравствуйте, дети! : пособие для учителя. М., 1989.
2. Ильин Е. Н. Путь к ученику. М., 1988.
3. Подготовка к экзамену по педагогике. URL: <http://i-educator.ru/vopros21> (дата обращения: 20.04.2016).

УДК 376

*Муллер О. Ю.
Muller O. Yu.*

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ

SOCIAL PARTNERSHIP IN INCLUSIVE EDUCATION

В статье рассматривается одна из оптимальных форм взаимодействия субъектов инклюзивного образования – социальное партнерство. Исследование в форме глубоких индивидуальных интервью с работниками образовательных учреждений г. Сургута помогает выявить ряд проблем, которые могут быть решены посредством создания системного взаимодействия между различными субъектами социального партнерства.

Ключевые слова: социальное партнерство, инклюзия, инклюзивное образование, лица с ОВЗ.

В современном мире одним из общепризнанных индикаторов успешности развития страны является социальная ориентированность государственной политики и применение мер по повышению качества развития человеческого потенциала. Индикатор передового развития общества – равная возможность доступа к различным социальным благам и поведенческим стратегиям для большинства социальных слоев и категорий населения. Данные постулаты были заложены еще в период становления современной российской государственности, а именно в принятой в 1993 г. Конституции РФ. Согласно седьмой статье Конституции РФ «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1].

К сожалению, как это часто бывает, происходит расхождение между декларативными намерениями и практической реализацией. Так, мы можем наблюдать наличие дискриминационных ограничений в отношении ряда социальных категорий населения, например, для людей с ограниченными возможностями здоровья (далее – лица с ОВЗ) все еще не в полной мере доступно получение образования [3].

Получение образования для таких лиц становится одним из способов интеграции в социальную жизнь общества. В этой связи создание условий для реализации в образовательных учреждениях инклюзивного образования становится важной социальной задачей. Безусловно, такая задача носит комплексный характер и ее решение возможно только при взаимодействии всех заинтересованных субъектов. Наиболее оптимальной формой их взаимодействия нам видится социальное партнерство субъектов инклюзивного образования. Образовательные учреждения в данном случае могут трактоваться как открытая система, расширяющая сотрудничество со всевозможными социальными институтами.

Традиционно выделяют три сектора субъектов социального партнерства: государственные и муниципальные организации, негосударственные коммерческие организации, негосударственные некоммерческие организации [2]. Более подробно данная классификация представлена на рис. 1.

Применительно к инклюзивному образованию субъектами первого сектора выступают образовательные учреждения и органы государственной и муниципальной власти, регулирующие их деятельность. Субъектами второго сектора являются коммерческие предприятия, которые взаимодействуют с образовательными организациями как работодатели, трудоустраивающие выпускников с инвалидностью и ОВЗ, получивших инклюзивное образование, в свои компании. Субъектами третьего сектора становятся некоммерческие организации, оказывающие содействие и поддержку в реализации инклюзивного образования.

Субъекты социального партнерства		
I сектор	II сектор	III сектор
Субъекты - государственные и муниципальные организации	Субъекты - негосударственные коммерческие организации	Субъекты - негосударственные некоммерческие организации
Собственность государственная, муниципальная	Собственность негосударственная, немunicipальная	Собственность негосударственная, немunicipальная
Цель - обеспечение общественного развития	Цель - получение прибыли	Цель - решение общественных проблем
Роль в СП - координация и регулирование	Роль в СП - ресурсное обеспечение	Роль в СП - объединение общественной активности

Рис. 1. Субъекты социального партнерства

Для выявления проблем взаимодействия субъектов социального партнерства в инклюзивном образовании нами было проведено исследование в форме глубоких индивидуальных интервью¹ с работниками образовательных учреждений г. Сургута, всего проведено 9 интервью. Цель исследования – выявление особенностей взаимодействия субъектов социального партнерства. Первым блоком проблем, затронутых в исследовании, стали механизмы взаимодействия образовательных учреждений, реализующих инклюзивное образование, и органов государственной и муниципальной власти. Здесь в качестве положительного момента следует отметить, что взаимодействие управления образования и образовательных учреждений не сводится только к формализованным отчетам, но и включает методическую поддержку. Так, на мой вопрос о способах взаимодействия с управлением образования был получен ответ психолога детского сада: *«Мы участвовали в конференциях по инклюзивному образованию»*. Также в исследовании отмечается, что у большинства педагогов отсутствует опыт работы с лицами с ОВЗ. Для преодоления этой проблемы необходимо более активное распространение опыта коррекционных школ: *«Я бы всячески использовала опыт коррекционных школ, ведь там основные специалисты, умеющие работать с особенными детьми»* (учитель средней школы).

Вторым блоком для анализа стало взаимодействие образовательных учреждений с коммерческими предприятиями, которые как работодатели трудоустраивают выпускников с инвалидностью и ОВЗ, получивших инклюзивное образование, в свои компании. Большинство респондентов отмечают практически отсутствие такого взаимодействия, вот типичный ответ: *«Мы пытаемся трудоустроить своих выпускников, но это очень трудно, реально мы их отпускаем в свободное плавание»* (педагог колледжа).

¹ **Глубинные (углубленные) интервью** – это индивидуальная беседа, проводимая по заранее разработанному сценарию. Глубинное интервью предполагает получение от респондента развернутых ответов на вопросы, а не заполнение формальной анкеты. Хотя интервьюер придерживается некоего общего плана интервью, порядок вопросов и их формулировки могут существенно меняться, в зависимости от того, что говорит респондент.

Третьим блоком стал анализ взаимодействия с некоммерческими организациями, оказывающими содействие и поддержку в реализации инклюзивного образования. По мнению опрошенных сотрудников образовательных учреждений, некоммерческие общественные организации не оказывают реальной помощи: *«Ну вот для детей, которые инклюзивно обучились, мы ничего не получали, я уж здесь больше 15 лет работаю, но никто не помогал» (учитель средней школы).*

Положительным моментом в данной области социального партнерства можно считать взаимодействие с организациями инвалидов: *«Мы очень конструктивно сотрудничаем со Всероссийским обществом инвалидов, а также со Всероссийским обществом глухих. Эти крупные организации инвалидов наши коллеги и партнеры» (педагог колледжа).*

В ходе проведения интервьюирования было установлено:

- система инклюзивного образования функционирует в сфере стратегических интересов органов государственной и муниципальной власти, но при этом отсутствует единая политика взаимодействия, механизм реализации;

- отсутствует заинтересованность во взаимодействии не только со стороны коммерческих организаций, но и со стороны образовательных организаций, которые не проявляют инициативу в создании социального партнерства, например, по трудоустройству выпускников;

- основное взаимодействие между образовательными учреждениями и некоммерческими организациями в основном заключено в рамках специальных организаций инвалидов.

Подводя итог, отметим, что проведенное исследование с работниками образовательных учреждений г. Сургута позволило оценить имеющуюся практику развития социального партнерства, наметить пути совершенствования с учетом имеющегося инклюзивного опыта, а также выявить ряд проблем взаимодействия субъектов социального партнерства в инклюзивном образовании. Они могут быть решены посредством создания системного взаимодействия между различными субъектами социального партнерства, координатором которого должны выступать органы государственной и муниципальной власти. Но создать полноценный эффективный механизм организационного взаимодействия в инклюзивной среде не так просто, поскольку в настоящий период инклюзивная образовательная практика достаточно ограничена, во многом экспериментальна и крайне неустойчива. Реализация инклюзивного образования возможна только при взаимодействии всех заинтересованных субъектов. Наиболее оптимальную форму их взаимодействия мы видим в создании системы инклюзивной образовательной вертикали, которая представляет собой иерархическую структуру, включающую разноуровневые образовательные учреждения, гибко взаимодействующие между собой. Объединение ресурсов и усилий коллективов отдельных учреждений именно в рамках кластера позволит расширить возможности получения качественных образовательных услуг лицам с особыми образовательными потребностями, обеспечит реализацию инклюзивного образования, выступающего одной из форм альтернативного обучения, а также разрешит ряд организационно-педагогических проблем.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doclaw_2875/ (дата обращения: 22.04.2016).
2. Кулькова В. Ю. Теоретические аспекты межсекторного социального партнерства в современном управлении // Вестн. ун-та. Гос. ун-т управления). 2013. № 15. С. 17–24.
3. Максимова Л. В. Сысоева М. А. Инклюзивное образование через социальное партнерство // Образование: традиции и инновации : материалы VII междунар. науч.-практич. конф. 29 декабря 2014 г. Прага : WORLD PRESS, 2015. С. 92–94.
4. Рассказов Ф. Д., Муллер О. Ю. Создание инклюзивной образовательной среды в вузе: проблемы и перспективы // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 13 дек. 2015 г.) / редкол. О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары : Интерактив плюс, 2015. С. 130–134.

УДК 376.1:378

*Муллер О. Ю., Рассказов Ф. Д., Ротова Н. А.
Muller O. Yu., Rasskazov Ph. D., Rotova N. A.*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДУЛЕЙ В АДАПТИРОВАННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

MAIN DIRECTIONS OF ADAPTIVE EDUCATIONAL MODULES IN ADAPTED EDUCATIONAL PROGRAM OF HIGHER EDUCATION

В статье рассмотрена необходимость внедрения адапционных образовательных модулей, являющихся составной частью адаптированной образовательной программы высшего образования. На примере организации модуля в интерактивной форме показаны пути достижения цели: профессиональная и социальная адаптация лиц с особыми образовательными потребностями.

Ключевые слова: конкурентоспособность, адапционные образовательные модули, профессиональная и социальная адаптация.

Получение высшего образования студентами с ограниченными возможностями здоровья и инвалидами будет наиболее эффективным, если будут созданы специальные условия, необходимые для развития каждого обучающегося. Содержание различных предметных областей на сегодняшний день определяется федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования, где перечислены общие и предметные компетенции, виды деятельности, для выполнения которых необходимо подготовить выпускников. Однако особая трудность состоит здесь в том, что студентам с ограниченными возможностями здоровья и инвалидам необходимо овладеть базовыми компетенциями, быть востребованными и конкурентоспособными на рынке труда, мобильными в современном обществе. Для достижения поставленной цели в адаптированную образовательную программу высшего образования необходимо заложить механизмы адаптации, рефлексии, сохранения индивидуальности [3; 6].

Специально разработанная адаптированная образовательная программа высшего образования с целью профессиональной и социальной адаптации инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья имеет вариативную часть, в которую включены специализированные образовательные дисциплины, например, «Воспитание и обучение. Самоорганизация учебной деятельности», «Межличностное взаимодействие. Ведущие тенденции современного развития мирового образовательного процесса», «Социальная педагогика. Адаптация к различным жизненным и профессиональным условиям» [5; 6].

При реализации основной образовательной программы образовательное учреждение обеспечивает инвалидам и лицам с ограниченными возможностями здоровья, исходя из индивидуальных потребностей, возможность освоения специализированных адапционных факультативных дисциплин с целью устранения влияния ограничений здоровья на формирование компетенций (табл. 1).

Таблица 1

Направленность адапционных факультативных дисциплин

Направленность	Задача
Коррекционная	Компенсация недостатков предыдущих уровней обучения
Развивающая	Развитие личностных качеств

Рассмотрим современные методологические подходы к разработке адаптированной образовательной программы высшего образования (табл. 2).

Таблица 2

Методологические основания основных компонентов содержания адаптированной образовательной программы высшего образования

Компонент содержания программы	Методологические основания	Методологический подход
Овладение компетенциями в соответствии с направлением и профилем подготовки	Главным требованием в образовательном процессе, в соответствии с ФГОС, является овладение компетенциями. Развитие личности через различные виды деятельности, свободный выбор вида деятельности, достижение результата. Любой субъект образовательного процесса выступает как система с многообразием внутренних и внешних связей. Интеграция процессов в обществе	Компетентностный, системный, деятельностный
Специализированные адаптационные факультативные дисциплины	Сущностью образования является его направленность на индивидуальное саморазвитие каждого субъекта в системе «учитель–ученик». Представление об участниках образовательного процесса как саморазвивающихся системах	Гуманистический (личностный, личностно ориентированный), синергетический
Сопровождение учебного процесса инвалидов и лиц с ОВЗ, создание толерантной социокультурной среды образовательной организации	Особую ценность в образовательном процессе представляет самоопределение личности через осознание собственных целей, ресурсов, системы жизненных и общечеловеческих ценностей	Гуманистический (личностный, личностно ориентированный), системный, аксиологический

Рассмотрим на примере освоения одного из модулей, каким образом организовано достижение главной цели – профессиональной и социальной адаптации лиц с особыми образовательными потребностями. Освоение модуля «Межличностное взаимодействие. Ведущие тенденции современного развития мирового образовательного процесса» предполагается в форме стратегической игры «Время ИКС», основным содержанием которой является представление участниками своей технологии развития воспитания [4]. Как правило, такой отрезок времени, который еще пока не существует, представляется участниками через раскрытие, наглядное представление жизни в соответствии с выбранными ценностями, ориентированными на развитие воспитания: патриотизм, семья, здоровье, образование, наука, труд, искусство, религия и т. д. Список ценностей не ограничивается и формируется каждый раз новыми участниками «игры». Участники «игры» анализируют трансформацию выбранных ценностей через временной период развития человечества: «Мир первобытных людей», «Мир средневековья», «Новое и Новейшее время» – с точки зрения полученного результата в развитии воспитания. Авторы каждого созданного ими «Времени ИКС» представляют не только внутреннюю структуру организации жизни своего «Времени ИКС», но и выявляют те ценности и принципы, которые позволили оказаться какому-либо из «Времен» наиболее конкурентоспособным среди других команд при участии внешних экспертов. Такая конкурентоспособность

представлена рейтингом либо конкуренцией мероприятий, которые предлагаются участникам «игры» представителями команд других «Времен». Результаты работы каждой команды оцениваются общественностью, независимыми экспертами, тьюторами, подсчитывается общий балл. Итогом программы является выбор лидера и сценария интеграции «Времен», окончательный выбор ценностей, ориентированных на развитие воспитания. Для достижения образовательного результата необходимо погружение, длительность которого определяется количеством изучаемых тем: «Воспитание в первобытном обществе», «Школа и воспитание в Древнем мире», «Воспитание и школа в эпоху Средневековья», «Школа и педагогика в Новое и Новейшее время» [7].

Образовательная задача модуля – осознанное создание участником собственной стратегии развития воспитания.

Образовательная ситуация модуля – технология создания «Времени ИКС», представление итогового варианта в виде своей концепции развития воспитания, основанной на интеграции наиболее продуктивных идей развития воспитания различных исторических эпох.

Образовательное пространство модуля – это создаваемое в ходе работы игровое взаимодействие между командами в виде представления результатов групповой работы в форме докладов. Отметим необходимость включения в коммуникацию экспертов по различным формам деятельности. Это позволит реально соотнести представляемые временные отрезки с культурными аналогами и задать конкурентность групповой работы, оценить приобретаемые участниками компетенции.

Цель модуля – включить участников в различные профессиональные практики воспитания и формы жизни, дать возможность выбора собственных принципов развития воспитания и быть в этих формах успешными через решение конкретных задач, ощущение ответственности, возможность экспериментировать с собственной социальной ролью, конструировать мир на основе своих знаний и стратегий, этических правил и ценностей.

Задачи модуля:

1. Создать условия для развития продуктивного мышления через историческую реконструкцию и конечное проектирование с учетом социокультурных аспектов развития.
2. Освоение практических навыков работы в команде через создание стратегии продвижения команды в игровом пространстве.
3. Создание условий для включения участников в процесс самопознания и саморазвития.

Формы работы: семинары, лекции, презентации. В ходе реализации адаптированной образовательной программы высшего образования применяются педагогические технологии, при которых:

- информация – это, в первую очередь, средство организации деятельности, а не цель обучения;
- происходит развитие самостоятельности обучающихся в процессе определения и достижения цели, выбора и выполнения заданий, принятия решений;
- обучающиеся получают возможность осознать сущность учебно-познавательной деятельности как процесса саморазвития.

Планируемые предметные результаты:

- осознание собственной культуры мышления;
- умение работать с информацией: обобщение, анализ, восприятие, постановка цели, выбор путей ее достижения.

Планируемые компетентностные результаты:

- готовность к профессиональному самопознанию и саморазвитию;
- готовность на основе осознания собственной идентичности с учетом социально-культурного просветительского опыта выстраивать межличностное взаимодействие.

Таким образом, эффективным инструментом получения качественного профессионального образования инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья может стать применение в образовательном процессе адаптированных образовательных программ [2].

Реализация адаптированных программ становится центральным компонентом организационно-педагогической деятельности при создании инклюзивной образовательной среды, что соответствует, с одной стороны, государственной политике в области доступности и качества образования, в том числе и в рамках инклюзивного образования; с другой стороны, строится на определенных методологических принципах, основанных на ценностных и нравственных условиях социальных изменений образовательной деятельности.

Литература

1. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: <http://www.sudact.ru>.
2. Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным программам профессионального обучения : приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 18 апреля 2013 г. № 292. URL: <http://www.rg.ru/2013/05/24/obrazovanie-dok.html>.
3. Мартынова Е. А., Романенкова Д. Ф. Подходы к разработке адаптированных образовательных программ для профессионального образования инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. URL : www.science-education.ru/117-13203.
4. Муллер О. Ю., Рассказов Ф. Д., Ротова Н. А. Внедрение адаптированных образовательных программ для студентов с ограниченными возможностями здоровья в вузе // Концепт. 2016. Т. 8. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56119.htm>. (дата обращения: 20.04.2016).
5. Муллер О. Ю., Рассказов Ф. Д., Ротова Н. А. Методологические подходы к разработке адаптированных образовательных программ для студентов с ограниченными возможностями в вузе // Казанская наука. 2016. № 1. С. 98–101.
6. Подходы к разработке адаптированных программ профессионального образования для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья: методические рекомендации / сост. О.В. Коротенко. Хабаровск : КГБОУ ДПО ХКИППКСПО, 2014 – 130 с.
7. Попов А. А. Образовательные программы и элективные курсы компетентностного подхода. М. : ЛЕНАНД, 2015. 344 с. (Психология, педагогика, технология обучения. № 42).

УДК 78.067.26:398(1-17)

Мустафина А. С.
Mustafina A. S.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРА

FEATURES OF NATIONAL MUSICAL CULTURE OF THE NORTH

Развитие музыкального фольклора северных народов очень разнообразен, подобно разнообразию языков: наречий, говоров или диалектов. При детальном исследовании можно найти древнейшие архетипические сюжеты и взаимодействия культур. Особое место занимает обрядовый фольклор: проведение обрядов, ритуалов, традиционных праздников. Народные традиции, песни и танцы передавались от поколения к поколению. С раннего детства обучали напевам, мелодиям, движениям танца.

Ключевые слова: Север, природа, традиции, фольклор, песня, современность.

Север... Для некоторых Север – это земля далёкая и неприветливая. Но многих людей северная земля притягивает своей вечной тайной и красотой необъятных просторов. Что же манит многих людей приехать в этот далёкий холодный край и полюбить Север *навсегда*?

На современном этапе только несколько тысяч человек принадлежат к коренным народностям Севера, которые сохранили и продолжают сохранять этнические особенности своего языка (около двух сотен различных говоров и языков). Фольклор северных народов так же разнообразен, как и языки, в нем можно найти древнейшие архетипические сюжеты и взаимодействие культур. Распространение на территории Сибири у разных народов одних и тех же видов традиционных напевов, мелодий наглядно отражает этническую близость этих народов и их культурные взаимовлияния.

Особое место занимает обрядовый фольклор: проведение обрядов, ритуалов, традиционных праздников. Привлекает внимание своей необычностью танцевальный, музыкальный и особенно песенный фольклор. На любом народном празднике по неуловимым признакам: говору, манере петь и танцевать, стучать в бубен, орнаменту на одежде – можно распознать представителей одного народа, проживающих в разных поселках. Поэтому разнообразие этнических культур народов Севера уникально и очень привлекательно как для научных исследований, так и для простых жителей северных поселков, городов. И не только. Эвенкийские сказки были переведены в Англии, Болгарии, Германии, Китае уже в 30-х годах двадцатого столетия.

Невозможно себе представить народы Севера без музыки! Невозможно точно указать дату зарождения музыкально-танцевальных традиций. Музыкальное творчество народов Севера очень древнее и связано с поклонением духам и богам, где главным исполнителем являлся шаман. Именно он обращался к жителям Верхнего мира с просьбами. Шаманы посвящали каждому духу свою особую песню. Мифологических персонажей славили и просили о помощи. Музыка сопровождала людей в повседневной жизни всегда, поэтому существует большое количество песен, связанных с бытом. Они сопровождали человека на протяжении всей его жизни. С рождения младенец слышал пение матери, где в звуках и словах передается ребенку любовь. Даже плавная, нежная мелодия обязательно сопровождается четким ритмом, который «изображает» цоканье оленьих копыт. Особый жанр, существующий в песенном творчестве народов Севера, – это личная песня. Эту песню дарили мать или отец своему ребенку как талисман-хранитель. Личная песня подобна имени или родовому знаку. В древние времена сколько существовало жителей, столько было и личных, неповторяющихся имён. В словах песни воплощались родительские мечты о будущем ребенка. Она связана с человеком от начала и до конца жизни. Песни не всегда сопровождались игрой на музыкальных инструментах. Некоторые поются почти без мелодии, как будто выговариваются ритмично, как речитатив-рассказ. Слова без рифмы свободно ложатся на мелодию, – это своеобразная черта песенного искусства народов Ямала. Песни раскрывали отношение людей к природе через наблюдения и точное воспроизведение всего того, что окружает повседневную жизнь коренных народов: дуновение ветерка, шум леса, крик чаек, уток, стук копыт оленей... Народная песня будто соткана из звуков природы.

Традиции народной песни продолжают по сей день. Многие из них теперь записаны на магнитофонную ленту и переведены в нотную запись. Благодаря этому они останутся в памяти народа. Замечательно, что на профессиональных концертных площадках звучит народная песня, исполняются народные танцы. Исполнение народных песен, танцев в больших городах – это стилизация жанров с помощью современных музыкальных аранжировок, музыкальных сопровождений, используются компьютерные технологии при оформлении видеоряда. При этом сохраняется народный дух, темперамент и эмоциональное воплощение образов!

В музыкальном искусстве существуют различные жанры, которые зависят от темы произведения. Ритуальные песни и танцы всегда были посвящены богам. В ритуальном действии разыгрывались сюжеты из жизни богов, из жизни предков людей, медведя или филина. Эти сюжеты примыкают к героическим песням.

Также трудно себе представить народный праздник без музыки и танцев (на ранних металлических бляхах средневековья изображены люди в танцевальных позах). Народные традиции, песни и танцы передавались от поколения к поколению: детей обучали народным

напевам, мелодиям, движениям ритуальных танцев, чтобы не прервались вековые традиции. При этом и слова песни, и фигуры танца могли меняться. Каждое исполнение мелодии или танца (о чём пелось в словах, то изображали в движениях танцоры) – это импровизация и самовыражение певца или танцора. Таким образом, каждый исполнитель добавлял что-то новое в уже знакомый напев, и получался свой неповторимый напев. Если песня-легенда передается от поколения к поколению, невозможно в точности повторить ее так же, как исполнял первый человек. Каждый добавляет какие-то свои штрихи. При каждом новом исполнении возникает новый вариант песни. Меняются интонации, и очень трудно выяснить, кто же является автором именно такой песни. Одно и то же произведение звучит по-новому, с новым настроением, измененным текстом, меняющейся мелодией. Даже если песни-легенды одинаковые, они никогда не звучат одинаково. Песни тесно связаны с окружающей природой: слушая завывание ветра, пение птиц, шум рек, крики животных человек голосом воспроизводил то, что слышал, выражая своё душевное состояние, поэтому напевы песен широки, как бескрайние просторы тундры. Танец и песня существовали и существуют в неразрывном единстве. В танце шаманы изображали и вызывали духов: духа охоты, духа реки... А всемогущий дух Кандальдук считался веселым, любил песни, пляски, игру на кагах (музыкальный инструмент).

Самыми древними музыкальными инструментами Севера являются ударные – бубен и струнные инструменты. В древние времена народы Севера изготавливали струны из сухожилий животных. Форма и способы изготовления повторялись из века в век, поэтому и сегодня музыкальные инструменты почти не отличаются от тех, что использовались в глубокой древности. Например, ненцы считают, что музыкальный инструмент должен быть похож на птицу, он и обозначает приносящую в дом счастье птицу «журавль» или «лебедь». Тор, тороп-юх имеет птицеобразный внешний вид и называется по-русски «лебедь», «гусь», «журавль». Его делают из пораженного молнией дерева ели или осины. Это значит, бог указал, какое дерево нужно использовать для изготовления. Существуют «простые» инструменты, которые используются в быту. Но особое внимание отводится созданию инструментов для проведения культовых праздников, и на них можно играть только во время обряда. Основными музыкальными инструментами народов Ямала можно назвать пензер (барабан), куйп (шаманский бубен), томран (губной инструмент), тор сапап и нарасьюх (струнные инструменты), полян (дудка), чипсан (свистулька), еярган (деревянная трещотка), курай (дудка).

Север – это быстроразвивающийся регион: современное строительство, разработка и освоение новых месторождений, современные города. Сегодня очень актуально передать знания и умения старшего поколения молодым! «Познавая мир и самих себя, дети обязаны по крупинке познавать свою ответственность за материальные и духовные ценности, созданные старшими поколениями» [2, с.187–188]. В современном обществе необходимо с раннего детства формировать сознание молодого поколения, его отношение к национальной культуре и традициям, которые являются живым источником нравственно-духовных ценностей любого человека. Как сказал В. А. Сухомлинский: «Разве можно сформировать мировоззрение без обучения и образования? Разве можно воспитывать человеческую душу, не имея в виду того, что человек видит, узнаёт, познаёт, осмысливает в процессе образования? С другой стороны, разве мыслимо образование вне воспитания мировоззрения?» [2]. В настоящее время искусствоведение, эстетика, педагогика рассматривают национальное искусство как один из основных компонентов духовной культуры, представляющих совокупность знаний, опыта народа, являющихся важнейшим средством, развивающим и закрепляющим народный опыт воспитания. В последние годы наблюдается обращение молодежи к традиционному искусству, в активном формировании песенно-танцевальных ансамблей проявляется национальное самосознание, чувство гордости за свою древнюю культуру. Традиции народной песни продолжают по сей день. Это большое и нелегкое искусство – слагать и стихи, и музыку одновременно. Это не каждому даже профессиональному музыканту под силу! Здесь нужно особое умение и врожденный талант. Мало быть искусным поэтом, надо быть еще и виртуозным музыкантом. Не верите? Попробуйте сами. Фантазия же ханты-мансийских песнопевцев-

импровизаторов заставляет любого из зрителей с замиранием сердца слушать пение любимых исполнителей в течение нескольких часов! Звуки нарса-юха или сангкультапа способны заворожить любого, будь это человек, зверь или птица...

Закончить хочется словами Николая Рериха: «Вообще помни о Севере. Если кто-нибудь тебе скажет, что Север мрачен и беден, то знай, что Севера он не знает. Ту радость, и бодрость, и силу, какую дает Север, вряд ли можно найти в других местах. Но подойди к Северу без предубеждения. Где найдешь такую синеву далее? Такое серебро вод? Такую звонкую медь полуночных восходов? Такое чудо северных сияний?» [1].

Литература

1. Рерих и его литературное наследие. URL: n-k-roerich.ru (дата обращения: 20.04.2016).
2. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. Рождение гражданина. Письма к сыну. Киев : Радянська школа, 1985. С. 187–188.

УДК 378.147.88:004.738.52

*Наконечный Н. В., Ибрагимова Д. В., Старикова Т. М.
Nakonechny N. V., Ibragimova D. V., Starikova T. M.*

МЕТОДЫ ПОИСКА ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ РАБОТ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

METHODS OF INFORMATION SEARCH ON THE INTERNET TO PREPARE FOR QUALIFYING PAPERS OF STUDENTS AND POST-GRADUATES

В статье рассматриваются существующие методы поиска информации в сети Интернет. Рекомендуются путём латентно-семантического анализа и метода взвешенных дескрипторов использовать правило «трёх кликов» в поисковых базах и электронных библиотеках.

Ключевые слова: поиск информации, поисковые базы, электронные библиотеки, метод взвешенных дескрипторов, латентно семантический анализ, индексируемые слова, правило «трёх кликов».

Введение. Улучшение качества поиска информации является важной задачей для широкого спектра научных областей, и связано это с экспоненциальным ростом информации: учебной и справочной литературы, отчётов, научных публикаций и других трудов [6]. Включение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в обучение бакалавров, магистров и аспирантов вносит глубокие изменения в стиль учебной и научной работы и её результатов. О степени интеграции ИКТ в учебную деятельность свидетельствуют масштабы использования Интернета в таких её видах, как поиск информации, сбор и анализ данных, научные коммуникации, публикация и распространение результатов исследований.

В сфере образовательной и исследовательской информации магистральный путь современной науки лежит через электронные и, в первую очередь, научные библиотеки. Это связано с тем, что в настоящее время информационные потребности студентов, магистров и аспирантов не могут быть обеспечены только при помощи документов на традиционных носителях.

Многим студентам и аспирантам первого года обучения в Высших учебных заведениях часто бывает трудно подготовиться к практическим занятиям из-за неумения пользоваться

поисковыми базами в сети Интернет. Традиционный поисковый механизм по фамилии автора, названию, ключевым словам или другим разделам документа затруднителен, если неправильно выбрана поисковая база. Для качественного обучения студентов требуется в вводных занятиях по читаемым дисциплинам знакомить с многоотраслевыми и узкоспециализированными поисковыми базами и личными сайтами исследователей.

Электронные библиотеки (ЭБ) предоставляют уникальные возможности поиска необходимой информации и доставки её непосредственно на рабочий стол пользователя. Научные ЭБ активно создаются по всему миру. Электронные документы удобнее искать и анализировать, чем их бумажные аналоги. В ЭБ отсутствуют проблемы, связанные с невозможностью получить книги, занятые другими читателями, а также информация всегда доступна. Исследования показывают, что примерно половина посещений ЭБ приходится на то время, когда традиционные библиотеки уже закрыты [1].

Рекомендации

Начинающих специалистов необходимо готовить с первых занятий к структуре написания контрольных, курсовых, дипломных и научных работ. Для получения достоверных знаний с помощью объективных наукометрических методов об устойчивых тенденциях в развитии науки студенту необходимо соблюдать ряд условий:

- 1) исследование должно проводиться достаточно большой период времени, не менее 2–9 лет;
- 2) обработке должен подвергаться значительный массив исходного материала;
- 3) нельзя исключать из анализа даже часть информации;
- 4) для повышения эффективности статистического анализа важно точно поставить вопросы, формулировка которых при изучении таких многомерных явлений, как исторический процесс развития науки представляет особую сложность.

Образовательная задача данного этапа – выявить информационный массив научной отрасли. Именно на этом этапе работы студент должен чётко реализовать три первых условия. Определив время для изучения, обучающийся начинает сбор и библиографическое описание публикаций. Основными источниками при этом могут быть традиционные и электронные каталоги ведущих российских и университетских библиотек; банки данных о публикациях, кандидатских и докторских диссертациях, представленных в сети Интернет; обзоры, выпускаемые ведущими библиотеками, библиографические справочники по отрасли или по отдельным разделам, а также списки литературы, представленные в монографиях, диссертациях; оглавления сборников научных трудов, материалов конференций и других научных трудов отечественного и зарубежного издания [2].

Для поиска публикаций по фамилии нужно использовать дополнительную информацию из доступных полей структуры данных – название публикации. Так как в мире могут существовать несколько авторов с одинаковыми фамилиями, и чаще всего публикации содержат только инициалы с фамилией [3].

Осуществление поиска информации по ключевым словам и словосочетаниям через слабоструктурированные поисковые системы: <http://www.google.ru/>, <https://www.yandex.ru/> или <http://www.rambler.ru/> даёт большое количество ссылок на научно-популярные и справочные сайты (пример: поиск словосочетания «дождевые черви» система выдаёт от 226 000 до 2 000 000 ссылок). Найти нужную информацию по научным публикациям в таких поисковых системах сложно, если нет полного библиографического названия работ. Для качественного поиска используются сложные математические модели, семантический анализ и другие способы анализа информации. Поэтому данные, которые поступают на вход этих систем, должны быть структурированы определенным образом. Однако большинство наукометрических баз данных представлены в форме уникальных структур, что усложняет получение данных из подобных слабоструктурированных веб страниц [4].

У компании Google есть большой перечень «продуктов» в разделе «Специализированный поиск» ссылка на страницу «Академия» <https://scholar.google.ru>. Результат поиска предоставляет 4 000 русскоязычных и 12 900 зарубежных ссылок на научные статьи и книги с доступом в формате: pdf, djvu, doc, rtf, chm, htm и др.

Таким образом, дальнейшую работу по поиску информации всегда можно начинать с <https://scholar.google.ru>. Допускаются различные алгоритмы поиска: генетический [6], латентно-семантический [3] и др., но начинающий пользователь часто выстраивает нахождение информации по принципу «трёх кликов», который существует в Интернет-маркетинге. Посетитель, который пришёл на сайт, должен найти интересующую его информацию не более, чем за 3 клика, иначе этот посетитель с высокой вероятностью уйдёт. Первый клик – введён запрос. Второй клик – переход по ссылке на сайт. Таким образом, на поиск необходимого сайта и товара у посетителя остаётся только один клик [5].

Для каждого поискового запроса необходимо использовать индексируемые слова – это слова, которые встречаются в двух или более документах и имеют смысловую нагрузку (не являются предлогами, союзами и т. д.). Для повышения качества анализа можно использовать метод взвешенных дескрипторов (слов или словосочетаний), который производится по частоте встречаемости и с учётом семантики (смысловое значение слова), за счёт подбора соответствующих дескрипторов. Для получения значимых концептуальных дескрипторов используют законы Джорджа Зипфа, который говорит, что слова с большим количеством букв встречаются реже коротких слов.

Ещё один вариант – применение латентно семантического анализа (ЛСА) – это метод обработки информации на естественном языке, анализирующий взаимосвязь между коллекцией документов и терминами, в них встречающимися, сопоставляющий некоторые факторы (тематики) всем документам и терминам. Так как подразумевается наличие скрытых тем, к которым относятся термины и документы, можно выделить ключевые слова заданного количества тем (например, ключевые слова для направления научной деятельности). Необходимо проанализировать список названий публикаций, разбить их и предоставить для каждой группы набор ключевых слов. Выполнив поиск по ключевым словам, можно получить основную часть статей по интересующему вопросу (пример: не «дождевой червь», а латинское название вида навозный (компостный) червь – *Eisenia fetida* (Savigny, 1926) (рис. 1).

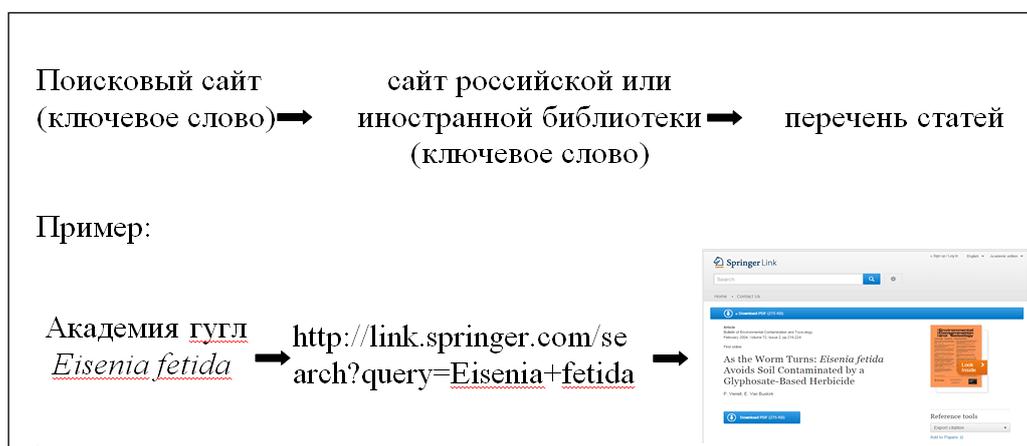

Рис. 1. Алгоритм поиска статьи

Результатом поиска по ключевым словам для направления научной деятельности с использованием концептуальных дескрипторов и учётом семантики из многомиллионного объёма информации получаем 600 русскоязычных и 14 000 зарубежных ссылок с публикациями в открытом доступе. Так же вместе с видовым названием можно использовать словосочетания (экология, популяция, вермикультивирование, толерантность, рыбалка и др.).

Ключевые слова, предложенные ЛСА, можно сохранить и в следующий раз использовать их при новом поиске публикаций. Результат, конечно же, может иметь погрешность. Это хорошо заметно, когда ключевые слова можно отнести к различным предметным областям научной деятельности [3].

Приступая к знакомству студентов и аспирантов с ЭБ и поисковыми системами, нацеленными исключительно на поиск научной информации в открытом доступе, следует сказать о Научной электронной библиотеке Российского фонда фундаментальных исследований (НЭБ РФФИ, <http://elibrary.ru>), репозитории (место, где хранятся и поддерживаются какие-либо данные) научных статей КиберЛенинка <http://cyberleninka.ru/>, публикуемых в журналах России и ближнего зарубежья (в том числе в журналах из перечня ВАК), Электронной библиотеке диссертаций РГБ <http://www.diss.rsl.ru/>, которая открыта на Web-сайте РГБ; Коммерческом сайте ЭБ <http://www.dissercat.com/>, где в свободном доступе можно ознакомиться с вводными главами диссертаций, выводами и списком используемой литературы, а так же купить полнотекстовую электронную версию.

Получив достаточный опыт в поиске научных трудов, будущий специалист может встретить личные сайты исследователей с доступными публикациями, а также многочисленные ЭБ зарубежных стран, которые можно найти через поиск Google Scholar (Elsevier, Springer, JSTOR, Taylor & Francis, Wiley Online Library и др.).

Заключение. Таким образом, для качественного и быстрого поиска информации в Интернете и подготовки контрольных, курсовых и дипломных работ, студенту необходимо на вводных занятиях не только предоставить электронные адреса полезных поисковых баз и сайтов по изучаемой дисциплине, но и провести обучение поиску информации, используя правило «трёх кликов».

Литература

1. Богданова И. Ф. Онлайнное библиотечное пространство // Тр. Санкт-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств. 2008. Т. 183. С. 185–192.
2. Вершинина Н. А. Науковедческий аспект в историко-педагогическом исследовании // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. 2006. №. 1. С. 81–85.
3. Коляда А. С., Гогунский В. Д. Достоверность идентификации авторства научных публикаций на основе латентно семантического анализа // Восточно-Европ. журн. передовых технологий. 2014. №. 2 (69). Т. 3. С. 36–40.
4. Коляда А. С., Гогунский В. Д. Извлечение информации из слабоструктурированных веб-страниц // Восточно-Европ. журн. передовых технологий. 2014. №. 9 (67). Т. 1. С. 51–54.
5. Никулин Д. Н. Основные принципы контекстной рекламы // Экономика и управление в XXI веке : тенденции развития. 2014. №. 14. С. 26–31.
6. Плешкова И. Ю., Чуприна С. И. Генетический алгоритм для улучшения качества семантического поиска по текстам научных публикаций // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2015. №. 18. С. 544–553.

УДК 378.14

Насырова Э. Ф., Руднева Р. И.
Nasyrova E. F., Rudneva R. I.

РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ИНТЕГРАТИВНО-МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ПЕДАГОГАМИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

SYSTEM REALIZATION OF INTEGRATIVE-MODULAR TRAINING BY TEACHERS OF KHANTY-MANSI AUTONOMOUS AREA

В статье обосновывается необходимость разработки системы интегративно-модульного обучения будущих выпускников, основанной на объединении двух составляющих – модульной и интегративной, в совокупности определяющих направленность развития содержания и технологии образования. Раскрывается процесс реализации системы интегративно-модульного обучения в регионе через взаимодействие профессорско-преподавательского состава университета, преподавателей колледжа и учителей общеобразовательных школ на курсах повышения квалификации, научно-методических семинарах, конкурсах.

Ключевые слова: модульное обучение, интеграция, система, интегративно-модульное обучение.

Сегодня обществу нужны люди самых разных профессий, в том числе учителя, врачи, конструкторы, нужны художники, философы и др. Но все чаще мы говорим, что каждый в своей профессии должен быть творческим работником. Таким образом, современный социальный заказ школе заключается вовсе не в подготовке исполнителей, а в подготовке творцов, мыслящих людей. Выпускник школы не только должен иметь комплекс полученных готовых знаний, но и уметь находить новую информацию, перерабатывать ее и применять в новых условиях. Именно этому выпускника должна научить школа и создать необходимые предпосылки для личностного саморазвития, самообразования, самосовершенствования и профессионального становления. Одной из важнейших черт современного педагогического процесса является его технологичность. Расчлененность обучения на этапы, уровни, определение эффективных способов сочетания приемов, методов обучения, применение мультимедийных технологий, мастерство учителя – все это на практике может создать условия для внедрения современных технологий обучения [1]. В этом случае не только меняется содержание педагогической и учебной деятельности, но и происходят существенные преобразования в структурах учебной информации и в формах передачи для усвоения учащихся. Сегодня в системе образования сложились различные подходы по обеспечению качества подготовки выпускников. Каждый из подходов имеет свои определенные преимущества. Одним из наиболее перспективных подходов выступает интегративно-модульный, позволяющий на основе модульного построения учебного процесса интегрировать изучаемый материал и выходить на более высокий качественный уровень подготовки выпускников.

В нашу страну модульное обучение проникло в конце 80-х годов благодаря трудам исследователя П. А. Юцявичене и ее учеников [7]. Авторы данного исследования видят цель модульного обучения в создании наиболее благоприятных условий развития личности путем обеспечения гибкости содержания обучения, приспособления к индивидуальным потребностям личности и уровню ее базовой подготовки посредством организации учебно-познавательной деятельности по индивидуальной учебной программе.

Исследованиям в области модульного обучения посвящено много работ отечественных педагогов-ученых (А. Н. Алексюк и С. А. Кашин; Р. С. Бекирова; Г. В. Букалова;

О. Л. Егорова; А. П. Комаров; С. В. Рудницкая; П. И. Третьяков и И. Б. Сенновский; Ю. Ф. Тимофеева; Д. В. Чернилевский; М. А. Чошанов; Т. И. Шамова; П. А. Юцявичене и др.).

Мы разделяем точку зрения П. А. Юцявичене, которая сравнительно глубоко разработала модульную систему обучения. Она отмечает, что сущность технологии модульного обучения состоит в том, что обучающийся более самостоятельно может работать с предложенной ему индивидуальной программой, включающей в себя целевой план действий, банк информации и методическое руководство по достижению поставленных дидактических целей. Функции педагога могут варьироваться от информационно-контролирующей, до консультативно-координирующей [7].

Цель модульной технологии обучения заключается в содействии развитию самостоятельности обучаемых, формированию у них навыков самообразования и умения работать с учетом индивидуальных способов проработки учебного материала.

Интегративно-модульное обучение объединяет в учебном процессе две относительно автономные области педагогической науки – модульную и интегративную, в совокупности определяющие направленность развития содержания и технологии образования. Оно представляет собой модульное построение каждого учебного курса, а также учебных курсов по циклам и по решаемым задачам и ориентировано на обеспечение интегративности, с учетом потребностей профессионального образования выпускника [3].

Интеграция содержания дисциплин представляет собой логически завершенную структуру многодисциплинарного знания. Такая интеграция не просто дополняет содержание одной дисциплины знаниями из другой дисциплины, а объединяет их и обеспечивает не узкодисциплинарную подготовку, а деятельностную, формирующую профессионально важные умения, навыки и качества личности. Обучение в этом случае организовано как процесс накопления, переработки и использования разнодисциплинарной информации, т. е. как усвоение интегративного учебного содержания цикла дисциплин [4].

Интегративно-модульная технология обучения синтезировала в себе особенности развития современных дидактических теорий, что позволило более удачно сочетать различные подходы к отбору содержания, его представлению и способам организации учебного процесса. Это свидетельствует о преемственности и интеграции модульной технологии по отношению к другим теориям и концепциям обучения. Действительно, от программированного обучения модульная технология переняла способы управления учебным процессом. Причем модульное обучение позволяет преодолеть фрагментарность программированного путем создания целостной наглядной программы и проблемной подачи содержания в модуле, позитивной из проблемного обучения. Модульное обучение характеризуется адаптивностью, реализация которой отражается в специфических способах организации индивидуально-дифференцированного обучения. Такая проблема, как большой удельный вес самостоятельной работы обучающихся и недостаток делового общения в модульном обучении удачно компенсируется нетрадиционными формами и методами активного обучения, которые позволяют активизировать познавательную деятельность обучающихся, формировать в них коммуникативные навыки и развивать любознательность [3].

Целостность реального учебного процесса обеспечивается не суммированием частных предметных методик, а благодаря тому, что обучение осуществляется на основании единой системы, обладающей типическими педагогическими свойствами. Система (от греч. *systema* – целое, состоящее из частей) – нечто целое, сложное, единство, объединяющее множество элементов, связанных друг с другом; определенный порядок расположения, связи; особенности построения, организации [6]. Система – это не просто множество объектов, а их взаимосвязанное множество. Именно в этом случае система приобретает интегративные новые качества, не являющиеся простой механической суммой качеств частей, образующих систему. Система характеризуется составом (совокупностью элементов) и структурой (совокупностью связей и отношений).

Обучение превращается в поисковую исследовательскую работу, важность которой равноценна подготовительной работе преподавателя, т. е. все участники процесса обучения

вносят равный вклад в его успешность. Поисково-исследовательская работа позволяет обучаемому осознать свой уровень подготовленности, восполнить пробелы в знаниях, сознательно избрать уровень обучения, выбрать наиболее приемлемые формы работы над учебным материалом. Таким образом, успех учебного занятия и его результаты зависят не только от подготовки преподавателя, но и от подготовки учеников. Такой уровень интеллекта возможен только при условии сформированности у обучаемых умения перерабатывать информацию и осуществлять самоуправление процессом познания. Для этого необходимо формировать у них такие учебные умения, как планирование поисково-познавательной деятельности, ее самоорганизация, направленная на выполнение этого плана, самоконтроль в ходе деятельности [5].

При интегративно-модульном обучении в каждом учебном предмете устанавливается число и наполняемость модулей, соотношение теоретической и практической частей в каждом из них, их очередность, содержание и формы модульного контроля, график выполнения проектного задания (если оно предусмотрено планом), содержание и формы итогового контроля [2].

Рассмотрим наполнение содержанием учебных элементов внутри модуля. В одном из учебных элементов модуля может предполагаться проведение беседы. беседа – это вопросно-ответный способ привлечения обучаемых к обсуждению и анализу интересующей их темы. Метод эвристической беседы получил название от восходящего к Сократу методу обучения «эвристика» (нахожу, открываю, отыскиваю). По своей природе эвристическая беседа – это коллективное мышление или беседа как поиск ответа на проблему. В педагогике этот метод называют методом проблемного обучения [6].

Наполнение следующего учебного элемента может предполагать проведение дискуссии. В педагогическом процессе дискуссия выступает одним из методов активного обучения. Дискуссия – коллективное обсуждение какой-либо проблемы или круга вопросов с целью нахождения правильного ответа. Тема дискуссии объявляется заранее. Обучаемым следует получить необходимую информацию, изучить соответствующую литературу. Каждый обучаемый в ходе дискуссии может высказать свою точку зрения. Дискуссии формируют умение доказывать, формулировать проблему, рассуждать. Метод дискуссии представляет собой специально запрограммированное свободное обсуждение теоретических вопросов учебной программы, которые начинаются с постановки вопросов.

Следующий учебный элемент – это деловая игра. Метод деловой игры появился не в системе образования, а в практической сфере управления. В настоящее время деловые игры применяются не только на занятиях в вузах, но и в исследовательской работе, в военном деле, при коллективной выработке и принятии решений, в процессе проектных разработок и т. д. Суть этого метода при интегративно-модульном обучении заключается в учебном моделировании ситуации той деятельности, которой предстоит обучить выпускников, чтобы на моделях учить их, как будущих специалистов, выполнять соответствующие профессиональные функции [3].

«Мозговой штурм» (Л. Ф. Осборн) – очередной учебный элемент в модуле. Основная задача метода – сбор как можно большего числа идей в результате освобождения участников от инерции мышления и стереотипов в непринужденной обстановке. Работа происходит в следующих группах: генерации идей, анализа проблемной ситуации и оценки идей, генерации контридей. Генерация идей происходит в группах по определенным правилам. На этапе генерации идей любая критика запрещена. Всячески поощряются реплики, шутки. Затем полученные в группах идеи систематизируются, объединяются по общим принципам и подходам. Далее рассматриваются всевозможные препятствия к реализации отобранных идей. Оцениваются сделанные критические замечания. Окончательно отбираются только те идеи, которые не были отвергнуты критическими замечаниями и контридеями [6].

Следующий учебный элемент модуля – круглый стол. Метод круглого стола был заимствован из политики, так как круглые столы обычно организуются для обсуждения какой-

нибудь проблемы представителями разных политических или научных направлений. В процессе обучения этот метод применяется для повышения эффективности усвоения теоретических проблем с участием специалистов разного профиля или путем рассмотрения этих проблем с разных научных сторон.

Один из учебных элементов может предполагать экспресс-опрос. Например, при индивидуально-обособленной (внеаудиторной) подготовке к занятию обучаемые прорабатывают содержание темы по учебникам, учебным пособиям и другим источникам. Они готовят вопросы для участия в экспресс-опросе на занятии, где делятся на две команды и задают друг другу подготовленные вопросы различного уровня сложности. Если ответ на поставленный вопрос оказался полным, то отвечающий задает свой вопрос домашней заготовки, а если недостаточно полным, то содержание ответа дополняют, уточняют или углубляют другие участники команд. Экспресс-опрос оценивают в баллах.

В одном из учебных элементов может планироваться проведение письменной работы, где ответ на каждый из вопросов должен включать текстовую и графическую части, раскрывающие и иллюстрирующие содержание темы. Предлагаются карточки-задания разных уровней сложности – А, В и С. Письменная работа способствует более глубокому усвоению темы, развитию логического мышления и целенаправленности, позволяет студентам более сосредоточенно и глубоко вникать в сущность поставленных модульных вопросов, приучает к точности, лаконичности, связности изложения мыслей [3].

Переходя к изображению опорных структурно-логических схем учебного материала, необходимо отметить, что при интегративно-модульном обучении целесообразно модуль «открывать» блок-схемой, представляющей в сжатом виде содержание обучения, а завершать конспект-схемой, изображающей в компактной и удобной для усвоения форме весь теоретический материал модуля. Эффективность усвоения модуля зависит не только от способа представления учебного материала, но и от того, насколько квалифицированно преподаватель разработает и составит комплект задач (учебных элементов). Задача является основной структурной единицей содержания любого учебного предмета. Для студента она выступает в качестве иллюстрации теории, возможности разрешения практической ситуации, упражнения для отработки определенных методов решения и служит средством анализа и оценки результатов учебно-познавательной деятельности.

Применение балльно-рейтинговой системы – это еще и хороший способ стимулирования здоровой конкуренции среди обучаемых, что должно упорядочить систематическую самостоятельную работу. По каждому модулю составляется таблица баллов каждым учащимся. Затем данные собираются преподавателем и вносятся в сводную таблицу. После заполнения всех учебных элементов заработанными баллами выводится средний арифметический балл у каждого обучаемого и производится ранжирование. Самое большое количество баллов – ранг № 1, чуть поменьше – ранг № 2 и т. д. Такая система стимулирует повседневную работу учащихся, значительно повышает состоятельность в учебе, исключает случайности при сдаче экзаменов [3].

Современный этап научно-технического прогресса характеризуется динамизмом идей и решений, междисциплинарным характером решаемых задач. Это предъявляет к педагогу новые требования. Высокая степень обновляемости знаний, внедрение современных форм обработки и хранения информации, широкое использование средств вычислительной техники требуют изменений в технологии педагогического труда, а следовательно, изменений в содержании, формах и методах подготовки педагога.

Реализация системы интегративно-модульного обучения в регионе предусматривает взаимодействие профессорско-преподавательского состава университета, преподавателей колледжа и учителей общеобразовательных школ через курсы повышения квалификации, проведение научно-методических семинаров, участие в качестве экспертов на различных конкурсах. Интегративно-модульное обучение активно используется в практической деятельности педагогами Ханты-Мансийского автономного округа. На курсах повышения ква-

лификации учителя общеобразовательных школ и преподаватели профессиональных организаций учатся разрабатывать модульные программы, модули, учебные элементы, балльно-рейтинговую систему по своим предметам и дисциплинам, а затем внедряют их в учебный процесс своих образовательных учреждений. Внедрение информационных и телекоммуникационных технологий стимулирует широкое использование активных методов обучения, таких новых форм работы, как дистанционное обучение, дистанционные олимпиады и конкурсы, виртуальные экскурсии и семинары, объединяющие обучаемых региона. Информационные технологии предоставляют обучаемым возможность работы по индивидуальному плану, благодаря широкой поддержке самостоятельной работы электронными ресурсами; свободным общением с педагогами посредством современных коммуникационных технологий. Создаваемые на сайтах учебных заведений персональные страницы преподавателей предоставляют дополнительные возможности для обучения по индивидуальной траектории. На таких страницах можно показать не только учебные материалы, но и свои научные публикации, проспекты проводимых исследований, лучшие научные работы обучаемых и т. д.

Анализ современных педагогических исследований свидетельствует о возрастающем интересе к проблеме организации учебно-познавательной деятельности обучаемых на основе внедрения системы интегративно-модульного обучения. Однако число обобщающих работ по обозначенной проблеме ограничено. Это значительно затрудняет создание оптимально функционирующей педагогической системы и актуализирует проблему разработки методических систем обучения с использованием автоматизированных обучающих систем по конкретным предметам на основе рейтинговой оценки познавательной деятельности обучаемых.

Литература

1. Монахов В. М. Технологии проектирования методических систем с заданными свойствами в высшей школе // Педагогика. 2011. № 6. С. 43–46.
2. Насырова Э. Ф. Интеграция научных знаний в профессиональной подготовке учителей технологии // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2011. № 4 (106). С. 76–78.
3. Насырова Э. Ф. Методическая система интегративно-модульного обучения в профессиональной подготовке учителей технологии. Сургут : ИЦ СурГУ, 2015. 280 с.
4. Никулина Т. В. Интеграция содержания общеобразовательных программ подготовки учащихся системы начального профессионального образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2010. 27 с.
5. Новиков А. М. О законах педагогики // Педагогика. 2011. № 3. С. 3–7.
6. Педагогика: Большая современная энциклопедия / сост. Е. С. Рапацевич. Минск : Современ. слово, 2005. 720 с.
7. Юцявичене П. А. Теория и практика модульного обучения. Каунас, 1989. 271 с.

УДК 372.881.111.1:62

*Николаева А. А.
Nikolaeva A. A.*

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ТЕХНОСФЕРЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ КУРСА И ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ

ENGLISH IN TECHNICAL FIELD: COURSE ORGANIZATION AND TEACHING METHODOLOGY

В статье рассматриваются факторы, оказывающие влияние на организацию курса английского языка в техносфере. Выделяются принципы организации и особенности преподавания курса для технических специалистов и студентов университета. Особое внимание уде-

ляется формирующему оцениванию, повышающему субъектность обучающихся и их мотивацию к обучению.

Ключевые слова: английский язык в техносфере, английский для специальных целей, формирующее оценивание.

В настоящее время процессы глобализации и международного сотрудничества приводят к повышению ценности знания английского языка для работников технической сферы. Английский язык является международным языком науки и техники. Специализированная литература и материалы международных конференций по актуальным научным и техническим проблемам далеко не всегда переведены на русский язык. Статистика показывает, что, хотя в мире насчитывается более трех тысяч языков, около 55 % всех интернет-сайтов содержат материалы исключительно на английском языке, при этом только 6 % всех сайтов в мире содержат русскоязычный контент [5].

Знание английского языка не теряет актуальности для людей, живущих на северных территориях России, поскольку открывает перед ними новые возможности: позволяет специалистам читать техническую документацию по профилю, использовать и обслуживать иностранное оборудование на предприятии, участвовать в международных семинарах и конференциях, проходить зарубежные стажировки. Таким образом, организация курса английского языка в техносфере необходима как для взрослых клиентов, работников технической сферы, так и для студентов университетов, обучающихся по техническим направлениям.

Рассмотрим особенности обучения в рамках данного курса. Английский язык в техносфере относится к категории английского языка для специальных целей (English for Specific Purposes). При разработке курса должны учитываться возраст, начальный уровень обучаемых и временные рамки. Но эти параметры не являются основополагающими. Главное, на что нужно обратить внимание, это то, что курс технического английского языка обучает языку в ограниченной сфере его употребления, а значит, должен концентрироваться на специфических для этой сферы формах. Этот контент накладывается на личностную сферу обучающихся, включающую индивидуальный стиль их деятельности, систему мотивов, интересов и потребностей.

При разработке курса встает вопрос о том, каким образом будет ограничиваться преподаваемый в его рамках английский язык. Для этого целесообразно рассмотреть классификацию курсов английского языка, предложенную Д. Карвером. Исследователь выделяет три типа курсов английского языка для специальных целей: English as a Restricted Language (английский для ограниченного употребления), English for Academic and Occupational Purposes (английский для образовательных и профессиональных целей) и English with Specific Topics (специальный английский) [4, с. 132].

В качестве примера English as a Restricted Language выступает язык, который используют стюардессы и официанты. Его репертуар определен ситуациями. Такие знания быстро теряют актуальность, поскольку не позволяют говорящему эффективно общаться или использовать язык вне рамок данного контекста.

Что касается второго типа курсов, стоит отметить, что между английским языком для образовательных целей и английским языком для профессиональных целей нельзя провести четкую разделительную линию, поскольку в настоящее время люди могут одновременно работать и учиться; языковые структуры, необходимые для учебной ситуации, могут употребляться во время работы. Такое обучение одновременно развивает когнитивные навыки и навыки профессионального общения, вследствие чего часто является оптимальным вариантом при разработке курса для студентов университета и специалистов, работающих в техносфере.

Третий тип курсов связан с потребностями обучающихся использовать английский язык в определенных профессиональных ситуациях общения. Например, инженер может изучать английский язык для чтения научно-технической документации, чтобы обслуживать иностранное оборудование, и для письменных переговоров с поставщиками.

Согласно Л. А. Егоровой, основными принципами организации курса английского языка для специальных целей являются ориентация на нужды обучающихся, аутентичность материала и задач, использование мультимедийных средств в процессе обучения [2]. Термин «специальная цель» (*special purpose*) подчеркивает цели обучения, а не особенности его предмета. Следовательно, разработку программы целесообразно начинать не с составления списка тем (*topics*) или списка грамматических конструкций.

В случае разработки курса для специалистов, работающих в технической сфере, обучающиеся четко обозначают свои цели и указывают на нужный для работы материал. На основании этих данных группируются языковые структуры и, возможно, выделяются темы. В случае, когда курс рассчитан для студентов, к примеру бакалавров первого или второго года обучения, они не в состоянии обозначить свои потребности, поскольку изучают теоретические основы профильных дисциплин, отвлекаясь от практических задач. В данной ситуации разработка курса английского языка для образовательных и профессиональных целей будет успешной в случае сотрудничества преподавателя английского языка с коллегами, преподающими профилирующие предметы, а также выпускниками вуза, которым знания английского пригодились в работе.

Одной из мировых тенденций в последние годы становится сближение научно-популярной сферы и обучения английскому для специальных целей. Это целесообразно использовать в рамках курса английского языка в техносфере. Благодаря многочисленным Интернет-ресурсам обучающиеся получают в свое распоряжение материал, связанный с разными вопросами науки и техники, могут вступить во взаимодействие с авторами и читателями электронных изданий. Использование в рамках курса аутентичного материала и его критическое осмысление способствует формированию необходимых навыков и умений, составляющих лингвистическую, социокультурную и коммуникативную компетенцию обучаемых.

Проведенные исследования показывают, что при обучении техническому английскому языку особый интерес представляет использование подкастов научных, научно-популярных и технических изданий [3]. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, большинство подкастов имеют форму интервью и дискуссий, когда способ подачи материала, включающей перефразирование и уточнения, облегчает ее усвоение. Во-вторых, обучающийся получает возможность сделать свои собственные выводы на основе звучащей речи. И, наконец, в настоящее время любой пользователь может подписаться на подкаст и получать новую информацию легко и оперативно.

Вопрос оценивания результатов обучения напрямую связан с целями, задачами и содержанием курса. Проверка знания английского языка с помощью технических тем и проверка знания технических тем с помощью английского языка должна быть заменена проверкой готовности и способности обучаемого пользоваться английским языком для решения определенных образовательных и профессиональных задач. В связи с этим возрастает роль формирующего оценивания.

Формирующее оценивание отличается от более привычного суммирующего оценивания тем, что призвано формировать результат на всем протяжении обучения в рамках специально созданных условий. Оцениваются все результаты учебно-познавательной деятельности и становятся очевидными усилия обучаемых в конструировании нового знания.

Среди компонентов формирующего оценивания специалисты выделяют: постановку цели, наличие обратной связи с преподавателем, самооценивание, открытые вопросы [1]. Формирующее оценивание позволяет перейти от модели, где оценивает преимущественно преподаватель, а обучаемый узнает результаты, к модели активной самостоятельной работы обучаемого, что повышает его мотивацию.

Эффективным инструментом осуществления формирующего оценивания в рамках курса технического английского языка выступает языковое портфолио, позволяющее сделать обучаемого субъектом образовательной и оценочной деятельности. За основу может быть взят Европейский Языковой портфель, разработанный Отделом языковой политики при Со-

вете Европы как механизм поддержания поликультурности и полиязычия, однако его разделы могут быть изменены в зависимости от целей и задач курса. Данная технология предоставляет обучаемым возможность представить свои достижения за время обучения, описать языковой и межкультурный опыт, систематизировать пройденный материал. В разделе «Досье» обучаемые смогут представить специально выбранные ими аутентичные материалы, отражающие их интересы и мотивационные установки. Кроме того, в состав языкового портфолио целесообразно включить листы оценивания и самооценивания по различным аспектам и видам речевой и коммуникативной деятельности, развиваемым в рамках курса технического английского языка.

Таким образом, курс технического английского языка является разновидностью обучения языку для специальных целей. Курс ограничивает английский язык определенной сферой употребления и ситуациями профессионального общения и разрабатывается с учетом целей, интересов и мотивационных установок обучаемых. Это оказывает влияние на содержание курса и повышает роль формирующего оценивания, необходимого для повышения субъектности обучаемых и поддержания мотивации к изучению английского языка.

Литература

1. Вилкова Л. В. Элементы формирующей оценки качества школьного образования // Молодой ученый. 2012. № 11 (46). С. 401–403.
2. Егорова Л. А. Английский язык для специальных целей: лингвистические, прагматические и дидактические аспекты // Современная лингвистика и межкультурная коммуникация : моногр. 2012. Т. 1. С. 6–20.
3. Егорова Л. А. Особенности использования гипермедийных текстов при подготовке научно-технических переводчиков // Новые технологии в обучении переводу в сфере профессиональной коммуникации : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч. конф. Москва. 15–16 мая 2008 г. М. : РУДН, 2008. С. 194–201.
4. Carver D. Some propositions about ESP // The ESP Journal. 1983. №. 2. P. 131–137.
5. Web Technology Surveys. URL: http://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all (дата обращения: 02.05.2016).

УДК 81`276.6:34

*Одесский В. С., Таджибова А. Н.
Odesskiy V. S., Tadzhibova A. N.*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

LEGAL TEXTS LEXICAL PECULIARITIES

Юридические тексты представляют большой интерес с лексикологической точки зрения. Они относятся к официально-деловому стилю, что подразумевает четкое и точное изложение информации и почти полное отсутствие эмоционально-чувственных элементов. Юридический и судебный перевод имеют свои особенности и отличительные черты, которые не всегда совпадают в английской и русской юридической терминологии.

Ключевые слова: юридическая терминология, договор, описательный перевод, функциональный аналог, лексические особенности.

Перевод с одного языка на другой является одним из видов языковой деятельности человека. На протяжении всей человеческой истории разные народы вступали в торговые,

военные, экономические, политические, культурные, научные и другие отношения друг с другом, и без перевода обойтись было просто невозможно. Говоря простым языком, перевод – это выражение мысли, высказанной на одном языке, грамматическими и стилистическими средствами другого языка.

Советский и российский лингвист Д. Э. Розенталь дал переводу следующее определение: «Перевод – передача содержания устного высказывания или письменного текста средствами другого языка» [4, с. 13].

Как всякий вид перевода, юридический и судебный перевод имеют свои особенности, заключающиеся как в особенностях переводческой модели, так и в сложностях языкового материала. В том, что касается особой переводческой модели, или «переводческого алгоритма», ее весьма удачно определила Д. Кешковска.

По концепции Д. Кешковской, процесс перевода юридического текста должен основываться на следующей трехступенчатой модели: а) принятие решения об «императиве реципиента», б) установление «императива использования терминологии» и в) принятие «переводческой стратегии» [3, с. 46]. Что же касается особенностей английской и русской юридической терминологии, можно сказать, что и та, и другая имеют ряд отличительных черт, которые в большинстве своем не совпадают.

Так, английская юридическая терминология характеризуется наличием большого количества синонимов, причем не только территориальных, что вполне объяснимо наличием нескольких вариантов английского языка, но и концептуальных и пр., что весьма затрудняет задачу переводчика на стадии установления «императива использования терминологии». Для данного периода становления русской юридической терминологии характерен процесс «валового заимствования», т. е. далеко не всегда обоснованного употребления и закрепления в языке транслитерированных и транскрибированных терминов английского происхождения в дополнение к имеющимся уже и активно функционирующим русским терминам (исконно русским, либо заимствованным из разных языков достаточно давно) [2, с. 51].

Кроме того, серьезную проблему при переводе юридического текста представляет собой необходимая и неизбежная стилевая адаптация текста в связи со стилистическими особенностями официальных юридических текстов на английском и русском языках [5, с. 29].

Таким образом, неждественные характерные особенности английских и русских юридических текстов в целом составляют проблему юридического перевода с английского языка на русский и наоборот, которая, безусловно, требует всестороннего научного подхода для скорейшего разрешения.

С точки зрения словарного состава основная особенность текста заключается в предельной насыщенности специальной терминологией, характерной для данной отрасли знания. Терминологическая лексика дает возможность наиболее точно, четко и экономно излагать содержание данного предмета и обеспечивает правильное понимание существа трактуемого вопроса.

В специальной литературе термины несут основную семантическую нагрузку, занимая главное место среди прочих общелитературных и служебных слов.

Юридические тексты представляют большой интерес с лексикологической точки зрения. Прежде всего, лексика довольно устойчива. Как правило, слова имеют единственное точное значение. Нет слов с эмоциональной окраской [6, с. 113].

Ввиду этого мы можем перечислить слова, которые фактически присутствуют в любом юридическом тексте.

Whereas (принимая во внимание) [9] – выражает любую мысль человека относительно того, как документ начинается. Нужно быть осторожным в использовании Whereas и не путать с where as ...

Еще одно составное слово с наречием where (где-то) означает в тексте контракта whereby (посредством чего) [9] подразумевает by which (который) и относится к существующему контракту. Например, *We have concluded the present contract whereby it is agreed as fol-*

lows... – Мы заключили существующий контракт, посредством чего это согласовано следующим образом...

Использование составных слов с наречиями *here/there* здесь/там и предлогами также типично для письменного официального стиля английского языка. Их перевод зависит от значения их компонентов. Нет никакого принципиального различия между значениями *here/there* здесь/там [9]. Например, *If shipment of the whole or part is thereby rendered impossible... (thereby = by it; by that means; in that connection).* – *Если отгрузка целого или части, таким образом, представляется невозможной ... (таким образом = этим; этим средства; в той связи).*

Hereinafter (в дальнейшем) [1, с. 184] – очень необходимое слово в юридических документах, для того чтобы обозначить стороны партнеров. *Hereinafter* (в дальнейшем) часто дает возможность использовать сокращенные названия договаривающихся сторон. Например, *Knightsbridge International Drapes, Ltd. hereinafter the Buyer.* – *Knightsbridge International Drapes, Ltd – в дальнейшем Покупатель.*

The aforesaid – вышеупомянутое [9] – это клише, которое является более предпочтительным в текстах вместо его менее формальных эквивалентов: *the above-mentioned, the above-written, as was written/said before, and the like* (вышеупомянутое, вышеназванное, как было написано/сказано прежде и т. п.). Например, *The aforesaid documents should contain references...* – *Вышеупомянутые документы должны содержать ссылки...*

It is understood and agreed (это понято и согласовано) [9]. С одной стороны, это обычно ничего не добавляет, потому что каждый пункт в контракте обоснованный, понятый и согласованный. С другой стороны, фраза показывает, что другие пункты не поддержаны этой фразой. Включая одно, вы исключаете другое. Например, *The prices in this contract are understood and agreed upon.* – *Цены в этом контракте поняты и согласованы.*

Assignees and licensees (представители и лица, имеющие патент) [9]. Это важные термины, приемлемость которых зависит от какой-либо точки зрения. Например, *Knightsbridge, its assignees and licensees...* – *Кнайтсбридж, его представители и лица, имеющие патент...* Такой заголовок предполагает, что Кнайтсбридж может передать свои права представителям после того, как контракт подписан.

Solely on condition that (исключительно при условии, что) [9] – это одна из тех фраз, которые можно использовать чаще, чем ее короткие копии. Кто-то может спросить: «Почему бы не использовать *If*, вместо этой фразы?» *If* само по себе реализует только возможность открытых непредвиденных обстоятельств. Например, *If Baker delivers 1000 barrels I will buy them.* – *Если Бейкр поставит 1000 баррелей, то я куплю их.* Но неясно, купите вы их только у Бейкр или нет. Поэтому, мы можем использовать *only if* как синоним. Иногда это удается. Например, *I will buy 1000 barrels solely on condition that Baker delivers them.* – *Я куплю 1000 баррелей исключительно при условии, что Бейкр предоставит мне их.*

Subject to (подчиненно) [1, с. 347] – немногие юридические тексты обходятся без этой фразы. Корректная фраза должна обстоятельно объяснить вероятные препятствия к условиям реализации контракта. Например, *Our agreement is subject to the laws of Connecticut.*

В словаре юридических текстов используется много иностранных слов, прежде всего, латинских, таких как *pro rata* (пропорционально) [9] и *pari passu* (наравне) [9]. *Pari passu* (наравне) используется тогда, когда несколько человек платят одинаковую сумму из общего фонда. Например, *Fractions to be considered pari passu.* – *Фракции будут распределены поровну.*

Ad hoc [9] – также латинское слово, не часто используемое в юридических текстах в настоящее время. Оно означает теперь «произвольный суд для конкретного испытания». Такие латинские слова как *ultima*, *proxima* теперь являются архаизмами и редко используются.

Напротив, такое латинское прилагательное как *extra* «дополнительный» [9], продолжает быть широко используемым в официальном английском языке и весьма обычен для разговорного стиля.

Например, *In order to obtain delivery we have had to incur extra expenses for which we hold you responsible.* – *Чтобы получить поставку, мы вынуждены были сделать дополнительные расходы, за которые вы несете ответственность.*

Очень немного слов заимствованы из французского языка. Самое распространенное французское слово – *force majeure* (форс-мажор) [9], которое является существенным пунктом почти любого контракта и служит описанием некоторых непредсказуемых событий, которые могут случиться с поставленными товарами.

Так, при переводе юридических текстов человек может натолкнуться на определенное число слов и словосочетаний, которые составляют их лексические особенности. Все они строго литературные и принадлежат к официальному стилю письменного английского языка.

Для перевода вышперечисленных лексических единиц наиболее часто используются следующие лексические трансформации:

- *эквивалент* – слова или словосочетания, имеющие полное соответствие в другом языке. Эквиваленты бывают полными (покрывающими значение иноязычного слова полностью) и частичными (соответствие относится только к одному из значений); абсолютными – принадлежащими к тому же функциональному стилю и имеющие такую же экспрессивную функцию, что и слово ИЯ, и относительными – соответствующими по значению, но имеющие другую стилистическую и/или экспрессивную окраску;

- *функциональный аналог* – языковая единица исходного языка передается такой единицей ПЯ, которая вызывает сходную реакцию у зарубежного читателя;

- *описательный перевод* – способ перевода, использующийся в тех случаях, когда не существует никакой другой возможности передачи языковой единицы вследствие отсутствия эквивалентов и аналогов в ПЯ. Описательный перевод заключается в передаче значения иностранного слова при помощи более-менее распространенного объяснения [7, с. 78].

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем заключить, что под юридическим переводом понимается процесс либо результат человеческой деятельности, который носит сложный, многогранный характер, выражается в интерпретации смысла юридического текста на одном языке и созданию нового, эквивалентного текста на другом языке без потери юридического смысла.

Юридические тексты относятся к официально-деловому стилю, что подразумевает четкое и точное изложение информации и почти полное отсутствие эмоционально-чувственных элементов.

Юридический перевод по праву можно считать одним из наиболее сложных. Во многом это обусловлено тем, что при переводе юридических текстов как с русского языка на иностранный, так и наоборот обычных навыков переводчика недостаточно. Юридический перевод не может быть осуществлен корректно без использования специальных познаний в соответствующей области права, без знания специфики конкретного вида правоотношений. Необходимо ориентироваться в действующем законодательстве, а также владеть специальной лексикой и знать об особенностях использования иностранной юридической терминологии в конкретном контексте.

Юридические тексты представляют большой интерес с лексикологической точки зрения. Прежде всего, лексика довольно устойчива. Как правило, слова имеют единственное значение. Нет слов с эмоциональной окраской. Имеется обильное наличие таких элементов, как термины, клише и латинизмы. Что касается грамматических особенностей, то в юридических текстах преобладают пассивные конструкции, использование инфинитивных форм глаголов, и в целом преобладает формальный стиль.

Литература

1. Англо-русский полный юридический словарь / сост. А. С. Мамулян, С. Ю. Кашкин. М. : Советникъ, 1993.
2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб. : Филолог. фак. СПоГУ ; М. : Академия, 2004.

3. Алексеева И. С. Апофеоз интертекстуальности (О переводе поэмы Тимура Кибирова «Когда Ленин был маленьким») // Бюл. конф. III Международная научная конференция по переводоведению. М., 2001.
4. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. 3-е изд. М. : Просвещение, 1990.
5. Брандес О. П. Прагматика языка как переводческая проблема // Тетради переводчика. Вып. 16. М. : Междунар. отношения, 1979.
6. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М. : УРАО, 1998.
7. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. Очерк лингвистического учения о переводе. М. : Междунар. отношения, 1973.
8. Мушнина М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии. URL: <http://www.lexis-asu.narod.ru/other-works/42.htm> (дата обращения: 03.05.2016).
9. Электронный словарь Мультитран. URL: <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=1> (дата обращения: 01.12.2015).
10. Wikimedia Foundation, Inc. URL: http://www.wikipedia.org/wiki/Юридический_перевод (дата обращения: 03.05.2016).

УДК 37.036:39(511.1)745/749(511.1)

*Ослина И. В.
Oslina I. V.*

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ОБСКО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

CULTURE AND DECORATIVE ARTS STUDY OF OB-UGRIC PEOPLES THROUGH ICT

В статье рассматриваются вопросы изучения культуры и декоративно-прикладного искусства обско-угорских народов на уроках через применение информационно-коммуникативные технологии. Предлагаются новые способы передачи знаний, которые соответствуют качественно новому содержанию обучения и развитию ребенка. Чтобы дети не чувствовали себя чужими в школе-интернате, чтобы не терялась связь с традиционным образом жизни, учитываются педагогические традиции народа. У народов ханты есть своя система воспитания. Ее характерная особенность заключается во взаимосвязи трудового воспитания с эстетическим и нравственным.

Ключевые слова: этнопедагогика, традиции обско-угорских народов, духовно-нравственное, эстетическое воспитание, информационно-коммуникативные технологии, образовательный стандарт.

Новые Федеральные образовательные стандарты требуют, чтобы в программе духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся на ступени начального общего образования образовательного учреждения был отражён национальный воспитательный идеал.

Содержанием духовно-нравственного развития и воспитания являются ценности, хранящиеся в культурных, этнических, семейных и других социокультурных традициях и передаваемые от поколения к поколению [5; 6].

Чтобы у ребенка формировалось чувство любви к Родине, необходимо воспитывать у него эмоционально-положительное отношение к тем местам, где он родился и живет, развивать умение видеть красоту и понимать ее, желание больше узнать об особенностях края, природы, исторических корнях.

Проблема развития детского творчества является одной из наиболее актуальных как в теоретическом, так и в практическом отношении. Ведь речь идет о важнейшем условии формирования индивидуального своеобразия личности уже на первых этапах её становления.

Культура и декоративно-прикладное искусство обско-угорских народов несет в своем содержании социальный, ценностный и коллективный опыт – богатейший духовно-нравственный потенциал. Родной язык, устное народное творчество, народные художественные промыслы и ремесла объединяют в себе все виды и направления деятельности человека [1; 3].

О роли и значении народного декоративного искусства в воспитании детей писали многие ученые. Они отмечали, что искусство пробуждает первые яркие, образные представления о Родине, её культуре, способствует воспитанию чувства прекрасного, развивает творческие способности, способствует изменению отношения ребенка к процессу познания, развивает широту интересов и любознательность, что «является базовыми ориентирами федеральных образовательных стандартов».

Использование средств информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) – необходимое условие для современного образовательного процесса, когда главным становится не трансляция фундаментальных знаний, а развитие творческих способностей, создание возможностей для реализации потенциала личности. ИКТ используются не как цель, а как еще один педагогический инструмент, способствующий достижению цели занятия. Современные дети уже с раннего возраста знакомы с компьютерами, ноутбуками и другими современными средствами передачи информации. Эффективное применение средств ИКТ позволяет сделать занятие увлекательным и современным. Позволяет осуществлять индивидуальный подход в обучении, объективно и своевременно проводить контроль и подводить итоги.

Занятия с использованием компьютера вырабатывают усидчивость, внимательность, исчезают зажатость, скованность [2].

Наиболее естественным, доступным и интересным практически всем детям на начальном этапе обучения является процесс рисования в графическом редакторе. Из многолетнего педагогического опыта работы можно заметить, что дети, выполняя простейшие движения мышкой, развивают зрительную память, запоминают гораздо быстрее, чем, если бы они выполняли те же самые движения ручкой на листе бумаги. Возможности графического редактора в этом плане огромные. Обучение превращается в занимательную игру, которую ребёнок создаёт собственными руками (рис. 1).

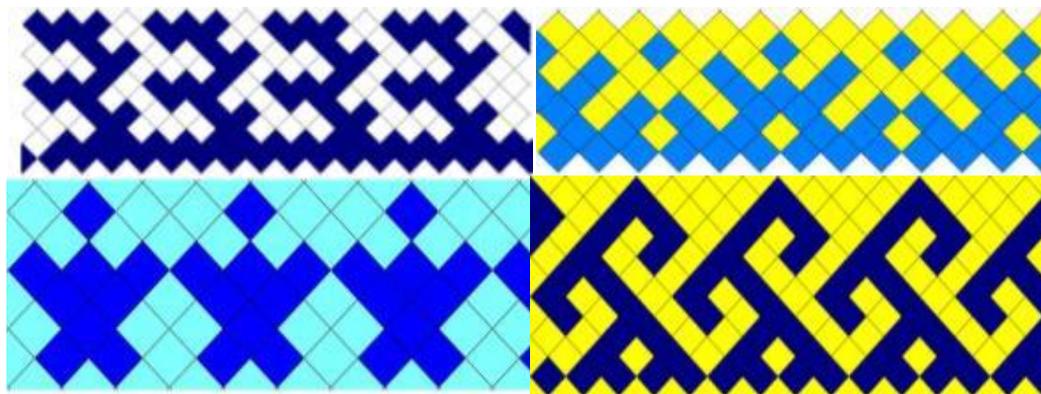

Рис. 1. Рисование национального орнамента в графическом редакторе

Издательская деятельность дает возможность использования текстового редактора для конкретного дела, видеть результаты своего труда. Тем самым стимулируется познаватель-

ный интерес, появляется потребность писать интереснее, грамотнее, учащиеся воодушевляются. Эта деятельность способствует развитию речи, литературно-творческих способностей учащихся. В процессе набора текста на компьютере у ребенка есть возможность увидеть свои речевые, грамматические ошибки, появляется возможность самому найти их и исправить. А это развивает самоконтроль, внимание (рис. 2).

Объединяя созданные работы учащихся в графическом и текстовом редакторах в единый файл можно создать продукт: газету, мультфильм, аудиозапись, видеофильм. (Фильм «Нефтяники». Режим доступа: <http://safeshare.tv/v/nEBbhoupvL0>).

Используя возможности ИКТ, разрабатываются интерактивные дидактические игры, направленные на изучение национальных орнаментов, одежды, культуры быта народов севера, которые очень нравятся детям, так как самые обыкновенные задания преподносятся в необычной форме. (Виртуальная выставка «Из Финляндии в Сибирь». Режим доступа: http://www.nba.fi/hanti/hm/a4_teh_hpiha.ph).

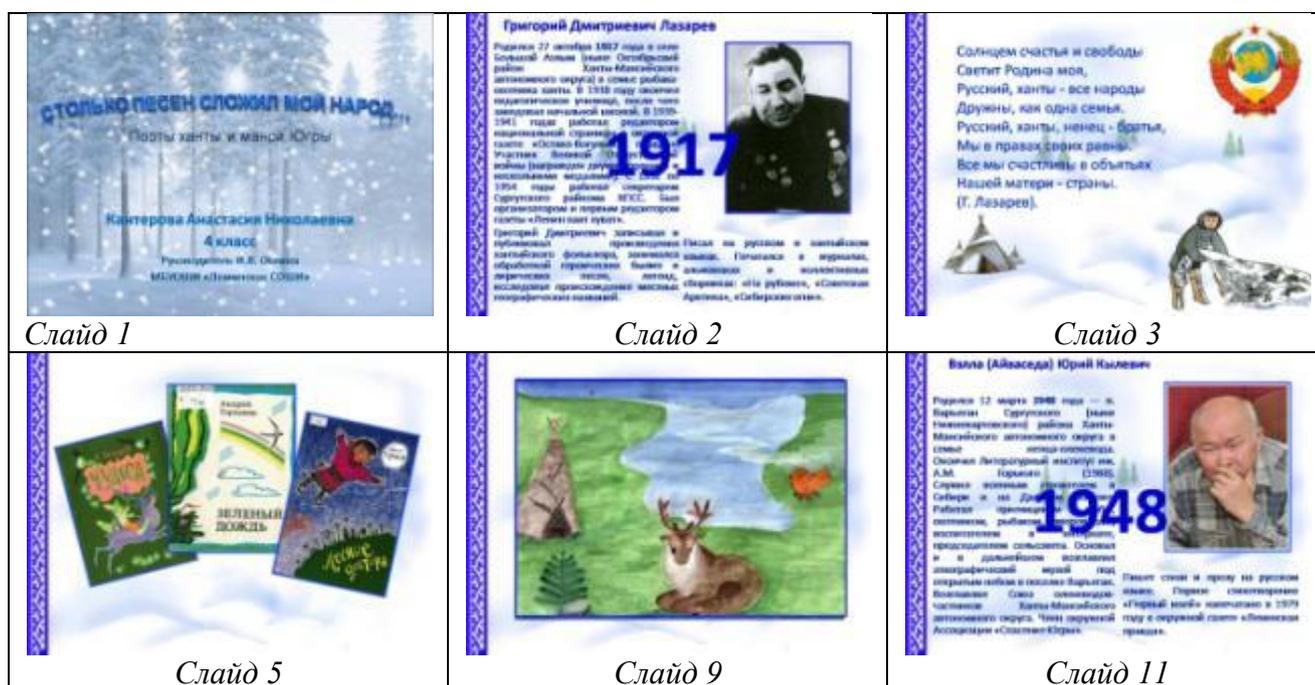

Рис. 2. Мультимедийная презентация «Сколько песен сложил о тебе мой народ...»

Упражнение «Дорисуй узоры»

Детям предлагается закончить узор до конца строки, что развивает мелкую моторику руки, глазомер.

Игра «Перспектива»

Ребенок должен мышкой «взять» предмет и расположить его на предложенном фоне (крупные близко, а чем меньше предмет, тем дальше).

В результате проведенной работы можно сделать выводы о возможности эффективно применения средств ИКТ при ознакомлении детей с культурой и искусством обско-угорских народов:

1. Компьютер, действительно, обладает достаточно широкими возможностями для создания благоприятных условий для работы педагога и обучающихся.
2. Компьютер выводит на качественно новый уровень применения объяснительно-иллюстративного и репродуктивного методов обучения.
3. Использование ИКТ на занятиях позволяет разнообразить формы работы, активизировать внимание, повышает творческий потенциал личности.

4. Использование мультимедийного проектора позволяет более эффективно работать (наглядно, эстетично, экономит время).

5. Использование упражнений и игр на интерактивной доске не только экономит время, расходные материалы, но и дает возможность самим оценить свои знания, свои возможности.

6. Воспитанники имеют возможность совершенствовать умения работать с компьютером.

Эффективность применения ИКТ на занятиях художественно-эстетической направленности не только возможно, но и необходимо, это способствует всестороннему развитию ребенка. Компьютерные программы вовлекают детей в развивающую деятельность, формируют культурно значимые знания и умения.

Созданное образовательное пространство для учащихся на основе использования информационных технологий позволяет включить в учебный процесс одновременно видео, звуковое сопровождение, фото, рисунки, картины, схемы, текст. Множество источников информации создает ситуацию новизны и разнообразия и, несмотря на большую информационную насыщенность, такие формы организации учебного процесса воспринимаются учащимися с интересом и оставляют у них хорошее впечатление.

Север всегда притягивал к себе людей своей суровой красотой. И от нас зависит, будут ли наши дети понимать ее, тянуться к ней, поддерживать и развивать традиции своих предков.

Ребенка можно научить чему-то только тогда, когда он испытывает радость и удовлетворение от результатов своего труда. Самые лучшие результаты даёт успех. В. А. Сухомлинский сказал: «Есть успех – есть желание учиться. Особенно важно это на первом этапе обучения – в начальной школе, где ребенок не умеет преодолевать трудности, где неудача приносит настоящее горе...» [4].

Применение ИКТ повышает мотивацию к учению, способствует повышению речевой и познавательной активности; способствует коррекции речевых нарушений и развитию высших психических функций; способствует повышению самооценки ребенка. Работа, о которой шла речь, оказала благоприятное влияние на развитие любознательности детей.

Литература

1. Банников В. Н. Этнохудожественное образование в условиях поликультурного пространства. Монография. М. : РИО ФИРО, 2009.

2. Белавина И. Г. Восприятие ребенком компьютерных игр // Дошкольное воспитание. 1993. № 3.

3. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М. : Просвещение, 2009.

4. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. Рождение гражданина. Письма к сыну. Киев : Радянська школа, 1985. С. 187–188 с.

5. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон РФ № 273-ФЗ. (Вступил в силу 1 сентября 2013 г.)

6. Федеральный образовательный стандарт начального общего образования : утв. приказом Минобрнауки России от 6 октября 2009 г. № 373 ; в ред. приказов от 26 ноября 2010 г. № 1241, от 22 сентября 2011 г. № 2357.

УДК 316.61-057.874

**Плеханова Н. П., Багешева Р. Р.
Plekhanova N. P., Bagisheva R. R.**

АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ г. СУРГУТА

SURGUT SCHOOLCHILDREN VALUE SYSTEM ANALYSIS

В статье излагаются и обсуждаются результаты осуществлённого в 2015 г. опроса подростков, обучающихся в школах г. Сургута, позволившие, во-первых, сравнить особенности ценностных ориентаций учащихся в зависимости от статуса образовательного учреждения (средняя образовательная школа и гимназия), во-вторых, сравнить систему ценностных ориентаций младших и старших подростков, в-третьих, выявить представления подростков о ценностных ориентациях учителей.

Ключевые слова: ценностные ориентации, развитие личности подростков.

Интерес к ценностям личности и общества в целом особо возрастает в кризисные, переломные периоды развития государства. Смена политической и общественной системы, которая произошла в конце XX в. в России, закономерно привела к изменениям ценностных ориентиров, декларируемых государством. Сравнительный анализ ценностных ориентаций подростков конца XX в и начала XXI в., представленный в психологической литературе, показывает, что у современных подростков коллективистские ценности сменились ценностями индивидуального характера. Отсутствие в современном обществе на протяжении определенного периода четко сформулированной «национальной идеи» и «образов героев» привело к тому, что идеалы современных подростков изменились. Теперь это преимущественно иностранные актеры, певцы, спортсмены и т. п. Наряду с этим учителя и психологи отмечают снижение мотивации современных подростков к самосовершенствованию и интереса к жизни окружающих их людей.

Реформы, проводимые в современной школе, изменения требований к структуре, условиям и результатам образовательного процесса, гуманизация образования ориентированы на формирование личностных смыслов учения и жизни учащихся. Это, в свою очередь, требует переосмысления требований к основным характеристикам деятельности и личности учителя. Именно учителя наиболее активно включены в социальную ситуацию развития подростков и могут использовать различные воспитательные возможности для становления личности подростка. Таким образом, актуальность анализа ценностных ориентаций современных подростков определяется как теоретическими задачами построения содержания и формы образования и воспитания школьников, так и практическими проблемами, которые возникают в процессе организации учебного процесса и психологического сопровождения.

Несмотря на это, научный анализ сущности, генезиса и функций ценностей имеет длительную историю. Д. А. Леонтьев, рассматривая различные трактовки понятия «ценности» в философии, социологии, этике и психологии, свел их к трем формам: «1) *общественные идеалы* – выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни, 2) *предметное воплощение* этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей, 3) *мотивационные структуры личности*, побуждающие ее к предметному воплощению в своем поведении и деятельности общественных ценностных идеалов» [1].

Ценностные ориентации являются одним из основных структурных образований личности, которое определяет жизненные цели и личностные смыслы человека. В отечественной

психологии процесс личностного развития рассматривается как результат интериоризации личностью социальных ценностей, внешним условием формирования которых является культура и общество. Следовательно, система ценностных ориентаций личности является отражением ценностей социальной среды. Леонтьев отмечает, что усвоение ценностей больших социальных групп и общностей всегда опосредовано ценностями малых референтных для индивида групп. На начальных этапах развития личности референтной группой, опосредующей усвоение социальных ценностей, является семья; в подростковом возрасте, сначала – учителя, а затем – компании сверстников и значимые взрослые. Необходимым условием присвоения социальных ценностей является практическое включение субъекта в коллективную деятельность, направленную на реализацию соответствующей ценности. Таким образом, личностные ценности выступают как внутренние носители социальной регуляции, укорененные в структуре личности, они относятся к устойчивым мотивационным образованиям, имеют реальную побудительную силу и мотивируют действие конкретной деятельностью, они соотносятся с жизнедеятельностью человека в целом.

Представление о системе ценностей личности как иерархии ее убеждений развивалось в американской социальной психологии. Так, М. Рокич, рассматривая ценности как разновидность убеждений, определял их как «...устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный способ поведения, либо конечная цель существования» [2]. М. Рокич различал два класса ценностей: *терминальные ценности* – убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной и общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться; *инструментальные ценности* – убеждения в том, что какой-то образ действий является с личной или общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях. Разведение терминальных и инструментальных ценностей соответствует традиционному разделению на ценности-цели и ценности-средства, принципы жизнедеятельности.

Важнейшей характеристикой системы ценностных ориентаций личности является принцип иерархии ценностей. Индивидуальная иерархия ценностных ориентаций, по мнению Д. А. Леонтьева, группируется и объединяется в блоки ценностей по различным основаниям, представляющие собой своего рода полярные ценностные системы [1]. Так, группа терминальных ценностей включает такие блоки, как конкретные жизненные ценности – абстрактные ценности; ценности профессиональной самореализации – ценности личной жизни; индивидуальные ценности – ценности межличностных отношений; активные ценности – пассивные ценности. Инструментальные ценности разделяет на: этические ценности – ценности межличностного общения – ценности профессиональной самореализации; индивидуалистические – конформистские – альтруистические ценности; ценности самоутверждения – ценности принятия других; интеллектуальные ценности – ценности непосредственно-эмоционального мироощущения.

Заявленная выше актуальность темы позволила нам сформулировать цель исследования – изучение системы ценностных ориентаций младших и старших подростков, обучающихся в средней образовательной школе и гимназии г. Сургута. *Объектом исследования* являются ценностные ориентации подростков. *Предмет исследования* – особенности ценностных ориентаций младших и старших подростков, обучающихся в школах г. Сургута.

Всего в исследовании приняло участие 764 школьника, обучающихся с 5 по 11 класс, из них 392 учащихся гимназии и 372 учащихся средней образовательной школы г. Сургута.

В рамках исследования была использована методика ценностные ориентации М. Рокича [2]. Для определения наиболее значимых личностных ценностей в ходе опроса учащимся предлагалась следующая инструкция: «Вам предлагается 18 ценностей, расположите их по порядку значимости для Вас, как принципов, которыми Вы руководствуетесь в Вашей жизни».

В результате проведенного опроса был получен материал, который мы сгруппировали относительно трех выборок респондентов: учащиеся 5–7 классов, 8–9 классов, 10–11 классов

обоих образовательных учреждений. Подобное разделение выборок респондентов было проведено на основании возрастных особенностей подростков, содержания и целей образовательного процесса.

В табл. 1 представлено распределение терминальных ценностей среди опрошенных учащихся школ г. Сургута.

Наиболее значимыми ценностями-целями обеих групп учащихся стали конкретные жизненные ценности, ценности личной жизни и межличностных отношений (здоровье, наличие друзей, семейная жизнь), ценность профессиональной реализации (активная деятельная жизнь как полнота и насыщенность жизни). Следует отметить, что большинство подростков выделяют данные ценности как наиболее значимые, так как они ярко декларируются государством. При этом для подростков они не несут личностного смысла. Развитие как абстрактная ценность является более значимой для учащихся гимназии, в отличие от учеников средней образовательной школы, что определяется высокой степенью ориентации педагогического состава гимназии на познавательное и личностное развитие подростков.

Менее значимыми группами ценностей для подростков являются такие индивидуальные, активные ценности, как продуктивная жизнь, интересная работа и материальное обеспечение жизни, общественное призвание. Следовательно, ценности социального благополучия и профессиональное развитие не значимы для сургутских подростков на этапе обучения в образовательном учреждении. Наряду с этим, развлечение не выступает как значимый мотив. Особо следует отметить, что любовь не входит в группу значимых ценностей учащихся гимназии.

Таблица 1

Распределение ответов подростков о терминальных ценностях

Ранг	Учащиеся гимназии	Учащиеся СОШ
1	здоровье	здоровье
2	счастливая семейная жизнь	любовь
3	активная деятельная жизнь	наличие хороших и верных друзей
4	наличие хороших и верных друзей	активная деятельная жизнь
5	развитие	счастливая семейная жизнь
6	свобода	жизненная мудрость
7	уверенность в себе	развитие
8	жизненная мудрость	свобода
9	познание	уверенность в себе
10	любовь	интересная работа, материальное обеспечение жизни
11	материальное обеспечение жизни	познание
12	продуктивная жизнь	общественное призвание
13	интересная работа	развлечения
14	творчество	красота природы и искусства
15	общественное призвание	продуктивная жизнь
16	развлечения	счастье других
17	красота природы и искусства	творчество
18	счастье других	

Распределение инструментальных ценностей подростками обоих образовательных учреждений г. Сургута имеет большую корреляцию (ранговая корреляция по Спирмену), в отличие от распределения ценностей-целей. В табл. 2 представлен результат ранжирования инструментальных ценностей учащимися.

Таблица 2

Распределение ответов подростков о инструментальных ценностях

Ранг	Учащиеся гимназии	Учащиеся СОШ
1	воспитанность	воспитанность
2	образованность	жизнерадостность
3	жизнерадостность	аккуратность
4	ответственность	образованность
5	аккуратность	ответственность
6	честность	честность
7	самоконтроль	независимость
8	независимость	самоконтроль
9	рационализм	смелость в отстаивании своего мнения
10	смелость в отстаивании своего мнения	терпимость
11	твердая воля	исполнительность
12	терпимость	твердая воля
13	широта взглядов	рационализм
14	эффективность в делах	широта взглядов
15	чуткость	чуткость
16	исполнительность	высокие запросы, эффективность в делах
17	высокие запросы	непримиримость к недостаткам в себе и в других
18	непримиримость к недостаткам в себе и в других	

Наиболее актуальными средствами достижения поставленных целей подростки видят необходимость наличия ценностей межличностного общения, а именно таких качеств, как воспитанность, жизнерадостность, ценностей профессиональной самореализации – ответственность и образованность. Менее продуктивными средствами для достижения целей, по мнению подростков, являются альтруистические ценности и ценности принятия других (чуткость, широта взглядов), а также ценности самоутверждения (высокие запросы, непримиримость, смелость, твердая воля). Таким образом, результаты нашего исследования подтверждают тенденцию смены коллективистских ценностей индивидуалистскими. Обследуемые подростки в большей мере ориентированы на себя, свои чувства и эмоции, чем на окружающих людей. Для них более значимыми являются свобода и независимость, чем терпимость и чуткость.

Для понимания своеобразия ценностных ориентаций подростков на разных этапах обучения в образовательных учреждениях мы провели сравнительный анализ распределения ранжирования ценностей. Результаты исследования представлены в табл. 3.

Анализ распределения терминальных ценностей школьников показал, что независимо от возрастных особенностей для всех учащихся значимыми являются конкретные жизненные ценности и ценности личной жизни и межличностных отношений, ценность профессиональной реализации. Следует отметить, что, начиная с 8 класса, подростки отмечают важность развития, т. е. работы над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование. А выпускники, наряду с этим, выделяют такую значимую цель, как жизненная мудрость, т. е. зрелость суждений и здравый смысл.

Значимых различий в выделении ценностей-средств на разных этапах обучения не наблюдается (табл. 4). Наиболее значимыми являются ценности межличностного общения и непосредственно-эмоционального мироощущения. В меньшей степени, по мнению подростков, эффективны ценности самоутверждения и ценности принятия других, а также интеллектуальные ценности.

Таблица 3

Распределение ответов подростков о наиболее значимых терминальных ценностях на разных этапах обучения

Ранг	Учащиеся 5–7 классов	Учащиеся 8–9 классов	Учащиеся 10–11 классов
1	здоровье	здоровье	здоровье
2	счастливая семейная жизнь	наличие хороших и верных друзей	любовь
3	наличие хороших и верных друзей	активная деятельная жизнь	<i>развитие</i>
4	активная деятельная жизнь	счастливая семейная жизнь	активная деятельная жизнь
5	любовь	любовь, <i>развитие</i>	счастливая семейная жизнь, <i>жизненная мудрость</i>

Таблица 4

Распределение ответов подростков о наиболее значимых инструментальных ценностях на разных этапах обучения

Ранг	5–7 классы	8–9 классы	10–11 классы
1	воспитанность	воспитанность	воспитанность
2	аккуратность	образованность	жизнерадостность
3	жизнерадостность	ответственность	образованность
4	образованность	жизнерадостность	ответственность
5	ответственность	<i>честность</i>	аккуратность

Таким образом, ценностные ориентации учащихся образовательных учреждений г. Сургута распределились следующим образом. Учащиеся гимназии в большей мере ориентированы на такие абстрактные ценности, как развитие и познание и меньше на эмоциональное мироощущение, чем учащиеся средней образовательной школы. Большинство учащихся не осознают зависимости будущих жизненных достижений от использования адекватных средств их достижения. Младшие и старшие подростки ориентированы на себя, стремятся к достижению индивидуальных ценностей; профессиональная деятельность и материальные ценности не являются для них значимыми.

Литература

1. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 25–26.
2. Хозиев В. Б. Практикум по общей психологии : учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии. М. : Academia, 2003. 271 с.

УДК 376.1:378.4(571.122СурГУ)

*Рассказов Ф. Д., Муллер О. Ю., Ротова Н. А.
Rasskazov Ph. D., Muller O. Yu., Rotova N. A.*

**ПРОЕКТ «СОЗДАНИЕ ИНКЛЮЗИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ
В СЕВЕРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ г. СУРГУТА»**

**PROJECT «CREATION OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT
IN NORTHERN SURGUT UNIVERSITY»**

В статье рассматривается возможность развития инклюзивной образовательной среды в условиях северного города. Приведенные необходимые мониторинговые исследования обосновывают актуальность выбранной темы и позволяют определить дальнейшие задачи системы образования г. Сургута в рамках реализации проекта. Целью проекта является создание инклюзивной образовательной среды для успешной профессиональной и социальной адаптации лиц с особыми образовательными потребностями.

Ключевые слова: инклюзивная образовательная среда, лица с особыми образовательными потребностями, научно-образовательный кластер, профессиональная и социальная адаптация.

Сегодня трудно переоценить значение той роли, которую играет в образовании процесс социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья. Основная задача образования – развитие и формирование многогранной личности, готовой к органичной реализации в современном социуме. Благодаря образованию формируются мировоззрение и цели, развивается способность человека адаптироваться в обществе, что немаловажно для лиц с ограниченными возможностями здоровья. И поэтому возникает необходимость адаптации системы высшего образования к потребностям и жизненным целям инвалидов путем расширения доступности высшего образования для таких лиц. И здесь мы видим актуальным следующий вопрос: необходимо в вузе создать такие условия, которые могли бы учитывать возможности студентов с инвалидностью.

Включение в образовательный процесс лиц с особыми образовательными потребностями продиктовано не только различными нормативными документами, но и социальным заказом на осуществление инклюзивного образования. Должно быть создано максимально доступное и эффективное образовательное пространство, организованное с учётом индивидуальных особенностей обучающихся. Ситуация изменилась с появлением законодательной базы, где четко прописана организация системы обучения по программам высшего образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья, основанная на эффективной довузовской подготовке, профориентационной работе, интегрированном обучении, оснащении специальной техникой и программным обеспечением, тьюторском сопровождении, использовании дистанционных технологий и содействии трудоустройству. Это означает, что создание среды, доступной для инвалидов, становится безусловным требованием к развитию вузов [5]. Именно поэтому лейтмотивом нашего проекта является идея сделать Сургут городом равных возможностей для всех людей без исключения, чтобы люди с инвалидностью или другими особыми образовательными потребностями могли быть успешны в обществе и на равных общаться с окружающими. Следовательно, к инклюзии необходимо готовить и среду (детские сады, школы, вузы): педагогов, других детей, их родителей. Необходимо создать специальные условия, чтобы дети с особыми образовательными потребностями могли бы полноценно развиваться. Уметь видеть в детях сильные стороны, а не акцентировать внима-

ние на слабых – это и есть инклюзия [6]. По определению ЮНЕСКО, инклюзивное образование – это целостный феномен, который предполагает равный доступ к качественному образованию всех детей без исключения. Оно основывается на гуманизме, балансе интеллектуальных, эмоциональных, этнических и физиологических компонентов личности. Адресатами инклюзивного образования являются люди с потребностями в особом обучении (люди другой расы, вероисповедания, культуры), и инвалиды – лишь одни из них.

По результатам проведенного нами опроса с целью определения готовности педагогов г. Сургута к реализации инклюзивного образования большая часть опрошенных верно понимает термин «инклюзивное образование», что отражено на рис. 1.

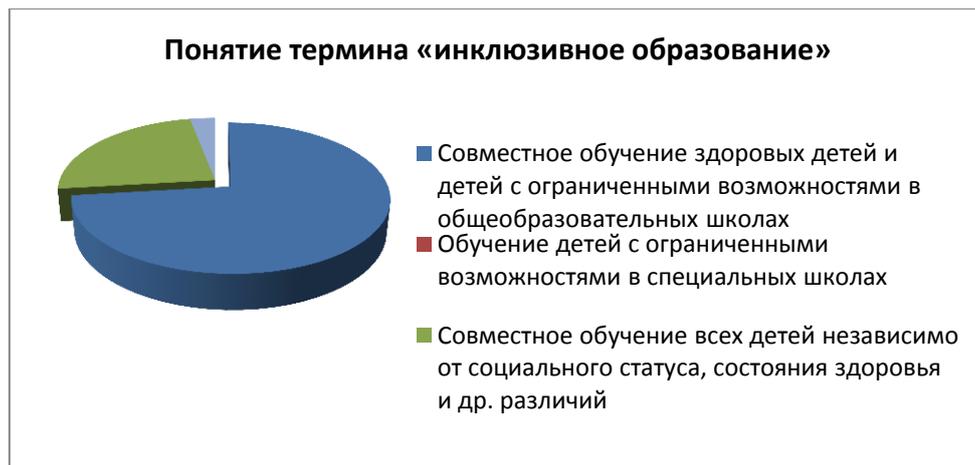

Рис. 1. Понимание термина «инклюзивное образование» среди педагогов г. Сургута

По результатам мониторинга нами была создана интерактивная карта учреждений г. Сургута, куда могут обратиться инвалиды и лица с особыми образовательными потребностями для устранения влияния ограничений здоровья на процесс развития компетенций. Это позволяет говорить о наличии в г. Сургуте достаточного количества образовательных организаций, объединенных территориально и общей сферой деятельности, необходимых для создания потенциального кластера или протокластера [1], который имеет в своем составе два существенных признака: критическая масса (количество образовательных учреждений более 30) и связанность образовательных учреждений между собой через сетевое взаимодействие. Образовательные учреждения, входящие в состав кластера, осознавая общие интересы, начинают участвовать в совместных проектах под руководством Центра инклюзивного образования на базе Сургутского государственного университета. Это даст возможность развить инновационность – один из общих признаков, развитие которого позволит вести речь о создании полноценного кластера. Кластерный подход в развитии инклюзивной образовательной среды позволит лицам с особыми образовательными потребностями получить полноценное образование и адаптироваться в обществе с целью самореализации.

Эффективная реализация инклюзивного образования становится возможной на основе кластерной модели развития инклюзивного образования лиц с особыми образовательными потребностями (рис. 2). Такая модель предполагает способ взаимодействия образовательных учреждений, которые осуществляют инклюзивное образование [3]. Ядром этого кластера может выступать Центр инклюзивного образования, который бы обеспечивал решение задач, связанных с созданием единой инклюзивной образовательной среды «Детский сад – школа – ссуз – вуз». Такой центр будет являться основным координирующим звеном в организации инклюзивного образования и позволит систематизировать опыт работы, развивать сетевое взаимодействие образовательных учреждений, реализующих инклюзивную практику, устанавливать партнерские отношения с попечителями, общественными организациями, органами местного самоуправления.

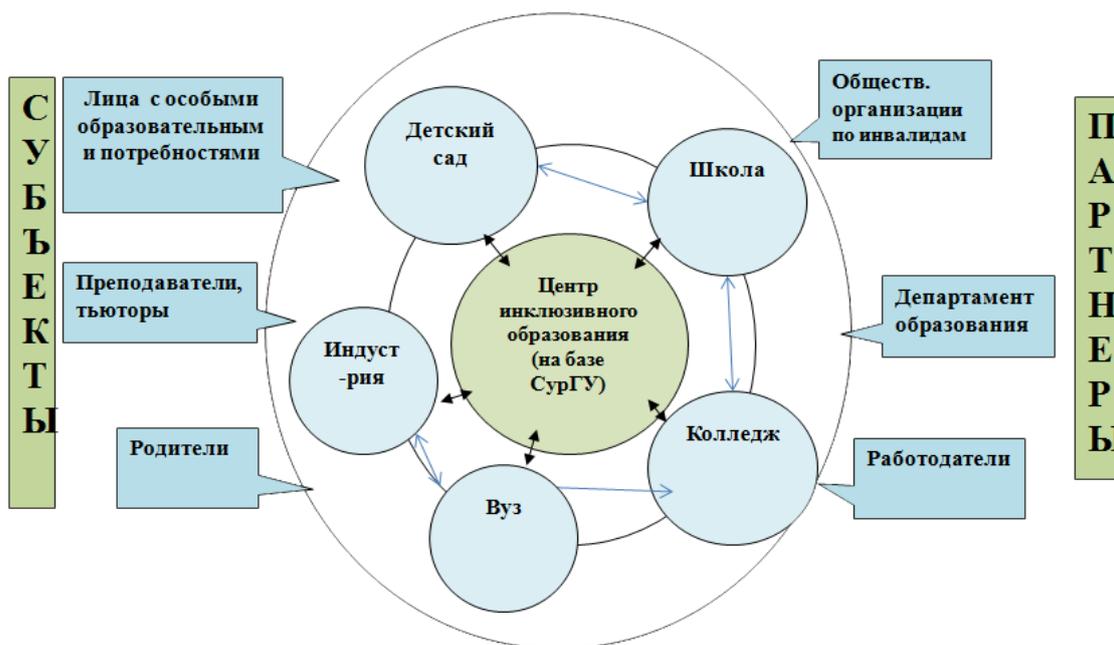

Рис. 2. Кластерная модель как единая система непрерывного инклюзивного пространства от образования до производства

С целью определения существующих возможностей для создания инклюзивной образовательной среды «Детский сад – школа – ссуз – вуз», а именно для создания научно-образовательного кластера, нами было определено наличие специальных педагогов в образовательных учреждениях г. Сургута (рис. 3).

Рис. 3. Специалисты, имеющиеся в образовательных учреждениях г. Сургута

Но не надо забывать, что для профессионального становления большинства специалистов важным звеном можно назвать высшие учебные заведения, целью научной деятельности которых является разработка методик и проектирований инклюзивной образовательной среды. Именно высшее образование обладает значительным потенциалом для совершенствования региональных систем оказания помощи детям с особыми образовательными потребностями, удовлетворения их особых образовательных потребностей. Одна из важных функций вуза в создании условий для обеспечения инклюзивного образования – подготовка педагоги-

ческих кадров и руководство экспериментальными площадками, реализующими инклюзивное образование [2; 7].

Все большую актуальность в вузах приобретает создание специальных условий для студентов с ограниченными возможностями здоровья. В России наблюдается устойчивая тенденция роста численности инвалидов: еще в 1998 г. их численность была около 5 000 тыс. чел., в 2014 г. – около 13 000 тыс. чел. С учетом прогнозируемого роста численности студентов-инвалидов перед каждым вузом стоит задача организации для них специальных условий обучения. С целью изучения возможностей образовательных учреждений г. Сургута для создания научно-образовательного кластера, а именно реализации эффективного сетевого взаимодействия, нами было проведено исследование среди образовательных учреждений на предмет их готовности к введению инклюзивного образования (рис. 4).

В Сургутском университете студенты с ограниченными возможностями здоровья обучаются совместно со всеми студентами, что является несомненным достоинством инклюзивного образования. В настоящее время в университете обучаются студенты-инвалиды с различными нозологиями, например, такими как нарушения опорно-двигательного аппарата, зрения, слуха. На сегодня существует множество причин, когда доступность высшего профессионального образования для таких лиц является острой социальной и педагогической проблемой. Назовем некоторые причины этого факта: нет специальных образовательных условий, которые бы учитывали адаптацию к учебному процессу лиц с ограниченными возможностями здоровья, наличия программ и специальных образовательных технологий.

Для того чтобы выявить основные направления развития системы инклюзивного обучения и для оказания поддержки в ее становлении и развитии, в Сургутском государственном университете было проведено исследование среди преподавательского состава. В ходе исследования были выявлены факты положительного отношения преподавательского состава к студентам с ограниченными возможностями здоровья, степень доступности среды, перечень специальностей, являющихся приоритетными для инвалидов, оптимальной, с точки зрения преподавателей, формы обучения студентов, а также меры, посредством которых университет может гарантировать возможность получения высшего профессионального образования для лиц с особыми образовательными потребностями. Результаты опроса показали, что практически весь преподавательский состав (82 %) положительно относится к перспективе возможного обучения в вузе студентов-инвалидов.

По мнению профессорско-преподавательского состава университета, в настоящее время существует ряд факторов, которые ограничивают возможности обучения в вузе молодым людям с особыми образовательными потребностями. К таким факторам преподавателями были отнесены: отсутствие кадров (70 %), курсов повышения квалификации (64 %), слабое обеспечение электронным оборудованием (53 %), отсутствие программ магистерской подготовки (61 %), отсутствие механизмов, способствующих организации инклюзивного образования и их программно-методическое обеспечение (72 %), слабое обеспечение учебно-методической литературой (84 %). Кроме этого, респонденты считают, что студенты с ограниченными возможностями психологически не готовы к общему обучению (72 %), существуют проблемы в трудоустройстве выпускников-инвалидов (82 %).

Достижение цели и решение соответствующих задач нашего проекта будет обеспечиваться выполнением комплекса мероприятий [2; 6]. Последовательность их выполнения представляет собой поэтапную реализацию проекта.

1. Организационный этап:

- мониторинг создания условий для инклюзивного образования;
- создание научно-методологического, нормативно-правового, методического, кадрового и материально-технического обеспечения образовательных организаций для лиц с особыми образовательными потребностями.

Рис. 4. Готовность образовательных учреждений к введению инклюзивного образования

2. Этап реализации:

- реализация модели инклюзивного образования для лиц с особыми образовательными потребностями;
- пилотажный эксперимент со статусом экспериментальной площадки «Модель непрерывной инклюзивной образовательной вертикали: детский сад – школа – ссуз – вуз – индустрия» (на базе университета);
- мониторинг реализации модели инклюзивного образования;
- организационно-методическое сопровождение;
- социальное партнерство.

3. Этап обобщения и анализа:

- подведение промежуточных итогов пилотажного эксперимента по реализации модели непрерывной инклюзивной образовательной вертикали;
- анализ результатов реализации кластерной модели инклюзивного образования для лиц с особыми образовательными потребностями;
- издание методических пособий для инклюзивных образовательных организаций;
- обобщение и распространение опыта.

Но не стоит забывать и о рисках в процессе создания инклюзивной образовательной среды – инклюзивное образование не может быть эффективным без оснащения образовательного учреждения соответствующей материально-технической базой [4], без кадрового обеспечения соответствующими специалистами и т. д.

Таким образом, процесс создания условий для успешной интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья в вузовскую среду требует системного решения целого ряда задач как на уровне университета как центра научно-образовательного кластера инклюзивного образования, так и Ханты-Мансийского автономного округа –Югры в целом.

Литература

1. Кластерные политики и кластерные перспективы: теория, методология, практика : коллектив. моногр. / под ред. Ю. С. Артамоновой, Б. Б. Хрусталева. Пенза, 2013.

2. Муллер О. Ю., Рассказов Ф. Д., Ротова Н. А. Внедрение адаптированных образовательных программ для студентов с ограниченными возможностями здоровья в вузе // Науч.-метод. электрон. журн. «Концепт». 2016. Т. 8. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56119.htm> (дата обращения: 20.04.2016).

3. Муллер О. Ю., Рассказов Ф. Д., Ротова Н. А. Кластерный подход в создании инклюзивной образовательной среды в условиях северного города // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 2. URL: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=26070> (дата обращения: 20.04.2016).

4. Муллер О. Ю., Рассказов Ф. Д., Ротова Н. А. Методологические подходы к разработке адаптированных образовательных программ для студентов с ограниченными возможностями в вузе // Казанск. наука. 2016. № 1. С. 98–101.

5. Рассказов Ф. Д., Муллер О. Ю. Создание инклюзивной образовательной среды в вузе: проблемы и перспективы // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары. 13 дек. 2015 г. / редкол. О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары : Интерактив плюс, 2015. С. 130–134.

6. Рассказов Ф. Д., Муллер О. Ю. Создание условий для инклюзивного обучения студентов в Сургутском государственном университете // Образовательная среда сегодня: стратегии развития : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары. 11 дек. 2015 г. / редкол. О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары : Интерактив плюс, 2015. № 3 (4). С. 213–216.

7. Ротова Н. А., Рассказов Ф. Д. Методологические подходы к развитию коммуникативной компетенции педагога начального общего образования // Реализация компетентного подхода в высшей школе : моногр. ; отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск : Зебра. С. 143–153. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25404289> (дата обращения: 20.04.2016).

УДК 811.111`255.2=161.1:821.111Брэдбери.07

Рубцова К. Р.
Rubtsova K. R.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ТРОПОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. БРЭДБЕРИ «ПРОФЕССОР КРИМИНАЛЕ»

COMPARATIVE ANALYSIS OF TROPES FROM ENGLISH INTO RUSSIAN IN NOVEL «DOCTOR CRIMINALE» BY M. BRADBURY

В статье рассматриваются основные переводческие трансформации, применяемые для передачи различных средств художественной выразительности (тропов), а именно градации, параллелизма, эпитета и инверсии, с английского языка на русский язык на материале романа М. Брэдбери «Профессор Криминале».

Ключевые слова: переводческие трансформации, тропы, инверсия, параллелизм, градация, эпитет.

Характерные особенности художественной литературы, проявление в каждом случае индивидуальной художественной манеры писателя, обусловленной его мировоззрением, влиянием эпохи, в которую жил и творил автор, литературной школы, невообразимое разнообразие как лексических, так и грамматических средств языка в их различных соотношениях друг с другом, многообразие сочетаний книжно-письменной и устной речи в тексте – все это делает вопрос о художественном переводе чрезвычайно сложным. Понятие художественного перевода предполагает творческое преобразование подлинника не только в соответствии с

литературными нормами, но и с использованием всех необходимых выразительных возможностей переводящего языка, сопровождаемого культурологически оправданной трансформацией литературных особенностей оригинала и той эмоционально-эстетической информации, которая присуща подлиннику как вторичной знаковой системе [2; 4; 6].

Перевод художественного текста неразрывно связан с вопросами стилистики. Как правило, художественный текст – отражение авторской мысли, всегда изобилует средствами художественной выразительности, тропами, фигурами речи, употребленных в исходном тексте на различных уровнях [4, с. 78].

Таким образом, при переводе художественного текста, переводчику приходится решать двойную задачу. Во-первых, это передача самой идеи текста, его логической сути, а во-вторых, это перевод художественного текста с сохранением его прагматической функции и стиля исходного текста. Решая вторую задачу, переводчик часто сталкивается с проблемами перевода средств художественной выразительности, находя решение, применяя различные переводческие трансформации.

Подробнее рассмотрим переводческие трансформации, которые переводчик применяет для перевода оригинального текста романа М. Брэдбери «Профессор Криминале».

Наиболее распространенный троп в романе – это эпитет, который придает индивидуальному стилю автора яркость и насыщенность.

Согласно словарю литературных терминов Н. Л. Бродского, «эпитет – термин стилистики и поэтики, обозначающий слово-определение, сопутствующее слову-определяемому» [1, с. 73].

В анализируемом произведении чаще всего встречаются эпитеты, выраженные именем прилагательным – 59 %.

Рассмотрим один из них. В словосочетании «*fatal decision*» [9, с. 2] использован эпитет «*fatal*», который является определением к существительному-определяемому «*decision*». На русский язык данное словосочетание было переведено, как «*черная сила*» [3, с. 11]. При переводе словосочетания с эпитетом переводчик частично учел семантическую составляющую исходной языковой единицы. В словаре В. Мюллера прилагательное «*fatal*» [7, с. 67] имеет значение «*смертельный, губительный*». Таким образом, прибегая к применению приема модуляции, а именно метафорической замены, переводчик получает репрезентативный перевод. Не смотря на потерю исходного эпитета, яркость и пестрота словосочетания не теряется в ПЯ за счет применения метафоры «*черная сила*», что по сути также считать словосочетанием с эпитетом «*черная*» к определяемому слову «*сила*». Более того, подобное метафоричное словосочетание вызывает у русского читателя образы о чем-то темном, зловещем, непредсказуемом, именно о том, что хотел показать автор, применяя эпитет «*fatal*». При переводе существительного-определяемого «*decision*» переводчик применяет лексико-семантическую замену [5, с. 56] и получает вариант «*сила*», данная замена произведена для создания метафоричного образа и для сочетания с прилагательным-определяющим «*черная*».

Следующий троп, часто употребляемый в произведении, – параллелизм. Частотность употребления данного стилистического приема – 26 %. В словаре Н. Л. Бродского параллелизму дается следующее определение: «Параллелизм – тождественное или сходное расположение элементов речи в смежных частях текста, создающих единый поэтический образ» [1, с. 145].

Рассмотрим один из примеров параллелизма в романе: «*She was there to tell one kind of story, I was there to tell another*» [9, с. 1]. В данном случае параллелизм заключается в одинаковом построении частей сложного предложения. Мы видим, что в данном предложении во второй части происходит замена подлежащего «*she*» на «*I*», все остальные члены предложения остаются теми же. Прежде чем перейти к рассмотрению перевода данного тропа, стоит познакомиться с его стилистической составляющей. Параллелизм – один из излюбленных приемов, применяемых автором в анализируемом произведении. Применяя такие тропы, как параллелизм или параллельные конструкции, автор показывает контраст между героями, еще раз доказывая нам то, что «тем двоим» не суждено было встретиться в силу многочисленных различий, но все-таки, вопреки всему, они встречаются. При переводе данного стилистиче-

ского приема переводчик, применяя нулевой перевод и функциональную замену, получает следующий вариант: «Ей полагалось отснять сюжет, мне – сочинить материал» [3, с. 9]. Несмотря на потерю параллелизма, перевод получается репрезентативным, а именно за счет применения тире в ПЯ, которое как бы замещает недостающий в предложении фрагмент, и читатель сам мысленно дублирует его. Тем самым переводчик, избегая тавтологию в ПЯ и сохраняя прагматическую функцию предложения, показывает нам первоначально задуманный автором контраст между героями романа.

Следующий троп в анализируемом произведении – градация. В словаре литературных терминов под редакцией Н. Л. Бродского «градация – стилистическая фигура, состоящая в последовательно нарастающей группировке выражений, относящихся к одному предмету» [1, с. 58].

Одним из примеров градации в произведении является выражение: «*Now to this day, this very day...*» [9, с. 2]. Нарастание происходит относительно существительного «*day*», которое также дважды повторяется в данном отрывке. Градация в исходном тексте достигается за счет повтора как самого существительного «*day*», так и относящегося к нему указательного местоимения «*this*», также во второй части добавляется наречие «*very*», которое по своей семантике всегда показывает усиление, увеличение.

В переводе данное выражение получает вариант: «*По сей день, да-да, по сей день...*» [3, с. 9]. Прежде всего в переводе на русский язык мы замечаем, что указательное местоимение «*this*» передается не привычным нам указательным местоимением «*этот*», а его устаревшей формой «*сей*», можно сделать вывод о применении синонимичной замены. Прибегая к подобному приему, переводчик не только сохраняет, но и подчеркивает разговорный стиль, придающий произведению живость и иронию. Сам же эффект градации достигается за счет редупликации первообразной частицы «*да*» в русском языке. Подобная подача частицы «*да*» также говорит о разговорном стиле данного отрывка произведения, а именно мимолетных мыслей героя, внезапно созревших у него в голове. В переводе также наблюдается и метод нулевого перевода, опускается наречие «*very*», что компенсируется за счет вышеупомянутой частицы.

Подобный перевод данной градации можно считать репрезентативным [8, с. 35] именно за счет сохранения той игривости и живости авторской мысли, переводчику мастерски удалось передать семантическую и стилистическую составляющую данного предложения при сохранении градации.

Один из наименее используемых автором приемов – инверсия. Частотность употребления инверсии в анализируемом романе составляет лишь 3 %. Н. Л. Бродский дает инверсии следующее определение: «Инверсия – изменение порядка в расположении частей предложения. Подобного рода изменения могут преследовать как логические, так и чисто звучальные цели» [1, с. 3]. Стоит отметить то, что в английском языке инверсия имеет более усиленный эффект, чем в русском. Это происходит благодаря фиксированному порядку слов в английском языке и свободному в русском.

Рассмотрим пример инверсии в романе: «*But meet we somehow did*» [9, с. 2]. Инверсия в данном примере достигается за счет сказуемого, которое находится перед подлежащим, что является необычным для порядка слов английского предложения. Заметим также, что вспомогательный глагол «*did*» также не свойственен утвердительному предложению в английском языке, однако он появляется здесь для усиления того эффекта, что герои все-таки встретились, вопреки всему. Стилистически оправданным является неестественное использование того же вспомогательного глагола «*did*» в самом конце высказывания, однако автор, применяя инверсию, также усиливает эффект невозможной и в тоже время неизбежной встречи героев.

При переводе на русский язык, мы получаем следующее: «*Так вот на ж тебе – встреча состоялась!*» [3, с. 11]. Мы видим, что при переводе на русский язык переводчик полностью избавляется от инверсии, однако заменяет ее повелительной конструкцией с частицей «*на ж тебе*». По своей семантике конструкция в повелительном наклонении несет эффект неожиданности, что также говорит русскому читателю о том, что встреча «двух оди-

ноких сердец» состоялась «нежданно-негаданно». При переводе применяется конверсия, а именно изменение части речи. «Meet» в ОЯ является глаголом «встречаться», в ПЯ мы видим существительное «встреча». Прошедшее время высказывания отражено глаголом «стоялась», стоящего в форме прошедшего времени. Вопросительное местоимение «how» подверглось опущению, также как и личное местоимение «we».

Несмотря на многочисленные переводческие трансформации и опущение некоторых частей предложения, а также на отсутствие градации, перевод можно считать репрезентативным, благодаря тому что он стилистически и прагматически верно передает исходное предложение.

Таким образом, проанализировав более 70 примеров тропов, можно сделать вывод о том, что наиболее часто используемая трансформация при переводе тропов – замена на различных уровнях языка (85 % случаев), включая синонимичные и функциональные замены. Нередко применяется опущение (8 % случаев). Чаще всего опущение применяется при переводе инверсии в виду различия грамматических форм, что делает невозможным точную передачу инверсии в ПЯ. В 13 % случаев переводчик использует калькирование, чаще всего при переводе эпитетов, связано это со стремлением сохранить образность того или иного высказывания в ПЯ. Наименее распространенная по частотности трансформация – конверсия 2 %. Данная трансформация применяется при переводе инверсии и параллелизма.

Роман М. Брэдбери «Профессор Криминале» очень насыщен средствами художественной выразительности, что придает произведению живость, яркость и остроту мысли автора. Перевод данного произведения – не простая задача, однако переводчики Б. Кузьминский, Г. Чхартишвили, Н. Ставровский блестяще решают переводческие задачи, подбирая не менее яркие эквиваленты, прибегая к требуемым переводческим трансформациям, сохраняя при этом стилистику и прагматику произведения.

Литература

1. Бродский Н. Л., Лаврецкий Н. А. Литературная энциклопедия : словарь литературных терминов : в 2 тт. М. : Френкель, 1925. 576 с.
2. Береговская Э. М. Система синтаксических фигур: к проблеме градации // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 5–8.
3. Брэдбери М. Профессор Криминале. М. : Иностран. лит., 2000. 468 с.
4. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб. : Инъязиздат, 2006. 544 с.
5. Казакова Т. А. Практические основы перевода. СПб. : Союз, 2000. 320 с.
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высш. шк., 1990. 253 с.
7. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. М. : Диалог, 2002. 893 с.
8. Рецкер Я. И., Комиссаров В. Н., Тархов В. И. Пособие по переводу с английского языка на русский. М. : Изд-во лит. на иностран. яз., 1960. 176 с.
9. Bradbury M. Doctor Criminale. L. : Penguin Books, 1992. 344 p.

УДК 37.037.1:796.4

*Савиных Л. Е.
Savinykh L. E.*

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА ОСНОВЕ КОМАНДНОЙ ГИМНАСТИКИ

ELEMENTARY SCHOOLSCHILDREN ADDITIONAL EDUCATION BASED ON TEAM GYMNASTICS

В статье содержится информация о командной гимнастике – новом виде спорта, используемом в системе дополнительного образования учащихся начальных классов. Рассматриваются особенности дополнительной образовательной программы на основе командной гимнастики.

Ключевые слова: командная гимнастика, дополнительная образовательная программа.

Стратегические задачи развития образовательной системы и дополнительного образования школьников определяют федеральные документы. Наиболее эффективное решение данных задач возможно при условии использования различных инновационных подходов к организации как процесса обучения, так и тренировки начинающих спортсменов [1].

Занятия в спортивных группах общеобразовательных школ в рамках дополнительного образования позволяют занять свободное время детей с учетом их интересов и потребностей, способствуют увеличению объема двигательной активности школьников, выявляют их предрасположенность к конкретному виду спорта [5].

Командная гимнастика (КГ) – новый и активно развивающийся в России вид спорта, который включает наиболее зрелищные и интересные виды гимнастических упражнений. В командно-гимнастическом троеборье входят акробатические и гимнастические прыжки, групповые вольные упражнения (ГВУ), выполняемые поточно и с музыкальным сопровождением, что позволяет рассматривать его как эффективное средство двигательной подготовки детей младшего школьного возраста [2].

Вместе с тем доступность командно-гимнастического троеборья, его меньшая материальная затратность, снижение уровня травматичности, позволяют преподавателям использовать в учебно-тренировочном процессе школьников социально приемлемую форму межличностных отношений, что создает условия для построения занятий на стратегии партнерства и взаимопонимания [5].

Успешность учебно-тренировочных занятий в период детского, подросткового и юношеского возраста возможны только при наличии научно-обоснованной системы образования, способной решать указанные вопросы [4, 6].

Следовательно, актуальность данного исследования обусловлена выявленными нами противоречиями между:

- необходимостью повышения эффективности физического воспитания школьников и недостаточной научной разработанностью организации и содержания дополнительного образования учащихся начальной школы;

- недостаточным внедрением новых, современных подходов к физическому воспитанию школьников и перспективностью организации дополнительного образования на основе видов спорта, которым присущи высокая степень вариативности двигательного материала, его доступность для учащихся с обычным уровнем физической подготовленности, эмоциональность, состязательность.

Дополнительное образование учащихся предполагает, прежде всего, реализацию дополнительной образовательной программы. Достижение поставленной цели и задач учебно-тренировочного процесса групп дополнительного образования возможно через освоение содержания программы, объединяющей виды подготовки: теоретический, специально-двигательный, физический, психологический [8].

При освоении дополнительной образовательной программы на любом этапе процесса образования особое значение приобретают понятия «целостность», «непрерывность», «преемственность». При этом под преемственностью в педагогическом процессе понимается такая связь старого с новым и нового со старым, когда возникающие в условиях этой связи диалектические противоречия решаются путем организованного взаимодействия соответствующих компонентов данной системы. Целостность процесса обучения обеспечивается организационной преемственностью постепенно усложняющихся видов деятельности. Непрерывность данного процесса выражается в том, что освоение системы знаний, двигательных умений и навыков проходит через всю жизнь человека и предусматривает определенную преемственность в использовании педагогических средств и методов обучения [7].

В табл. 1 представлено преемственное содержание программного материала учебно-тренировочного процесса по командной гимнастике в дополнительном образовании школьников. В таблице показана преемственная связь содержательной стороны программного материала учащихся начальной школы с 1-го по 4-й класс.

Таблица 1

Преемственное содержание программного материала учебно-тренировочного процесса по КГ в дополнительном образовании школьников

Классы	Разновидности гимнастических упражнений		
	ГВУ	Акробатика	Безопорные и опорные прыжки
1–2	Комбинация из 32 двигательных действий общеразвивающего характера	Кувырки боком в группировке; кувырок вперед в группировке; прыжки вверх выпрямившись, ноги врозь и с поворотом на 90°	Прыжки «в глубину» выпрямившись; ноги врозь
3–4	Комбинация из 48 двигательных действий общеразвивающего характера	Кувырки боком в группировке, кувырок вперед в группировке; кувырок назад; прыжки с поворотом на 90° и 180°	Опорный прыжок через г/козла в ширину-вскок в упор присев и соскок выпрямившись ноги вместе; ноги врозь; с поворотом на 90°

Следует отметить постепенность в повышении степени сложности программного материала и изменяющихся с возрастом условий выполнения программы командно-гимнастического троеборья.

В табл. 2 представлено двигательное содержание программного материала типовой, рекомендованной Главным управлением развития общего среднего образования Министерства образования РФ для использования в практике работы школьных образовательных учреждений [3], и разработанной нами программы, основанной на командно-гимнастическом троеборье. Из содержания табл. 2 следует, что в программе значительно расширены или дополнительно введены разделы, включающие упражнения, наиболее эффективно воздействующие на функциональное состояние детей младшего школьного возраста, воспитание скоростно-силовых и двигательных-координационных способностей занимающихся, наиболее чувствительных к внешнему воздействию в данном возрастном периоде.

Также в дополнительной образовательной программе акцентированно уделялось внимание упражнениям, формирующим двигательную память, являющуюся обязательным условием успешного овладения двигательными действиями. В двигательное содержание про-

граммы вошли наиболее доступные в данном возрасте упражнения, такие как ГВУ, акробатические упражнения и прыжки (безопорные и опорные), которые могут выступать как предмет соревновательной деятельности.

Следует отметить, что в двигательном содержании типовой программы отсутствуют упражнения, характерные для данной возрастной группы, такие как ритмические упражнения, комплексы ОРУ без предметов и с предметами; направленные на укрепление сводов стопы занимающихся и на внимание.

Содержание дополнительной образовательной программы по командной гимнастике внедрено в учебно-тренировочный процесс системы дополнительного образования МБОУ НШ-ДС № 43 г. Сургута.

Таблица 2

**Двигательное содержание типовой и дополнительной программ
по гимнастике для учащихся 3-х классов**

Средства основной гимнастики	Наличие средств в программах начальных классов	
	Типовая программа	Дополнительная образовательная программа
Основы знаний	+	+
Строевые упражнения	+	+
Ритмические упражнения	нет	+
Комбинации разновидностей передвижений	нет	+
Комплексы ОРУ без предметов и с предметами	нет	+
Комплексы упражнений на укрепление стоп	нет	+
Упражнения на внимание	нет	+
Специальные упражнения для развития навыков равновесия	+	+
Упражнения в висах и упорах	нет	+
Упражнения в лазании и перелезании	+	+
Групповые вольные упражнения	нет	+
Акробатические упражнения динамического характера	+	+
Безопорные прыжки	нет	+
Опорные прыжки	нет	+
Подвижные игры	+	+

Проведенный опрос детей, занимавшихся в группах командной гимнастики, выявил, что их значительная часть, как девочек, так и мальчиков, посещали учебно-тренировочные занятия с желанием научиться чему-либо новому и качественно подготовиться к учебным соревнованиям. Этому способствовало разнообразие программного материала, предлагаемого занимающимся в ходе учебно-тренировочного процесса, а также высокая степень вариативности двигательных заданий командно-гимнастического троеборья.

В результате опроса родителей детей, посещавших учебно-тренировочные занятия по командной гимнастике, установлено, что данные занятия положительно сказываются на дисциплинированности школьников, повышают их интерес к учебе в целом, служат сплочению коллектива.

Литература

1. Бальсевич В. К. Контуры новой стратегии подготовки спортсменов олимпийского класса // Теория и практика физической культуры. 2001. № 3. С. 31–32.
2. Лагутин А. Б. Командная гимнастика в школе : учеб. пособие. М. : Физич. культура. М., 2008. 142 с.

3. Лях В. И., Кофман Л. Б., Мейксон Г. Б. Комплексная программа физического воспитания учащихся 1–11 классов. М. : Просвещение, 1996. 106 с.
4. Менхин Ю. В. Методологические основы физической подготовки гимнастов // Теория и практика физической культуры. 1997. № 11. 26 с.
5. Михалина Г. М. Структура и содержание годового цикла занятий общей гимнастикой в условиях «спортивного часа» учащихся первых классов // Материалы совместной науч.-практич. конф. РГАФК, МГАФК и ВПИИФК. М. : Физкультура, образование и наука, 2001. С. 82.
6. Платонов В. Н. Подготовка юного спортсмена. Киев : Радянська школа, 1988. 288 с.
7. Савиных Л. Е. Преемственность задач, содержания и критериев эффективности предмета «Физическая культура» учащихся 1–11 классов общеобразовательной школы : дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2002. 187 с.
8. Шлемин А. М. Юный гимнаст. М. : Физкультура и спорт, 1973. 376 с.

УДК 37.037.1:796.4.015

*Савиных Л. Е.
Savinykh L. E.*

МОДЕЛИРОВАНИЕ УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА ПО КОМАНДНОЙ ГИМНАСТИКЕ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

TRAINING PROCESS SIMULATION IN COMMAND GYMNASTICS IN SYSTEM OF ELEMENTARY SCHOOL ADDITIONAL EDUCATION

В статье содержится информация о командной гимнастике – новом виде спорта, используемом в системе дополнительного образования учащихся начальных классов. Рассматривается модель учебно-тренировочного процесса на основе командной гимнастики.

Ключевые слова: командная гимнастика, экспериментальная программа, моделирование учебно-тренировочного процесса.

Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ [5] предусматривает организацию дополнительного образования на базе общеобразовательных учреждений. Занятия в спортивных группах общеобразовательных школ в рамках дополнительного образования позволяют занять свободное время детей с учетом их интересов и двигательных потребностей, способствуют повышению объема двигательной активности учащихся, выявляют их предрасположенность к конкретному виду спорта. Командная гимнастика содержит наиболее динамичные виды гимнастических упражнений: групповые вольные упражнения, акробатические и опорные гимнастические прыжки. Ей присуща музыкальность, выраженная двигательно-образовательная направленность, оптимальная сложность упражнений. Групповые вольные упражнения выполняются полным составом команды (8–12 спортсменов) и содержат комплекс упражнений общеразвивающего характера на 32–64 счета. Упражнения в акробатических и опорных прыжках выполняются из исходного положения в колонне по одному индивидуально-поточным способом, при этом очередной спортсмен начинает выполнение упражнения сразу же после того, как предыдущий освободил дорожку из гимнастических матов или место приземления на опорном прыжке. Переход от первого упражнения ко второму, четкость выполнения которого также оценивается судьями, совершается участниками в колонне по одному под фоновое музыкальное сопровождение [3].

Освоение двигательного содержания данной спортивной дисциплины опирается на классическое представление об основах спортивной тренировки и теории обучения двигательным действиям. Ж. К. Холодов и В. С. Кузнецов (2002), раскрывая последовательность овладения занимающимися техникой двигательного действия, предполагают, что после создания у спортсменов положительной учебной мотивации необходимо сформировать знания о сущности двигательного действия.

Ряд ученых (Н. Г. Сучилин, Л. Я. Аркаев, У. Х. Ниязбеков, М. Н. Умаров, Е. А. Земсков, О. Л. Трещева и др.) при изучении проблемы формирования двигательных навыков в гимнастике рассматривали такие аспекты, как: моделирование потенциальных возможностей занимающихся, физические кондиции юных спортсменов, функциональные свойства организма спортсменов, техническую подготовленность занимающихся. В то же время практически не рассматривались вопросы моделирования содержания учебно-тренировочного процесса юных гимнастов.

В начале 70-х годов прошлого века В. И. Зациорский опубликовал книгу «Кибернетика, математика, спорт», в которой представил новые идеи, касающиеся управления тренировочным процессом, и объяснил способы их практического воплощения. С того времени моделирование как термин, и как понятие было принято и успешно использовалось в теории тренировки.

В настоящее время моделирование в целом понимается как способ и метод имитации состояния спортсмена, выполнения соревновательного упражнения и даже процесса тренировки с использованием формализованных описаний, логических схем, компьютерных программ и даже соответствующих практических заданий [2].

Модель в педагогике и, в частности, в теории физического воспитания – это определенные рамки, в которые заключен процессуальный аспект педагогического действия, т. е. модель – это форма, оболочка, внутри которой развивается единый педагогический процесс, имеющий свое содержание, методы и технологии обучения, воспитания, образования и развития (О. Н. Худoley, 1988, 2002, 2004).

Рост подготовленности юных гимнастов возможен на основе рационального построения учебно-тренировочного процесса, а одним из эффективных методов его рационального построения выступает моделирование. Для эффективного внедрения экспериментальной программы в учебно-тренировочный процесс по командной гимнастике в системе дополнительного образования школьников нами была разработана модель учебно-тренировочного процесса, включающая системообразующие компоненты: цель, задачи, содержательный и процессуальный компоненты, результаты педагогических воздействий (рис. 1).

В целях оптимального функционирования модели необходимо наличие информации об исходном уровне физического развития и физической подготовленности детей [6; 7], специализирующихся в командной гимнастике, о динамике данных показателей в ходе обучения.

В связи с этим главным условием реализации предложенной модели является необходимость разработки методов диагностики [1].

На наш взгляд, при моделировании учебно-тренировочного процесса на первый план выходят показатели, характеризующие состояние различных сторон подготовки юных гимнастов: теоретические, технические, физические. Их составляющие зависят от возраста и стажа занятий; процентного распределения времени, отведенного на подготовку; структуры и направленности тренировочных нагрузок; надежной информативной системы контроля и регулирования тренировочного процесса.

В разработанной нами модели учебно-тренировочного процесса содержательный компонент включает такие составляющие, как цель, диагностика и методика тренировочного процесса юных гимнастов. Цель определяется способами, действиями и выступает средством управления, проверкой результатов действий с прогнозируемым конечным итогом. Цель взаимосвязана с мотивацией, поскольку решение целей, осознание их важности и значимости оказывают большое влияние на мотивацию образовательной деятельности занимающегося.

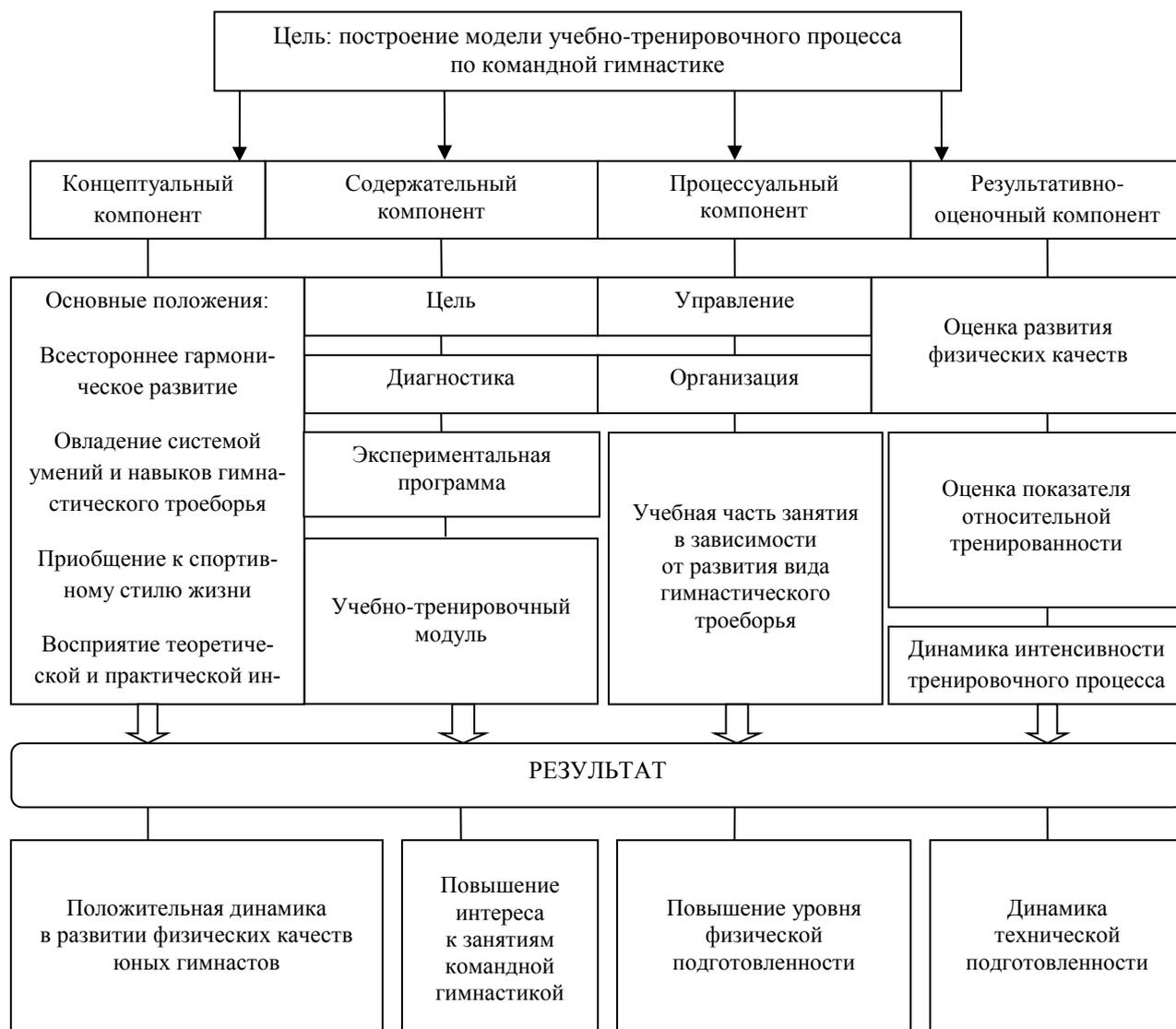

Рис. 1. Модель учебно-тренировочного процесса по командной гимнастике в группах дополнительного образования

Процессуальный компонент рассматривается нами как специально организованный процесс учебно-тренировочной деятельности, требующий ориентации на групповые формы обучения и совместную деятельность, и включает управление процессом обучения и воспитания. Управление процессом обучения и воспитания обеспечивает раскрытие природного потенциала занимающихся и успешную реализацию целей и задач обучения. Управление деятельностью занимающихся осуществляется через воздействия тренера-преподавателя, направленные на осуществление процесса усвоения обучающего материала, слежение за выполнением содержания и корректировку по ходу выполнения задаваемых действий. Также важной характеристикой системы управления является вид информационного процесса, использованного для передачи сигналов управления.

Тренер-преподаватель, работая по экспериментальной программе, осуществляет «закнутое» управление, которое предполагает постоянное наблюдение за выполнением упражнений в ходе процесса развивающей деятельности юных гимнастов и коррекцию деятельности в ходе отклонения от заданных значений. Использование направленного информационного процесса ориентировало тренера-преподавателя на учет индивидуальных особенностей и возможность занимающихся: уровень их подготовки и мотивации.

Управление учебно-тренировочным процессом в ходе решения поставленных задач включает в себя действия, связанные с установлением педагогически целесообразных взаимоотношений тренера и занимающихся. Благодаря этому процессу создается образовательная среда, в которой осуществляется совместная деятельность и общение, развиваются эмоционально-психологические и деловые отношения, формируются ценностные ориентации, обеспечивается развитие физических возможностей юных гимнастов [4].

Организация инновационной модели содержит набор соответствующих воздействий на условия учебно-тренировочной деятельности и реализацию задач, которые позволили решить проблемы, связанные с апробированием экспериментальной программы, управлением учебного и преподавательского труда, их материально-техническим оснащением.

Организационными условиями выступают: рационализация использования времени занятия при включении развивающего модуля в основную часть учебно-тренировочного занятия, тестовых заданий для определения уровня развития скоростно-силовых способностей; подготовка и проверка соответствия мест для проведения занятий (спортивный зал для занятий), наличие спортивного инвентаря и оборудования (гимнастические маты, мост и козел для опорного прыжка).

Результативно-оценочный компонент нашего модуля определяет эффективность применения предлагаемой инновационной модели, позволяет при этом оценить эффективность разработанной программы, выявить уровень развития скоростно-силовых, скоростных, координационных способностей, гибкости и их влияние на показатели физической подготовленности юных гимнастов, определить абсолютную величину «индекса интенсивности» работы и вычислить показатель относительной тренированности занимающихся. Модель учебно-тренировочного процесса юных гимнастов объединяет все представленные компоненты на основе целостного представления об учебно-тренировочном процессе; рациональное соотношение его отдельных элементов, структурированный подход к изучению содержания гимнастического командного троеборья, развитие скоростно-силовых, скоростных способностей, гибкости.

Построение процесса обучения на основе разработанной нами инновационной модели, целесообразность ее использования в практической деятельности были реализованы в ходе педагогического эксперимента. Такой подход позволил более тщательно проработать все компоненты специально организованного образовательного пространства, выявить степень взаимообусловленности отдельных составляющих с первоначальной целью.

Разработка содержания учебно-тренировочного процесса на основе специализированного модуля позволяет создать у занимающихся целостное представление о месте и роли каждого компонента модели в их целостном взаимодействии; более эффективно управлять сложным механизмом содержания учебно-тренировочного процесса; вносить своевременные коррективы в содержание различных видов подготовки начинающих гимнастов. Модель учебно-тренировочного процесса по командной гимнастике для начинающих спортсменов позволяет расширить рамки сложившихся представлений в системе спортивной подготовки гимнастов на этапе начального обучения, дополняя учебно-тренировочные занятия игровыми формами организации тренировок, расширение теоретических знаний и психологических аспектов тренировочной деятельности.

Экспериментально подтверждена эффективность использования модульной технологии в построении учебно-тренировочного процесса по командной гимнастике на базе МБОУ НШ-ДС № 43 г. Сургута. Повысилось не только количество детей, желающих заниматься командной гимнастикой, но и появилась положительная динамика в изменении уровня физической подготовленности юных гимнастов. Показательным выступает и то, что учащиеся, занимавшиеся командной гимнастикой, заняли первое место в соревнованиях «Губернаторские состязания», проводимых к концу 2012–2013 учебного года среди учащихся 3-х классов г. Сургута.

Таким образом, разработанная нами модель является педагогическим инструментарием тренера-преподавателя, позволяющим эффективно управлять учебно-тренировочным

процессом. Мотивационная направленность на субъект-субъектное взаимодействие (командный дух) обеспечивает активность и саморегуляцию занимающихся, что позволяет создать целостное представление об образовательном процессе, в котором осуществляются совместная деятельность преподавателя и занимающихся. Повышаются эмоционально-психологические отношения между обучаемыми, формируются ценностные ориентации, обеспечивается эффективное развитие потенциальных возможностей юных спортсменов.

Литература

1. Борисова Н. В. Образовательные технологии как объект педагогического выбора : учеб. пособие. М., 2000.
2. Кларин М. В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках. М., 1994.
3. Михалина Г. М. Структура и содержание годичного цикла занятий общей гимнастикой в условиях «спортивного часа» учащихся первых классов // Материалы совместной науч.-практич. конф. РГАФК, МГАФК и ВПИИФК. М. : Физкультура, образование и наука, 2001. С. 82.
4. Смолевский В. М. Подготовка гимнастов высокой квалификации как многолетний управляемый процесс // Спортивная гимнастика / под ред. Ю. К. Гавердовского, В. М. Смолевского. М. : Физкультура и спорт, 1979. С. 16–22.
5. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : федер. закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (последние изменения 20.12.2011).
6. Худoley О. Н. Эффективность обучения гимнастическим упражнениям детей 8–10 лет при различных режимах тренировочных занятий : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М. : НИИ ФДиП АПН СССР, 1983. 23 с.
7. Шлемин А. М., Худoley О. Н. Влияние перерыва в повторении на уровень обученности движениям гимнастов 8–10 лет // Теория и практика физ. культуры. 1982. № 3. С. 31–33.

УДК 821.112.2(436)Рильке.07/.08

*Савченко Е. А.
Savchenko E. A.*

КОНЦЕПТ «ЖИЗНЬ» В «ЧАСОСЛОВЕ» РАЙНЕРА МАРИИ РИЛЬКЕ

CONCEPT «LIFE» IN «THE BOOK OF HOURS» BY RAINER MARIA RILKE

Статья посвящена проблеме лингвистического анализа и интерпретации поэтического концепта. Автор исследует один из основных в поэзии австрийского поэта Р. М. Рильке концептов ЖИЗНЬ в цикле «Часослов». Наряду с уровнем значения исследуется смысловой уровень концепта. Поэтические смыслы образуют отличный смысл исследуемого концепта на базе общепринятого значения.

Ключевые слова: поэтический концепт, Р. М. Рильке, Часослов, жизнь, интерпретация.

Тема жизни всегда интересовала людей. Этим вопросом занимались философия и религия, искусство и литература. В поэтической картине мира австрийского философа Р. М. Рильке концепт ЖИЗНЬ занимает значительное место. Одним из основных предметов, вокруг которых вращается мысль австрийского поэта Р. М. Рильке, является человек в его всеобъемлющей сути. Рильке – это поэт человека (*der Dichter des Menschen*).

Предлагаемая статья посвящена исследованию поэтического концепта в цикле «Часослов» («Das Stunden-Buch») [1]. Поэтические концепты представляют собой динамичные культурные конструкты, состоящие из двух частей: 1) общеязыковой и 2) индивидуально-авторской. В общеязыковой части концепта отражаются общие, привычные представления об исследуемых концептах. Вторая часть концепта, включающая в себя индивидуально-авторские лексемы, отличается многочисленностью лексем, их отличием от общеязыковых определений, неожиданностью, необычностью и яркостью.

Основное семантическое значение ключевых слов концепта *Leben* послужило основой общеязыковой части концепта, динамичную часть концепта образуют индивидуально-авторские смыслы.

Анализ концепта был произведён при помощи герменевтико-лингвистического метода, состоящего из следующих шагов: 1) установление конкорданса; 2) определение контекстных смыслов слов; 3) обобщение данных о рассеянии и кристаллизации. Анализ лексических единиц произведён по методу исследования предикатов и атрибутов, сопровождающих ключевое слово [2].

Ключевыми словами концепта являются существительное *LEBEN*. Немецкий толковый словарь Дуден [3] даёт следующие значения исследуемых лексем: *LEBEN – das Lebendigkeit, Existieren; Dauer, Verlauf des Lebens (1), der Existenz, des Daseins; Art zu leben, Lebensweise; Lebensinhalt der Alltag, die Wirklichkeit, in der sich das Leben abspielt; die Gesamtheit der Lebensformen; Gesamtheit der Vorgänge, das Geschehen innerhalb eines Bereichs; Betriebbarkeit, lebhaftes Treiben* [3, с. 771].

Для языковой реализации индивидуально-авторской части концепта ЖИЗНЬ были использованы следующие контекстуальные замещения ключевого слова, сравнения и метафоры: *die Legende, die Stunde, das Land, die Panzer, die Säufte, die Wiegen, die Gewänder, die Andacht, der Atem*.

Языковой уровень концепта представлен следующими языковыми единицами (прилагательными, наречиями, местоимениями): *mein, sein, täglich, zeitlosbreit, alles, ruhig, schwer, schlecht, ungelebt, schön, wundesam, klein, grün, fremd, leise*.

Смысловый, динамичный уровень концепта ЖИЗНЬ представлен следующими частными смыслами:

1) «Жизнь вообще» это жизнь вообще как сила, которая пронизывает всё в мире и одновременно является миром (*alles Leben*). О. Больнов пишет об этом: «*Es ist das Leben überhaupt, das das Leben jedes einzelnen Lebewesens trägt*» [4]. Лирический герой, размышляя о жизни, спрашивает бога:

*Wer lebt es denn? Sind das die Dinge, die
wie eine ungespielte Melodie
im Abend wie in einer Harfe stehn?
Sind das die Winde, die von Wassern wehn,
sind das die Zweige, die sich Zeichen geben,
sind das die Blumen, die die Düfte weben,
sind das die langen alternden Alleen?
Sind das die warmen Tiere, welche gehn,
sind das die Vögel, die sich fremd erheben?*

Wer lebt es denn? Lebst du es, Gott, – das Leben?

(„*Und doch, obwohl ein jeder von sich strebt...*“, с. 91).

Жизнь пронизывает весь окружающий лирического героя мир (*Vögel, Tiere, Blumen, Alleen, Zweige, Winde, Dinge*). Для лирического героя жизнь в общем смысле – это жизнь природы, животных и растений, она является чудом, которым он восхищается: *es ist ein großes Wunder in der Welt: / ich fühle: alles Leben wird gelebt* (с. 91). Как сила, наполняющая всё живое в мире, жизнь становится синонимом богу, который также наполняет собой весь мир (подробнее о концепте БОГ см. [2]).

В других стихотворениях жизнь является порождением бога, бог – источник жизни. *Und es ist nicht zu spät, / in deine werdenden Tiefen zu tauchen, / wo sich das Leben ruhig verrät* (s. 18). Жизнь проявляется в «глубинах» бога. (Необходимо обратить внимание на эпитет *ruhig*, который противопоставляет *Leben* в смысле «жизнь вообще» смыслу «жизнь человека». Этот смысл будет рассмотрен нами далее.) В другом стихотворении цикла бог является причиной жизни: *Du sagtest leben laut und sterben leise / und wiederholtest immer wieder: Sein.* („*Ich lese es heraus aus deinem Wort*“ s. 13). Для бога главным является жизнь, бытие.

Следующий смысл концепта «Жизнь человека». Жизнь – это существование, период жизни человека, жизнь в мире людей (*ganzes Leben*). Данный смысл рассеивается в двух направлениях: «своя жизнь» и «чужая жизнь».

Первая часть «Часослова» называется «Книга о монашеской жизни» («*Das Buch vom mönchischen Leben*»), в которой лирический герой рассказывает о своей жизни. Судя по названию, лирический герой – это монах, то есть человек удалённый от мирской суеты и стремящийся к богу. «Своя жизнь» – это жизнь наполненная, это жизнь вне суеты и спешки (s. 9):

*Aus ihnen kommt mir Wissen, dass ich Raum
zu einem zweiten zeitlos breiten Leben habe.*

Исследование концепта ЖИЗНЬ в «Часослове» показало, что смысл концепта распадается в следующих направлениях: 1) жизнь вообще; 2) жизнь человека: а) «своя» и б) «чужая».

Жизнь – это сила, пронизывающая всё в мире, это жизнь человека, которая должна быть в гармонии с миром, наполнена смыслом, чувствами и стремлением к познанию бога. В противном случае такая жизнь у человека неполноценна, она «чужая».

Литература

1. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. Философия существования / сост. Ю. А. Сандулов ; науч. ред. А. С. Колесников, В. П. Сальников ; пер. С. Э. Никулина. СПб. : Лань, 1999. 222 с.
2. Воробей И. А. «Бог» и «ангел» в поэзии Р. М. Рильке (конкорданс и интерпретация) : моногр. Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2007. 120 с.
3. Рильке Р. М. Часослов : книга для чтения на нем. яз. СПб. : Корона принт ; Каро, 2004. 160 с.
4. Duden Deutsches Universalwörterbuch : hrsg. und bearb. vom wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion unter Leitung von G. Drosdowski. Mannheim ; Wien ; Zürich : Bibliographisches Institut, 1983. 1504 s.
5. Heidegger M. Das Ding // M. Heidegger. Gesamtausgabe. I. Abt.: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Band 7. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2000. S. 180.

УДК 811.111`255.2=161.1:821.161.1Солженицын.07

*Сало В. Э., Курбанов И. А.
Salo V. E., Kurbanov I. A.*

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕТАФОР В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

THE PRAGMATIC ADAPTATION OF METAPHORS TRANSLATION IN FICTION (AN INSIGHT INTO THE WORKS “THE GULAG ARCHIPELAGO” BY A.I. SOLZHENITSYN AND ITS TRANSLATION INTO ENGLISH)

В пространстве художественных произведений зачастую заключены сведения о доминирующих ценностных ориентациях, соотнесение с которыми существенным образом обу-

славливает рецепцию произведения и его содержательную интерпретацию. В результате анализа структуры метафор можно выделить различные компоненты, в том числе и отражающие прагматические особенности.

Ключевые слова: метафора, лингвокультура, сигнификативный компонент, денотативный компонент, коннотации.

По образному выражению С. Г. Тер-Минасовой, язык – это зеркало культуры, отражающее помимо реального мира менталитет и общественное самосознание народа; сокровищница, передатчик, носитель, орудие и инструмент культуры [4, с. 17].

В пространстве художественного дискурса информация о доминирующих в соответствующей лингвокультуре ценностных ориентациях в значительной степени заключена на уровне средств выразительности. В свою очередь, соотнесение с ценностными ориентациями существенным образом обуславливает рецепцию художественного текста и его содержательную интерпретацию. Таким образом, будучи наиболее распространённым средством выразительности, русская метафора, а также её перевод на английский язык становятся объектом исследования в рамках данной статьи. Метафора – это троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов/явлений для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс. Исходя из сути данного определения, можно сделать вывод о том, что на уровне метафор ярко отражается различие культур, истории и менталитетов разных языковых сообществ.

На важность изучения метафоры в лингвистическом аспекте впервые обратил внимание В. В. Виноградов. Он рассматривает метафору как семантическое явление, как определенный тип лексического значения, указывая, что всякий раз, когда новое значение включается в лексическую систему языка, оно вступает в связь и во взаимоотношение с другими элементами сложной и разветвленной структуры языка. По его мнению, только на фоне лексико-семантической системы языка определяются границы слова как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе множество форм, значений и употреблений [1].

Среди многих возможных назначений метафоры ее прагматические функции сводятся к тому, чтобы, во-первых, способствовать становлению концепта в сознании, его формированию и прояснению; во-вторых, для того, чтобы обеспечить актуализацию наличного концепта в сознании и рематизацию определенных его сторон в речемыслительном процессе (коммуникативная функция) и, в-третьих, для акцентирования эмотивно-оценочных обертонов в содержании высказываний (прагматическая функция) [5, с. 98].

В метафорах присутствуют одновременно общечеловеческий (универсальный) и национальный компоненты. Универсальный компонент не зависит от принадлежности носителя языка к какой-либо этнической общности. Так, русская метафора «гремят поезда», в основе которой шум от движения поезда уподобляется природному явлению (грому), является практически универсальной, так как английский вариант требует послелога «off».

Туда ежечасно летят самолёты, плывут корабли, гремят поезда – но ни единая надпись на них не указывает места назначения [2, с. 21]. – Hour by hour planes fly there, ships steer their course there, and trains thunder off to it – but all with nary a mark on them to tell of their destination [6, с. 1].

Однако в языке каждого народа универсальный компонент проявляется в соответствии с присущими ему этнокультурными традициями и особенностями. Таким образом, одни и те же понятия в разных языках имеют различные формы языкового выражения с неодинаковой семантической ёмкостью, а иногда для ряда понятий вообще не находится межъязыковых соответствий из-за того, что в другом языке те или иные реалии культуры языка оригинала не были актуализированы [5, с. 24].

В качестве подтверждения приведём следующий пример:

Когда мысли арестованного вьются вокруг великого вопроса: «За что?!» [2, с. 29]. – *When the thoughts of the person arrested are wrapped tightly about the big question: "What for?"* [6, с. 13].

Так, с точки зрения русскоговорящего человека мысли «вьются», а менталитет англоговорящих людей рассматривает действия мыслей под другим углом: мысли «окутывают/обволакивают». Безусловно, в данном случае происходит некая подмена понятий, однако семантика метафоры сохраняется.

В случае если метафоры заключают в себе национально-специфические черты, у носителей иной культуры возникают трудности при их восприятии. При этом необходима экспликация («овнешнение») стоящих за метафорами образов и понятий.

Органы чаще всего не имели глубоких оснований для выбора – какого человека арестовать, какого не трогать, а лишь достигали контрольной цифры [2, с. 28]. – *By and large, the Organs had no profound reasons for their choice of whom to arrest and whom not to arrest. They merely had over – all assignments, quotas for a specific number of arrests* [6, с. 13].

В данном примере путём описательного перевода восполняется недостаток фоновых знаний у реципиента текста, человека, которому чужды реалии, пронизывающие советскую систему тоталитарного режима. В связи с этим в следующем примере переводчиком производится функциональная замена «числа» на «total plan» и вводится эмфатическая придаточная конструкция:

Надо было спешно заполнять число, и не хватало сотрудников рассылать по городу, а эта уже была здесь! [2, с. 29]. – *They had a total plan which had to be fulfilled in a hurry, and there was no one available to send out into the city – and here was this woman already in their hands!* [6, с. 13].

Стоит обратить внимание на работу Ю. П. Солодуба и его соавторов «Теория и практика художественного перевода». В данной работе авторы выделяют следующие компоненты лексического значения слова: сигнификативный, денотативный, коннотативный, этнокультурный и структурный [3, с. 67]. С целью выявления прагматических аспектов перевода структуру лексическо-семантического поля метафоры по аналогии удобно рассматривать как совокупность следующих элементов: денотативного, сигнификативного, этнокультурного и коннотативного.

Денотативное и сигнификативное значения раскрывают содержание используемой метафоры, делая его понятным широкому кругу лиц. Коннотативное значение, по определению В. Н. Телия, выражает «эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности». Оно может изменяться в зависимости от менталитета, т. е. имеет привязку к этнокультурной составляющей.

Большинство коснеет в мерцающей надежде [2, с. 29]. – *The majority sit quietly and dare to hope* [6, с. 21].

В данном примере переводчик использует приблизительный перевод с целью полного сохранения денотативного и сигнификативного компонентов в ущерб коннотативному значению. Стилистическая маркированность минимальна и достигается лишь английским глаголом «to dare», добавляющим коннотацию «призрачности» и «несбыточности».

Являясь повествованием о реальных событиях общественно-политической жизни, в которой в то время царил тоталитаризм, произведение «Архипелаг ГУЛАГ» насквозь пронизано метафорическим противопоставлением «величия» власти и «ничтожности» всего остального (природы, человека). В качестве подтверждения приведём несколько примеров:

Ещё померцает вам в вашем отчаянии цирковая игрушечная луна: «Это ошибка! Разберутся!» [2, с. 22] – *Except that in your desperation the fake circus moon will blink at you: "It's a mistake! They'll set things right!"* [6, с. 8].

Комментарий: в связи с различиями в этнокультурных компонентах русская метафора «игрушечная» заменяется на английское прилагательное «fake», также наполненное метафорическим переносом.

Не скажешь этого о **кроликах**, нас [2, с. 24] – *You couldn't say that about **helpless rabbits like us*** [6, с. 9].

Комментарий: в целях сохранения прагматического содержания метафоры в данном случае необходимо добавление образного эпитета «helpless». Данная метафора свидетельствует о ненужности и беспомощности отдельного индивида. Люди представляются либо в качестве ничтожно малых, либо трусливых, либо становятся мелкими картами в большой игре, в глобальном процессе отбора.

*Традиционный арест – это ещё потом, после увода взятого бедняги, **многочасовое хозяйничанье** (a) в квартире **жёсткой чужой подавляющей силы** (b) [2, с. 23] – *The traditional image of arrest is also what happens afterward, when the poor victim has been taken away. It is **an alien, brutal, and crushing force** (b) **totally dominating the apartment for hours on end** (a)* [6, с. 8].*

Комментарий: в данном примере русский концепт «хозяйничанья» заменяется на английское причастие «dominating» («доминирование»). Несмотря на то, что оба концепта имеют в основе общий сигнификативный и денотативный компонент «верховодства/командования», их коннотационные оттенки различны.

С точки зрения А. И. Солженицына, деятельность, осуществляемая государственной системой в то время, была направлена на самоуничтожение, что находит отражение в метафорическом описании как на языке оригинала, так и на языке перевода:

*«Но лиха беда начало. <...> Всем свой черёд. Дальше **потечёт** несуществующая «правая» оппозиция. Членик за члеником **прожевав с хвоста, доберётся пасть и до собственной головы**» [2, с. 66]. – «*But it's the first step that's the hardest! <...> But everyone would have his turn. The nonexistent "rightist opposition" **would come later, and, limb by limb, beginning with its own tail, the ravenous maw would devour itself . . . right up to its head***» [6, с. 43].*

*«Государственная система **сама себя наказывала** за недоверчивость и негибкость» [2, с. 66]. – «*The state system **itself suffered from** its own lack of trust and from its rigidity» [6, с. 109].**

В заключении необходимо отметить, что многие метафоры в рамках данного произведения несут в себе дополнительные социо-культурные смыслы, помогающие раскрыть особенности происходивших в Советском Союзе социальных процессов и изменений. Общеизвестно, что первый том произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в 1973 г. изначально дошёл не до русского (в России книга появилась лишь в 1990 г.), а до зарубежного читателя, раскрывая всю суть советской системы и советской идеологии. Писатель излагает «народную» точку зрения на события тоталитарного режима, поэтому «язык» данного произведения заслуживает особого внимания.

Литература

1. Садиков А. В. Проблема перевода советских реалий в её прагматическом аспекте // Тетради переводчика. Вып. 21. М. : Высш. шк., 1984. С. 77–89.
2. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования : в 3 т.. М. : ПРОЗАИК, 2011. Т. 1. Ч. 1–2. 592 с.
3. Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б., Кузнецов А. Ю. Теория и практика художественного перевода. М. : Академия, 2005. 304 с.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Изд-во МГУ, 2004. 352 с.
5. Харитоновна Е. В. Перевод русской лагерной лексики на английский язык: семантико-стилистические и лингвокультурологические аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Магадан, 2007. 257 с.
6. Solzhenitsyn A. I. The Gulag Archipelago. URL: <http://ru.scribd.com/doc/27424145/The-Gulag-Archipelago> (дата обращения: 20.04.2016).

УДК 394.21(511.1)

Самсонова М. В.

Samsonova M. V.

**ТРАДИЦИОННЫЙ ПРАЗДНИК ОБСКИХ УГРОВ «ВОРОНИЙ ДЕНЬ»:
ОПЫТ РЕТРАНСЛЯЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

**TRADITIONAL HOLIDAY OF THE OB UGRIANS «CROW'S DAY»:
EXPERIENCE OF RELAYING IN HISTORICAL RETROSPERKTIVE**

Статья посвящена описанию национального праздника обских угров «Вороний день». В городе Сургуте «Вороний день» проводится в историко-культурном центре «Старый Сургут» ежегодно с 2000 г.

Ключевые слова: праздник, «Вороний день», национальный.

Традиционно обские угры ежегодно отмечают в апреле праздник годового цикла «Вороний день» – «Вурнга хатл» (хант.), «Уринэква хотал» (манс.). Согласно традиции, это был женский и девичий праздник. Как и у многих других традиционных праздников, дошедших до нашего времени, его полная структура утрачена. Носители культуры исполняли только его фрагменты.

В прошлом это праздник, видимо, отмечался в течение многих дней (многодневность является одним из признаков универсальных праздников). Универсальный характер и наибольшую сакральность имеют праздники годового цикла, особенно те, которые происходят в момент, рассматриваемый как критический, на переходе от старого года к новому. В традиционном календаре обских угров год разделен на два периода – зиму и лето, а весна и осень считаются началом, подготовкой к этим периодам. Начало нового периода соотносится с апрелем и августом официального календаря. Видимо, это связано с традиционными видами промыслов – зимней охотой и летней рыбной ловлей. К апрелю заканчивается сезон охоты и начинается подготовка к летнему рыболовному сезону, когда рыбу заготавливают на весь год.

Существенным и неотъемлемым признаком универсального праздника является его сакральность. В «Вороньем празднике» она подчеркивается тем, что его называют еще и «день Матери», «день просьб (поклонения) матери». Учитывая религиозные воззрения и особую связь праздника со сферой сакрального, можно предположить, что его основу составляют магические действия, связанные с религиозными представлениями о первопредке или прародительнице – Матери Сянь. Первый этап (или один из первых дней) праздника – это день поклонения Сянь и связан со стремлением к семейному благополучию, с продолжением рода, со здоровьем и достойным будущим детей.

По традиции обряд проводится ежегодно весной во время прилета ворон. В прошлом его проводили не по календарному числу, а когда видели первых прилетевших с юга ворон и обязательно на новолуние. После христианизации обских угров их религиозно-культурные праздники стали совпадать с календарными православными. Вороний день слился с Благовещеньем, отмечаемым 7 апреля. Перенос праздника никак не повлиял на сакральную часть обряда.

Готовились к празднику заранее. Специально изготавливали кораба из бересты (сан), ставили их в мань кол (женский домик) или рядом с домом около дров и всю зиму заполняли их стружкой и шерстью из детских колыбелей. Ко времени прилета ворон кораба выносили и их содержимое ссыпали в одну кучу (сап аня). Кучи делали обычно в определенном месте, чаще всего около маленькой растущей ели. Каждая семья делала отдельно свою кучу. Ссы-

пая сап в кучу, приговаривали: «Как растёт елочка, пусть так же мой сын (дочь) растёт». Поджигать такие кучи нельзя, так как считалось, что дети могут обжечься. С появлением солнца содержимое куч нагрелось, они начинали тлеть. Именно эти теплые кучи якобы являлись первым пристанищем для ворон, прилетевших с юга (мортым ма). Сидя на них, птицы якобы отогревали замерзшие лапки. В мансийских песнях о вороне поется о путешествии вороны из страны мортым ма до Сибири и о ее желании: «...за много дней до моего появления, за много дней до моего прилета счастливые женщины, счастливых мальчиков-девочек пусть заимеют, пусть в колыбельке качают. На кучи приземлюсь. С дальних мест шедшие «руки» отогрею. С дальних мест шедшие «ноги» отогрею».

Вначале проводился семейный обряд. Неподалеку от семейной кучи разжигали костер и варили мясо рожденных в этом году животных (теленка, олененка). В этот день варить мясо в доме запрещалось. Для взрослых варили мясо в больших котлах, для детей – в маленьких. Кишки собирали в одну кучу в сторонке, они предназначались для ворон.

Также известно, что на семейном обряде обращались к Сянь как подательнице детей и защитнице от болезней с просьбами (молитвами) о рождении, чтобы род не прекращался, а постоянно пополнялся мальчиками и девочками, молились и об их здоровье. Ей в этот день жертвовали большой женский платок, специально сшитый из ярких кусков ткани.

Далее (возможно, в другой день) проводился обряд, на котором присутствовали только пожилые женщины и девушки со всего селения. В этот день девушки исполняли обрядовые песни. Некоторые из них сохранились до нашего времени, например, песни о вороне и кукушке; о филине, сватающемся к девушке. Исполняли многочисленные танцы, изображавшие повадки животных, преимущественно птиц, и пантомимы, показывающие эпизоды из повседневной жизни людей.

На общем праздничном дне жертвенными были взрослые животные женского пола. Жертвоприношение проводил мужчина, затем его угощали, и он удалялся.

Перед трапезой исполняли ритуал вывешивания на деревья полосок ткани. Каждая должна привязать к дереву семь лоскутков ткани с монетами на конце. Взрослые женщины завязывали на большое дерево, девочки – на маленькое, растущее. Затем исполнялся ритуал жертвоприношения платков для Сянь, семь платков связывали одним узлом таким образом, что получалась кукла, которую вывешивали на дерево. После этого в семь чашек наливали чай и в семь чашек саламат (густо заваренная крупа на мясном бульоне) и ставили их под семь деревьев. Когда из них выходил пар, чай выливали на землю, а саламат съедали [3, с. 148–151].

Наблюдали за вороной – ее действия в этот день являлись приметами. Если в этот день ветер дул с севера, то сорок утренников пройдет до тепла, т. е. сорок дней сохранится холодная погода. Если прилетевшая ворона садится на верхушку дерева, то это к «большой воде», если много ворон прилетело, то много рыбы и ягод будет. Вороны каркают всей стайей – быть холоду. Вороны устроили в небе хоровод – к снегопаду, а если садятся на землю – будет оттепель. Садится ворона на нижнюю ветку дерева – скоро поднимется ветер [1, с. 4].

В городе Сургуте праздник «Вороний день» впервые проводился отделом коренных народов Севера 7 апреля 2000 г. на территории историко-культурного центра «Старый Сургут».

Целью данного мероприятия является:

- сохранение и развитие традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера;
- популяризация и пропаганда национальных видов спорта среди подрастающего поколения города Сургута; пропаганда здорового образа жизни.

На праздник были приглашены представители коренных малочисленных народов Югры, проживающие в городе, а также все желающие. Всего на празднике присутствовало около 50 человек.

Начался праздник с театрализованного представления «Ворона прилетела». Под звонкие удары бубна в ярких национальных костюмах на сцену вышли участники фольклорных коллективов «Аснэ» и детского «Луима ханса» (клубные формирования МБУ ИКЦ «Старый

Сургут»). Самобытные танцы обских угров произвели неизгладимое впечатление на зрителей и вызвали шквал аплодисментов. Участником фольклорного коллектива «Аснэ» была исполнена старинная песня на мансийском языке про ворону, в которой говорится: «С моим появлением маленькие дети пусть рождаются, долгоживущие девочки пусть рождаются, долгоживущие мальчики пусть рождаются. На ямки с таловыми гнилушками из их люлек я присяду. Замерзшие ручки свои отогрею, замерзшие ножки свои отогрею» [2, с. 151].

Новорожденным детям ханты и манси города Сургута были вручены подарки.

Белая береза, символ весны и радости, нарядилась в разноцветные ленточки, которые повязали участники обряда «Священное дерево» с пожеланиями добра и благополучия [4, л. 15].

Национальный праздник встречи весны народами ханты и манси «Вороний день» стал традиционным праздником для жителей и гостей города. С 2000 г. он ежегодно проводится в апреле на площади МБУ ИКЦ «Старый Сургут».

В дальнейшем в сценарий праздника была включена конкурсно-игровая программа, которая ориентирована на все возрастные категории участников праздника. Желающие могут посоревноваться в силе и ловкости: метании черемуховых колец, прыжках через нарты, перетягивании палки и т. д. Гости праздника с большим желанием принимают участие в национальных играх: щел (палочки), «Тропа охотника», «Ловля рыбок», с удовольствием разгадывают национальные загадки и кроссворды.

На выставке-продаже национальных изделий и сувениров можно приобрести работы мастеров, отражающие колорит и особенности культуры обских угров.

В разные годы на празднике в концертной программе участвовали национальные фольклорные коллективы обско-угорских народов из Сургутского района («Вонт нэ» из Русскинских, «Тром Еван Мокут» из Юбилейного, «Омаш нэ» из Сытомино).

С 2007 по 2012 гг. праздник проводился совместно с муниципальным бюджетным образовательным учреждением дополнительного образования детей специализированной детско-юношеской спортивной школой олимпийского резерва № 1 (СДЮСШОР № 1). Было заключено Соглашение о сотрудничестве. Сотрудники отдела коренных народов Севера проводили культурную программу праздника на основе традиционных обычаев и обрядов, а СДЮСШОР – соревнования по национальным видам спорта (прыжки через нарты, метание тынзяна на хорей, бег с палкой и т. д.) между школьными командами г. Сургута.

На сегодняшний день законом ХМАО – Югры «О празднике и памятной дате Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» от 30 апреля 2011 г. № 26-оз национальный праздник «Вороний день» определено проводить во вторую субботу апреля.

9 апреля 2016 г. в 17-й раз состоялся традиционный праздник встречи весны народами Севера «Вороний день». Праздник начался с театрализованного действия-пролога «Ворона – первая вестница весны». Яркими номерами украсили концерт фольклорные коллективы «Луима ханса» и «Аснэ». Зрителей порадовали театрализованные сценки из Медвежьих игрищ – «Тулыглап». Впервые в концертной программе принял участие коллектив «Югра сам» («Сердце Югры») Сургутского отделения молодежной организации обско-угорских народов.

По традиции был проведен обряд «Священное дерево», работала выставка-продажа сувенирных изделий. Чтобы задобрить хозяйку «Вурнга хатл», всем желающим было предложено побывать в «Мастерской вороны» и изготовить символ национального праздника – первую вестницу весны на Севере – Ворону. Рукодельная птица из ткани стала памятным подарком весеннего праздника.

Главными на празднике были дети. Именно для них были организованы несколько игровых площадок с различными конкурсами и спортивными состязаниями по национальным видам спорта коренных жителей Югры. В некоторых состязаниях им охотно помогали родители. Самые активные участники соревнований получили подарки от спонсора и свидетельство «Настоящего сибиряка».

Разнообразная программа мероприятия вызвала большой интерес у горожан и гостей города. Дети с большим удовольствием и азартом приняли участие в новой игре «Отыщи и

украсть гнездо вороны». И еще одно новшество, «Мастерская вороны», пользовалось большим успехом у присутствующих на празднике. На празднике присутствовало около 200 человек [5, л. 10].

Интерес к национальному празднику «Вороний день» возрастает с каждым годом, о чем свидетельствует большое количество зрителей. Жители и гости города Сургута узнают больше о древней и богатой культуре обских угров. В таких календарно-обрядовых праздниках сохраняются наиболее полно черты традиционного образа жизни, быта и досуга обско-угорских народов. Поэтому с возрождением традиционных праздников ханты и манси связывают сохранение и развитие своей культуры.

Литература

1. День вороны. Тюмень, 2008. С. 20.
2. Мифология манси. Новосибирск, 2001. С. 195.
3. Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск, 2003. С. 178.
4. Текущий архив отдела коренных народов Севера МБУ ИКЦ «Старый Сургут». П. 5. Л. 52.
5. Текущий архив отдела коренных народов Севера МБУ ИКЦ «Старый Сургут». П. 17. Л. 34.

УДК 371.124.8(571.122):371.13/16

*Симонова О. А., Ситникова А. Ю.
Simonova O. A., Sitnikova A. Yu.*

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ХМАО – ЮГРЕ

INNOVATIVE APPROACHES TO ENGLISH LANGUAGE TEACHERS PROFESSIONAL DEVELOPMENT IN KHMAO – UGRA

Статья посвящена проблеме поиска путей совершенствования профессиональной компетентности учителей английского языка на основе инновационных подходов. Рассматриваются различные формы профессионального развития педагогов ХМАО – Югры, которые успешно применяются учеными СурГУ, в частности, самообразование, курсы повышения квалификации, научно-методические семинары и международные конференции.

Ключевые слова: профессиональная компетентность учителя, самообразование, курсы повышения квалификации, международная конференция.

Обновление современной системы образования немислимо без повышения профессиональной компетентности учителя, который способен умело организовать деятельность учащихся, а также не только передать обучающимся определенную сумму знаний, но и мотивировать развитие их активности и самостоятельности, т. е. реализовать требования ФГОС нового поколения.

Профессионально компетентный учитель – это человек, который на достаточно высоком уровне осуществляет педагогическую деятельность, достигает стабильно высоких результатов в обучении и воспитании учащихся, а также способен проектировать собственную деятельность по овладению новыми знаниями путем самообразования.

В современных исследованиях, посвященных профессиональной компетентности учителей (В. Н. Введенский, Б. С. Гершунский, А. К. Маркова и др.), представлены подходы к определению данного термина. По мнению В. Н. Введенского, «профессиональная компетентность педагога не сводится к набору знаний, умений, а определяет необходимость и эффективность их применения в реальной образовательной практике» [1, с. 52]. А. К. Маркова выделяет четыре вида профессиональной компетентности: специальную, социальную, личностную и индивидуальную.

1. Специальная, или деятельностьная, профкомпетентность характеризует владение деятельностью на высоком профессиональном уровне и включает не только наличие специальных знаний, но и умение применить их на практике.

2. Социальная профкомпетентность характеризует владение способами совместной профессиональной деятельности и сотрудничества, принятыми в профессиональном сообществе, приемами профессионального общения.

3. Личностная профкомпетентность характеризует владение способами самовыражения и саморазвития средствами противостояния профессиональной деформации. Сюда же относят способность специалиста *планировать* свою профессиональную деятельность, самостоятельно принимать решения, видеть проблему.

4. Индивидуальная профкомпетентность характеризует владение приемами саморегуляции, готовность к профессиональному росту, неподверженность профессиональному старению, наличие устойчивой профессиональной мотивации [2, с. 103].

Формирование и развитие профессиональной компетентности педагогов является одной из основных целей образовательных организаций, поскольку личность учителя, уровень его профессиональной квалификации, социальная зрелость и ответственность являются наиболее важными условиями обеспечения эффективности процесса обучения и воспитания.

Традиционными формами развития профессиональной компетентности учителей является работа методических объединений в каждой школе города и района, участие в творческих или проблемных группах (школьного и муниципального уровней), в конкурсах профессионального мастерства, мастер-классах, форумах, фестивалях и т. п.; обобщение и распространение собственного педагогического опыта.

В Сургутском государственном университете проводится большая работа по совершенствованию форм и методов повышения квалификации педагогов. Среди инновационных подходов можно назвать следующие: 1) непрерывное научно-методическое сопровождение развития профессионализма; 2) развитие профессионализма через курсы повышения квалификации; 3) реализация накопительной системы повышения квалификации, учитывающей индивидуальную образовательную программу педагога. Рассмотрим подробнее сущность данных подходов.

Первый подход по непрерывному научно-методическому сопровождению развития профессионализма включает организацию тесного взаимодействия лингвистических кафедр вуза с методическими объединениями городов и районов ХМАО – Югры, а также отдельным педагогами с учетом их педагогического стажа, уровня профессионализма и индивидуальных запросов преподавателей английского языка. С этой целью нами была разработана концепция научно-методической школы для учителей для консолидации научного и профессионального сообщества для реализации Стратегии иноязычного образования, совершенствования языковой образовательной политики; повышения качества обучения иностранным языкам в контексте национальных и международных образовательных стандартов; развития образовательного сотрудничества и партнерства Сургутского государственного университета, Сургутского государственного педагогического университета и образовательных организаций по реализации научно-исследовательской и методической работы, повышению профессионального уровня педагогов; создания системы информационного обмена между участниками сообщества с целью повышения эффективности научно-методической работы; проведения научно-практических семинаров и конференций на регулярной основе с приглашением

ведущих российских и зарубежных специалистов; повышения уровня и количества научных публикаций учителей иностранного языка в вузовских, российских и международных изданиях.

Второе направление по развитию профессионализма через курсы повышения квалификации, которое успешно реализуется по разработанной на кафедре методики преподавания английского языка и перевода программе. Интерес учителей к программе повышения квалификации обусловлен новыми требованиями к качеству обучения иностранному языку в соответствии с новыми ФГОС, требованиями владения иностранным языком на международном уровне и грядущим введением третьего обязательного ЕГЭ по иностранному языку. «Как показывает практика, обучение английскому языку в некоторых образовательных организациях ведется на недостаточно высоком языковом и методическом уровне, что, соответственно, влияет на языковые знания и речевые умения обучающихся. Учитель, плохо владеющий языком и методикой его преподавания, не сможет выполнить возложенную на него задачу. Отсутствие возможности зарубежных стажировок для учителей и преподавателей иностранных языков, а также высокая стоимость курсов, предлагаемых столичными вузами, создает трудности для профессионального роста учителя» [3]. Курсы повышения квалификации, разработанные в СурГУ, направлены на активизацию языковых, речевых и методических умений учителей английского языка на основе национальных и международных стандартов, что позволяет слушателям подготовиться к сдаче квалификационного кембриджского методического экзамена ТКТ (Teaching Knowledge Test). В 2016 г. программа успешно реализована в городах ХМАО – Югры: Сургуте, Нефтеюганске, Лангепасе, Когалыме и Радужном. Проведенное анкетирование слушателей показало, что содержание курсов, их новизна и практическая ценность материалов развивают у учителей способность к методическому и методологическому обобщению собственной деятельности и деятельности участников коллектива, теоретическому осмыслению результатов и итогов образовательной деятельности.

Третье направление по реализации накопительной системы повышения квалификации, учитывающей индивидуальную образовательную программу педагога, осуществляется совместно с педагогами и аттестационной комиссией. Для повышения своего профессионального рейтинга учителя английского языка имеют возможность подготовки и сдачи международных кембриджских языковых и методических экзаменов ТКТ в Центре международного тестирования «Интекс», который в сентябре 2012 г. успешно прошел международную аккредитацию, что позволило СурГУ стать первым вузом на территории Российской Федерации, получившим исключительное право на ведение образовательной деятельности по подготовке и приему Кембриджских квалификационных экзаменов. За три года деятельности Центра более 500 преподавателей английского языка из городов и районов ХМАО сдали международные квалификационные экзамены по методике преподавания (Teaching Knowledge Test) и языковые экзамены FCE и CAE [4].

Одним из важных способов повышения профессионального мастерства является участие педагога в международных конференциях по методике преподавания иностранных языков, которые позволяют учителю «выходить» за пределы образовательного учреждения, осмысливать происходящее в современной школе, прогнозировать профессиональное развитие и проектировать свою дальнейшую педагогическую деятельность, направленную на профессиональные достижения. Учителя английского языка принимали самое активное участие в международных конференциях, проведенных в СурГУ в мае 2010 г. «Современные подходы к преподаванию иностранных языков», в декабре 2010 г. «Иностранные языки сегодня – 2010: тенденции и перспективы в Российском образовании (Foreign Languages Today – 2010: Tendencies and Perspectives in Russian Education), в марте 2012 г. «Язык и культура: лингвистические, переводческие и лингводидактические аспекты», в мае 2013 г. XIX Международная конференция Национального Объединения преподавателей английского языка (NATE) «Crossing into New Frontiers – Facing New Challenges», в марте 2015 г. «Иностранные языки сегодня: инновации, стратегии и перспективы»; в марте 2016 г. «Тестирование и оценка учебных достижений по иностранному языку: традиции и инновации». Учителя также по-

лучили возможность опубликовать научные статьи в сборниках материалов вышеназванных конференций.

Рассмотренные выше подходы к совершенствованию профессиональной компетентности учителей английского языка в нашем округе позволяют сделать вывод о том, что это сложный процесс, направленный на развитие творческой индивидуальности и формирование готовности педагогов к инновациям, который нуждается в дальнейшем научном анализе и тесном взаимодействии школы и вуза.

Литература

1. Введенский В. Н. Моделирование профессиональной компетентности педагога // Педагогика. 2003. № 10. С. 51–55.
2. Маркова А. К. Психология профессионализма. М. : Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996. 312 с.
3. Симонова О. А. Преподаватели СурГУ повышают мастерство учителей английского языка Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: [http://surgu.ru /index. php? view=menu&mid=1272](http://surgu.ru/index.php?view=menu&mid=1272) (дата обращения: 20.04.2016).
4. Симонова О. А., Ситникова А. Ю., Чмых И. Е. Развитие оценочной компетентности субъектов образовательного процесса при реализации международных языковых проектов в ХМАО – Югре // Высшее образование сегодня. 2016. № 2. С. 12–15.

УДК 372.881.1:908

*Сироткина Т. А.
Sirotkina T. A.*

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

REGIONAL NATURAL HISTORY COMPONENT OF LINGUISTIC EDUCATION

В докладе на материалах элективного курса для общеобразовательных школ «Лингвистическое краеведение», представленных в одноименном пособии, рассматривается специфика лингвокраеведческой работы, а также делается вывод о том, что краеведческий компонент является важным компонентом лингвистического образования в школе и вузе.

Ключевые слова: русский язык, регионалистика, лингвистическое краеведение, образование, ХМАО – Югра.

В тексте федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы», утвержденной Правительством Российской Федерации, справедливо говорится о том, что «русский язык и российская культура определяют самобытность и жизнеспособность русского народа». Поскольку самобытность языка и культуры складывается из всей совокупности их региональных вариантов, изучение русского языка в целом не отменяет изучения местных языковых особенностей, исследование российской культуры в целом предполагает учет и региональных ее черт.

В настоящее время, время утраты многовековых традиций нашего народа, особенно актуальным является проблема поиска путей, позволяющих формировать у школьников и студентов историзм мышления, любовь к родному краю, толерантность к представителям других культур. Лингвистическое краеведение может способствовать приобщению к духов-

ному богатству региональной культуры и служить средством развития лингвистической компетенции обучающихся.

Темы, связанные с лингвистическим краеведением, разрабатывают школьники общеобразовательных школ, студенты вузов. Однако пробелы в системности данной работы, как представляется, связаны с методической разработкой школьных и вузовских курсов, подготовкой специалистов, готовых полноценно вести лингвокраеведческие исследования.

Существенно восполняют данные пробелы такие виды работ, как проведение курсов по выбору и факультативов для студентов педагогического вуза, издание методических пособий, одно из которых будет сегодня предметом нашего разговора. Это материалы элективного курса «Лингвистическое краеведение» для общеобразовательных школ.

Цель предлагаемого элективного курса – овладеть методикой сбора и анализа регионального языкового материала. Задачи курса:

1. Сформировать представление о языковом материале, являющемся объектом лингвокраеведческих исследований.
2. Освоить методику сбора и анализа регионального языкового материала.
3. Способствовать развитию навыков интерпретации языковых фактов и обобщения их в научных докладах и статьях.

Цели отдельных занятий складываются в систему: сначала первичное знакомство с терминологией, необходимой для изучения какого-либо явления или факта, затем формирование понятия; на последующих занятиях термин включается в активный лексикон учащегося, становится необходимым для выполнения заданий, используется для лингвистического анализа различных языковых явлений и текстов.

Все учебные занятия строятся на основе системно-деятельностного подхода. В начале каждого из них учитель подводит учащихся к пониманию проблемы, которая затем станет предметом дальнейшей работы, формулируются цели этой работы, организуется самостоятельная поисковая деятельность, презентуются и анализируются ее результаты.

К некоторым занятиям предложены темы для исследовательской работы, которые могут быть реализованы в индивидуальном или групповом проекте, причем многие из этих проектов являются не только научными, но и социально-ориентированными. Авторы исходили из убеждения, что создаваемая учителем ситуация и связанная с ней деятельность должны быть привлекательны для школьника и в ней должны сочетаться его личная заинтересованность и общественная целесообразность.

В соответствии с учебным планом на изучение курса отводится 32 часа.

При составлении данного учебно-методического пособия учитывался опыт пермских лингвистов, в 2004 г. выпустивших для школ Прикамья учебно-методический комплекс «Русская речь Прикамья» (ответственный редактор – В. И. Шенкман). При подготовке настоящих материалов мы опирались на теоретические и практические разработки Е. А. Баженовой, Т. Б. Трошевой (язык прессы), О. В. Гордеевой (топонимика), И. А. Подюкова (язык фольклора), Е. Н. Поляковой (памятники письменности), а также использовали некоторые упражнения из рабочей тетради данного УМК, составленные В. И. Шенкман.

Рассмотрим основные темы, вошедшие в учебно-тематический план курса, и учебные ситуации, их составляющие.

1. На занятии первом школьники получают представление об основных направлениях лингвокраеведческих исследований, размышляют о том, что такое малая родина, вспоминают, чем отличается речь жителей разных территорий России.
2. Занятие «Язык местности и языки жителей» призвано актуализировать знания о диалектах и просторечии, кратко познакомить с тем, на каких языках говорят коренные жители ХМАО, с помощью упражнений сделать вывод о том, кто мы – носители литературного языка или просторечия.
3. На занятии «Родной край в художественном слове» дети знакомятся с творчеством региональных авторов, делают сообщения о творчестве Еремея Даниловича Айпина, Марии

Кузьминичны Вагатовой, Олега Борисовича Рихтера, Сергея Егоровича Сметанина, Николая Васильевича Сочихина, Петра Антоновича Суханова и других поэтов и писателей.

4. Занятие «Мода на имя, или почему Дмитрий, а не Ферапонт» призвано познакомить школьников с тем, что такое ономастика, откуда берутся наши имена, дети пытаются объяснить смысл пословицы: «С именем – Иван, без имени – болван», определить, используя ономастический материал своего класса или параллели, какие имена популярны в настоящее время.

5. На занятии «Зачем нужны фамилии» дети должны написать сочинение-рассуждение, опираясь на высказывание Марии Эдуардовны Рут: «Наше главное семейное имя мы получаем как камешек, обкатанный волнами времени, обросший новыми наслоениями».

6. На следующем занятии речь идет о неофициальных именовании – прозвищах, кличках, никнеймах. При обсуждении данных вопросов должна учитываться не только их языковая, но и этическая сторона. Учащихся необходимо привести к мысли, с одной стороны, о недопустимости злых, обидных прозвищ, с другой – о том, что не стоит обижаться на прозвище, если оно не унижает достоинства человека.

7. Занятие, посвященное региональной топонимике, знакомит ребят с тем, какой принцип может лежать в основе местных топонимов. Они вспоминают названия по свойствам и качествам самих именуемых объектов (Белоярский – по светлому песчаному берегу), названия, возникшие по отношению именуемого объекта к другим объектам (Новый Уренгой – новый населенный пункт по отношению к «старому»), названия, возникшие по связи именуемого объекта с человеком (Вогулка – по названию национальности – вогулы) и т. д.

8. На следующем занятии продолжается разговор о местной топонимии, уже в контексте определенного города, в нашем случае – Сургута. Ребятам дается задание придумать маршрут учебно-тематической экскурсии, в ходе которой они рассказали бы о тех или иных сургутских урбанонимах.

9. Занятие 9 называется «Я б ... кафе свое открыл» и посвящено региональной эргонимии. Дети представляют себя в роли создателя фирмы и придумывают имя для своего коммерческого объекта.

10. На следующем говорится об эргонимах – названиях народов. Они делятся на 2 группы и работают с текстами, посвященными ханты и манси.

11. Интересна тема «Язык сибирского фольклора», которая может быть построена, например, на анализе хантыйских и мансийских легенд, а также русских преданий о Ермаке.

12. Далее следуют темы, связанные с функционированием слова в различных типах региональных текстов. Это «Язык памятников письменности», «Язык современной югорской прессы».

13. Предпоследнее занятие – «Югорская лексикография», призванное познакомить школьников с региональными словарями, последнее – итоговое, учебная конференция, темы для выступления на которой учащиеся разрабатывают в течение всего учебного года.

Что необходимо знать учителю или любому другому специалисту, начинающему заниматься лингвокраеведческой работой?

Во-первых, то, что лингвистическое краеведение, как и многие другие дисциплины, опирается на широкий круг источников. Источниками для работы по лингвистическому краеведению в ХМАО – Югре могут служить:

1. Научные описания языка и речи региона. Так, например, книга А. К. Матвеева «Географические названия Тюменского Севера» – незаменимый источник для выяснения этимологии местных географических названий. В предисловии к своей книге исследователь пишет о необходимости сбора местного топонимического материала: «Географические названия, которые иногда называют «языком земли», легко забываются и исчезают или заменяются другими названиями, подчас совсем неудачными. Упустим время, не запишем – и вот уже нет еще одного памятника нашей истории, культуры, языка».

2. Карты, списки населенных пунктов, справочники предприятий и организаций. Данные источники разного времени фиксируют ономастикон (совокупность имен собственных) региона в разные годы существования. Сопоставив списки разных лет, можно сделать выводы о динамических изменениях системы именовании.

3. Художественные произведения местных авторов. В произведениях Еремея Айпина, Олега Рихтера, Михаила Плотникова и других авторов отражены региональные особенности языка и культуры жителей Тюменского Севера. Например, рассматривая функционирование в данных текстах этнонимов (названий народов), можно сделать выводы о том, из каких компонентов складывается категория этничности, являющаяся неотъемлемой частью языкового сознания личности и этноса.

4. Материалы анкет, опросов жителей. Не следует пренебрегать и этим, весьма показательным в некоторых отношениях, способом получения языкового материала. Так, с помощью опросов местных жителей можно выявить актуальную до настоящего времени диалектную лексику, с помощью анкетирования мигрантов (такую анкету мы запустили в работу недавно вместе с социологами) выявить степень толерантности или межэтнической напряженности.

5. Существующие словари, справочники, энциклопедии. Обращение к ним дает возможности комплексного подхода к языковым явлениям с учетом исторических, географических, культурных факторов развития региона. Примером может послужить, в частности, 3-томная энциклопедия «Югория», изданная в Ханты-Мансийске в 2000 г.

Во-вторых, начинающему лингвокраеведу необходимо представлять себе, какие из направлений лингвокраеведческой работы являются в настоящее время особенно актуальными. Одним из таких направлений в ХМАО – Югре, безусловно, является ономастика. Это определяется не только тем, что топонимия и антропонимия многонационального региона очень разнообразна и многопланова, но и тем, что для таких исследований заложена достаточная научная база. Можно с уверенностью говорить о том, что в Сургуте сложилась целая ономастическая школа, основоположником которой является профессор СурГПУ Нина Никифоровна Парфенова. Переехав из Тюмени в Сургут в 1997 г., Нина Никифоровна с этого времени активно занимается изучением местного ономастического пространства. Ее ученики, принимая участие в работе спецкурсов и спецсеминаров, пишут курсовые и дипломные работы, посвященные исследованию собственных имен; магистранты и аспиранты также увлечены ономастическими проблемами: так, например, успешно защитила кандидатскую диссертацию по топонимии хантыйского и мансийского происхождения Юлия Валерьевна Исламова. В 2001 г. в Сургуте увидела свет монография Нины Никифоровны «Русские фамилии конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья)». Данная работа послужила основой ее докторской диссертации, защищенной в 2002 г. в Институте русского языка РАН. В 2005 г. в Москве был издан «Словарь русских фамилий конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья)».

Третье, на что должен обращать внимание специалист, начинающий работать с лингвокраеведческим материалом, – это соответствие подобной работы основополагающим принципам обновления содержания школьного образования на современном этапе (гуманизация, интеграция, усиление практической ориентации, деятельностного компонента содержания). Лингвокраеведческие курсы позволяют обучающимся углубить, помимо культуроведческой, другие виды компетенций: лингвистическую, языковую, коммуникативную. Относительно недавно сложилось новое научное направление – «регионалистика». Данное направление является комплексной синтезирующей гуманитарной дисциплиной, изучающей процессы деятельности и существования человека и создаваемой им культуры во взаимодействии с окружающей средой в рамках компактного географического пространства, региона. Одним из разделов регионалистики является культурно-языковая, в рамках которой как раз и исследуется лингвистическое своеобразие отдельных территорий.

Актуально в этом плане создание научных лабораторий, которые планомерно занимались бы исследованием языковой специфики региона. На территории ХМАО – Югры незаменимую роль в этом плане играет Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, в структуре которого имеются отделы мансийской и хантыйской филологии и фольклористики. Выпускаемый данным научным учреждением журнал «Вестник угроведения» является незаменимым источником изучения языков коренного населения округа.

Однако актуальным остается и исследование проблем существования русского языка в полиэтничном пространстве региона. В связи с этим существенным этапом работы было бы создание, с учетом положительного опыта других регионов, лаборатории «Литературное и лингвистическое краеведение» в Сургутском государственном педагогическом университете, задачи которой на данный момент лишь отчасти решаются в рамках лаборатории региональных исследований.

Представляется важным при планировании и проведении данной работы учитывать реальные возможности, а также интересы тех, кто будет вовлечен в данный процесс. Например, с учетом того, что на филологическом факультете СурГПУ существует специальность «Журналистика», в рамках вышеназванной лаборатории, а также студенческого научного общества факультета планируется развивать такое направление работы, как анализ языка местных СМИ. Темы, связанные, например, с принципами номинации местных СМИ, не только интересны самим студентам, но и имеют конкретное прикладное значение в плане выработки критериев эффективности названия, ориентации на местного читателя и т. д.

Еще один важный момент, о котором не следует забывать: при исследовании частных проблем нельзя «вариться в своем соку», замыкаясь в рамках собственно лингвистики и ограничиваясь собственно филологической аудиторией. Необходимо тесно взаимодействовать со специалистами, занимающимися историей, этнографией, развитием туризма в регионе, предлагать «Лингвокраеведение» в качестве дисциплины по выбору студентам вышеназванных специальностей, искать практические выходы для использования собранного разными способами эмпирического материала.

Хочется напомнить всем известный факт: в соответствии с законом РФ «Об образовании» одним из принципов государственной политики провозглашается «защита системой образования национальных культур и региональных культурных традиций». Представляется, что реализация данного принципа напрямую зависит от наших усилий, направленных не только на создание благоприятной среды для развития регионалистики, но и конкретной методической базы для осуществления различных проектов. Часть этих проектов, как следует из всего вышесказанного, должна быть связана с лингвистическим краеведением, которое является важной составляющей лингвистического образования в школе и вузе.

УДК 316.621-057.875:378.1:811

*Ситникова А. Ю. Симонова О. А.
Sitnikova A. Yu. Simonova O. A.*

**ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА
СРЕДСТВАМИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
(НА ПРИМЕРЕ КЛУБА ДЕБАТОВ «СПИКЕР»)**

**FORMATION OF UNIVERSITY STUDENTS SOCIAL ACTIVITY
BY MEANS OF FOREIGN LANGUAGE INTERACTIVE TECHNOLOGIES
(ON EXAMPLE OF DEBATE CLUB «SPEAKER»)**

В статье рассматривается проблема формирования социальной активности студентов университета средствами иноязычных интерактивных технологий в процессе организации обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Авторы исследуют и анализируют возможность обеспечения организационно-педагогических условий эффективного социального воспитания и профессиональной самореализации студентов, а также подробно рассматривают структурно-функциональную модель формирования социальной активности.

Ключевые слова: социальная активность, иноязычные интерактивные технологии, организационно-педагогические условия, профессиональная самореализация.

В концепции Федеральной целевой программы «Молодежь России» на 2011–2016 гг. ключевыми приоритетами государственной молодежной политики являются: создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитие ее потенциала и его использование в интересах инновационного развития страны; вовлечение молодежи в социальную практику. Концепция модернизации российского образования на период до 2016 г. ставит перед собой такие задачи, как: формирование у молодежи гражданской ответственности и правового самосознания, духовности и культуры, инициативности и самостоятельности, толерантности, способности к успешной социализации в обществе и активной адаптации на рынке труда [3].

Характерной особенностью образовательной деятельности Сургутского государственного университета (далее – СурГУ) является ее четко выраженная социально-педагогическая и индивидуально-творческая направленность, которые реализуются в использовании социально-культурной среды как дополнительного воспитательного средства воздействия на личность студентов [4]. При этом становится возможным обеспечение организационно-педагогических условий эффективного социального воспитания и творческой самореализации, а также формирование социальной активности студентов университета средствами иноязычных интерактивных технологий.

Федеральные государственные образовательные стандарты нового третьего поколения ставят необходимым условием использование иноязычных интерактивных технологий. Использование прогрессивных иноязычных интерактивных технологий в условиях образовательной деятельности позволяет подготовить студентов университета к выполнению многообразных социальных функций в обществе, прививать культурные ценности и нормы поведения, активизировать интерес к социально-культурным проблемам общества, овладеть достаточным уровнем коммуникативной компетенции для решения социально-коммуникативных задач в различных областях бытовой, культурной, профессиональной и научной деятельности при общении с зарубежными партнерами [6].

Проблема формирования социальной активности студентов университета средствами иноязычных интерактивных технологий в процессе организации обучения иностранному языку в неязыковом вузе стала предметом исследования многих отечественных и зарубежных учёных, таких как Т. В. Асламова, А. В. Барыбин, И. Л. Бим, Е. Н. Соловова, С. В. Титова, Tom Hatchinson, Shona Whyte.

Понятие «интерактивный» происходит от английского “interact” (“inter” – взаимный, “act” – действовать). Интерактивное обучение – это специальная форма организации познавательной деятельности, которая подразумевает вполне конкретные и прогнозируемые цели. Интерактивные технологии основаны на принципах взаимодействия, активности студентов, опоре на групповой опыт, обязательной обратной связи. Создается среда образовательного общения, которая характеризуется открытостью, взаимодействием участников, равенством их аргументов, накоплением совместных знаний, возможностью взаимной оценки и контроля [1, с. 48]. К иноязычным интерактивным технологиям в нашем исследовании мы относим «клуб дебатов», «дискуссионный клуб», «круглый стол», «форум», «спецкурс».

Мы понимаем «иноязычные интерактивные технологии» как совокупность инновационных форм, методов и средств организации взаимодействия и взаимообучения участников образовательного процесса, направленного на создание условий для социализации студентов университета и обеспечение результативности обучения иноязычному профессиональному общению.

Исходя из современных теоретико-методологических подходов к образовательной деятельности в исследовании выявлен ряд существенных особенностей при использовании интерактивных технологий в работе с молодежной аудиторией и выделены основные признаки

интерактивности, требующие обеспечения следующих условий: проблемности посредством ввода участников в проблемную ситуацию; максимально возможной адекватности учебно-познавательной деятельности характеру практических задач и функций обучаемого; обеспечения взаимообучения; индивидуализации; активности [2, с. 15]. Такой подход позволил нам охарактеризовать особенности наиболее эффективной иноязычной интерактивной технологии формирования социальной активности в условиях образовательной деятельности – это организация и проведение клуба дебатов «Спикер».

Нами был разработан проект структурно-функциональной модели формирования социальной активности молодых людей средствами иноязычных интерактивных технологий образовательной деятельности, которая позволяет эффективно организовать педагогическое взаимодействие субъектов и объектов культурно-образовательного активно-творческого процесса, результатом которого будет повышение уровня сформированности социальной активности молодых людей и совершенствование языковых навыков. Модель содержит цель, задачи, принципы, формы, основные этапы, функции, критерии, уровни и результат. Конструкт модели состоит из четырех взаимосвязанных блоков: целевого, организационно-содержательного, критериального и результативного. Основной целью модели является обеспечение эффективности процесса формирования социальной активности молодежи средствами иноязычных интерактивных технологий образовательной деятельности. Структурно-функциональная педагогическая модель представляет собой комплекс тематически объединенных и функционально выстроенных компонентов, позволяющий эффективно организовать педагогическое взаимодействие субъектов и объектов культурно-образовательного активно-творческого процесса, результатом которого будет повышение уровня сформированности социальной активности молодых людей и формирование иноязычной коммуникативной и профессиональной компетенции. Конструкт модели состоит из четырех взаимосвязанных блоков:

- целевого, содержащего цель, задачи, принципы формирования социальной активности молодежи;
- организационно-содержательного, включающего содержание деятельности клуба дебатов «Спикер» на основе использования иноязычных интерактивных технологий (инновационных форм, методов и средств); этапы, образующие замкнутый цикл, направленный на формирование социальной активности молодежи средствами интерактивных технологий образовательной деятельности; функции модели формирования социальной активности молодых людей;
- критериального, который включает в себя основные критерии, показатели и уровни сформированности социальной активности у молодежи. В нашем исследовании мы выделяем когнитивный, ценностно-мотивационный, социально-коммуникативный и творческо-деятельностный критерии.

Теоретическая разработка проекта структурно-функциональной модели позволили выдвинуть основные задачи формирования социальной активности молодого поколения, которые выведены из интегративных компонентов социальной активности личности: формирование межкультурной и профессиональной компетенции, а также реализация учебно-познавательной, трудовой и культурно-досуговой активности.

Опираясь на теоретические источники по проблеме исследования, было выявлено, что формирование социальной активности молодежи есть сложный и многогранный процесс, который функционирует на основе комплекса педагогических принципов: социальной адекватности воспитания, уровне владения иностранным языком, последовательности, систематичности, активности, добровольности, принципа коллективного творчества [5, с. 86].

Среди функций модели, реализуемых в процессе формирования социальной активности молодежи, нами были выделены познавательная, коммуникативная, социально-адаптирующая, рефлексивная, прогностическая функции.

Формирование социальной активности у молодежи должно обеспечиваться соответственным наполнением образовательной деятельности. Реализация содержания разработан-

ной модели может осуществляться в ходе работы клуба дебатов «Спикер», деятельность которого направлена на создание условий для формирования и реализации социальной активности молодежи, развития навыков социального и политического участия, формирования иноязычной коммуникативной компетенции, критического мышления, осознания приоритета общечеловеческих ценностей в процессе организации и проведения различных актуальных социально направленных проектов.

В проекте модели выделены три основных этапа, которые образуют замкнутый цикл, направленный на формирование социальной активности молодых людей средствами интерактивных технологий образовательной деятельности: целеполагающий, содержательно-деятельностный, рефлексивный этапы.

На протяжении периода с сентября 2015 г. по май 2016 г. мы проводили формирующий эксперимент, основная цель которого состояла в экспериментальной апробации модели по формированию социальной активности молодежи средствами иноязычных интерактивных технологий образовательной деятельности на базе клуба дебатов «Спикер». Клуб дебатов «Спикер» был организован в сентябре 2015 г. по инициативе членов кафедры иностранных языков СурГУ и Научного студенческого общества Института гуманитарного образования и спорта (далее ИГОиС). В общей сложности в формирующем эксперименте принимало участие 280 человек: студенты, магистранты и преподаватели СурГУ. На сегодняшний день наш эксперимент прошел два этапа:

Целеполагающий этап (сентябрь 2015 г.) позволил определить основную цель нашего проекта – реализация долговременной поэтапной организационно-педагогической деятельности по формированию социальной активности молодежи средствами иноязычных интерактивных технологий образовательной деятельности. Были разработаны необходимые документы для реализации проекта: Положение о клубе дебатов, которое было рассмотрено и одобрено на заседании Научно-технического совета ИГОиС, календарно-тематический план заседаний клуба дебатов, список членов клуба.

Содержательно-деятельностный этап (октябрь 2015 г. – май 2016 г.) включает в себя проведение мероприятий клуба дебатов, такие как: заседания (дебаты), тренинги, семинары.

Опытное обучение по апробации иноязычных интерактивных методов в рамках клуба дебатов «Спикер» показало, что формирование социальной активности студентов университета средствами иноязычных интерактивных технологий происходит достаточно эффективно. Мотивация студентов значительно возросла в ходе освоения новых способов работы с информацией. Взаимосвязь подготовки студентов в области иностранного языка в вузе с реальными жизненными ситуациями, где иностранный язык используется как средство профессионального общения, является важным стимулом к развитию потребности студентов в овладении иностранным языком для профессии.

Литература

1. Асламова Т. В. Интерактивная модель обучения устному иноязычному общению в неязыковом вузе // Современные средства реализации целей обучения иностранному языку по новой программе (неязыковые вузы) : сб. М. : МГЛУ, 2002. № 467. С. 48–60.
2. Асламова Т. В. Методика организации взаимодействия студентов в процессе обучения устному общению (Английский язык, неязыковой вуз) : дис. ... канд. пед. наук : М., 2001. 209 с.
3. Концепции федеральной целевой программы «Молодежь России» : Мин-во образования и науки РФ, Молодежь России. URL: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/04/6a/046ae652-09ca-4915-a9d6-a4c55569dc9c.pdf> (дата обращения: 27.04.2016).
4. Концепция воспитательной системы ГБОУ ВПО «СурГУ ХМАО – Югры» на 2014–2020 гг. URL: <http://www.surgu.ru/upload/36218-35990-2020.pdf> (дата обращения: 27.04.2016).

5. Лицманенко Т. Н. Моделирование профессионально-направленной подготовки юристов средствами английского языка в условиях вуза на основе учебно-ролевых игр : дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2002. 202 с.

6. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4> (дата обращения: 27.04.2016).

УДК 37.015.32:159.95:159.928.22

*Соловьева Е. Н.
Solovyova E. N.*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

GIFTED CHILDREN COGNITIVE PROCESSES STUDY OF PRIMARY SCHOOL AGE

В статье описывается проведенное в текущем учебном году исследование познавательных процессов одаренных детей младшего школьного возраста. Для исследования было отобрано 16 учащихся, имеющих признаки одаренности. Контрольную группу составили 16 учащихся, у которых экспертной группой признаков одаренности выявлено не было. Чистота эксперимента была обеспечена равным возрастом участников, равным их количеством и одинаковыми условиями проведения психодиагностики.

Ключевые слова: одаренность, познавательные процессы, младший школьный возраст.

Стремительное развитие общества неизбежно влечет за собой изменения в области образования, выдвигая новые требования к его конечному результату. В настоящее время система образования переориентируется на личностно-ориентированные и развивающие образовательные технологии. В этих условиях изучение одаренности становится одним из приоритетных направлений научной исследовательской деятельности в рамках педагогической психологии, целью которого является формирование личности, готовой активно влиять на существующую действительность, изменяя ее к лучшему.

К сожалению, ранние проявления одаренности еще не определяют будущих возможностей человека. По статистике у большей части детей, которые на ранних этапах детства проявляли признаки одаренности, с возрастом происходит выравнивание ускоренного темпа развития [4]. Поэтому изучение особенностей познавательных процессов одаренных детей младшего школьного возраста призвано помочь создать комфортную образовательную среду для одаренных детей с целью сохранения и развития их потенциала.

Понятие одаренности в настоящее время не имеет единого общепризнанного определения. Наиболее распространенным является определение ведущего психолога в современной трактовке проблемы одаренности немецкого психолога В. Штерна, который определяет одаренность как общую способность индивида сознательно ориентировать свое мышление на новые требования, а также общую способность психики приспосабливаться к новым задачам и условиям жизни [2]. По другому определению, одаренностью называется наличие у ребенка врожденных особенностей, являющихся предпосылкой развития его выдающихся способностей. Практически об одаренности судят по высокому уровню развития способностей [1].

Детская одаренность характеризуется сложной и многомерной структурой. В одаренности различают общую одаренность и ее специальные виды. Под специальными видами одаренности подразумевают высокий уровень развития какой-нибудь отдельной способно-

сти, который не обязательно связан с высоким общим развитием личности. Систематизация видов одаренности определяется как качественным, так и количественным аспектом [3]. Качественные характеристики одаренности выражают специфику психических возможностей человека и особенности их проявления в различных видах деятельности. В то же время раннее выявление детской одаренности не гарантирует таких же высоких результатов на последующих этапах развития личности.

Младший школьный возраст – это очень важный период в жизни человека. В это время происходит не только бурное физическое развитие ребенка (растут и укрепляются кости, формируется осанка, нарастает мышечная масса), но и в процессе учебной деятельности происходит развитие познавательных процессов. Если в начале регулярного школьного обучения познавательные процессы ребенка характеризуются произвольностью, то к окончанию периода они становятся произвольными. Так же уменьшается значимость наглядных образов и возрастает значение абстрактных понятий.

Целью проведенного исследования было изучение особенностей познавательных процессов одаренных детей младшего школьного возраста.

Описываемое исследование проводилось в МБОУ начальная школа № 30 г. Сургута в два этапа. На подготовительной стадии был проведен опрос классных руководителей с целью выявления детей, имеющих признаки одаренности, затем каждого из этих учащихся оценивала экспертная комиссия в следующем составе: родители ребенка, классный руководитель, учитель физической культуры, учитель музыки. Таким образом, из общего количества детей для дальнейшего исследования мы отобрали группу из 16 учащихся. Контрольную группу составили 16 учащихся, у которых экспертной группой признаков одаренности выявлено не было. Чистоту эксперимента нам обеспечивали равный возраст участников, равное их количество и одинаковые условия проведения психодиагностики.

Для исследования познавательных процессов детей младшего школьного возраста нужно большое количество психодиагностических методик. Это позволяет экспериментатору получить более развернутую картину, хотя говорить о том, что данных методик достаточно для полного исследования когнитивной сферы, нельзя.

Исследуя внимание, мы исследовали такие его свойства, как концентрация, устойчивость, объем, распределение, производительность внимания и точность. Исследуя восприятие младших школьников, мы изучали его объем. Память детей изучали по методике заучивания 10 слов А. Р. Лурия. Мышление младших школьников изучали при помощи прогрессивных матриц Равена (цветной вариант для детей). Полученные данные представлены ниже в табл. 1–5.

Сравнив обе выборки при помощи U-критерия Манна – Уитни, мы получили следующее: $U_{эмп} = 74.5$. Данный показатель попадает в зону значимости, поэтому можно говорить, что для этих групп детей справедливо утверждение о большем объеме восприятия одаренных детей в сравнении с их сверстниками.

Для сравнения результатов, полученных в двух группах, был проведен статистический анализ результатов при помощи U-критерия Манна – Уитни. Этот критерий удобен для оценки различий в значении параметра между малыми выборками. В качестве первой выборки мы использовали показатели одаренных детей, в качестве второй – показатели контрольной группы.

К сожалению, не все полученные нами данные можно проанализировать при помощи этого критерия, некоторые результаты мы можем оценить лишь путем простого сравнения результатов.

Статистический анализ. Объем внимания. $U_{эмп} = 2.5$ попадает в зону значимости. То есть мы можем говорить о том, что для данной группы одаренных детей справедливо утверждение, что их объем внимания больше, чем у их сверстников из контрольной группы.

Производительность. $U_{эмп} = 45$. Этот показатель попадает в зону значимости, что свидетельствует о том, что производительность внимания одаренных детей выше в сравнении с их сверстниками из контрольной группы.

Точность. Уэмп = 312. Показатель попадает в зону незначимости. Таким образом, можно говорить о том, что одаренные дети выполняют задание более точно, чем их сверстники, мы не можем.

Таблица 1

Исследование внимания одаренных детей

№ п/п	Исследование концентрации и устойчивости внимания, мин	Исследование объема внимания младших школьников	Проба Бурдона		Изучение распределения внимания
			Продуктивность (количество знаков/мин)	Точность выполнения	
1	3,5	8	54	0,7	2
2	2	9	60	0,9	3
3	2	10	45	1	4
4	2,5	9	67	0,7	4
5	1,5	9	53	0,8	3
6	1,5	9	50	0,7	5
7	3	8	55	0,7	6
8	2,5	10	67	0,7	3
9	2	9	54	0,9	3
10	3	8	61	0,7	3
11	3,5	8	43	0,8	4
12	3	8	47	0,8	4
13	2	8	55	0,8	6
14	2,5	8	57	0,7	7
15	3	10	45	0,9	7
16	2	9	53	0,7	5

Таблица 2

Исследование внимания в контрольной группе детей

Испытуемый	Исследование концентрации и устойчивости внимания, мин	Исследование объема внимания младших школьников	Проба Бурдона		Изучение распределения внимания
			Продуктивность (количество знаков/мин)	Точность выполнения	
1	5	7	35	1	2
2	4	6	43	0,8	3
3	3	5	24	0,6	4
4	7	7	30	0,7	4
5	6	6	45	0,9	3
6	6	5	46	1	5
7	5	5	64	0,8	6
8	4	5	34	0,7	3
9	3,5	6	23	0,8	3
10	5	4	35	0,7	3
11	3	5	34	0,6	4
12	2,5	5	44	0,7	4
13	7	5	51	0,9	6
14	6,5	6	24	1	7
15	3	7	25	0,7	7
16	4	7	27	0,8	5

Таблица 3

Восприятие младших школьников

Одаренные дети		Контрольная группа	
Испытуемый	Объем восприятия	Испытуемый	Объем восприятия
1	7	1	7
2	9	2	6
3	6	3	5
4	8	4	7
5	9	5	6
6	9	6	5
7	7	7	5
8	6	8	5
9	8	9	6
10	8	10	4
11	8	11	5
12	8	12	5
13	9	13	5
14	10	14	6
15	7	15	7
16	5	16	7

Таблица 4

Исследование памяти одаренных детей

№ п/п	1 повтор	2 повтор	3 повтор	4 повтор	5 повтор	6 повтор
1	6	8	9	10	10	10
2	7	9	10	10	10	10
3	9	10	10	10	10	10
4	6	7	10	10	10	10
5	7	8	10	10	10	10
6	5	8	10	10	10	10
7	6	9	10	10	10	10
8	7	10	10	10	10	10
9	6	9	10	10	10	10
10	6	8	10	10	10	10
11	7	8	10	10	10	10
12	9	9	10	10	10	10
13	6	8	10	10	10	10
14	7	9	10	10	10	10
15	5	10	10	10	10	10
16	6	7	10	10	10	10

Нами был получен результат: $U_{эмп} = 54$. Данный показатель попадает в зону значимости. То есть мышление одаренных детей развито в большей степени, чем у их сверстников, что и подтверждает наше исследование для данных групп детей.

Статистический анализ позволяет нам говорить, что для данных групп младших школьников верно, что:

- объем внимания одаренных детей больше;
- производительность внимания одаренных детей выше;
- объем восприятия одаренных детей больше;
- мышление одаренных детей развито в большей степени, чем у их сверстников из контрольной группы.

В то же время говорить о том, что одаренные дети выполняют задание более точно или обладают более развитой памятью, чем их сверстники, мы не можем. То есть это утверждение может быть верным в частных случаях, но не является верным для всех детей данных групп.

Таблица 5

Мышление младших школьников

Одаренные дети		Контрольная группа	
Испытуемый	Общий балл	Испытуемый	Общий балл
1	32	1	28
2	33	2	29
3	34	3	30
4	36	4	31
5	33	5	32
6	34	6	30
7	33	7	31
8	35	8	36
9	33	9	30
10	30	10	30
11	33	11	27
12	32	12	28
13	34	13	30
14	30	14	31
15	32	15	35
16	30	16	31

Проведенные нами исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Познавательные процессы детей младшего школьного возраста находятся в прямой зависимости от процесса обучения. Кроме того, большое значение для развития познавательных процессов в этом возрасте имеет наглядность.

2. Одаренные дети – это дети, которые имеют особые образовательные потребности. Одаренность понимается как своеобразное сочетание способностей, от которых зависит возможность достижения успеха в выполнении какой-либо деятельности. Понимание одаренности при этом зависит от того, какое значение придается тем или иным видам деятельности и что понимается под успешным выполнением каждого конкретного вида деятельности.

3. Чем раньше будет выявляться детская одаренность, тем раньше обучение и воспитание будет направлено на развитие талантливых детей, что составляет одну из главных проблем совершенствования системы образования. Каким бы одаренным ребенок ни был, его нужно учить. Важно приучить детей к усидчивости, труду, самостоятельности в принятии решений. Одаренный ребенок развивается несколько иначе, он не терпит давления, притеснений, окриков, что может вылиться в проблему в период регулярного школьного обучения. В то же время огромная нагрузка ребенка, намного большая, чем у его сверстников, позволит создать обстановку для целенаправленного и планомерного развития талантов.

Исследования, подобные тому, которое было проведено, необходимы для более полного изучения психологических особенностей одаренных детей. В то же время, без создания для одаренного ребенка комфортной образовательной среды, соответствующей его особым образовательным потребностям, признаки одаренности могут выравниваться. Это одна из причин, по которой число вундеркиндов значительно превосходит число зрелых талантов. Создание условий для оптимального развития младших школьников на уроках и во внеурочное время позволит сохранять и совершенствовать особые способности ребенка.

Литература

1. Елисеев А. П. Практикум по психологии личности. 2-е изд. СПб. : Питер, 2010. 569 с.
2. Штерн В. Умственная одаренность: Психологические методы испытания умственной одаренности в их применении к детям школьного возраста / пер. с нем. СПб. : Союз, 1997. 128 с.
3. Шумакова Н. Б. Обучение и развитие одаренных детей. М. : Изд-во МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2004. 336 с.
4. Юркевич В. С. Одаренный ребенок: иллюзии и реальность. М., 1996.

УДК 392(=571.1):17.02

Сподина В. И.
Spodina V. I.

РАЗУМНОСТЬ, МУЖЕСТВО И ЧЕСТЬ В НРАВСТВЕННОМ ОПЫТЕ ОБСКИХ УГРОВ И САМОДИЙЦЕВ

INTELLIGENCE, COURAGE AND HONOUR IN MORAL EXPERIENCE OF OB UGRIANS AND SAMOYEDS

Нравственность представляет собой сдерживающую силу от любых проявлений не этикетного поведения (этичное поведение). Всё многообразие этических знаний сводится к моральным понятиям, суждениям и нормам, отображённым в мифах, пословицах, запретах, устойчивых формульных выражениях, которые составляют моральный опыт каждого народа. В представленной статье рассмотрены разумность, мужество и честь как важные моральные принципы нравственного сознания. Изложение материала в статье построено по принципу противопоставления (рассудительность – непонимание, болтливость, хвастовство, зазнайство; мужество – трусливость; честь – бесстыдство, ложь, предательство, двуличность, распущенность), что позволяет точнее отличить нравственное от безнравственного.

Ключевые слова: обские угры и самодийцы, традиционная культура, нормы сексуального поведения, распущенность, нравственность.

Разумность Б. Х. Бгажноков определяет как «способность нравственно аргументированного мышления и поведения, разумным может быть признан лишь человек с выраженной социальной нравственной ориентацией ума» [1, с. 30]. Ханты считали, что люди, следующие нравственным принципам своей культуры, даже «плохих мыслей не имеют» (*атэм номэс йнт т'йэйл*, каз. хант.). В качестве оберега от человека с недобрыми мыслями манси клали у порога дома небольшое точило (*тйвталап*) и оселок (*лэстан*), считая, что через них не пройдёт *люль номтың хётпа* 'человек со злым умыслом' [11, с. 103].

С толкованием разумности связана проблема правильного и неправильного понимания. Слово «понимание» в данном контексте используется «с этическим акцентом, как нравственное понимание, свойственное человеку умному, проницательному и одновременно доброму, склонному к нравственным поступкам» [1, с. 31]. С людьми, у которых отсутствует нравственное понимание, сложно поддерживать контакт. К такой категории ханты, манси и ненцы относят молчаливых, «закрытых» людей (*илта улты хойат* 'скрытый', букв.: скрытно живущий человек, каз. хант.; *манк чётта* 'закрытый, вечный', аг. хант.) [4, с. 37]. «Закрытый» человек сам в себе, отгородившийся от окружающего мира. «Ты у него что-то спраши-

ваешь, вытягиваешь на разговор, а он никак не желает отвечать. От такого общения душа ломится» [П. Я. Айваседа, пос. Варьёган. 2003]. Людей с отсутствием нравственного понимания ханты и ненцы не считают плохими, они просто другие, живут для себя. Ненцы их сравнивают с недоступной вершиной (*мал*), к которой не доносятся чужие проблемы. Они зла другим не делают, «просто они такие».

С представлением о рассудительности связано чувство меры. Человек, лишённый меры, как считают ненцы, только о себе думает – «(свою) сторону делает» (*нянымта патилдя*). При дележе добычи, рыбы или чего-либо другого в свою сторону непременно больше положит [14, с. 235–236]. С отсутствием меры соотносится и такая черта человека, как болтливость. Если собеседник переходит границы разговорчивости (*нямпада* ‘приветливый’), то лесные ненцы о нём скажут: «рот (его) как огонь» (*нянтаици тулжа*), а приуральские ханты подчеркнут, что он хочет их «разговором накормить» (*потарна лапаты*), то есть «болтает попусту».

К нарушению чувства меры относятся хвастовство и зазнайство, которые проявляются в излишнем восхвалении своих достоинств, успехов и прочих качеств. Хвастливый человек (от *наллами* ‘хвастать’, лесн. нен.; *шикашты хойат* ‘хвастливый человек’, ‘хвастун’, шур. хант.) специально восхваляет, преувеличивает какие-либо свои качества с целью выделиться среди других людей, получить их одобрение. П. Я. Айваседа приводит определение хвастливого человека как *мысымпёта* (от *мысыпёш* ‘намазывать (на что-либо)’, лесн. нен.). Тегинские ханты скажут про хвастуна, болтающего попусту: *йпэл вйслэп ас лирли-хэрли вишлале* (букв.: дырой его рта реку Обь без весла-лодки переплывает) [7, с. 170].

Мужество, как важное нравственное качество, позволяет человеку преодолевать страх, боль, стойко переносить невзгоды судьбы, действовать решительно в опасных ситуациях. В традиционной культуре сформировалось уважительное отношение к смелому, отважному человеку, у которого «сердце крепкое» (*шейта мыттю*). Смелый человек уверен в себе, сохраняет самообладание в любых ситуациях, не боится действовать, стойко переносит все невзгоды и трудности. Про таких людей ненцы говорят: «у него стойкий характер» (*пытта” манилсата мыттю*, букв.: у него видение твёрдое), она стойко переносит трудности (*пытта” чок шелу’та нелдиут мытамана нуца*, букв.: она перед бедами твёрдо стоит) [2, с. 41]. Мансийская пословица наставляет: «Если среди смелых растёшь, сам будешь смелым».

Негативными характеристиками наделён трусливый человек (*шейта тяпта* ‘сердце (его) тонкое’, лесн. нен.). Внутреннее состояние страха, возникающее в результате реальной или воображаемой опасности, угрожающей жизни человека, его ценностям, знаком каждому человеку. В обско-угорских и самодийских языках боязнь передаётся, как правило, фразеологизмами со словом «сердце»: *сәтәт рйја јоҗтәс* ‘я испугался’ (букв.: сердце моё в зад ушло, хант.), *simem roxtäs* ‘я боюсь’ (букв.: сердце испугалось, манс.), *мань шетяй катя* ‘сердце моё ушло’ (лесн. нен.). В ненецкой разговорной речи присутствует и более экспрессивная характеристика состояния страха – «до того испугалась, что ссать захотела» (*шейти катя тьявшетям тоңа*), «до того испугался, что даже срать захотелось» (*шейти катя палжашетям шейти катя*, букв.: испугался, что даже говно идёт) [2, с. 60]. Это очень сильная отрицательная эмоция, которая может оправдывать поведение человека в каждом конкретном случае. Поэтому резко негативного отношения к струсившему, боязливому человеку в традиционной культуре не выявлено. Состояние сильного волнения, страха не характеризует человека ни с отрицательной, ни с положительной стороны. Скорее такое состояние человека подвергается высмеиванию: «пугливый, как заяц» (*шейта кайту толашата талям*), «он заячье сердце съел» (*шейта тя’пта толаша’та шейң найма*, букв.: сердце тонкое заячье сердце съело), «трусливому человеку из собачьей чашки нужно есть» (*шейта тя’пта вэн кычаха’та намуджата*) [2, с. 50, 55]. Манси также высмеивают трусливого человека: *Туп ләглаге щёприн тотыгпәлым пәтырматас* ‘Только ноги до затылка долетали’ (до того бежал, что вмиг скрылся из виду) [Устное сообщение М. В. Кумаевой. Ханты-Мансийск. 2009]. В отдельных ситуациях, считают ненцы, любой человек может «допустить слабинку и не совершить героического поступка».

Честь – понятие морального сознания и категория этики. Словарь философских терминов определяет честь как «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души» [12, с. 673]. Хантыйское нравоучение гласит: «В сердце зла не держи ни на кого. Оставь после себя добрые слова и дела. В конце жизненного пути скажи: “Я прожил свою жизнь достойно: никому не причинил зла, никого не оскорбил и не проклял”» [6, с. 62, 83]. В качестве высшей степени нравственности в традиционной культуре используются высказывания типа: «смотреть белым (честным) лицом’ (*нови веин ватты*), ‘встретиться белыми (честными, чистыми) лицами’ (*нови веин уйтантыты*). Честность как чувство нравственной ответственности за своё поведение перед окружающими людьми – высоко ценимое качество человека в традиционной культуре. Не случайно мансийская поговорка поучает, что «правдивое слово дороже важеньки».

Понятие чести неотделимо от чувства совести. «В практическом сознании, – отмечает Б. Х. Бгажноков, – совесть выполняет роль «датчика», фиксирующего нравственные параметры и ориентиры собственных поступков, действий, образа жизни в целом» [1, с. 43]. Для человека без совести обман и предательство обычное дело. По отношению к лгуну могут использоваться бранные выражения типа: *пуйн ул консэлн* ‘задницу не чеши’, т. е. не ври, не сочиняй, не выдумывай, не сплетничай или *мацкын* ‘жопа твоя (копчик)’ – о человеке, которого уличают во вранье, обмане [Устное сообщение Т. Д. Слинкиной. Ханты-Мансийск. 2015]. Лгуна манси сравнивают с берестой, которая вертится на огне. Отрицательное отношение было к обманщику и у лесных ненцев, хотя наш информант П. Я. Айваседа сразу такого слова не нашёл. Как правило, ненцы констатируют действие: «обманул меня» (*тымпына ши’ий*).

Предательство особо осуждалось в традиционном обществе. Предатель характеризуется как «два лица (имеющий)» [*шича шата*, лесн. нен.; *кйтвенишун*, каз. хант.]. Такой человек «определённого слова не имеет» (*ненату вашата тикү*), в смысле ненадёжный. Его не боятся, но не любят и не уважают, обходят стороной. В целом же число два лежит в основе распространённых бинарных оппозиций «верх-низ», «добро-зло», «мужское-женское», «небо-земля», «день-ночь» и др. и символизирует не только парность, двойственность, близнечество, но и опасность. Хантыйское прозвище человека нечестного в делах, как «двуличный человек», означало, что он одновременно служит и добру, и злу, а значит, находится в пограничном состоянии между земным миром и потусторонним. Данная ситуация применительно к человеческому бытию может трактоваться как опасная неопределённость. На двуличного человека нельзя положиться, ему нельзя доверять, он не боится последствий, связанных со своими действиями.

В традиционной культуре коренных народов Севера понятие чести неотделимо от норм сексуального поведения мужчины и женщины. Следует отметить, что интимная сфера была достаточно табуирована. Весьма распространённым в хантыйской культуре является выражение со значением «искать вшей у кого-либо», что, по мнению А. И. Кузнецовой, означало «вступать в интимные отношения» [5, с. 278]. В мифологии ненцев приглашение «сесть на подол ягушки» расценивалось как намерение обладать женщиной. Дурным тоном для женщины считалось «сесть на нарту незнакомого мужчины» [3, с. 142, 250].

Похотливость (*ха’т* от *ха’тал* ‘тетерев’) оценивалась традиционным обществом как бесчестное поведение. В хантыйском языке содержится эмоционально окрашенный фразеологизм, характеризующий людей, ведущих сексуально аморальный образ жизни (*сот оры нусы яха тылттыт* ‘сто женских хвостов вместе стянув’) [10, с. 34]. Чрезмерно гулящего мужчину сравнивают с быком (*хор*, хант.; *кода*, лесн. нен.). Такое сравнение в данном контексте означает чрезмерную сексуальность. Про бабника, распутника ханты скажут: «*Нюр вантэмэн, вохантты хор иты, хот мухалая яңхэл*» – «Смотрю, ходит вокруг дома, как самец у которого гон» (волокита) [13, с. 35]. Манси охарактеризуют распутную женщину как *сэмыл пѳсар* ‘(ты и есть) чёрная гулящая женщина’ (чёрная = гуляющая «по-чёрному») или *сэмыл нѳн* ‘(ты и есть) чёрный женский половой орган’ [Устное сообщение Т. Д. Слинкиной. Ханты-Мансийск. 2015]. Даже если при создании семьи человек был нелюбимым (*самл-*

номсал ант мостыт, букв.: сердцу-мыслям ненужный) [10, с. 101], это всё равно не оправдывало супружескую измену.

Традиционная культура стояла на защите моральных устоев, поэтому было важно как можно шире осудить негативные поступки и черты характера человека. Среди юганских хантов существует поверье, что раз в жизни перед человеком может открыться небесная дверь. Если человек совершал много плохих поступков, то дверь сразу же и закрывается, а если совершал хорошие поступки, жил по совести, то голос спросит о его желаниях. «Нужно отвечать: мясо, пушнину, семью, детей, здоровье. Всё это обозначает для хантов основные жизненные ценности: удача в промыслах и в продолжении рода» [8, с. 271].

Таким образом, в традиционной культуре разумность появляется в практической направленности, понуждая человека к совершению нравственных поступков, и соотносится с чувством меры. Чрезмерным считается всё, что нарушает «этически выдержанное равновесие социальных практик» (по Б. Х. Бгажнокову) – болтливость, хвастовство, зазнайство, распущенность. В традиционном мировоззрении обских угров и самодийцев акцентируется внимание на несоблюдении норм сексуального поведения. Похотливость осуждалась многочисленными эмоционально окрашенными фразеологизмами, при этом женщина порицалась в большей степени, нежели мужчина, хотя нормам табуированного поведения, обусловленного обычаем избегания, должны в одинаковой степени следовать и мужчины, и женщины.

В перечне моральных принципов, определяющих поведенческие характеристики человека, мужество (самообладание, стойкость в различных жизненных ситуациях) не является ярко выраженным моральным качеством человека. Положительное отношение к проявлению мужественности проявляется в порицании и высмеивании трусости, спусковым механизмом которой является страх. При этом чувство страха зачастую служит оправданием поступков струсившего человека и не имеет отрицательных характеристик.

Литература

1. Бгажноков Б. Х. Антропология морали. Нальчик : Издат. отд. КБИГИ, 2010. 128 с.
2. Гизатуллина Ф. А. Национально-культурная специфика образа человека (на материале ненецкого языка) : рукопись диплом. работы. Ханты-Мансийск, 2013. 87 с.
3. Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 344 с.
4. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты). Екатеринбург : Баско, 2011. 208 с.
5. Кузнецова А. И. Отражение народных обычаев и верований в самодийских языках и фольклоре (по селькупским и ненецким материалам) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2001. С. 276–279.
6. Лонгортова В. П. «Шүньэм – Шя́ња йб́хан» «Моё вдохновение – Сыня река». Салехард : Красный Север, 2011. 128 с.
7. Рябчикова З. С. Соматическая лексика хантыйского. Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2012. 264 с.
8. Салымский край : науч.-худож. изд-е. Екатеринбург : Тезис, 2000. 344 с.
9. Серасхова М. Е. Хантыйские фразеологизмы-соматизмы в лингвокультурологическом аспекте (на материале приуральского диалекта) // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации : материалы IV всерос. конф. финно-угроведов. Ханты-Мансийск : Инф.-изд. центр ЮГУ, 2009. С. 127–130.
10. Серасхова М. Е. Классификация фразеологизмов на материале приуральского диалекта (усть-собского говора) // Материалы V науч.-практич. конф., посвящ. памяти и 155-летию со дня рождения А. А. Дунина-Горкавича. М. : Тип. «СhearСору», 2010. С. 33–34.
11. Слинкина Т. Д. Мансийские оронимы Урала. Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2011. 480 с.

12. Словарь философских терминов. М. : ИНФРА-М, 2010. 731 с.
13. Соловар В. Н., Молданова Е. С. Номинации человека по внутренним параметрам (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник урведования. 2011. № 3 (6). С. 33–37.
14. Сподина В. И. Отношение к негативным моделям поведения в традиционной культуре коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Россия – Азия: Механизмы сохранения и модернизации этничности. Вып. 3. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. С. 235–236.

УДК 378.018.43:004

*Ставрук М. А., Ибатова А. З.
Stavruk M. A., Ibatova A. Z.*

**О РОЛИ ЛИНГВО-ГУМАНИТАРНОГО И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ
В ИННОВАЦИОННОМ ПРОЕКТЕ «КАМПУС-ЮГРА»**

**ABOUT THE LINGUISTIC-HUMANITIES AND HISTORICAL-CULTURAL
SCIENTIFIC-EDUCATIONAL CLUSTERS' SIGNIFICANCE IN THE
INNOVATIVE PROJECT "CAMPUS-UGRA"**

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы создания лингво-гуманитарного и историко-культурного научно-образовательных кластеров в рамках проекта «Кампус-Югра». Представлен анализ целеполагания для создания данного кластера в системе высшего образования ХМАО – Югры.

Ключевые слова: лингво-гуманитарный кластер, историко-культурный кластер, проект «Кампус-Югра», высшее образование ХМАО.

Инновационный проект «Кампус-Югра», разработанный в Ханты-Мансийском автономном округе в 2014 г., является плацдармом для разработки новых образовательных программ и технологий. Главная задача кампуса – создание сильного компонента научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в вузе, выстраивание тесных институциональных связей с инновационной системой региона и реального сектора экономики, развитие исследовательской инфраструктуры. Определенный шаг движения в этом направлении мы видим в создании новых и совершенствовании уже существующих научно-исследовательских и образовательных структур университета.

Научно-проектный центр “Campus-Ugra” – не только центр инновационного экономического развития региона посредством концентрации в нем интеллектуального потенциала и современной научно-образовательной инфраструктуры, и их приближения к потребностям регионального бизнеса, это плацдарм и центр сосредоточения молодежных инициатив, в том числе творческих [2]. Идеология развития округа связана с инновациями и высокими технологиями, что предполагает создание благоприятных условий для образовательной и профессиональной самореализации личности, является одним из важнейших факторов достижения целей и задач промышленно-инновационного развития. При условии реализации всей совокупности предполагаемых компонентов социального, промышленного, экономического, научного и других сфер развития, с учетом поддержки и обеспечения инновационного экономического развития региона посредством концентрации в нем интеллектуального потенциала и современной научно-образовательной инфраструктуры [3].

Для достижения этих целей необходимо помнить, что благополучие человека зависит не только от материального состояния людей, но также и от уровня нравственности, от уровня взаимоотношений между людьми, от уровня культуры. Культура в самом широком смысле слова есть не что иное, как процесс, в котором человек ищет смысл своего существования, изменяет себя и мир [1]. Идеология развития округа должна включать в себя мощный социально-культурный компонент, предлагающий лучшие стандарты жизни и равные условия для реализации внутреннего творческого потенциала и культурных запросов социума. Создание лингво-гуманитарного и историко-культурного научно-образовательных кластеров в проекте «Кампус-Югра» направлено на то, чтобы сделать образовательную среду округа более привлекательной для потенциальных студентов и высокоинтеллектуальных научно-педагогических кадров.

Цель создания лингво-гуманитарного научно-образовательного кластера: высококачественная подготовка молодых специалистов и специалистов высшей квалификации в гуманитарной сфере на основе интеграции российского и зарубежного опыта, использование научно-педагогического потенциала для научных исследований в гуманитарной сфере; разработка новых программ, технологий и методов, развивающих и объединяющих научные исследования и учебный процесс, методическое обеспечение образовательного процесса, развитие международного сотрудничества в сфере науки и образования.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих важных задач: 1) развитие и проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научно-исследовательских работ в области гуманитарных наук; 2) обеспечение взаимодействия науки с образовательным процессом на всех его стадиях и повышение уровня учебно-методической работы; организация эффективного взаимодействия с вузами-партнерами России и зарубежных стран; 3) осуществление международного сотрудничества в области гуманитарных наук и образования путём выполнения контрактов, участия в работе международных конференций, организация международного обмена сотрудниками, студентами и молодыми учёными с профильными университетами и институтами, международными научными и образовательными организациями и фондами; 4) проведение научно-практических конференций студентов, аспирантов, молодых учёных, мастер-классов и выставок, разработка и практическая реализация мер по мотивации талантливой молодёжи для профессиональной карьеры в области гуманитарных наук и образования.

Лингво-гуманитарный научно-образовательный кластер включает две сферы деятельности: научную и образовательную. Основные направления *научной деятельности*: проведение научных конференций и семинаров по проблемам внедрения новых образовательных технологий обучения студентов; проведение консультаций для студентов, преподавателей и сотрудников для участия в международных грантовых программах и проведению поисковых, научно-исследовательских работ с зарубежными партнерами; проведение мониторинга. Кластер предлагает несколько видов *образовательных услуг*: проведение семинаров и методических тренингов; разработку материалов для проведения городских и региональных олимпиад для студентов и школьников; разработку и внедрение образовательных программ обучения для представителей разных социальных групп: участников международных олимпиад и конференций, аспирантов и магистрантов, людей с ограниченными возможностями; преподавание ускоренных спецкурсов для дипломированных специалистов; организацию зарубежных стажировок для студентов и преподавателей в вузах-партнерах; преподавание иностранного языка для подготовки к экзаменам на получение международных сертификатов.

Для реализации данного комплекса задач необходимо выполнить *комплекс мер*, таких как: 1) приобщение студенческой молодежи и жителей города к культурным ценностям; 2) привлечение все большего числа жителей округа к творчеству и искусству как особому виду деятельности; 3) содействие реализации проектов творческого направления; 4) активизацию прямых контактов творческой студенческой молодежи, общественных организаций, жителей округа с российскими и международными организациями сферы культуры и искус-

ства; 5) обеспечение поддержки и стимулирования творческих проектов студенческой молодежи и жителей города в области культуры и искусства; 6) содействие созданию сети креативных площадок, платформ, кластеров, творческих лабораторий в сфере культуры, способных восполнить вакуум в сфере свободного времяпрепровождения; 7) формирование новых и сохранение, развитие и модернизацию существующих творческих объединений: любительских театров, любительских хореографических коллективов и т.д. (табл. 1).

Таблица 1

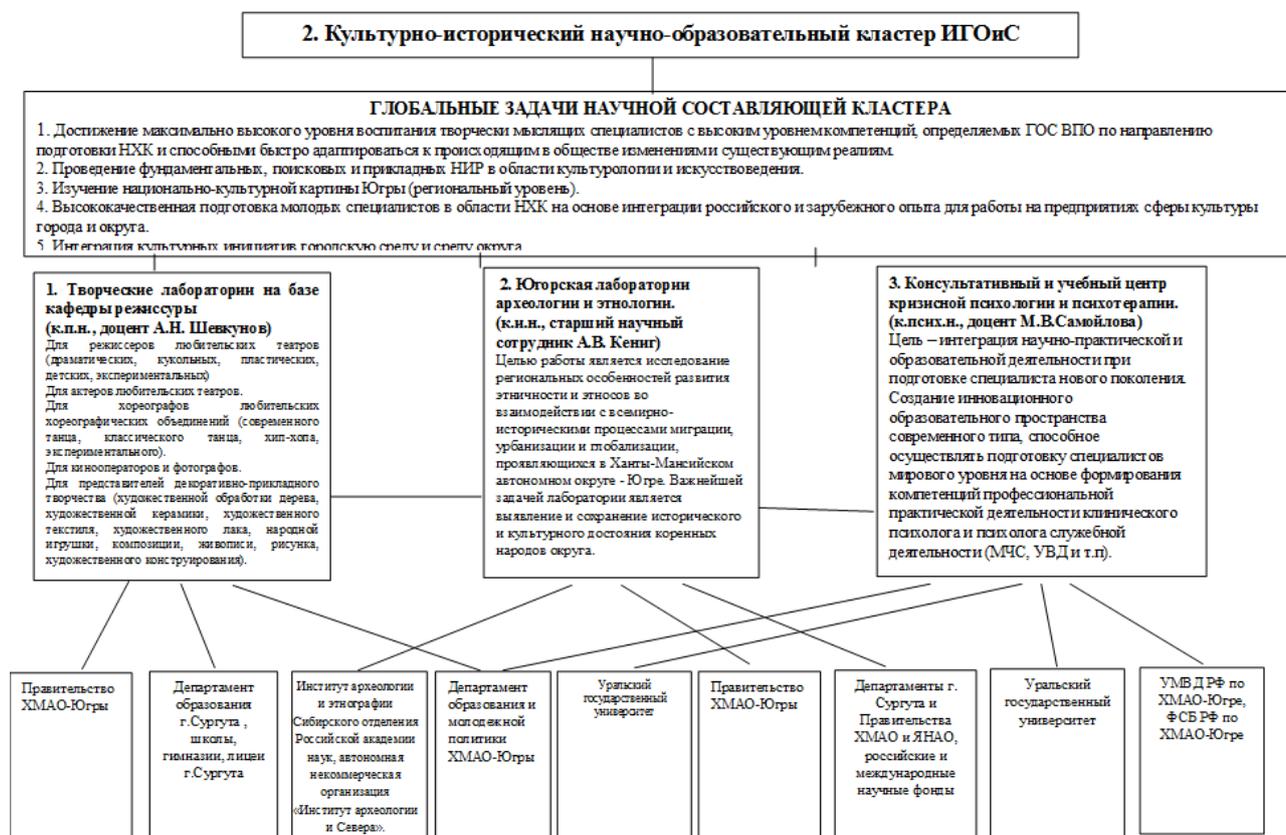

Речь идет о формировании *благоприятной культурной среды* в «Кампусе-Югра», что предполагает: совершенствование видов и форм культурной деятельности; развитие социально-культурных технологий в соответствии с современными культурными запросами общества; расширение сети площадок для реализации культурно-творческих проектов студенческой молодежи; внедрение инновативных форм искусства и проведения культурных событий; активизация деятельности всех видов и форм внеучебной деятельности студентов в области культуры и искусства; организация и поддержка гастрольной, фестивальной и выставочной деятельности, расширение внешне- и внутриуниверситетского культурного обмена, проведение и расширение географии культурных мероприятий; стимулирование интереса студенческой молодежи к чтению, литературному, историческому и культурному наследию; создание условий для равного доступа молодежи и других категорий жителей г. Сургута и ХМАО – Югры к культурным благам, услугам, образованию в сфере культуры и выравнивания возможностей участия в культурной жизни независимо от уровня доходов, социального статуса, национальности и места проживания.

Историко-культурный научно-образовательный кластер создан с целью проведения научных исследований в области историко-культурного наследия – основная составляющая общих материальных и духовных ценностей народа, его сохранение имеет большое значение для полноценного развития отдельного региона и укрепления социально-политического единства страны в целом, обогащения национальной и общечеловеческой культуры. Государственная охрана объектов культурного наследия является важным направлением в соци-

альной и культурной политике современного общества. Югра имеет многовековую историю, которая тесно связана с историей Сибири и является неотъемлемой частью истории Российского государства. Сегодня на территории нашего округа выявлено более 5 000 объектов культурного наследия, 95 % из них составляют памятники археологии. Значительный исторический потенциал представляет культура коренных народов Югры. Невозможно переоценить роль Югорской земли в присоединения Сибири к Российскому государству в XVI–XVII вв. Не исключение и промышленная история края, начавшаяся во второй половине XX в. С 2002 г. в округе проводится один из престижных международных форумов – Международный Северный археологический конгресс, который в четвертый раз пройдет в городе Ханты-Мансийске в октябре 2015 г. Это мероприятие имеет живой интерес и востребованность со стороны Российских и зарубежных ученых (табл. 2).

Таблица 2

ХМАО – Югра – это полиэтничный, поликонфессиональный регион, имеющий свою самобытную тысячелетнюю историю. Основным источником информации об истории и культуре этой территории остаются археологические и этнологические исследования. Таким образом, археологическое наследие округа является одним из важнейших источников для изучения этнокультурной истории, межкультурного взаимодействия, расселения, интеграции народов северных окраин Евразии в состав Российского государства. В настоящее время необходимо активизировать научные контакты археологов, ведущих исследование древностей средневековья – раннего нового времени к западу и востоку от Урала [4, с. 189].

Развитие научных археологических исследований нашего региона ставят насущную потребность включение результатов этих исследований в широкий общественный оборот и использование их в образовательном процессе и социокультурном пространстве округа, поскольку большая часть информации о проводимых исследованиях не доходит до широкой общественности и не включена ни в научный оборот, ни в образовательные программы.

Кроме этого, на территории округа ведется широкомасштабное промышленное освоение, связанное с разработкой нефтегазовых месторождений. Согласно действующему законодательству до начала строительных работ, территории предполагаемого строительства должны быть обследованы на предмет наличия объектов археологического наследия (историко-культурная оценка территории). А в случае если в зоне строительства оказался объект археологии, должны быть проведены противоаварийные археологические раскопки. В настоящее время тысячи квадратных метров территорий археологических памятников находятся в зонах хозяйственной деятельности и подвержены угрозе уничтожения, поэтому существует огромная потребность в организации и проведении археологических работ в зонах промышленного освоения. Однако отсутствие профессиональных кадров в этой сфере, не удовлетворяет запросам и масштабам необходимых работ.

Учитывая все вышеизложенное, в 2014 г. между Сургутским государственным университетом и Институтом археологии и этнографии СО РАН было подписано соглашение о сотрудничестве, в рамках которого было создано совместное научное подразделение Института гуманитарного образования и спорта СурГУ и ИАЭТ СО РАН – Югорская лаборатория археологии и этнологии. *Направления деятельности* лаборатории следующие: 1) проведение совместных работ по выявлению, обследованию и изучению объектов историко-культурного наследия; 2) организация и проведение совместных научно-исследовательских экспедиций в области археологии, этнологии и истории; 3) выполнение совместных работ по историко-культурной экспертизе и историко-культурным изысканиям на землях, отводимых под хозяйственную деятельность; 4) проведение инвентаризации и мониторинга состояния объектов культурного наследия и земель историко-культурного назначения; 5) разработка карт-схем расположения объектов культурного наследия, историко-архитектурных и археологических опорных планов, проектов охранных зон, зон регулирования застройки и зон охраняемого ландшафта; 6) выполнение работ по реконструкции и музеефикации объектов культурного наследия; 7) проведение научно-исследовательских и аварийно-спасательных археологических работ на объектах культурного наследия; 8) научно-исследовательские работы в области этнологии и истории; 9) реализация совместных издательских проектов, направленных на популяризацию наследия древних и традиционных обществ; 10) разработка научно-методического и справочного аппарата в сфере сохранения и использования объектов историко-культурного наследия; 11) проведение работ по консервации и реставрации объектов и предметов историко-культурного наследия; 12) обмен научной литературой и другие виды научной деятельности; 13) развитие инновационных технологий поиска, охраны, и использования археологических и этнографических объектов Север-Западной Сибири; 14) развитие естественнонаучных и геоинформационных методов изучения археологических полигонов, комплексное обследование всех видов природно-исторических объектов и научная экспертиза земель; 15) междисциплинарный синтез и комплексное изучение археологических и этнографических объектов; 16) развитие и внедрение инновационных методов в области полевой охранной археологии; 17) экспериментальная археология и этноархеология.

Дальнейшее развитие археологических и этнологических исследований в рамках проектируемого в г. Сургуте «Кампуса-Югры» приобретает особую актуальность и делает определенный прорыв в этой отрасли на территории современной Югры.

Кроме того, наш округ считается одним из наиболее динамично развивающихся субъектов Российской Федерации. В последние годы заметно увеличился интерес к Югре не только как к нефтегазодобывающему региону, но и как к территории, где проводятся спортивные, научные и культурные мероприятия всероссийского и международного уровня. В настоящее время правительство Югры прилагает большие усилия для того, чтобы въездной туризм занял достойное место в экономике округа, наряду с добычей нефти и газа. Создается необходимая инфраструктура, вводятся различные формы поддержки развития малого и среднего бизнеса в сфере туризма. Индустрия туризма, как ни одна другая отрасль хозяйства, заинтересована в сохранении благоприятной экологической ситуации, культурно-истори-

ческих памятников и традиций народов, населяющих регион. Независимо от того, какие направления туризма будут развиваться в округе (спортивный, деловой, событийный и т. д.) историко-культурное наследие будет выступать составной частью любого тура, поскольку посещение исторических достопримечательностей является основой развития индустрии туризма.

Таким образом, сегодня в округе сформирована собственная образовательная и научно-исследовательская среда. Несмотря на то, что приоритет отдается таким отраслям, как нефтегазодобыча, переработка сырья и информационные технологии, гуманитарная составляющая социальной и культурной инфраструктуры региона остается не менее актуальной.

Главный вывод можно сформулировать следующим образом: создание и эффективная реализация лингво-гуманитарного и историко-культурного научно-образовательных кластеров в рамках инновационного проекта «Кампус-Югра» послужит делу сохранения культурной идентичности, воплощения в жизнь условий для реализации внутреннего творческого потенциала и культурных запросов социума и отдельных личностей, а также станет ключевым фактором привлечения и удержания талантов в регионе, тем самым обеспечит его устойчивое развитие.

Литература

1. Артамонова Е. И., Ставрук М. А. Академическая мобильность как средство интеграции российских вузов в мировую систему высшего образования // Педагогическое образование и наука. 2010. № 1. С. 11–19.
2. Кампус как инновационное будущее. URL: <http://ugra-news.ru/article/04092015/17915> (дата обращения: 20.03.2016).
3. Кампус – это то место, где соединяются наука, промышленность и образование. URL: <http://www.portal-investor.ru/ugra/projects/7396>.
4. Ставрук М. А. К вопросу о профессиональной готовности педагога к руководству исследовательской деятельностью студентов-лингвистов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 2. Т. 7. С. 186–190.

УДК 81'373.612.2

Таджибова А. Н.
Tadzhibova A. N.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ: КОМПОНЕНТЫ И ФУНКЦИИ

METAPHORICAL MODELS: COMPONENTS AND FUNCTIONS

Когнитивная лингвистика представляет собой прогрессивный подход к изучению ментальных пространств человека посредством соотнесения языковых структур с когнитивными. В рамках когнитивной лингвистики язык рассматривается как общий когнитивный механизм, связанный с языковыми проявлениями человеческого мышления. Когнитивная метафора выполняет многочисленные функции.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, концептуализация, категоризация, концептосфера.

Развитие теории концептуальной метафоры и описание метафорических моделей – одно из наиболее перспективных направлений современной когнитивной лингвистики, получившее чрезвычайную популярность после появления монографии Джорджа Лакоффа и

Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», ставшей «библией» когнитивного подхода к метафоре [1, с. 7]. Процесс метафоризации описывается как перенос из одной области – сферы-источника в другую – сферу-мишень, т. е. происходит совмещение мыслительной сферы, содержащей хорошо знакомую информацию, с понятийной сферой, которую необходимо осмыслить [4, с. 131].

В рамках общего когнитивного подхода к изучению метафоры в настоящее время формируются различные теории: теория концептуальной интеграции (М. Тернер, Ж. Фоконье), дескрипторная теория метафоры (А. Н. Баранов), когнитивно-дискурсивная теория метафоры (А. П. Чудинов) и др.

Теория концептуальной интеграции (блендинга) М. Тернера и Ж. Фоконье разработана на основе синтеза теории ментальных пространств Ж. Фоконье и концептуальной теории метафоры. В отличие от теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона здесь предлагается рассматривать четыре ментальных пространства: два исходных пространства, общее пространство и смешанное пространство, или бленд. Исходные пространства соотносятся со сферой-источником и сферой-мишенью в теории концептуальной метафоры, хотя количество исходных пространств может быть больше двух. Общее пространство содержит наиболее абстрактные элементы (роли, фреймы и схемы), присущие обоим исходным пространствам, т. е. выступает основанием метафоризации на самом абстрактном уровне. В бленде смешиваются детали исходных пространств, в результате чего образуется качественно новая концептуальная структура, которая больше не зависит от исходных пространств и дальше может развиваться самостоятельно.

Дескрипторная теория, разработанная А. Н. Барановым, предназначена «для формализованного описания большого корпуса контекстов использования метафор, т. е. для исследования метафоричности дискурса в целом, а не анализа отдельных изолированных примеров» [1, с. 5]. Процесс метафоризации в данной теории анализируется как отображение элементов области источника в элементы области цели. Область источника и область цели понимаются как структурированные области знаний, описываемые «специальным метаязыком семантических дескрипторов – денотативных для области цели и сигнификативных для области источника» [1, с. 6]. Однородные понятия, относящиеся к одной и той же области человеческого знания, составляют метафорическую модель (М-модель). Совокупность М-моделей, профилирующих в текстах конкретной проблемной сферы, общие или близкие смыслы автор называет констелляциями. «Использование метаязыка сигнификативных и денотативных дескрипторов позволяет единообразно описывать контексты употребления метафор и обрабатывать их с помощью компьютерных программ – базы данных» [1, с. 7]. Сигнификативные и денотативные дескрипторы представлены в виде семантических деревьев, позволяющих представлять иерархические отношения между дескрипторами. М-модель ВОЙНЫ составляют сигнификативные дескрипторы, имеющие семантику военных действий, армии; М-модель РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ формируют дескрипторы, тематически связанные с родственными отношениями. «Метафорической моделью в этом случае оказываются однородные области источника – однородные, с точки зрения опыта человека, и отчасти семантики. В этом случае М-модель в дескрипторной теории метафоры – это языковая метафорическая модель» [1, с. 12]. Язык дескрипторов и деревьев дескрипторов метафорических моделей в данной теории метафоры дает возможность количественно оценивать М-модели с точки зрения их функционирования в дискурсе.

В когнитивно-дискурсивной теории, получившей название теории метафорического моделирования, метафора представлена как основная когнитивная операция, как важнейший способ познания и концептуализации мира в соответствии с классической концептуальной теорией Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Данная теория метафоры, разработанная А. П. Чудиновым на материале политического дискурса конца XX в., основана на семантической теории многозначности и когнитивной теории метафоры. Автор использовал «все лучшее, что создано представителями каждого из названных лингвистических направлений – совершенно различ-

ных по исходным теоретическим предпосылкам и в то же время удивительно близких по методике и некоторым конкретным результатам исследования речевой деятельности» [5, с. 6].

Согласно данной теории, *метафорическая модель* сформирована на существующем в сознании носителей языка «типовом соотношении семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, являющимися образцом для возникновения новых вторичных значений», понятия в ней находятся в сложном отношении противоречия, с одной стороны, и при этом могут отождествляться в соответствии с семантическими законами, «метафорические модели ... являются некоторыми концептуальными «матрицами, таксонами различных систем мировидения, элементами разных моделей мира» [6, с. 70].

Метафорические модели изображаются как своего рода типовые схемы, отражающие специфику национальной ментальности на данном этапе развития общества и социальные представления о концептуальной организации сферы-источника и сферы-мишени метафорической экспансии [5, с. 55].

Рассмотрение семантической структуры метафорической модели предполагает описание области-источника и области-цели метафорического переноса, построение фреймовой структуры данной метафорической модели, а также исследование функциональных свойств метафорической модели: частотности, продуктивности, доминантности. Рассматривая структуру метафорической модели, необходимо охарактеризовать ее следующие признаки:

- *исходную понятийную область* (в других терминах – ментальную сферу-источник, сферу-донор, источник метафорической экспансии, источниковую сферу), т. е. в терминах теории регулярной многозначности семантическую сферу, к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении;

- *новую понятийную область* (в других терминах – ментальную сферу-мишень, денотативную зону, реципиентную сферу, направление метафорической экспансии), т. е. в терминах теории регулярной многозначности семантическую сферу, к которой относятся охватываемые моделью слова во вторичном (переносном) значении;

- *типовые для данной модели сценарии*, которые отражают наиболее характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций: например, сценарий «войны» предполагает ее подготовку, объявление, ведение боевых действий с использованием разнообразного оружия, возможность ранения (с последующим лечением) и смерти участников боев, победу или поражение и т. п.;

- *относящиеся к данной модели фреймы*, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу); такими фреймами являются, в частности, названные выше составляющие сценария «войны». По определению В. З. Демьянкова, фрейм – «это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом... Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации» [2];

- *составляющие каждый фрейм типовые слоты*, то есть элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. Например, фрейм «Вооружение» включает такие слоты, как «огнестрельное и холодное оружие», «боевая техника», «боеприпасы» и т. п. При характеристике составляющих слота А. П. Чудинов использует термин «концепт» как отражение представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких *квантов* знания» [3, с. 90]. Концепт в отличие от лексической единицы (слова) – это единица сознания, ментального лексикона. Совокупность всех существующих в национальном сознании концептов образует концептуальную систему, концептосферу. Для обозначения элементов слота в нашем исследовании мы используем различную терминологию: концепт, номинация, лексическое значение, слово;

- компонент, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц, то есть то, что дает основания для метафорического использования соответствующих концептов, почему понятийная структура сферы источника оказывается подходящей для обозначения элементов совсем другой сферы.

Концептуальная метафора выполняет ряд важных функций: когнитивную (служит орудием познания мира, она помогает вычлениить какие-то ментальные пространства и работать с ними), номинативную (помогает фиксировать знание, создать наименование реалии и осознать ее существенные свойства), коммуникативную (позволяет представлять новую информацию в краткой и доступной для адресата форме), прагматическую (функция метафоры как орудия, формирующего необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия), изобразительную (помогает сделать сообщение более образным, ярким, наглядным, эстетически значимым), инструментальную (помогает субъекту мыслить, формировать собственные представления о мире), гипотетическую (позволяет представить что-то еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта), моделирующую (позволяет создать некую модель мира, уяснить взаимосвязи между его элементами), эвфемистическую (помогает передать информацию, которую автор по тем или иным причинам не считает целесообразным обозначить при помощи непосредственных номинаций), популяризаторская (позволяет в доступной для слабо подготовленного адресата форме передать сложную идею) [5, с. 47–50].

Таким образом, в основе метафор как способа мышления, концептуализации и категоризации знаний о действительности лежат не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Человек как центр мироздания оценивает и соизмеряет реалии окружающей действительности в соответствии со своим чувственно-эмоциональным и практическим или трудовым опытом, знаниями, социальным окружением.

Для описания метафорических моделей необходимо охарактеризовать следующие их признаки: исходную понятийную область, новую понятийную область, типовые для данной модели сценарии, относящиеся к данной модели фреймы и составляющие их типовые слоты, а также компонент, связывающий первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц, дискурсивные характеристики и признак продуктивности. Метод метафорического моделирования позволяет продемонстрировать схему связи компонентов различных концептосфер на основе закономерностей функционирования метафорических моделей.

Литература

1. Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm> (дата обращения: 01.03.2016).
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения : Роль языка в познании мира / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
6. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.

УДК 159.98:378.1

Шубаева Л. В.
Shibaeva L. V.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ВУЗА
К РАЗРЕШЕНИЮ ТВОРЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННЫХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ**

**PSYCHOLOGICAL BASIS OF PREPARATION UNIVERSITY STUDENTS
TO CREATIVE SOCIALLY RESPONSIBLE
PROFESSIONAL PROBLEMS RESOLUTION**

Предметом рассмотрения в статье выступает анализ психологических оснований творческой позиции профессионала, готового к принятию решений в многозначных социально ответственных проблемных ситуациях. Важным психическим новообразованием выступает готовность будущих профессионалов формулировать и обосновывать цели. Они выступают гипотезами в неопределенных проблемных ситуациях. Такую готовность надо сопровождать на основе игровых моделей, активизирующих рефлексию. В статье приведены иллюстрации такой организации подготовки студентов, будущих инженеров.

Ключевые слова: профессионалгенез, творческая профессиональная деятельность, социально-профессиональные проблемные ситуации, целеобразование, гипотезообразование, рефлексия, стратегии как гипотезы.

Одна из актуальных проблем современного образования состоит в поиске направлений преодоления разрыва между ориентациями преподавателей на обучение студентов нормативным способам решения профессиональных микрозадач и тем, что студенты при вхождении в профессию окажутся перед проблемными ситуациями, превосходящими такие задачи по масштабу и социальной значимости.

Проектирование условий поддержки не репродуктивного, а творческого вхождения студентов в сферу будущей практики оказывается стержневым для современного вузовского образования. Образование такого типа призвано обеспечить подготовку и переподготовку специалистов нового поколения, которые могли бы внести существенный вклад в интерпретацию смысла и содержания традиционных профессий, создание принципиально новых профессий и новых сфер практик.

В отечественной психологии подходы к анализу профессионалгенеза разрабатывались на основе принципа единства сознания и деятельности. Трактовка профессионалгенеза на основе подхода, подразумевающего становление новой для человека деятельности в единстве ценностно-смысловых, мотивационно-целевых и операционно-технических ее компонентов, является новым интегративным этапом исследования по отношению к элементаристскому подходу, характеризующему становление профессионала как овладение им комплексом навыков. Ядром анализа в рамках интегративного подхода оказываются способы профессиональной деятельности, адекватно применяемые в изменяющихся ситуациях. Способы представляют собой, с одной стороны, социально-профессиональные нормы, образцы индивидуального, надсубъектного характера, с другой стороны, при овладении ими формируется психологическая система деятельности (ПСД) [26; 27].

Большое значение имеет подход к анализу ПСД, подчеркивающий неаддитивную целостную природу профессиональной деятельности, в которой отдельные структурные компоненты проникают друг в друга и генезис которых взаимообусловлен [4; 27]. В исследованиях этого направления центральным в анализе ПСД является принятие решения. Степень

обоснованности, продуктивности, оптимальности принимаемых решений обусловлен успешностью целеобразования и моделированием версий программ деятельности. В русле системно-деятельностного подхода указывается на перспективность изучения координирующей роли целеобразования в оформлении программ деятельности, сочетающих уровень владения профессиональными стандартами и индивидуального стиля оценки их применимости «здесь и теперь» (26; 27).

Подход к становлению профессионализма как готовности к решению творческих задач формулировался и в работах С. Л. Рубинштейна, будучи развитыми в работах К. А. Абульханвой-Славской [1; 2; 7; 18]. Теоретико-методологические принципы системности и целостности трактовок ПСД оказались намечены, но мало разработаны.

Рассмотрение социально-профессиональных стратегий как формы реализации социокультурного творчества, создания новых норм и образцов деятельности требует расширения границ анализа профессиональной активности человека. Исследования принятия решений в единичных микрзадачах сменяются исследованиями стратегирования в цепочках взаимосвязанных проблемных ситуаций.

Большое влияние на изучение социально-ответственных решений, их планирование и взвешенное обоснование оказали исследования профессиональной деятельности в сфере управления.

Результатом продуктивной деятельности управления правомерно рассматривать ее преемственную организацию в целостную структуру, где каждая тактическая задача выступает средством разрешения последующей в целостной стратегии с уменьшенным риском отклонения от намеченного стратегического результата. Известным направлением, обосновывающим рациональное принятие решений, отвечающих задачам оптимизации культуры управления, является то, которое разрабатывалось в области психологии рефлексии. [8; 9; 13; 16; 24]. В нем получают свое обоснование рефлексивно-личностный и рефлексивно-культуральный подходы [10; 21; 22]. В русле этого направления получают свое обоснование трактовки принятия и предпринятия решений в условиях социально-ответственных и социально-многозначных задач. Центральным моментом при переходе к анализу принятия решений не столько со стороны когнитивных процессов, сколько к их пониманию как социально-личностных, выступает изучение механизмов целеоформления. Если задача интерпретируется человеком как социально-личностная, то субъект в условиях взвешивания риска должен осознавать себя существенным компонентом задачной ситуации, ресурсы которого определяют то, насколько намечаемые цели окажутся достижимыми. Именно поэтому важными оказываются рефлексивные интерпретации целей и целеобразования. Актуальным становится изучение целей как гипотез, требующее различения того, как представлены в сознании понятийные и предметные аспекты мало осознаваемых, но эмоционально одобренных субъектом целей.

Такой уровень профессионализма, который обеспечивает культуру установления целостности и осмысленности в отношениях «цели – средства – результаты», выступает высшим достижением, на которое и необходимо ориентировать профессиональное образование. Изучение условий, оптимизирующих его достижение, выделяется в качестве одной из перспективных линий изучения профессионализации. Психологически полноценное обеспечение планирования социально-ответственных решений в соответствии с реалистично сформулированными целями предполагает необходимость моделировать в образовании проблемно-творческие ситуации, требующие версий целеоформления и их обоснования.

Для субъектно-психологического подхода наиболее ответственным звеном выступает процесс рефлексивного оформления модели ситуации, предваряющей решение, ее адекватная интерпретация в таких знаковых изображениях и понятиях, которые позволяют ему осознать, вынести во внешний план обсуждения («объективировать») те аспекты, которые до рефлексивного анализа не выступали [10; 21; 22; 14]. Кроме того, принципиальным является признание несовпадения первоначально планируемых целей и результатов на промежуточ-

ных и конечных этапах решения. Обнаружение и преодоление противоречий при достижении целостности замыслов социального действия представляется одним из самых важных рефлексивных компонентов разумной деятельности человека.

Как было показано, в таком направлении, как рефлексивная психология, исследование социалгенеза профессиональной позиции в условиях проблемных ситуаций осуществляется на основе методов игрового моделирования ситуаций, предполагающих и кооперацию участников, занимающих различные позиции при выработке решений. Механизм рефлексии описывается в виде модели «рефлексивного выхода» субъекта за пределы совершаемого в деятельности и установление отношения между ее различными составляющими, разделенными между позициями участников кооперации, принимающими [17; 32].

Рядом авторов обоснована необходимость использования организационно-обучающих игр при подготовке профессионалов в вузе (ООИ). «Игровой» процесс в ООИ характеризуется множеством ситуаций столкновения точек зрения и мнений, особыми действиями по выявлению возникающих в ходе обсуждения основных проблем, направленностью участников на активную поисковую мыслительную деятельность [11; 16; 24; 32; 33]. Появление у субъекта нового видения контекста той проблемной ситуации, по отношению к которой намечаемая стратегия выступает эвристичным средством-гипотезой, выступает позитивным результатом рефлексивного выхода, который позволяет преодолеть «разрыв» в деятельности профессионала [32]. Преодоление профессионалом отчужденных форм реализации своей деятельности в контексте новых смысловых контуров проблемных ситуаций раскрывается в цикле работ по игровому моделированию как процессу самоопределения профессионала [11; 15; 16; 17; 28; 32].

В условиях организации ООИ профессионалов, активизирующих рефлексивные способности участников, была выделена последовательность фаз самоопределения: рефлексивный выход; объективирующая рефлексия; субъективирующая рефлексия; целеоформление в виде программ-гипотез.

На фазе «объективирующей» рефлексии происходит активное овладение участниками новыми категориальными и схематическими средствами, позволяющими осознавать собственную деятельность, деятельность партнеров и особенности ситуаций содействия. Возникает возможность идеального промысливания всей полноты деятельности, ее целей, способов, средств, результатов в контексте взаимодействий с другими участниками. На фазе активизации «субъективирующей» рефлексии происходит профессионально-личностная проекция участников на созданную ими систему координат, мыслительное оформление и коммуникативное выражение стратегии, отражающей выбор. В игровых ситуациях создаются «искусственные» условия для активизации рефлексии участников и оснащение участников категориальными средствами анализа и проектирования деятельности участников для оформления коллективной скоординированной стратегии.

Важным моментом преодоления «разрывной» проблемной ситуации выступает восхождение участников к все более обобщенной смысловой рефлексии при интерпретации проблемной ситуации. Такое восхождение предполагает изменение ракурса рассмотрения «разрыва», его границ, места и статуса в социально проблемной действительности.

При организации образовательных ситуаций как проблемных оформляются высокие уровни ценностно-смысловой рефлексии обучаемых в пространстве профессиональной сферы, как сферы самореализации творческого потенциала; преодолевается узкий предметоцентризм в понимании межпрофессиональных взаимодействий; новую интерпретацию приобретают для обучаемых представления о творческом развитии собственного потенциала.

В качестве иллюстрации правомерно сослаться на выполненную нами работу по исследованию развития профессионального самоопределения будущих инженеров в области нефтегазодобычи как организаторов развивающейся производственной практики в нефтегазодобывающей отрасли. В ней были рассмотрены психологические условия становления профессионального самоопределения будущих инженеров в позиции организаторов развивающейся производственной практики [28].

Необходимо подчеркнуть, что с ростом приоритетов инженерного образования все более востребованными становятся исследования, направленные на преодоление технократической парадигмы в понимании особенностей деятельности инженеров и подготовки к ней, на поиск оснований гуманитаризации самой профессии и подготовки к ней [5; 6; 19; 20; 23; 25; 31]. Ряд известных авторов подчеркивают, что современная инженерная деятельность отчуждена от человеческих целей и носит преимущественно дегуманизированный характер. Формированию культурного пространства инженера необычайно сильно мешают шаблонные, стереотипные дидактические средства. При такой обстановке может формироваться только репродуктивное мышление, лишенное поиска, ориентации на новизну, постановку проблем, оторванное от забот, целей и идеалов личности. Творческое мышление и творческое сознание будущего инженера неразрывны с анализом и решением проблем. Высокие уровни профессионализма в области инженерной практики соотносимы с самоопределением в сложных ситуациях, отвечающих авангардным, инновационным направлениям совершенствования профессиональной сферы, становлением высокой культуры работы с проблемами.

Исследование, проведенное нами, позволило подчеркнуть, что динамика профессионального самоопределения студентов, будущих инженеров, нашла свое проявление в изменении объективирующих и субъективирующих характеристик рефлексии. Для оптимальной организации рефлексивно-мыслительной работы студентов в проблемных ситуациях совместно с ними разрабатывалась и в последующем использовалась схема ориентировки, подчеркивающая основные моменты организации постановки и решения производственных проблем. В нее входили такие моменты, как анализ основного противоречия проблемной ситуации; соотнесение локальной проблемной ситуации с общей структурой производственной деятельности: оценка нормативной технологической и организационной преемственности работ; акцентирование разрывов в технологических цепочках работ и дефектов производимых работ, рассогласований в нормах организации деятельности; выдвижение гипотез о принципах разрешения противоречия, детализация гипотез; оформление организационной программы деятельности, чередование анализа проблемной ситуации с детализацией программ решения и прогнозирования следствий; обоснование программ деятельности. Схема должна была конкретизироваться в процессе работы с проблемными ситуациями.

Совместная работа студентов друг с другом и преподавателем над поиском решения каждой из проблемных ситуаций предполагала: 1) введение в проблему, подготовку к разноаспектному ее рассмотрению; 2) организацию дискуссии при рассмотрении аспектов проблемы с различных социальных позиций; 3) групповую разработку проектных вариантов решения; 4) разработку программ деятельности, их конкретизацию с учетом взаимных обязательств и ответственностей участников производственных бригад. Работа в группах сопровождалась презентацией проектов и их обсуждением с имитацией различных позиций и ролей субъектов производственных ситуаций. Психологические новообразования должны были оформляться в процессе проявления совместных усилий студентов, выступая не только как результат предметной, но и социальной компетентности обучающихся на основе вхождения в интерактивные группы, представляющие собой социальные модели настоящей и возможной в будущем реальной деятельности в профессиональной сфере.

Качество объективирующей рефлексии (ОР) соотносилось с точностью, глубиной, масштабностью анализа производственной ситуации. Поскольку процесс анализа производственных условий и направлений деятельности возможно осуществлять с разных позиций, в частности, с позиции эксперта или с позиции включенного участника производственной ситуации, то при характеристике рефлексивных высказываний учитывались ее субъективирующие формы: проявления заинтересованности, пристрастности участников, глубина анализа производственных ситуаций и оптимизации решений, выраженность ценностно-смысловой интерпретации. Качество субъективирующей рефлексии (СР) характеризовалось тем, насколько оказывалась выраженной идентификация с позицией участника проблемной ситуации, и прежде всего в том, как планируется программа деятельности: в позиции организатора ее решения или в позиции эксперта.

Исследование продуктивного движения обучаемых в задачах, интерпретируемых как профессионально-личностные, позволили подчеркнуть актуальность изучения форм и функций рефлексии, механизмов их реализации, условий, актуализирующих их проявление. Вместе с тем еще с большей очевидностью очерчивается мало изученная проблема анализа этих процессов на длительных этапах профессионально-личностного развития человека как субъекта развития определенной сферы общественной практики. Инновационный цикл изменения практики целесообразно рассматривать не с момента включения субъекта в задачу, но с момента интерпретации им социально-профессиональной ситуации на обобщенно-смысловом уровне ее понимания. Фаза реализации решения может быть рассмотрена как предопределяемая качеством проявленной рефлексии на предыдущих фазах.

Таким образом, профессионально-творческий потенциал человека правомерно рассматривать со стороны готовности и способности человека к таким интерпретациям значимых для области деятельности проблем, которые находили бы выражение в целостной и последовательной стратегии. Данная стратегия может и должна рассматриваться как творческая гипотеза относительно проблемной ситуации, в которую включен сам субъект, являясь ее ключевым условием. От успешности гипотезообразования субъекта зависит исход разрешения проблемы. Человек как субъект социально-профессионального творчества осуществляет проблемы гипотезообразования в форме целевых программ. Являясь выражением адекватности самоопределения, программы персонифицируют позицию профессионала в социальной реальности. Качество смысловой персонификации, воплощенное в целевых программах-гипотезах профессионала соотносимо с профессионально-творческой зрелостью человека. Таким образом, анализ подходов к изучению профессионалгенеза, рассматриваемого в связи с разработкой проблем инновационно-творческого развития определенной области общественной практики и становлением профессионализма человека как субъекта ее развития, позволяет оформить представления о психологических основаниях выигрышных образовательных траекторий студентов в социально значимых областях и наметить направления исследований.

Проделанный анализ позволяет обратиться к разработке программ подготовки и переподготовки профессионалов с новых позиций. Одними из центральных психологических оснований профессионально-творческой позиции субъекта, важным для организации и изучения, становятся процессы творческого целеобразования, целеполагания, целереализации. Их основу составляет возрастающая рефлексивная культура самоопределения личности. Организация циклов вузовского и поствузовского образования, ориентированного на такой тип новообразований обучающихся, составляет основное направление практико-экспериментальных разработок, выполненных нами как фрагменты образовательных программ, обрамляющих введение в практику студентов [28; 29; 30]. Их основу составляет планирование и проведение организационно-обучающих игр (ООИ), активизирующих рефлекссию при создании условий для творческой предпроектной деятельности.

Таким образом, перспективными направлениями организации и исследования творческой профессиональной деятельности выступают следующие.

- изучение профессионалгенеза в единстве становления ценностно-смысловых, мотивационно-целевых и исполнительных компонентов активности человека как субъекта деятельности;
- изучение целевой организации деятельности, включая ценностно-смысловые, профессионально-личностные ориентации будущих и работающих профессионалов;
- выявление условий, способствующих планированию и иерархизации тактических задач в целостной инновационной стратегии субъекта, которая выступала бы как гипотеза разрешения социально-проблемных ситуаций.

Литература

1. Абульханова К. А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М. : Ин-т психологии РАН, 2002. С. 88–103.
2. Абульханова К. А., Брушлинский А. В. Московский период жизни и творчества С. Л. Рубинштейна // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / сост.: С. В. Тихомирова ; отв. ред.: К. А. Абульханова. М. : Ин-т психологии РАН, 2011. С. 164–174.
3. Алексеев Н. Г. Способность к рефлексии как существенный момент интеллектуальной культуры современного специалиста // Проблемы и методы формирования интеллектуальной культуры специалиста. Новосибирск, 1984. С. 26–31.
4. Алексеев Н. Г., Зарецкий В. К., Ладенко И. С. Методология рефлексии концептуальных схем деятельности поиска и принятия решения. Новосибирск, 1991. 258 с.
5. Анохин А. Н., Острейковский В. А. Практические вопросы эргономики в энергетике (на примере атомной станции) : учебн. пособие. Обнинск : ИАТЭ, 1999. 208 с.
6. Береговой Г. Т., Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Экспериментально-психологические исследования в авиации и космонавтике. М. : Наука, 1978. 303 с.
7. Брушлинский А. В. Субъект и социальная компетентность личности. М., 1995. 167 с.
8. Давыдов В. В., Неверкович С. Д., Самоукина Н. В. О функциях рефлексии в игровом обучении руководителей // Вопросы психологии. 1990. № 3. С. 76–84.
9. Давыдов В. В. Организационно-имитационные игры как новые формы подготовки кадров // Теория и практика физической культуры. 1985. № 9. С. 40–43.
10. Деркач А. А., Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Психолого-акмеологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. М., 1998. 248 с.
11. Карнозова Л. М. Самоопределение профессионала. Проблемные ситуации // Вопросы психологии. 1990. № 6. С. 75–82.
12. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М. : Академия, 2004. 304 с.
13. Лазарев В. С. Рефлексивно-ролевые игры в переподготовке кадров // Научный отчет лаборатории НИИ ОПП АПН СССР. М., 1985. С. 53–59.
14. Мануйлова Е. И., Шibaева Л. В. Формирование конструктивно-проектировочной деятельности педагогов инновационной школы (на материале курсов иностранного языка) Орел : Изд-во ОГУ. 2011. 185 с.
15. Леонтьев Д. А., Шелобанова Е. В. Профессиональное самоопределение как построение образцов возможного будущего // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 57–66.
16. Неверкович С. Д. Игровые методы подготовки кадров. М., 1995. 206 с.
17. Панфилова А. П. Игротехнический менеджмент. Интерактивные технологии для обучения и организационного развития персонала. СПб. : Феникс, 2005. 535 с.
18. Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 255–385.
19. Петрунева Р. М., Сериков В. В., Дулина Н. В. Проектирование социально-инженерных задач : учеб. пособие. Волгоград : ВолгГТУ, 2001. 58 с.
20. Петрунева Р. Социоинженерные задачи // Высшее образование в России. 2003. № 3. С. 115–116.
21. Пономарев Я. А., Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная. М. : Наука, 1990. 319 с.
22. Семенов И. Н., Зарецкий В. К., Степанов С. Ю. Продуктивность рефлексии при дискурсивном решении задач // Новые исследования психологии. М., 1979. № 2. С. 7–12.
23. Труды психологической службы в атомной энергетике и промышленности / под ред. В. Н. Абрамовой. Обнинск : Прогноз, 2002. Том 1. 238 с.
24. Тюков А. А. Организационные обучающие игры и моделирование процессов социального развития личности // Игровое моделирование: методология и практика. М., 1987. С. 36–45.

25. Шагиев Р. Р., Дьяконова А. М. Человеческие ресурсы нефтегазовых компаний. М. : Ин-т нефтегаз. бизнеса, 2006. 328 с.
26. Шадриков В. Д. Деятельность и способности. М. : Логос, 1994. 320 с.
27. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М. : Наука, 1982. 185 с.
28. Шibaева Л. В., Миронова Ю. А. Психологические условия развития профессионального самоопределения студентов будущих инженеров нефтегазодобывающей отрасли. Сургут : Таймер, 2011. 104 с.
29. Шibaева Л. В. Психологическое обоснование инновационной стратегии образования студентов цикла инженерно-строительных специальностей // Межвуз. конф. в честь юбилея фак. психологии СурГУ «Психология в северном регионе: проблемы, перспективы, решения». Сургут. 2011, ноябрь. С. 221–228.
30. Шibaева Л. В., Меренкова Л. Ю. Психологические условия развития экономического самоопределения будущих коммерсантов. Орел : ОРАГС, 2007. 192 с.
31. Чугунова Э. С. Социально-психологические особенности профессиональной мотивации в инженерной деятельности и проблемы творческой активности // Психолог. журн. 1985. № 4. С. 73–86.
32. Щедровицкий Г. П., Котельников С. В. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации коллективной мыследеятельности // Методы исследования, диагностики и развития международных трудовых коллективов. М., 1983. С. 153–177.
33. Щедровицкий П. Г. Очерки философии образования. М., 1992. 155 с.

РАЗВИТИЕ СЕВЕРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 332.832.2(091)(571.122)«1960/1980»:625.1-051

Авимская М. А.
Avimskaya M. A.

ЖИЛИЩНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ СТРОИТЕЛЕЙ НА ТЮМЕНСКОМ СЕВЕРЕ (СЕРЕДИНА 1960-х – СЕРЕДИНА 1980-х гг.)

RAILWAY BUILDERS HOUSING IN TYUMEN NORTH (MID 1960S – MID 1980S)

В статье раскрываются основные тенденции жилищного строительства для железнодорожников в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе. Автор акцентирует внимание на проблемах обеспечения жилой площадью железнодорожных строителей магистрали Тюмень – Сургут – Новый Уренгой.

Ключевые слова: города, жилищное строительство, жилищный фонд, железнодорожники.

В конце 1966 г. силами строительного коллектива управления «Тюменьстройпуть» началось возведение новой железной дороги на необжитой территории Тюменской области. В связи с этим требовалось решить проблему жилищно-коммунального обеспечения транспортных строителей.

Совет Министров СССР еще в 1964 г. утвердил Положение по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, в котором ставилась задача разработать и утвердить в районах нового освоения проекты жилых домов и гражданских зданий [8, л. 130]. Госстрой СССР обязал Министерство путей сообщения разработать комплексный план перспективы развития железнодорожного транспорта (на 10–15 лет), в котором предусматривались бы капитальные вложения и в жилищно-бытовое строительство во вновь созданных населенных пунктах [9, л. 183, 184, 188].

В свою очередь, Новосибирский институт «Сибгипротранс» в 1964 г., выполняя этот заказ МПС, рассчитал объем и территорию размещения жилых, культурно-бытовых и коммунальных зданий, объектов просвещения и здравоохранения на новой линии от Тюмени до Сургута. В 1971 г. институт разработал такой же комплексный план перспективы развития линии Сургут – Нижневартовск, а в 1977 г. – трассы Сургут – Уренгой [1, л. 57–60; 2, л. 152–156].

Рассмотрим, к примеру, типичный проектируемый в 1960-х гг. «Сибгипротрансом» поселок, в котором в течение 8–10 лет дислоцировался бы строительный поезд численностью до 700 человек. В поселке предусматривалось строительство около 80 жилых домов площадью свыше 12 тыс. кв. м, 5 общежитий площадью 1 500 тыс. кв. м, двух детских садов и яслей площадью по 135 кв. м, школы со спортивным залом, больницы на 35 коек с амбулаторией, бани на 25 мест, комбината бытового обслуживания, прачечной, клуба, гостиницы, отделения связи, продовольственного и продуктового магазина, столовой, хлебопекарни, холодильной камеры, овощехранилища, складов, котельной, электростанции, мастерской, гаража, вертолетной площадки и взлетно-посадочной полосы для Ан-2. Кроме того, учитывалась необходимость бурения артезианской скважины и прокладки водопроводной и канализационной сети [3, л. 43–47].

Как видно из этого проекта, набор сооружений в нем и объемы их таковы, что после ухода строителей эксплуатационники при передаче им такого поселка на баланс получили бы обжитой благоустроенный населенный пункт со всеми необходимыми службами. Поэтому эксплуатационные службы должны быть избавлены от таких трудоемких работ, как пуск и наладка оборудования в служебных зданиях и послеосадочный ремонт. Все это подтверждало целесообразность и необходимость совмещения поселков строителей и эксплуатационников.

Подобный принцип стал основным в проектировании железных дорог в неосвоенных районах Среднего Приобья. Объем жилищного строительства на всех этих линиях определялся из условия обеспечения жилой площадью по норме 21 кв. м на штатного работника. В поселках малых станций и разъездов планировали строить двухэтажные жилые здания, а на участковых станциях – пятиэтажные [3, л. 44, 47]. Таким образом, «Сибгипротранс» пытался решить правительственную задачу комплексного развития железнодорожного транспорта в регионе. К сожалению, предлагаемый институтом проект во многом так и остался на бумаге.

Реальная же ситуация складывалась таким образом, что Управление строительства не имело жилищно-коммунального хозяйства на самостоятельном балансе. Эти хозяйства у каждой строительной организации представляли собой домоуправления и общежития коечного типа под руководством комендантов. Стационарный собственный жилой фонд находился в Тюмени (отделение временной эксплуатации и СМП № 280) и в Тобольске (ОВЭ, СМП № 241, СУ № 88, ВП № 38). Остальные строительные организации управления «Тюменьстройпуть» располагали жилищным фондом преимущественно в линейных домах сборно-разборного типа серии «ИП», передвижных домиках, вагонах и во временных жилых строениях, арендуемых у заказчиков [12, л. 213].

Что касается фактической нормы обеспечения жилой площадью, то в среднем по строительному управлению она составляла на одного проживающего в домах 6,9 кв. м, в общежитиях – 7,1 кв. м и, следовательно, в среднем по управлению – 6,7 кв. м [12, л. 214]. Эти показатели были ниже цифр средней обеспеченности городского жителя Тюменской области [11, л. 161; 13, л. 184–185, 14, л. 206–207]. Собственная и арендованная жилая площадь, а также площадь в вагонах, приспособленных для жилья, находилась в ведении строительномонтажных поездов управления «Тюменьстройпуть».

Уже в первый год строительства линии Тюмень – Тобольск – Сургут на возведение социально-бытовых и служебно-производственных зданий Министерством транспортного строительства было выделено 950 тыс. руб. [6, л. 67–69]. В соответствии с указаниями Министерства строительство жилья должно было вестись особенно высокими темпами: на объекты жилищно-коммунального строительства в 1967 г. управлению было выделено 753 тыс. рублей сверх плана, что составляло 249,7 % [10, л. 93–94].

Жилой фонд в годы сооружения железной дороги от Тюмени до Сургута распределялся следующим образом: из 7 976 человек, занятых на строительстве в ведущих СМП «Тюменьстройпути» в 1967 г., наименьшее число – 259 чел. проживало в вагонах. Преимущественное же количество путестроителей – 7 717 чел. заселяли собственное или арендованное жилье [10, л. 129–130].

К нач. 1970-х гг. почти в два раза увеличилось количество рабочих и ИТР в хозяйственных подразделениях «Тюменьстройпути» за счет вновь организованных СМП и отделения временной эксплуатации (ОВЭ). Судя по архивным документам годовых отчетов управления строительства, на начало 1972 г. общая жилая площадь и количество проживающих на ней распределялась следующим образом: на 94 340 кв. м проживало 14 331 человек, из них 14 067 – в домах и общежитиях, а 264 человека – в вагонах [11, л. 176]. Таким образом, ситуация к началу 1970-х гг. оставалась неизменной, так как имело место отставание темпов жилищного строительства от темпов прироста транспортных строителей. Для руководства жилищный вопрос оставался проблемой, стройка не могла обеспечить всех работающих и уходящих на пенсию благоустроенным жильем. Ощущался недостаток и во временном жилье, так как на частных квартирах проживало более 200 семей [11, л. 161].

Строительство новой магистрали взял под свой контроль Тюменский обком КПСС. На его бюро регулярно отмечалось, что при формировании нового крупного территориально-производственного комплекса в Тюменской области особое значение приобретает ускоренное развитие городов и поселков, а также удовлетворение нужд трудящихся в жилье и объектах бытового назначения [5, л. 1]. Партийное руководство области критиковало управление «Тюменьстройпуть», которое принимало недостаточные меры по строительству жилищно-коммунальных объектов, в связи с чем «значительная часть трудящихся не обеспечена жильем, 60 % которого состояло из сборно-щитовых домов без коммунальных удобств, малопригодных для суровых условий Севера» [4, л. 9].

На преодоление существующих недостатков в жилищном строительстве ориентировали постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» (декабрь 1969 г.) и «О мерах по дальнейшему развитию городов и поселков в районах добычи нефти и газа Тюменской области» (декабрь 1971 г.). Особо отмечалось, что строительство жилых домов «должно вестись на основе сосредоточения его во вновь создаваемых крупных городах с обеспечением их благоустройства, в комплексе с промышленным строительством...» [7, с. 131]. Таким образом, в конце 1960-х гг. в нефтегазодобывающих районах Тюменской области начала реализовываться система централизованного расселения с созданием городов-центров нефтегазовых районов, в то время как непосредственная эксплуатация месторождений должна была осуществляться вахтовым методом [16]. В условиях централизованного расселения из всех видов коммуникации именно магистральные линии железных дорог обладали наибольшей градообразующей способностью на Тюменском Севере: железнодорожной веткой соединялись три основных города-центра нефтегазовых районов – Сургут, Нижневартовск и Новый Уренгой [15, с. 99]. В последующем в 1970–1980-х гг. железная дорога Тюмень – Новый Уренгой способствовала развитию 6 городов Ханты-Мансийского округа (Пыть-Ях, Сургут, Лангепас, Мегион, Нижневартовск, Когалым) и 4 городов Ямало-Ненецкого округа (Ноябрьск, Губкинский, Тарко-Сале, Новый Уренгой). Эти населенные пункты располагались на магистральной линии, и именно в них Министерство путей сообщения принялось возводить жилье для железнодорожников.

Литература

1. Архив «Сибгипротранса». П. 314-71. Д. 1.
2. Архив «Сибгипротранса». П. 482-77. Д. 1.
3. Архив «Сибгипротранса». П. 2218-6. Д. 2.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. Оп. 207. Д. 35.
5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. Оп. 212. Д. 29.
6. Государственный архив Тюменской области. Ф. 1870. Оп. 2. Д. 1.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Москва : Политиздат, 1972. Т.10. 536 с.
8. Российский государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 16865.
9. Российский государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 16937.
10. Российский государственный архив экономики. Ф. 9538. Оп. 3. Д. 27.
11. Российский государственный архив экономики. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 211.
12. Российский государственный архив экономики. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 1493.
13. Российский государственный архив экономики. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 3513.
14. Российский государственный архив экономики. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 5729.

15. Стась И. Н. Индустриализация Ханты-Мансийского округа как основной фактор развития городов нефтяников во второй половине XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2. С. 95–102.

16. Стась И. Н. Этапы развития системы городского расселения Ханты-Мансийского округа (1960–1990-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 156–158.

УДК 94(571.122-21Нижневартовск):378.4(571.122НВГУ)

Алексеева Л. В.

Alekseeva L. V.

**ИСТОРИЯ ГОРОДА НИЖНЕВАРТОВСКА
(О ПРОЕКТЕ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ
НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

**HISTORY OF NIZHNEVARTOVSK CITY
(REGARDING NIZHNEVARTOVSK STATE UNIVERSITY RUSSIAN HISTORY
DEPARTMENT PROJECT ON NIZHNEVARTOVSK CITY HISTORY)**

В публикации освещается процесс разработки и реализация проекта об истории города Нижневартовска (ХМАО – Югра). Автор представил основные проблемы и результаты выполняемого проекта. Тема рассматривается в контексте изучения проблемы функционирования научных сообществ, в рамках которых осуществляется научная деятельность.

Ключевые слова: проект, Нижневартовск, история, проблемы, результаты.

Нижневартовский государственный университет – первый вуз Югры (основан в 1988 г. как филиал Тобольского педагогического института). Кафедра истории была сформирована в 1995 г. В 1998 г. произошло ее разделение на кафедру истории России и кафедру всеобщей истории. Коллектив кафедры истории России известен научному сообществу как центр по изучению истории Сибири и ее северной части – Югры и Ямала [5]. Основоположником кафедры истории в Нижневартовском государственном педагогическом институте являлся профессор Я. Г. Солодкин, единственный на тот момент профессор, доктор наук в ее составе [4, с. 1–3]. Его влияние на развитие кафедры, формирование научных направлений во многом стало определяющим [2, с. 24–30]. Он возглавлял кафедру 18 лет. Последние годы заведующим кафедрой является доктор исторических наук, профессор В. В. Цысь. За период 2013–2016 гг. кафедра выполнила четыре хоздоговорные работы, в том числе крупный проект по истории Нижневартовского района [1, с. 98–102], который стал основой выполнения в 2015–2016 гг. проекта по истории города Нижневартовска. Под руководством доктора исторических наук, профессора Л. В. Алексеевой проект выполняли преподаватели кафедры: В. В. Цысь, д. и. н., профессор; Н. В. Сапожникова, к. и. н., д. филос. н., профессор; М. М. Чорэф, к. и. н., доцент; Н. В. Терентьева, к. и. н., доцент.

Путь к реализации проекта был долгим. Нижневартовск в истории урбанизации региона и России – явление уникальное. Для истории ХМАО он важен как город, возникший благодаря крупнейшему в России Самотлорскому месторождению нефти и газа. Несомненно, изучение прошлого города важно для его жителей. Многочисленные попытки профессорско-преподавательского состава кафедры истории России Нижневартовского государственного университета, заключающиеся в обращениях к депутатам, руководителям города, продолжи-

тельное время не находили поддержки. В 2015 г. благодаря заинтересованности проектом заместителя главы администрации города М. В. Парфеновой и депутата окружной Думы ХМАО – Югры А. В. Смирнова (КПРФ), при непосредственном участии Нижневартовского краеведческого музея им. Т. Д. Шуваева как заказчика началась работа по подготовке к осуществлению проекта.

Техническое задание предполагало отвести на выполнение научно-исследовательской работы (монографии) «Нижневартовск: прошлое и настоящее» (к 45-летию образования города) меньше года. Цель работы состояла в том, чтобы средствами исследования способствовать позиционированию Нижневартовска как современного города Российской Федерации, характеризующегося развитой экономикой и социальной инфраструктурой, с достаточно высоким уровнем жизни населения; эффективной администрацией, решающей задачи инновационного развития; города, внесшего большой вклад в развитие страны. Авторы проекта убеждены, что, исходя из всего вышперечисленного, исторический опыт города Нижневартовска бесценен, и в этой связи особо важным становится формирование знаний о прошлом и настоящем города, которые будут способствовать росту патриотизма и гражданственности его жителей, особенно подрастающего поколения.

Задачами стали: комплексное исследование истории населенного пункта в период с момента образования до наших дней; введение в научный оборот новых групп исторических источников; расширение представлений о месте города в истории Югры и России; создание условий для изучения истории Нижневартовска в образовательных учреждениях города, для развития туризма и краеведческого движения; использование материалов монографии в социокультурных проектах и СМИ; решение задач патриотического воспитания в образовательных учреждениях города.

В книге предполагалось осветить следующие вехи в развитии Нижневартовска: возникновение населенного пункта; село Нижневартовское в 1920-х – 1964 гг.: по пути социалистической модернизации; Нижневартовск в эпоху нефтяного освоения: от рабочего поселка – к индустриальному городу (середина 1960-х – 1991 гг.); северный город в контексте радикальных перемен (1992–2010 гг.); современный Нижневартовск (2011–2015 гг.).

План выполнения работы представлен в таблице.

Этапы работы над проектом

Этап	Сроки
1. Разработка проекта. Первичная подготовка материала. Систематизация имеющихся источников. Выявление направлений поиска. Работа в архивном отделе администрации г. Нижневартовска и архивном отделе администрации Нижневартовского района	март–май 2015 г.
2. Сбор материала в архивах Тюмени, Ханты-Мансийска, Томска	июнь, сентябрь 2015 г.
3. Написание текста книги	октябрь–декабрь 2015 г.
4. Научное редактирование	январь 2016 г.
5. Предоставление рукописи заказчику на согласование текста	к 15.01.16 г.
6. Исправление замечаний, доработка рукописи и передача ее заказчику.	к 1 марта 2016 г.

При разработке проекта были определены цели использования результатов научно-исследовательской работы:

1. Способствовать изучению истории Нижневартовска – одного из российских городов, обладающего ярко выраженной спецификой и играющего существенную роль в обеспечении прогрессивного развития страны. Позиционировать Нижневартовск как успешный и современный город РФ.

2. Способствовать патриотическому воспитанию жителей (особенно молодежи). Формировать у населения потребность в осмыслении прошлого края, понимание особой ро-

ли города Нижневартовска в истории России, большой вариативности развития ее отдельных частей, специфического характера взаимоотношений между центром и регионами.

3. Способствовать развитию познавательного туризма и реализации социокультурных проектов, базирующихся на научных подходах к освещению прошлого и настоящего Нижневартовска.

В настоящее время работа над книгой завершена, и рукопись передана заказчику. В ходе работы произошла корректировка: в монографии перераспределен объем, однако концептуальное построение выдержано и соответствует первоначальному замыслу. Была добавлена теоретическая глава, которая содержит в себе методологию исследования, источники и историографию. Произошло увеличение объема содержания книги (по сравнению с запланированным) на треть.

Проблемы, выявившиеся в ходе работы над проектом, касались главным образом временных: сжатые сроки работы над проектом в совокупности со значительной производственной нагрузкой авторов (преподавателей) создавали риски в выполнении проекта по качеству и срокам. Работая, по сути, в круглосуточном режиме, все выходные и праздничные дни, научный коллектив предоставил работу заказчику 1 марта 2016 г.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что любой коллектив работает лучше, если люди дружелюбны, доверяют друг другу, готовы помочь и т.д. На это обращал внимание в частности Б. З. Каценеленбаум, исследовавший этические аспекты научной работы [3]. Однако научная работа имеет некоторые особенности, и именно ими объясняется исключительное значение, которое имеет характер взаимодействия между членами научного коллектива. Эти особенности вытекают из того, что успешная научная работа есть работа коллективная, она требует частых и длительных обсуждений между учеными. Участие в этих обсуждениях – важный элемент деятельности научного работника, особенно при выполнении коллективных исследований (проектов). Учитывая то, что большинство авторов работают вместе 20 лет, это, безусловно, способствовало взаимопониманию, продуктивным дискуссиям, оперативному решению возникавших научных и организационных проблем.

Положительные результаты работы над проектом свидетельствуют о том, что его исполнители – профессиональный научный коллектив. Этот вывод подтверждается быстрым темпом работы, пониманием целей проекта, наличием определенного научного задела, широкой кооперацией, выразившейся в предоставлении отдельными авторами всей имеющейся информации в распоряжение других участников проекта, обеспечением друг другу оптимальных условий по извлечению источников, предоставлением необходимых научных командировок, доброжелательной атмосферой, свободными, открытыми по характеру дискуссиями, направленными на улучшение проекта.

Надеемся, что выполненное исследование станет достойным подарком жителям города к 45-летию юбилею Нижневартовска (9 марта 2017 г.), ознакомившись с которым, вартовчане, вероятно, более трепетно и патриотично будут относиться к его истории, беречь то, что имеет город, заботиться о его процветании, нести ответственность за собственную деятельность.

Литература

1. Алексеева Л. В. Проект «История Нижневартовского района» // Нижневартовский район в судьбах Югры и России : материалы всерос. науч.-практич. конф., посвящ. 85-летию со дня образования Нижневартовского района. Нижневартовск : Изд-во НГГУ, 2013. 150 с.
2. Алексеева Л. В. Труды преподавателей и аспирантов кафедры истории России о прошлом Югры и методике преподавания ее истории (к 10-летию кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета) // Третья Югорская полевая музейная биеннале (Ханты-Мансийск, 2008) : Сб. докладов и сообщений. Екатеринбург : Баско, 2010. 272 с.

3. Каценеленбаум Б. З. Этические аспекты научной работы. URL: voitovich.iarpm.lviv.ua/ukr (дата обращения: 25 января 2016 г.).

4. Солодкин Я. Г. Первое десятилетие кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета: основные направления научного поиска // Науч. тр. преподавателей каф. истории России НГГУ : библиограф. указ. Нижневартовск : Изд-во НГГУ, 2008. 72 с.

5. Солодкин Я. Г., Цысь В. В., Алексеева Л. В., Прищепа А. И. Историческая наука Югры – от любительского краеведения к формированию научных школ // Преподавание истории в школе. 2013. № 2. С.12–16.

УДК 394.3(091)(571.122)

*Банникова Н. А.
Bannikova N. A.*

ДЕТСКАЯ ИГРОВАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.

CHILDREN PLAY CULTURE OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA RUSSIAN OLD RESIDENT POPULATION IN LATE XIX – FIRST HALF XX CENTURIES

Статья посвящена истории развития детских игр русского старожильского населения севера Западной Сибири. Рассматривается влияние игр на воспитание детей и обучение их необходимым бытовым навыкам в процессе игры.

Ключевые слова: игры, воспитание, обучение, дети, старожильское население, лапта, качели, горки, Север, Западная Сибирь.

Один из важнейших видов детской деятельности – это игра. В процессе игры дети учатся общаться друг с другом, примерять на себя разные роли. У игры, помимо задачи «развлечь» ребенка, есть и задачи – «развить» и «воспитать». Можно сказать, что игра является эффективным средством формирования личности ребенка, раскрывающая разные черты его характера. Один комплекс игр направлен на физическое развитие ребенка, другой делает упор на интеллектуальные способности детей.

К первому ряду игр детей русского старожильского населения севера Западной Сибири, к примеру, относятся игра в лапту или игра в мяч. Примером игры второго ряда, развивающей интеллект ребенка, можно считать обычную игру в загадки. При этом стоит отметить, что некоторые игры имели и негативное влияние на детей. Например, играя в «жмурки», ребенок мог удариться. Любимая же всеми мальчиками игра в «бабки» требовала усиленного напряжения мышц кисти руки, что, в свою очередь, плохо сказывалось в период обучения чистописанию и портило почерк [1, с. 28].

Изучив игровую детскую культуру русского старожильского населения севера Западной Сибири в конце XIX – первой половине XX вв., мы можем сделать вывод, что дети играли зимой и летом, существовали отдельные игры для девочек и мальчиков, были игры с правилами и без них. В целом игры можно разделить на два вида: подвижные и интеллектуальные. Также следует отметить, что игры детей русского старожильского населения севера Западной Сибири были во многом схожи с играми детей, проживавших на территории всей Сибири и России в целом. В разных уголках страны дети играли в «лапту», «городки», «бабки», «перебежки», «пряталки», «жмурки» и др.

Рассмотрим детскую игровую культуру изучаемого нами этноса и периода с разных сторон. Как было отмечено выше, игры бывали сезонными – летними и зимними. Вероятно, в связи с умеренно-континентальным климатом севера Западной Сибири летних игр больше, чем зимних. Согласно изученным источникам – более 20 и 5 соответственно. К летним относятся такие игры, как «лапта», «хоровод», различные игры с мячом, «городки» и т.д. Это довольно известные игры, в которые до сих пор играют дети. Также начиная с Пасхи, как только подсыхала земля, и на протяжении всего летнего периода делались качели, которые пользовались любовью не только у ребятишек школьного возраста, но и у взрослой молодежи. К летним забавам можно отнести игры в воде, то есть купание в реке, которым в основном увлекались мальчики.

Среди малоизвестных зимних игр встречается игра «Юла». Это не привычный нам крутящийся волчок, а гладкая и заостренная с обоих концов деревянная палка, которую бросали со всей силы на гладкий снег или лед, и она катилась быстро и далеко, «выполняя» различные зигзаги. Также зимой играли «в щуку». Эта игра тоже проводилась с палочкой, которую и называли «щучкой», только заостренным был один конец, а второй был тупым. Эту палочку бросали острым концом вперед, на дорогу, и смотрели, чья щучка укатится дальше.

К другим любимым детским развлечениям зимы мы отнесли игру в снежки, лепку снежных баб, катание на коньках и с горки. Особо интересна технология изготовления коньков в домашних условиях. Их делали из твердой витой березы по размеру валенка, а затем накаленным докрасна металлическим стержнем деревяшку прожигали насквозь в двух местах, со стороны пятки и у носка. В отверстия продевали сыромятные ремешки. У пятки ремешок завязывали в петлю, охватывающую валенок сзади. Через эту петлю продевались справа и слева концы более длинного переднего ремешка, крепко натягивались и завязывались спереди у нижней части голенища валенка. Затем специально выструганной березовой палочкой ремешки, идущие от носка, несколько раз скручивали вместе, отчего крепление конька к валенку становилось еще прочнее, и можно было кататься без помех. Нижняя часть березовой болванки-конька делалась в 1,5–2 см шириной, и на нее накладывалась железная полоска – кусок старого обруча от деревянной кадки. Такие коньки лучше скользили по накатанной дороге.

В декабре дети строили трехскатную горку – «катушку». Обычно на естественном склоне берега реки. Катались с этой горки на чем угодно: самодельных санках, коровьей шкуре, коньках и досках. Стоит отметить, что на горках катались не только дети, но и молодежь, а также взрослые. Зимние катания с горки продолжались вплоть до прощенного воскресенья. Некоторые летние игры могли проводить и зимой в доме, иногда меняя некоторые условия, чтобы никому не мешать. Так, например, играли в «жмурки», «прятки», «шапку-бабку» [2, с. 8].

Рассмотрим детскую игровую русского старожильческого населения севера Западной Сибири по половой принадлежности. В ходе нашего исследования мы выяснили, что девочки водили хороводы, иногда разбавляя его «догонялками» и играли с куклами, как со своими будущими младенцами: кормили, качали на руках, укладывали в постель и пели колыбельную. Это были самошитные куклы из лоскутов и отрезков ненужных тканей. Из этих же лоскутов и отрезков девочки делали постель и одежду для своих куколок. Помимо этого, девочки играли с ненужной домашней утварью, флакончиками от духов, яркими осколками разбитой посуды и др. Играя, девочки постепенно понимали свое женское предназначение и учились вести домашнее хозяйство, а также быть помощницами мамы, постепенно становясь взрослой самостоятельной хозяйкой.

У мальчиков игрушки были тоже самодельные. Прежде всего, это были лошадки и упряжки из спичечных коробок. Изготавливали такую «упряжь» следующим образом. Коробка из-под спичек, после того как к ней прикручивали с обеих сторон оглобли из березового прутика, становилась санями, футляр от спичечной коробки изображал лошадь. Проколов его иглой, в отверстие продевали двойную нитку, – это были гужи. Дугу гнули из того же березового прутика. Затем футляр-лошадь впрягали в оглобли, и упряжка была готова.

Мастерили их помногу, так что получался целый обоз. В сани грузили разные игрушки, и обоз отправлялся по полу избы в далекий путь до неведомого города. Там сани разгружали, переносили груз в мнимые амбары, брали новую поклажу, и обоз возвращался домой. Были и более «будничные» поездки: за дровами, сеном, вывозили снег и навоз.

Мальчики постарше преимущественно играли в подвижные игры, связанные с перебежками либо с метанием мяча/шарика/бабки. Игра «бабки» – одна из самых любимых и популярных у мальчиков изучаемого нами периода. «Бабки» изготавливались из находящихся около копыта костей ног крупного рогатого скота. В каждой семье обязательно были коровы в количестве, зависящем от достатка и численности членов семьи. Отваренные кости отдавали сыновьям родители после приготовления холодца. Таким образом, у каждого мальчика были свои «бабки», которые иногда заливали металлом, например свинцом, чтобы они становилась тяжелее. Такой тяжелой «бабкой» было легче выиграть. Существовало несколько вариантов игр с «бабками»: их выбивали на улице из гнезд для каждой поставленной «бабки»; их выбивали из неглубокой круглой ямки, вырытой в земле. Существовал вариант игры для дома, когда «бабки» всех играющих мешались в шапке, которую переворачивали. «Бабки» вывалились, и по тому, как они легли, определяли, кто что выиграл [2, с. 5]. «Бабки» были популярны не только в Западной Сибири, но и по всей России. В детской среде «бабки» имели большую ценность, ими очень дорожили. Иной раз, если по улице шел плачущий мальчик, то можно было предположить, что он проиграл все «бабки» [3, с. 10].

Стоит отметить, что подвижные игры преобладали над интеллектуальными или более спокойными играми. Одной из распространенных подвижных игр можно назвать «лапту», или «перебежки». В нее играли и молодые мужчины, особенно в воскресенье или в праздничные дни. Почти на каждой улице собиралось по 6–10 ребят. Сачала они выбирали место, где будут играть, а потом начиналась игра. У детей младшего возраста мячи были скатанными из овечьей шерсти, у старшего – гуттаперчевые; резиновых не было. Игра в перебежки заканчивалась с наступлением купального сезона [2, с. 6].

Некоторые подвижные игры русского старожильческого населения севера Западной Сибири по правилам были схожи с детскими играми угорских народов. К таким можно отнести игру «медведь и ягодыники». Те же «бабки» были в ходу и у детей ханты, но правила несколько отличались. Это говорит о том, что дети перенимали игровую культуру друг у друга, а также некоторые умения и навыки.

Из популярных интеллектуальных игр можно назвать: «загадки», игру «в учителя», «золото хоронить» и похожую на нее игру «в трубочистов». Смысл последних двух игр был в том, чтобы угадать водящему в какой руке и у кого, спрятана вещь [1, с. 25].

Итак, отметим, что игровая культура русского старожильческого населения изучаемого нами региона довольно разнообразна и направлена, прежде всего, на развитие детей. В целом можно сказать, что игры для детей любого региона и возраста имеют большое значение для воспитания и приобретения нужных навыков для жизни. Детские игры, после физических трудов и умственных занятий, наглядно обнаруживают характер и наклонности играющих. Игры являются средством и возможностью для старших, чтобы направить детей в нужное жизненное русло, в соответствии с их умениями и наклонностями.

Играли мы, играли наши отцы и деды. Их любимые игры до сих пор живы в бытии новых поколений: мальчики также играют в «лапту», а девочки – в «семью».

Литература

1. Голодников К. Этнографический очерк // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус. Тюмень, 2004.
2. Кузнецов А. В. Мой Сургут: [Воспоминания]. Ханты-Мансийск ; Шадринск : Исеть, 1996. 70 с.
3. Славянский ход. Ханты-Мансийск. Сургут, 2008.

УДК 327(091)(571.122)

Бобейко В. И.

Vobeiko V. I.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ХМАО – ЮГРЫ В ЭПОХУ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

ХМАО – UGRA HISTORY GEOPOLITICAL ASPECTS IN ERA OF MODERN TIMES

Статья посвящена различным аспектам геополитического пространства в истории ХМАО – Югры за период с начала двадцатого века до настоящего времени.

Ключевые слова: геополитика, история, ХМАО – Югра, Россия, СССР, эпоха новейшего времени.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, являющийся в настоящий момент субъектом Российской Федерации, по географическому положению занимает центр Западно-Сибирской равнины и находится в средней части территории страны. Именно благодаря ресурсному и коммуникационному контролю над территорией Западной Сибири Россия как актор международной политики и мировой экономики занимает центральное место в Евразии. Роль геополитического пространства Западной Сибири и, соответственно, ее югорского центра определяется рядом таких факторов, как срединное геостратегическое положение в евразийском хартленде между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом, богатство разведанного и уже осваиваемого сырья, соседство мощных технологических центров добычи и переработки сырья со слабо освоенными районами [1; 4].

Югорский климат – умеренный континентальный, характеризующийся быстрой сменой погодных условий, особенно в переходные периоды. Существенное влияние на климат оказывают особенности поверхности Югры: равнинный характер, открытость территории арктическим воздушным массам, обилие рек, озёр, болот. Практически весь округ расположен в пределах зоны таёжных лесов, причем эти леса сильно заболочены. В северных районах большое влияние оказывает вечная мерзлота. Это обусловило то, что часть территории ХМАО – Югры (Белоярский и Берёзовский районы) относится к районам Крайнего Севера, а остальная поверхность округа приравнена к районам Крайнего Севера [8].

В начальный период новейшей истории, как и ранее, центр Западно-Сибирской равнины был для России «геополитическим пограничным полем» – пространством, находящимся под полным контролем государства, но недостаточно им освоенным с политической, демографической, экономической и других точек зрения [о значении термина см. 5]. Еще в конце XIX – начале XX вв. традиционные, известные с начала XVI в. интересы и цели освоения Западной Сибири (сбор налога, поиск руд, обмен и скупка пушнины) были дополнены новыми, связанными с модернизацией Российской империи. Но тогда затраты на колонизацию, эксплуатацию и развитие региона оказались слишком велики, будучи направленными, в основном, на подготовку условий для начала промышленного освоения Западно-Сибирской равнины (обустройство транспортных коридоров, геостратегических точек по периметру региона и др.).

Международное положение после первой мировой войны и ряд кризисов в развитии Версальско-Вашингтонской системы (в особенности, «военная тревога» 1927 г.) потребовали от правительства СССР повысить уровень государственной обороны и с этой целью резко активизировать реформы и программы по модернизации экономики и усилению государства. Это вызвало дополнительные меры по обеспечению ввода в хозяйственный оборот ресурсов

из новых осваиваемых регионов, в том числе из Западной Сибири. Практическая деятельность по освоению северных регионов СССР, в том числе и территории Западно-Сибирской равнины, была объективно сопряжена с повышенными затратами и требовала дифференцированного подхода, однако в дальнейшем, в долгосрочной перспективе, обещала высокую отдачу [9, с.199].

Среди прочих мер, направленных на освоение северных регионов СССР, были проведены административно-территориальные реформы на территории Западно-Сибирской равнины. 10 декабря 1930 г. был образован Остяко-Вогульский национальный округ в составе Уральской области. Как административное образование Остяко-Вогульский национальный округ обозначил границы территориального расселения народов Севера – остяков (ханты) и вогулов (манси), выражал их особый государственно-правовой статус, но по объёму прав мало чем отличался от обычной административно-территориальной единицы [2, с. 321–322; 8].

Центральные и областные власти тут же использовали новое образование, организовав при помощи административно-охранительных мер насильственную трудовую миграцию для освоения территории округа. При опоре на труд более 37 тыс. спецпереселенцев, в основном, из раскулаченных крестьян в округе были построены городские центры и введены новые производственные мощности в рыбной промышленности, строительстве, лесном хозяйстве. С начала 1930-х гг. на территории Остяко-Вогульского национального округа были предприняты первые шаги по поиску и разведке нефти и газа [6, с. 32–34].

На начальном этапе промышленного освоения югорского центра Западно-Сибирской равнины в правительствах СССР и РСФСР шел поиск вариантов управления, которые обеспечили бы оптимальную организацию и хозяйственную специализацию осваиваемой территории. С 1930 по 1934 гг. Остяко-Вогульский национальный округ входил в Уральскую область, в 1934 г. – в Обско-Иртышскую область, с 1934 по 1944 гг. – в Омскую область. В составе этой области 23 октября 1940 г. округ переименован в Ханты-Мансийский национальный округ, а Остяко-Вогульск – в Ханты-Мансийск. 14 августа 1944 г. Ханты-Мансийский национальный округ включен в состав Тюменской области [8].

После второй мировой войны и на начальной этапе «холодной войны» были приняты дополнительные меры и программы по освоению Западной Сибири и, в частности, территории Югры. Все затраты полностью оправдались. В сентябре 1953 г. в Березове геологоразведочной партией А. Г. Быстрицкого на скважине Р-1 впервые в Западной Сибири был получен природный газ. В июне 1960 г. бригада бурового мастера С. Н. Урусова впервые в Западной Сибири нашла нефть в районе Шаима. Затем последовали открытия Мегионского, Западно-сургутского, Покурского, Ватинского, Мамонтовского, Салымского, Правдинского и многих других месторождений [6, с. 35–48].

Начиная с 1950-х – 1960-х гг., после открытия больших запасов нефти и газа, освоение территории Югры пошло промышленными темпами и масштабами средствами индустриальной модернизации. С этого времени Югра стала превращаться в один из важнейших природно-ресурсных регионов государственно-национального и глобального значения. Водные, энергетические, сырьевые, аграрные и другие ресурсы, а также транспортные коридоры на югорской территории обрели всенародную известность и славу (например, знаменитое уже на весь мир Самотлорское месторождение).

Характерным признаком югорской земли стала урбанизация как составная часть индустриальной модернизации. В июне 1965 г. рабочие посёлки Сургут и Урай были преобразованы в города окружного значения [7]. За этими пионерами урбанизации последовали Нефтеюганск, Нижневартовск, Мегион, Когалым, Лангепас, Радужный, Нягань, Белоярский, Пыть-Ях.

Важные изменения в государственно-политический статус Ханты-Мансийского национального округа внесли Конституция СССР 1977 г. и Конституция РСФСР 1978 г. Округ был объявлен автономным, получил представительство в высших органах государственной власти СССР, наделён правом законодательной инициативы [3, с. 231, 306–309; 8]. В резуль-

тате этих изменений был установлен более совершенный административный и управленческий контроль над территорией ХМАО в составе Тюменской области.

Еще большими правами, обязанностями и ответственностью Ханты-Мансийский автономный округ был наделен в ходе реформ 1991–1993 гг. в Российской Федерации. Конституция РФ 1993 г. сделала регион равноправным субъектом федерации. В июле 2003 г. округ получил своё нынешнее название (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра).

В настоящий момент Югра является основным нефтегазоносным районом России и одним из крупнейших нефтедобывающих регионов мира, относится к регионам-донорам России и лидирует по ряду основных экономических показателей. Первое место округ занимает по добыче нефти и по производству электроэнергии, второе – по объёму промышленного производства, по добыче газа и по поступлению налогов в бюджетную систему, третье – по объёму инвестиций в основной капитал. В последние десятилетия в округе продолжаются и процесс урбанизации, и преобразование структуры административно-территориального управления [8].

Однако специфика ресурсного пространства Югры, ее географические и климатические особенности, а также преимущественное развитие индустриального сектора определяют и основные проблемы автономного округа, а именно проблемы экологические.

С 1990-х – 2000-х гг. проблемы размещения и утилизации отходов, загрязнение атмосферного воздуха, водных объектов и земель, трансформация среды обитания животного и растительного мира – эти и другие факторы начали оказывать существенную нагрузку на окружающую среду. Конечно, на территории Югры реализуется окружная программа экологической безопасности на 2014–2020 гг. Тем не менее, в «Красную книгу Югры» уже внесены десятки и сотни видов растений, грибов, животных.

Между тем, территория ХМАО – Югры обладает не только природными, но и культурно-историческими ресурсами. На территории округа находятся музеи, театры, археологические и другие комплексы [8; 10]. Становится всё более насущной проблема освоения и этих ресурсов, имеющих информационную природу.

Таким образом, геополитические характеристики Югры, находящейся в центральной части Западно-Сибирской равнины, обусловили особенности присоединения, удержания, освоения и эксплуатации ее территории, коммуникаций и ресурсов. В течение периода новейшей истории процесс освоения югорского пространства прошел последовательно через ряд этапов, в течение которых государство и общество нашей страны сталкивались с различными проблемами. В процессе разрешения этих проблем использовались, как правило, новые подходы и средства (на тот, конкретно-исторический период развития страны), но неизменным требованием было одно – установление более надежного контроля России (СССР) как актора международной политики и мировой экономики над линиями коммуникаций и потоками ресурсов на территории Югры и всей Западно-Сибирской равнины.

Литература

1. Быковский В. А. Север Западной Сибири на рубеже третьего тысячелетия. Региональная экономика и социальные проблемы. Екатеринбург : Баско, 2002. 272 с.
2. История национально-государственного строительства в СССР, 1917–1978 : в 2 тт. 3-е изд., доп. и перераб. М. : Мысль, 1979. Т. 1. 424 с.
3. История национально-государственного строительства в СССР, 1917–1978 : в 2 тт. 3-е изд., доп. и перераб. М. : Мысль, 1979. Т. 2. 399 с.
4. Мазур В. В. «Геополитический потенциал Западной Сибири в региональном развитии России» : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005.
5. Плешаков К. В. Геополитика в свете глобальных перемен // *Междунар. жизнь*. 1994. № 10. С. 31–37.
6. Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. Сургут : Диорит, 2005. 256 с.

7. Прищепа А. И. Некоторые аспекты истории градостроительства Сургута (1960-е – 1980-е гг.). // *Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее : сб. науч. статей / отв. ред. Т. А. Исаева. Сургут: Диорит, 2004. С. 170–183.*

8. Общие сведения // Ханты-мансийский автономный округ – Югра : единый официальный сайт государственных органов. URL: <http://www.admhmao.ru/ob-okruga/obshchie-svedeniya> (дата обращения: 04.05.2015).

9. Траектории проектов в высоких широтах / под ред. Ю. В. Неелова и др. Новосибирск : Наука, 2011. 440 с.

10. ХМАО – Югра. Общая характеристика // сайт ГИВЦ Министерства культуры РФ. URL: <http://www.givc.ru/projects/passportculturalregions/448> (дата обращения: 03.05.2016).

УДК 021 (091)(571.122) «1980»

*Давыдова А. О.
Davydova A. O.*

КНИГА НА ВСЕСОЮЗНЫХ УДАРНЫХ СТРОЙКАХ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА В 1980-е гг.

NOTION OF BOOK AT ALL-UNION TOP-PRIORITY CONSTRUCTION PROJECTS OF TYUMEN NORTH IN 1980s

В данной статье рассмотрены проблемы работы библиотек на обширной территории Тюменского севера в период интенсивной разработки нефтегазовых месторождений. На основе исследования архивных документов и опубликованных документов описываются особенности библиотечного обслуживания молодых геологов, строителей, нефтяников и газовиков, участвовавших в промышленном освоении региона.

Ключевые слова: библиотеки, книга, чтение, Комсомольская стройка.

Интенсивное развитие Тюменского севера в рассматриваемый период связано с освоением нефтегазовых месторождений Западной Сибири. Данное обстоятельство вызвало огромный поток в этот регион молодых специалистов: геологов, строителей, нефтяников и газовиков. Основная часть прибывших работала на 15 Всесоюзных ударных коммунистических стройках, действовавших на обширной территории севера Западной Сибири (далее – ВУКС). К середине 1980-х гг. здесь было обустроено свыше 100 вахтовых поселков, действовало 250 буровых комплексов и буровых бригад [5, л. 17].

Средний возраст населения Тюменского севера в изучаемый нами период составлял 26,4 года. Прибывшие специалисты ощущали острую потребность в повышении своего культурного уровня, рациональном проведении своего свободного времени. Возможностей для этого было далеко не достаточно – строительство объектов культуры значительно отставало от интенсивного развития нефтегазовой промышленности. Поэтому основной формой проведения досуга являлось чтение книг. Согласно проведенным в течение нескольких лет исследованиям в 1980-х гг. чтению книг, газет, журналов и художественной литературы посвящало 82 % опрошенных молодых мужчин и 94,5 % женщин [1, с. 94].

В этой связи, вне всякого сомнения, значительную роль играла деятельность библиотек изучаемого нами региона. Вновь прибывших специалистов они обслуживали не только в существующих сельских поселениях, но и во вновь построенных городах и поселках. Библиотеки в своей работе руководствовались рядом документов. Для того чтобы максимально расширить географические рамки библиотечного обслуживания, специалисты использовали

сеть внестационарных библиотечных пунктов. Так, в 1980-х гг. в свыше 600 буровых поселениях, мелких населенных пунктах и производственных участках работало 4 160 таких библиотечных пунктов от государственных и профсоюзных библиотек. Таким образом, четвертая часть всех читателей обслуживалась внестационарными формами.

Библиотекари вели обслуживание по единому плану работы библиотек всех ведомств. К примеру, все организации, работавшие на одной из ВУКСов – газопроводе «Уренгой – Помары – Ужгород» – и компрессионные станции газопровода были взяты на групповое библиотечное обслуживание. На протяжении всей газотрассы, пролегающей по территории Тюменского севера, библиотечное обслуживание строителей вели 12 государственных и 6 профсоюзных библиотек. Ими было организовано 38 библиотечных передвижек с книжным фондом около 20 тыс. экз. [5, л. 152]. На трассе нефтепровода «Самотлор – Альметьевск» было организовано 29 передвижных библиотек с книжным фондом 4 тыс. экз. [6, с. 3].

Профсоюзные библиотеки имели достаточно обширные фонды, позволяющие открывать свои филиалы на трассе. Интересен опыт Сургута. К примеру, библиотека треста «Сургутнефтепромстрой» с фондом в 25 тыс. книг обслуживала читателей только через внестационарные формы библиотечного обслуживания. Техническая библиотека «Сургутнефтегаза» также открывала передвижные библиотечные пункты [7, с. 25]. В филиале профсоюзной библиотеки треста «Сургуттрубопроводстрой» насчитывалось 10 тыс. экз. Эта библиотека организовала передвижки с книжным фондом в 100–150 томов в ряде трассовых поселков, в том числе Солнечном, Междуреченском и Солкино [10, с. 1].

Библиотекари не только обслуживали читателей книгами из собственных фондов, но и участвовали в сборе литературы для трассовиков. В начале 1980-х гг. совместно с обществом книголюбов и комитетами комсомола библиотеки Тюменского севера собрали у населения и передали в дар строителям более 20 тыс. книг [5, л. 124].

Формирование книжных фондов библиотек ВУКСов имело свои особенности. Книги в эти библиотеки поступали из разных источников. Основным источником комплектования библиотек, действующих на территории ВУКСов, являлся Тюменский областной бибколлектор. В справке этого учреждения «О комплектовании библиотек Тюменской области» за 1982 г. отмечено, что бибколлектор занимался комплектованием 819 библиотек, работающих в районах ВУКСов. В частности 237 библиотек Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) и 544 Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО). В эти библиотеки отправлялась художественная и техническая литература. Стоит отметить, что в 1980–1981 гг. почти весь прирост товарооборота бибколлектора направлялся в эти библиотеки, в то время как доставка книг в Южные районы Тюменской области шла значительно медленнее. В 1982 г. продажа книг бибколлектором каждой библиотеке, расположенной в районах ВУКС в среднем составляла 920 руб. В среднем же по области эта цифра равнялась 600 руб. В целом отправка книг в эти библиотеки увеличивалась с каждым годом. В табл. 1 представлены количественные данные, подтверждающие этот рост [3, л.13].

Таблица 1

**Продажа книг Тюменским бибколлектором библиотекам
районов ВУКС в 1980–1982 гг.**

Год	ЯНАО (тыс. руб.)	ХМАО (тыс. руб.)
1980	90,0	227,0
1981	133,0	390,0
1982	168,0	420,0

Однако порой библиотеки недополучали книги по запросам молодых специалистов ВУКСов. Так, библиотеки ЯНАО за 1982 г. недополучили 76 % литературы. Например, из 10

заказанных экз. книги «Технология бурения глубоких скважин» было получено всего две. Всего 5 из 15 было получено книги «Арматурные и бетонные работы», а остро необходимую книгу Ерошкина Н. «Устройство буровых», заказанную библиотеками в количестве 30 экз., они не получили вовсе [9, с. 4].

Библиотекарей зачастую выручали книголюбцы страны, собиравшие литературу для молодых тружеников ВУКСов. Например, комсомольцы Смольнинского района Ленинграда в подарок строителям Нового Уренгоя собрали 15 тыс. книг [4, с. 2]. Более пяти лет работники Московской железной дороги в порядке шефской помощи собирали и отправляли для тружеников Тюменского севера специальную научно-техническую литературу по геологии, газопроизводству и нефтедобыче. Объединение «Башнефть» собрало и отправило нефтяникам Когалыма библиотеку художественной и технической литературы в несколько сот томов [2, с. 4].

Сбор литературы для библиотек организовывали и комсомольцы предприятий, работавших на ВУКСах. Так, по предложению комсомольцев объединения «Нижневартовскстрой» был организован сбор литературы для молодежи строительной площадки № 2, занимавшейся строительством города для нефтяников близ Самотлорского месторождения – Нижневартовска. Комсомольцы этого предприятия передали несколько тысяч томов книг в поселковую библиотеку города Радужный [11, с. 14].

Книги порой были в плохом состоянии. Например, в 1982 г. в нижневартовскую библиотеку в основной своей массе поступили ветхие, устаревшие по содержанию книги без пометки кем подарены. Зачастую книги, которые собирали книголюбцы страны для нефтяников, газовиков и строителей приходили на самые разные адреса. Помимо библиотек они высылались в горкомы комсомола, штабы ВУКСов, на отдельные предприятия. Например, книголюбцы Киева прислали литературу для Белозерского газоперерабатывающего завода. Школьники Москвы собрали для нижневартовских ребят учебники. В такой ситуации судьбу книг отследить было крайне сложно. В октябре 1980 г. был сформирован из грузинских комсомольцев отряд им. Олега Кошевого для работы в городе Нижневартовске из 150 человек. Центральный комитет ленинского союза молодежи Грузии (ЦК ЛСМГ) выделил отряду библиотеку в 150 томов. По прибытию в город часть книг раздали, а часть передали в библиотеку общежития, где на первых порах книги выдавались безо всякой записи [11, с. 15].

Кроме того, по решению Центрального комитета Всесоюзного ленинского союза молодежи (ЦК ВЛКСМ) в библиотеки ВУКСов поступали ценные книги по всем отраслям знаний из центрального библиотечного фонда государственной республиканской юношеской библиотеки (ГРЮБ). В первую очередь, согласно договору с ЦК ВЛКСМ ленинградский магазин «Книжная лавка писателя» отправлял книги в библиотеки Тюменского севера.

Библиотекари активно работали с молодыми читателями, используя разнообразные формы работы. Помимо организации книжных выставок, они проводили диспуты, литературные вечера, обзоры литературы, читательские конференции. Сургутские библиотекари для обсуждения выбирали произведения советских писателей: «Живи и помни» В. Распутина, «Берег» Ю. Бондарева, «Обмен» Ю. Трифонова, «Иду на грозу» Д. Гранина [7, с. 26].

Библиотекари Нижневартовска к 65-летию ВЛКСМ организовали и провели в городе «Неделю молодежной политической книги». В городской газете они вели постоянную рубрику «Круг твоего чтения». В библиотеках проводились краеведческие чтения, литературные гостиные, вечера у нефтяников Самотлора [8, с. 3]. Были частыми встречи с советскими писателями и поэтами. В начале 1980-х гг. в гостях у тружеников ВУКСов побывали литераторы из Москвы, Свердловска, Барнаула, Тюмени, Новосибирска: В. Топров, В. Ковта, Л. Сушкова, Ю. Осипов, Н. Черкашин, Н. Шамсутдинов и многие другие. В марте 1983 г. молодых строителей Тюменского севера посетила группа писателей во главе с секретарем Союза писателей РСФСР Ю. Т. Грибовым.

Таким образом, библиотеки, действовавшие на территории ВУКСов, внесли значительный вклад в обеспечение книгой молодых специалистов Тюменского севера и способствовали интенсивному развитию библиотечной сети региона.

Литература

1. Аверин А. А. Социально-экономическое развитие нефтегазового региона Западной Сибири и роль молодежи в его освоении. М. : Высш. шк., 1990.
2. Библиотека нефтяникам Когалыма // Тюменская правда. 1986. 20 июня.
3. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1880. Оп. 1 Д. 413.
4. Гончаренко М. Библиотека едет в Новый Уренгой // Тюменский комсомолец. 1982. 27 янв.
5. ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1 Д. 969.
6. Калашникова В. Библиотеки и социалистическое соревнование // Ленинская правда. 1983. 7 авг.
7. Кондакова Л. Ю. Библиотеки в социальной истории Обского севера: из прошлого библиотечного строительства в Сургуте в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. // Библиосфера. 2006. № 4. С. 21–28.
8. Коросткина А. Вечера у Самотлора // Тюменская правда. 1984. 6 марта.
9. Кудрявцева Г. С. Особенности развития и использования фондов библиотек, обслуживающих ВУКСы // Текущ. архив фонда метод. кабинета Тюменск. обл. науч. б-ки. 1984.
10. Никифоров А. Книга на трассе // Советская культура. 1983. 14 мая.
11. Огрызко В. Книголюбы комсомольской ударной // Книжное обозрение. 1982. № 20. С. 14–15.

УДК 94(571.122-21Березов)«18/19»:930

Ершов М. Ф.

Ershov M. F.

БЕРЕЗОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВВ. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

BEREZOV CITY OF END XVIII – BEGINNING XX CENTURIES IN SOVIET HISTORIOGRAPHY

В статье осуществлен анализ научной литературы об историческом прошлом города Березова конца XVIII – начала XX вв. Доказывается, что в советской историографии уделялось незначительное внимание данному объекту изучения. Однако со временем в исторической урбанистике Сибири произошло расширение круга изучаемых вопросов.

Ключевые слова: Березов, историография, урбанистика.

Любой город многогранен, поэтому при его изучении историки вынужденно редуцируют ряд аспектов социальной жизни. Нередко историческая информация используется выборочно, либо она подстраивается под заранее сделанные выводы. Всё вышеизложенное наложило отпечаток на советскую историографию провинциальных городов. Она отличалась фрагментарностью. Данная тенденция отобразилась и на изучении дореволюционного Березова. В наших предшествующих работах показано, что Березов слабо соответствовал стереотипам образа города [8; 9]. Цель настоящей публикации – анализ советской историографии о Березове конца XVIII – начала XX вв. Исследуется специфика научного освещения данного временного отрезка в исторической эволюции города. Наличие внегородских связей в дореволюционной России привело к расширению номенклатуры анализируемых трудов за счет привлечения публикаций по общесибирской проблематике.

Историография советского периода восприняла и усилила многие положения дореволюционной исторической науки, опираясь на методологию марксизма. В научных работах

после 1917 г. утвердилось господство идеологических схем. Ограничение исследовательских принципов единой теоретической основой, деформированной российскими реалиями, сыграло отрицательную роль. Вульгаризация и односторонность были особенно острыми в первые десятилетия советской власти. В исторических трудах того времени преимущественно раскрывался негатив о прошлом. Примером подобного подхода является брошюра секретаря общества изучения края при Тобольском музее М. П. Копотилова [17]. Исследованиям региона отводилась исключительно утилитарная роль: они были нацелены на поиск местных ресурсов. С началом форсированной сталинской модернизации фактически последовало запрещение краеведения, что прервало процесс накопления исторических знаний. Для исследований небольших «мещанских» городов это имело отрицательные последствия. Так, например, история Березова середины XIX в. была лишь отчасти отображена в книге о восстании Ваули Пиеттомина [3].

В ходе Великой Отечественной войны произошло осознание идеи государственности. Оно содействовало оживлению исторических исследований по местной тематике, хотя и при сохранении большинства негативных оценок прошлого. Так, например, господствующему официозу полностью соответствовала монография М. Е. Бударина [2]. Потребность в изучении территорий за Уралом и необходимость понимания местной специфики способствовали появлению работ историко-географического характера. Книги Р. М. Кабо «Города Западной Сибири» [13] и Л. Е. Иофа «Города Урала» [9] стали классическими образцами в урбанистике. Для понимания экономических связей на обширных территориях Урала и Западной Сибири «Города Урала» представляют особый интерес. Эту книгу отличает «стремление характеризовать каждый город в индивидуальных чертах и особенностях». Данное положение сочеталось с экономико-географическим подходом, когда «в жизни каждого населенного пункта, особенно города, можно и нужно видеть отражение жизни всего государства» [9, с. 3–4].

Либерализация политического режима в середине 50-х гг. расширила возможности региональных исследований. Однако исторические работы отличала беглость изложения, упрощенное изложение исторических сведений, идеологическая перегруженность. Локальное историческое прошлое нередко лишь иллюстрировало теоретические обобщения. Критика обыденности постепенно вытеснялась местным патриотизмом, утратой ригидности. Для провинции, с её комплексами неполноценности, причастность к событиям общероссийского масштаба была достаточно значимой. Даже временное пребывание известных лиц становилось существенным обстоятельством для идентификации городского социума. Нет сомнения, что открытие нефтяных и газовых месторождений также содействовало оживлению интереса к истории Березова.

Отсутствие комплексных работ о городе отчасти возмещалось «отраслевым подходом». Советская историография доказала связи Березова с общероссийскими изменениями. Но окончательно пренебрежение к локальной проблематике так и не исчезло. В историко-этнографических трудах Н. А. Свешникова [33], М. М. Громыко [5], Н. А. Миненко [20; 21] осуществлен анализ социальной структуры, хозяйственной деятельности коренного и русского населения Северо-Запада Сибири, в том числе жителей Березова. Источники о населении отличались противоречивостью, что наложило отпечаток на историко-статистические исследования. Сведения о составе населения, которые привела М. М. Громыко [5, с. 55], противоречат данным В. М. Кабузана и С. М. Троицкого [14]. В 1991 г. вышел обобщающий сборник «Демографическое развитие Сибири периода феодализма» со статьями Д. Я. Резуна, М. Г. Рутц и А. Р. Ивонина о населении Северо-Западной Сибири, в том числе и о городском казачестве Березова [6]. Статистика второй половины XIX в. отличалась большей полнотой и точностью, поэтому в работах Г. Х. Рабиновича [25] и В. П. Шпалтакова [41] приоритетное внимание обращалось на анализ материалов о составе населения.

Со временем произошло расширение проблемного поля, и в исторической урбанистике Сибири появились такие специализированные сборники, как «История городов Сибири досоветского периода» [10]. Вышли книги об истории водного транспорта Сибири, особенно

важного для Березова [34; 1]. Были изданы работы о пребывании в Березове малолетнего П. П. Ершова [35; 36]. Анализ сибирских городов феодального периода в системе государственного управления осуществила В. В. Рабцевич [26; 27]. На рубеже конца 80-х гг. в исследованиях начал обобщаться ранее накопленный материал о рыночных отношениях. К их числу относятся публикации Д. Я. Резуна и О. Н. Бесединой [28], В. П. Шпалтакова [42]. Достаточно последовательно изучалась история народного образования в Западной Сибири. Применительно к Березову она была представлена работами Ф. Ф. Шамахова [21; 22; 23], Л. П. Михайловой [22], М. П. Малышевой [18; 19]. Изучалось и архитектурное наследие Березова, о чем свидетельствуют материалы книги, изданной в наше время [23].

Доминирующей темой советской историографии оставалась классовая борьба. Исследователь был обязан придерживаться партийной линии и использовать клишированные фразы при описании социальных движений. Каноничное изложение истории революционной борьбы начиналось с декабристов, в оценке которых присутствовали скрытые агиографические начала. Первые работы о декабристах на Севере Сибири появились уже в 20-е гг. [16]. Историографический массив о прошлом Березова пополнили работы декабристоведов П. И. Рощевского [33] и ряда других исследователей. Например, В. П. Павлов и В. И. Воробьев систематизировали сведения о местах ссылки декабристов [24]. Во второй половине XIX в. Тобольская губерния стала местом ссылки для участников польского освободительного движения. Интерес к ссыльным и к их политической позиции подталкивал исследователей к рассмотрению проблем взаимодействия революционеров с местным населением [33]. В работах В. Е. Фильгуса [37] и Л. П. Рощевской [29; 30; 31], несмотря на идеологическую предвзятость, затронуты вопросы повседневного быта местного населения. Характерно, что во втором (феодальном) – третьем (капиталистическом) томах «Истории Сибири» город Березов конца XVIII – начала XX вв. упоминается почти исключительно в связи с революционной борьбой и социальными выступлениями ссыльных [11; 12].

Неравномерность в изучении различных аспектов сибирской городской истории в советское время была признана Л.М. Горюшкиным и Н.А. Миненко [4, с. 89]. Данный вывод применим и к Березову. Его прошлое периода разложения феодальных и утверждения капиталистических отношений лишь в незначительной мере интересовало отечественную историческую урбанистику, занятую изучением масштабных процессов. В перспективе данное обстоятельство означало потенциальную возможность создания и актуализации псевдоисторических мифов.

Литература

1. Большаков В. Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX в. Новосибирск : Наука, 1991. 215 с.
2. Бударин М. Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск : Омск. обл. гос. изд., 1952. 200 с.
3. Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX в. Омск : Омск. област. изд-во, 1940. 114 с.
4. Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX вв.). Новосибирск, 1984. С. 89.
5. Громько М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск : Наука, 1965. 365 с.
6. Демографическое развитие Сибири периода феодализма : сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. 191 с.
7. Ершов М. Ф. Город Березов конца XVIII – начала XX вв. в дореволюционной историографии // Вестник урovedения. 2015. № 1 (20). С. 72–83.
8. Ершов М. Ф. Социокультурная эволюция городов Северного Зауралья в дореволюционный период: сравнительный анализ // Вестник урovedения. 2015. № 4. С. 79–90.

9. Иофа Л. Е. Города Урала. Ч. 1. Феодалный период. М.-Л. : Географгиз, 1951. 422 с.
10. История городов Сибири досоветского периода (XVII – начала XX в.). Новосибирск : Наука Сиб. отд-е, 1977. 303 с.
11. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Л. : Наука, 1968. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. 538 с.
12. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Л. : Наука, 1968. Т. 2. Сибирь в эпоху капитализма. 530 с.
13. Кабо Р. М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX вв.). М. : Географиздат, 1949. 225 с.
14. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав городского населения Сибири в 40–60-х годах XVIII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVIII–XIX вв.). Новосибирск : Наука, 1968. С. 172–173.
15. Кашихин Л. В., Копылов Д. И., Митина Н. П., Пекут Б. Г. Участники польского восстания 1863–1864 гг. в Тобольской ссылке. Тюмень : Тюмен. кн. изд-во, 1963. 76 с.
16. Коптилов М. П. Декабристы в Тобольском крае. Тобольск : Северянин, 1925. 39 с.
17. Коптилов М. П. Тобольский округ. Краткое описание. Вып. 1. Природа, история и административное устройство / Окрплан и об-во изучения края. Тобольск : Северянин, 1925. 26 с.
18. Малышева М. П. Из истории формирования педагогических кадров гражданских школ Западной Сибири // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск : Наука Сиб. отд-ние, 1978. С. 189–211.
19. Малышева М. П. Источники по истории просвещения Западной Сибири в конце XVIII – начале XIX в. // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX века. Новосибирск : Наука Сиб. отд-ние, 1987. С. 119–147.
20. Миненко Н. А. Русское население Нижнего Приобья в XVIII – первой половины XIX в. (источники, динамика размещения и сословный состав) // Вопросы истории Сибири (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск : Наука, 1973. С. 245–263.
21. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь: историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука, 1975. 391 с.
22. Михайлова Л. П. Школа Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Учен. зап. Тюменск. пед. ин-та. 1966. Сб. 32. Вып 7. 117 с.
23. Мыглан В. С., Видмидь Г. П., Майничева А. Ю. Берёзово: историко-архитектурные очерки. Красноярск : СФУ, 2010. 159 с.
24. Павлов В. П., Воробьев В. И. Декабристы в Сибири (справочные материалы) // Сибирь и декабристы. Вып. 5. Иркутск : Восточно-Сиб. кн. изд-во, 1988. С. 238–271.
25. Рабинович Г. Х. Источники формирования и состав городской буржуазии Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск : Сред.-Уральск. кн. изд-во, 1975. С. 117–124.
26. Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск : Наука, 1984. 197 с.
27. Рабцевич В. В. Управление городами в Сибири последней четверти XVII – первой половины XIX вв. // Сибирские города XVII – начала XIX вв. Новосибирск : Наука, 1981. С. 155–173.
28. Резун Д. Я., Беседина О. Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск : Наука, 1987. 157 с.
29. Рощевская Л. П. Западносибирская политическая ссылка в период реакции 80-х гг. XIX в. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск : Наука Сиб. отд-ние, 1978. С. 141–159.
30. Рощевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Тюмень, 1976. 141 с.

31. Рощевская Л. П. Основные проблемы и историография политической ссылки Западной Сибири во второй половине XIX в. // Вопросы истории Западной Сибири. Вып. I. Тюмень, 1974. С. 56–97.
32. Рощевский П. И. Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. 168 с.
33. Свешников Н. А. Общественный строй народов Нижнего Приобья в конце XIX – начале XX веков // Вопросы истории Сибири (Учен. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена Т. 222). Л., 1961. С. 67–99.
34. Титов Г. Возникновение пароходства в Обь-Иртышском бассейне. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1990. 264 с.
35. Утков В. Г. Люди, судьбы, события. Новосибирск : Западно-Сиб. кн. изд-во, 1970. 240 с.
36. Утков В. Г. Предвестники. Связь времен. М. : Мысль, 1982. 189 с.
37. Фильгус В. Е. Деятели русского и польского освободительного движения 60-х годов XIX в. в Тобольской губернии // Связи революционеров России и Польши XIX – начала XX в. : сб. ст. М. : Наука, 1968. С. 294–312.
38. Шамахов Ф. Ф. Общественно-политическое движение шестидесятых годов и начальная школа Западной Сибири во второй половине XIX века // Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Т. XIV (юбилейный). Томск, 1955. С. 81–143.
39. Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1957. 270 с.
40. Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1966. 196 с.
41. Шпалтаков В. П. Динамика численности и структура городского населения Западной Сибири в дореформенный период (1795–1860 гг.) // Проблемы исторической демографии СССР : сб. статей. Томск : ТГУ, 1982. С. 61–71.
42. Шпалтаков В. П. Городская ярмарочная торговля в Западной Сибири в первой половине XIX в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма : сб. науч. ст. Новосибирск, 1990. С. 28–43.

УДК 658.114:656.62(571.1)

*Задорожная О. А.
Zadorozhnaya O. A.*

ПРАВОВОЙ СТАТУС «ТОВАРИЩЕСТВА ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ»

«ASSOCIATION OF THE WEST-SIBERIAN STEAMSHIP LINE AND TRADE» LEGAL STATUS

В данной работе показан процесс выбора формы объединения частного капитала судовладельцами Обь-Иртышского водного бассейна, указаны преимущества паевой формы для буржуазии.

Ключевые слова: пароходство, Обь-Иртышский водный бассейн, буржуазия, пайщики, паевое общество, концентрация, капитал, объединение, корпорация, Торговый Дом.

На Сибирь приходилось около половины внутренних водных путей Российской империи, поэтому речные перевозки становились важнейшей сферой вложения капитала и полу-

чения прибылей буржуазией. Кроме того, местная власть, заинтересованная в развитии региона, оказывала всяческую помощь при создании, а затем деятельности пароходств.

Со второй половины XIX в. наблюдался процесс правового оформления речных компаний, что было связано, прежде всего, с процессом модернизации всей российской экономики в пореформенный период. Российское законодательство предоставляло возможность объединения капитала, а развивающаяся конкуренция ставила судовладельцев перед необходимостью его (капитала) укрупнения, что было не совсем выгодно и не совсем привычно [3; 6]. К концу XIX в. в Обь-Иртышском водном бассейне начался процесс концентрации средств речного транспорта в более крупные объединения.

Традиционно в регионе действовали компании семейного типа, которые стремились сохранить самостоятельность, но для расширения деятельности требовался более крупный капитал. Кроме того, при распространившейся диверсификации капитала по разным отраслям собственник не всегда мог изъять его. Вот здесь и помогал законодатель, который предлагал несколько форм объединения чужого капитала: Торговый Дом, товарищество на вере, полное товарищество, товарищество на паях и акционерное общество. В каждой из этих форм при объединении чужого капитала были свои преимущества по сравнению с распространенным семейным объединением. Даже расширив границы семейной компании, судовладельцы стремились привлечь ограниченное количество участников-партнеров.

В указанный период в Обь-Иртышской речной системе сложилось несколько группировок во главе с И. Фуксманом, братьями Колмогоровыми и Ширковыми, которые оказались временными. Подобные объединения наносили коммерческий вред не только мелким, но и крупным судовладельцам, поэтому для эффективной эксплуатации речной системы самым действенным средством являлось создание предпринимательского объединения на основе соединения капитала, деловых связей и практического опыта. Первая попытка состоялась уже в 1892 г., был создан картель из Торговых Домов «Игнатов и Курбатов», «Ширков и компания», «И. Корнилова наследники», «Плотников и сыновья». На эти компании в регионе приходилось около 50 % мощности всего речного транспорта Обь-Иртышского водного бассейна, или 42 современных паровых судна. Основная причина объединения – повышение цен на сельскохозяйственную продукцию, поэтому пароходства не только перевозили товар, но и скупали дефицитную продукцию [1; 5].

Опыт оказался удачным: большие предпринимательские объединения разного типа смогли договариваться о разделении региона деятельности, распределении прибыли между участниками сговора, а закрытые семейные компании смогли найти партнеров по бизнесу, инвесторов в свои предприятия. Так, идея объединения для наиболее влиятельных судовладельцев стала привлекательной и перспективной. В тоже время первый опыт был непродолжительным и не заложил единой тактической и стратегической линии поведения самостоятельных судовладельцев. Создание компаний в Сибири, конечно, основывалось на российском законодательстве, но большую роль играли традиционные семейно-деловые отношения, поэтому вопрос о типе концентрации капитала был принципиальным. Высокая степень заинтересованности владельцев капитала в выборе организационной формы, приносящей большую прибыль, стала основной. Кроме того, у судовладельцев должны быть примерно одинаковые взгляды на концепцию будущего объединения. В деловом мире выделялось три основных типа концентрации капитала для ведения хозяйственной деятельности в одном регионе, каждый имел свои преимущества и особенности:

1. Техническая концентрация – «замена или поглощение» мелких более крупными объединениями с разными направлениями деятельности, т. е. создание комбинированных компаний.

2. Экономическая концентрация – объединение предпринимателей для регулирования спроса и предложения, а также ограничения конкуренции с целью получения преимущества на рынке в определенном регионе.

3. Финансовая концентрация – объединение собственности, содержания предприятий в одной отрасли производства для ее частичной или полной монополизации.

Все эти виды концентрации тесно связаны друг с другом, так как были направлены на одну цель – повышение прибыли. Но техническая концентрация предусматривала постоянное расширение ассортимента услуг, получение за счет усовершенствованных технологий – нового товара, а также постоянному вовлечению в свой состав других предприятий. Такое объединенное производство имело предел, за которым становилось нерентабельным и убыточным. Кроме того, на комбинированном производстве технические операции производились на разных предприятиях (отдельного в прошлом владельца). Они подчинялись примерно одним законам, но имели свои особенности. Это приводило к тому, что отдельные предприятия могли производить излишки, которые сбывались самостоятельно или через посредников. В этом случае более перспективным было соединение однотипных предприятий с разным объемом и качеством производимой продукции одной отрасли, но это приводило к разрешению вопроса распределения прибыли между бывшими владельцами [8].

Так, три типа концентрации – техническая, экономическая и финансовая – становились предметом обсуждения представителей капитала Обь-Иртышского водного бассейна при выборе партнеров. Отметим, что в предполагаемом объединении присутствовала третья сторона – государство, которое было заинтересовано в установлении контроля над речными перевозками в стратегическом плане. На Ирбитской ярмарке в 1895 г. представители речных компаний Западной Сибири: коммерции советник И. И. Игнатов, казанская купчиха первой гильдии О. П. Карпова (совладельцы товарищества «Игнатов и Курбатов»), потомственный тюменский гражданин А. Трапезников, потомственный почетный гражданин и московский купец первой гильдии И. И. Казаков (участники товарищества «А. Трапезников и компания»), Торговый дом «М. Плотников и сыновья», бийская купчиха Е. Г. Морозова («А. Ф. Морозова, наследница Е. Г. Морозова»), «Ширков и компания», пароходство Богословских заводов – пришли к выводу о необходимости полного или частичного объединения. В Западной Сибири названные компании занимались не только перевозками по рекам, но и другими видами предпринимательской деятельности. Возможность доверительного диалога обеспечивало то, что они нередко выступали партнерами при проведении коммерческих операций или гарантами во время сделок в разных отраслях бизнеса. Учитывая характер деятельности и активное участие каждого из владельцев в своей компании, можно предположить, что речь могла идти о консолидации части капитала, например для занятия конкретным видом деятельности.

Самой приемлемой формой, по мнению участвующих сторон, являлось товарищество на паях, в котором предполагалось долевое участие пайщиков при осуществлении не только речных перевозок, но и в сопутствующих областях предпринимательства. Такая форма объединения капитала выбирается тогда, когда:

- пайщики были не только знакомы друг с другом, но и выступали в качестве деловых партнеров в деловом мире длительный период;
- участие каждого из учредителей имело основополагающее значение для компании, поэтому они несли личную и имущественную ответственность за все действия учрежденной корпорации;
- участие в деятельности паевого объединения предусматривало личное участие по собственному желанию;
- действовало условие, запрещающее пайщику продать свою долю посторонним лицам без согласия членов корпорации.

Доля участия и активность пайщика Товарпара определялась многими факторами, например, интересом к получению стабильной прибыли, возможностью совместной деятельности, объединение разных форм собственности для создания единого промышленного комплекса и т. д. Исследователи отмечали, что в паевое общество стремились предприниматели, имеющие ограниченные кредитные возможности при расширении производства [4].

Товарпар как паевая компания создавалась по принципу концессии, т. е. с разрешения вышестоящих органов власти на оформление документации после договоренности участни-

ков и составления документов. Просители представляли проект документов на обсуждение в вышестоящие учреждения, что было возможно только с согласия вышестоящих органов власти. Устав становился договором о совместной деятельности на длительный период, в нем указывались основные критерии объединения с экономической, финансовой, технической и структурной позиции. Процесс подготовки и утверждения учредительного пакета документов продолжался с 1895 по 1898 г. Так, Устав в окончательном варианте рассматривался и был утвержден только в январе 1898 г. Министерством финансов и Министерством путей сообщения, а затем образец был передан в Комитет министров Российской империи [7]. В этом документе были выделены основные критерии характеристики речной компании. Основные положения Устава Товарпара содержали сведения о цели учреждения Товарищества, его правах и обязанностях (раздел 1, § 1–21), капитале Товарищества, паях, облигациях, правах и обязанностях владельцев паев (раздел 2, § 22–36), Правлении Товарищества, его правах и обязанностях (раздел 3, § 37–55), отчетности по делам Товарищества, распределении прибыли и выдаче дивидендов (раздел 4, § 56–65), общем собрании владельцев паев (раздел 5, § 66–84).

Было сформулировано название объединенной корпорации «Товарищество Западно-сибирского пароходства и торговли», которое и становилось отдельным юридическим лицом. В названии определялись основные занятия компании – речные перевозки и торговля в Западной Сибири. Название паевого общества не предполагало упоминание фамилий участников-учредителей или главного пайщика. В программном документе целью товарищества на паях было «...развитие пароходных сообщений по рекам Западной Сибири с притоками и по реке Чулыму до города Ачинска с целью перевозки пассажиров и грузов всякого рода, а также для производства в том же краю торговли...» [7]. Соответственно, компания предполагала заниматься перевозками грузов и пассажиров в речном бассейне, а также другими коммерческими операциями.

В первом варианте Устава размер основного капитала определялся в 4,5 млн руб., но вышестоящее учреждение сократило до 3 млн руб. [7]. В отличие от акционерной паевая форма объединения устанавливала большие размеры паев и ограниченное число участников, между которыми была не только корпоративная, но и финансовая, деловая, семейно-родственная связь. Так, основной капитал в Товарпаре делился на 6 тыс. паев, стоимостью по 500 руб. каждый. При этом наличие пая обеспечивало его владельцу дивидендами при распределении прибыли и право на долю имущества при ликвидации компании в соответствии с количеством паев. В состав паев по положению Устава входили «...пароходы, баржи, разное судовое имущество, а также пристани с жилыми и нежилыми строениями, находящиеся в разных по рекам Западной Сибири пунктах, со всеми устройствами, машинами и материалами...» [7]. Потенциальный пайщик должен был не только заявить размер пая, но и доказать право владения данным имуществом «...по надлежащим планам, описям и оценкам» [7]. Стоимость внесенного имущества в период образования корпорации, а, соответственно, определение количества паев каждому владельцу недвижимого имущества определяла оценочная комиссия. Важно, что частная собственность приобретала другую форму, т. е. превращалась из пароходов, барж, зданий в ценные бумаги, которые не требовали обязательной выдачи недвижимого имущества в случае смерти владельца или его желания выйти из компании.

Существовало два вида паев Товарпара: на предъявителя и именные. Первый вид ценной бумаги не содержал указания на имя и фамилию собственника, поэтому пайщиком признавался предъявитель ценной бумаги. Однако количество этого вида паев в Товарпаре было ограничено. Второй вид – именной пай – имел четкое указание на владельца или владельцев. Только указанное лицо в ценной бумаге являлось собственником пая. Осуществление владельческих прав происходило только при объявлении права и предъявлении документов. Надо учесть, что имя на пае могло принадлежать как физическому, так и юридическому лицу. Все именные паи вносились в уставную книгу, поэтому паевому обществу известен был каждый владелец. Именные паи более выгодны компании, так как можно проследить передвижение капитала среди собственников, это защищало владельца от потери или похищения.

Возможность введения в Товарпаре разных видов паев также предусматривалась уже в процессе создания. Большая часть паев Товарпара относилась к категории «простых», т. е. права всех пайщиков на доход были равны и зависели от числа паев [7]. Они предоставляли пайщикам равные права на получение прибыли по каждому паю в зависимости от общего баланса компании. Чтобы ограничить состав пайщиков и не допустить нежелательных лиц, при продаже преимущество было за действующими пайщиками. Также к каждому паю прилагался лист купона на получение дивидендов в течение десяти последующих лет. Основным условием, зафиксированным в Уставе Товарпара, был запрет пайщикам заниматься самостоятельными перевозками по речным маршрутам.

Отметим, что пай имел для собственника важное значение. Во-первых, он подтверждал право членства в Товарпаре и участия в речных перевозках. Во-вторых, пай как ценная бумага имел материальную стоимость, которая приносила прибыль в виде дивиденда. В-третьих, пай давал право применения своих профессиональных навыков в компании за отдельную плату: как участник системы правления или наемный работник. Также пай давал право на получение информации о деятельности компании в данный момент и её перспективах.

Так, наличие пая компании определяло степень принадлежности и участия в делах данного предпринимательского объединения. Для потенциальных учредителей Товарпара важна была вся совокупность прав, дающихся паем: право участия в деятельности, управлении и право на прибыль при ежемесячном получении содержания. Кроме того, большая монопольная компания обеспечивала эти права на длительное время.

За период от появления данного проекта до его воплощения произошли некоторые изменения в составе. В первоначальном варианте устава в группу учредителей входили: коммерции советник, тюменский купец 1-й гильдии И. И. Игнатов; казанская купчиха 1-й гильдии О. П. Карпова; Торговый Дом «А. Трапезников и компания»; потомственный почетный гражданин, московский купец И. И. Казаков; Торговый дом «М. Плотников и сыновья» и потомственная почетная гражданка, бийская купчиха 1-й гильдии Е. Г. Морозова. Но 2 декабря 1898 г. по разрешению Министра путей сообщения № 11366 произошла замена в составе учредителей: вместо Торгового дома «М. Плотников и сыновья» был внесен в список пайщиков Торговый дом «Ф. С. Колмогорова наследники». Все учредители были представителями предпринимательских компаний: пароходства «Курбатов – Игнатов» и «А. Ф. Морозова, наследница Е. Г. Морозова», Торговый дом «А. Трапезников и компания» [1; 7].

Основатель Торгового дома Плотниковых Михаил Данилович предпочел сохранить полную экономическую и юридическую самостоятельность в выборе и направлениях предпринимательской деятельности.

Численный состав компаньонов не изменился: четверо судовладельцев представляли семейные, по одному смешанную и командитную компании. Соответственно участниками компании становились как отдельные судовладельцы, так и предпринимательские компании. При этом было важно, чтобы учредителями были известные и инициативные люди, которые бы занимались решением организационных вопросов. В этот момент самого общества еще не существовало, поэтому у создателей появилась потенциальная возможность сделать компанию такой, какой им угодно через утверждение своих замыслов на первом учредительном собрании. Именно на этом собрании утверждался Устав компании и основные его характеристики. Фактически им принадлежала идея основания компании, подготовка плана по ее созданию, составление проекта Устава, оформление всех документов, ходатайство перед местной и центральной властью, поиск более приемлемых пайщиков, подготовка выдачи паевых бумаг и т. д. Утверждались права учредителей, которые давали бы им преимущества перед другими пайщиками – выборы в систему правления. По законодательству предполагалось, что учредителей должно быть не менее 5 человек [4; 8]. В группу учредителей вошли: коммерции советник, тюменский купец 1-й гильдии И. И. Игнатов; казанская купчиха 1-й гильдии О. П. Карпова, наследница У. С. Курбатова; потомственный почетный гражданин, московский купец И. И. Казаков, наследник А. К. Трапезникова; потомственная почетная

гражданка, бийская купчиха 1-й гильдии Е. Г. Морозова; Торговый дом «Ф. С. Колмогорова наследники».

В то же время учредители официально не выделялись отдельной группой внутри корпорации, хотя являлись ее создателями.

Так, компании-учредители на момент создания Товарпара были собственниками большей части единиц речного транспорта. Это обеспечивало им право «взятия» на себя ответственности по всем действиям, направленным на одну цель – организацию речной компании. Статус учредителей формально существовал только до момента первого Общего собрания, а затем они становились пайщиками. Управление компанией теперь через выбранное Правление осуществляли те самые учредители. Можем предположить, что эта корпорация была создана в интересах определенной группы собственников, которые были заинтересованы не только в ежегодной доходности компании, но и в регулярной высокой оплате своего труда [2; 4; 7].

В соответствии с Уставом учредители получали право пригласить «к участию приглашенных лиц по взаимному согласию» [7], т. е. в их окружении появились стоворчивые и удобные пайщики из небогатых судовладельцев или родственников. Но сами бывшие учредители ввели в устав положение, по которому они должны были сдать свои паи на хранение в Госбанк или его отделения без права передачи до конца финансового года.

Так, экономическая концентрация способствовала организации крупного объединения, которое по своим финансовым, техническим показателям стремилось установить контроль над речными перевозками. Главным становилось получение преимущества на рынке перевозок: за счет большого объема производимых перевозок и дополнительных производств и услуг компания могла вытеснить потенциальных конкурентов – мелких судовладельцев, т. к. других на этом рынке не было. Соответственно коммуникация для Товарпара выражалась в совокупности отношений между субъектами рынка, возникших в процессе их деятельности. Субъектами речных перевозок выступали как пароходные компании разного типа собственности, так и отдельные пароходовладельцы и даже клиенты. С конца XIX в. крупнейшим субъектом рынка транспортных услуг в регионе стал Товарпар. Поэтому информация о других субъектах, участниках и потенциальных клиентах, для корпорации была важной. Для успешного ведения дел нужны были данные о конкурентах, рынках, банках, ценах, поставщиках и т. д.

В деловом мире Западной Сибири существовали разные типы связей: бинарные, т. е. прямые между продавцом-покупателем, многослойные – между продавцом и покупателем и множеством посредников, горизонтальные – между конкурентами, вертикальные – между разными подразделениями компании. В этом случае на эффективность коммуникаций влияли различные факторы. Например, на внутренние связи Товарпара влияла структура компании, функции управления, организационные стратегии, технологии преобразования ресурсов, экономический и материальный потенциал компании. На внешние связи пароходства влияли трудовые ресурсы региона, размер капитала, рынок потребителей, конкуренты, законодательная база, состояние социально-экономического и политического развития государства и т. д.

Таким образом, Устав имел:

- 1) общий характер, так как определял условия создания, цели, условия вступления, основного капитала;
- 2) специфический характер, так как он определял механизм формирования основного капитала – материально-технической базы компании;
- 3) социальный характер, который объединял участников, связанных не только желанием вступления в большую компанию, но и семейно-родственными отношениями.

Соответственно, создание компании происходило по принципу концентрации капитала, что обеспечивало учредителям ведущее положение в системе управления. Вопрос о размерах основного капитала не был окончательно решен, так как компания развивалась и расширяла регион своей деятельности. Паевая форма облегчила этот вопрос, но не решила его

окончательно, поэтому компания искала другие возможности финансирования, например через банк, присоединение компаний, государство и т. д.

Таким образом, в конце XIX в. в Обь-Иртышском водном бассейне было создано монопольное объединение четырех речных компаний, чему способствовала концентрация крупного капитала. До 1910-х гг. Товарпар существовал за счет устоявшихся связей в деловом мире и поддержки центральной и местной власти. Именно это позволило не только пережить топливный кризис 1905 г., но и поглотить маломощные речные компании и отдельных судовладельцев. Все усилия компании были направлены на формирование и организацию отлаженной работы каждого подразделения на местах. Для укрепления своей позиции в регионе Товарпар расширял сферу деятельности за счет поставок и перевозок в пользу государства: казенных грузов, организованных переселенцев, заключенных и солдатские команды и т. д. [7].

Сложно шел процесс внедрения современных методов управления, более совершенного стиля управления, что связано с предыдущим опытом пайщиков. К 1910 г. во внутренней структуре Товарпара наблюдались противоречия: активно развивающиеся отрасли требовали дополнительных инвестиций, подготовленных управленцев, отказа от зависимости от местной власти и т. д. Отсутствие серьезного опыта отношений с банковскими учреждениями привели Товарпар к отрицательному балансу в финансовых отчетах при активной навигации. Поэтому компания склонялась к гарантированной помощи банков для получения неограниченных вложений через попадание под контроль финансовых организаций. Отрицательную роль играло отсутствие паев Товарпара в свободном хождении на рынке ценных бумаг. Получив статус корпорации, она господствовала на рынке речных перевозок, монополизировала наиболее серьезные маршруты паровых судов, активно занимаясь расширением сфер деятельности.

Литература

1. Головин Б. Д. История парового судоходства в Обь-Иртышском бассейне. Омск, 1947. С. 14–16.
2. Каминка А. И. Акционерные компании. СПб., 1902. Т. 1. С. 290–291.
3. Можин В. Монополизация водного транспорта России // Экономические науки (науч. докл. высш. шк.). 1958. № 3. С. 111–120.
4. ПСЗРИ. СПб., 1903. Т. 18. № 45601. С. 83–84.
5. Путеводитель по Иртышу и Оби на 1914 г. Тюмень, 1915. С. 6–7.
6. Русское судоходство. 1888. № 10; 1890. № 25; 1893. № 159.
7. Устав товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли. М., 1899. С. 3–5.
8. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. СПб., 1908. Т. 1. С. 362–432.

УДК 314.7.045(091):34(091)(571.122)

*Иванов А. С.
Ivanov A. S.*

ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА)

SPECIAL SETTLEMENT LEGAL FRAMEWORK (ADAPTED FROM KHANTY-MANSI OKRUG)

В статье на основе документов прокуратуры СССР анализируется практика реализации на местах нормативно-правовых актов, определявших в 1930–1950-е гг. пространство жизни и деятельности спецпереселенцев.

Ключевые слова: режимная среда, спецпереселенцы, спецпоселение, репрессии, депортация.

Режим спецпоселения, будучи проявлением существовавшей в сталинском СССР идеологии, определял рамки и содержание принудительно установленных правил, десятилетиями регулировал жизнь и деятельность миллионов людей. Реализация прав предполагает наличие механизма исправления дискриминаций. В современной историографии существуют противоположные мнения относительно существования подобного механизма и соответственно репрессивности режима поселения. Взяв за основу нормативно-правовые документы «карательного» ведомства, Л. П. Белковец пришла к мысли о том, что «переселения народов в годы Великой Отечественной войны, введенные государством ограничения некоторых прав части советских граждан, режим спецпоселения и нарушения «законных прав» переселенных народов не представляли собой репрессивного механизма» [1, с. 298]. В то же время известный специалист по истории крестьянской ссылки С. А. Красильников полагает, что «...механизм реализации законодательных и подзаконных актов... лишал основную массу репрессированных крестьян даже тех немногочисленных прав, которые были продекларированы» [14, с. 317]. В данной статье мы на основе документов прокуратуры СССР постараемся дать характеристику реализации на местах конкретных нормативно-правовых актов.

Базовыми документами, очертившими правовое пространство режимных поселений и их обитателей, являлись «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев» (от 25 октября 1931 г.) [16, с. 536–541], «Положение о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД» (от 7 февраля 1944 г.) [11, с. 400–403] и Постановление СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» (от 8 января 1945 г.) [17, с. 184], «Положение о спецкомендатурах НКВД» (от 8 января 1945 г.) [11, с. 447–448] и сохранялись с незначительными изменениями.

Существенным отличием «временного положения» 1931 г. от «правового постановления СНК» 1945 г. было отсутствие пункта, в котором говорилось о прикреплении спецпереселенцев к конкретному поселку и дому [16, с. 537]; его сменило предписание, запрещавшее покидать «район расселения, обслуживаемый данной спецкомендатурой» [17, с. 184]. Чтобы покинуть район поселения, человеку требовалось получить временное «разрешение» на выезд за его пределы от периферийного надзирающего органа. В этом документе указывался срок поездки и пункт, где поселенцу разрешалось находиться [12, с. 202]. По прибытии в пункт назначения спецпоселенцы ставились на учет уполномоченным органом-акцептором по месту временного пребывания, о чем ставилась в известность комендатура-донор. По возвращении к основному месту спецпоселения разрешение на право выезда у депортантов изымалось [12, с. 204].

Система сопротивлялась переходу от «подомового» к «порайонному» (району компетенции одной комендатуры) закреплению спецпоселенцев. В начале 1950-х гг. при проверке законности действий спецкомендантов прокуратурой Тюменской области было установлено, что они без разрешения уходят из пункта поселения (деревни, села, города) в другие населенные пункты по своим личным делам. Коменданты усматривали в этом нарушение «правового» постановления СНК от 8 января 1945 г. [7, л. 145], которое, однако, воспрещало несанкционированные передвижения «лишь» за пределы «района расселения» обслуживаемого комендатурой [11, с. 447–448]. А. Комочкин подтвердил, что запрет на несанкционированный выезд касается только оставления района поселения [7, л. 146]. От себя заметим, что подобного рода переписка показывает, что прокуроры на местах были очень плохо знакомы с содержанием нормативно-правовых актов касающихся органов НКВД – МВД – МГБ, поскольку «Положение о спецкомендатурах НКВД» от 8 января 1945 г. указывало среди обязанностей коменданта выдачу «спецпереселенцам разрешений на право временного выезда за пределы района поселения, обслуживаемого данной комендатурой, без права выезда из района» [выделено нами – А. И.] [11, с. 448].

Барьеры и многочисленные «недоразумения», ограничивающие правовое пространство до узких режимных рамок, возникали от того, что коменданты в своей практической деятельности послевоенного периода руководствовались не постановлениями СССР, а «Временным положением о правах и обязанностях спецпереселенцев» от 25 октября 1931 г. и «Положением о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД» от 7 февраля 1944 г. «Временное положение» при наложении на «Положение» 1944 г. породили целый комплекс противоречий.

Особой противоречивостью отличалось «Положение» 1944 г. В документе признавалось, что «спецпереселенцы пользуются всеми гражданскими правами за исключением некоторых ограничений, предусмотренных отдельными решениями органов государственной власти» [11, с. 400–401], также они равноправны в трудовых вопросах и имеют право на базовые социальные льготы, доступные всем гражданам (в этой части «Положение» подтверждало Постановление СНК от 8 января 1945 г.). В то же время, ключевой пункт «Положения» – о режимных запретах для спецпереселенцев – был крайне противоречивым. В части «а» запрещалось: «без разрешения спецкомендатуры НКВД отлучаться *за пределы территорий своего сельсовета*, за исключением случаев, когда это связано с посещением установленных для них мест работы». Часть «б», входя с этим требованием в противоречие, запрещала: «выезжать или уходить *за пределы административных районов расселения...*» [11, с. 402]. Не удивительно, что такой документ, санкционированный ГУЛАГом НКВД СССР, порождал путаницу, многочисленные факты произвола и злоупотреблений властью на местах.

В области трудовых отношений постановлением СНК СССР от 24 августа 1944 г. с 1 сентября 1944 г. были отменены пятипроцентные отчисления с заработка спецпереселенцев и дальнейшее заключение договоров. Это освободило органы НКВД от работы по заключению договоров с предприятиями и контролю за их исполнением [18, с. 208]. До отдаленных районов Северо-Западной Сибири распоряжение центра дошло с опозданием. По указанию Ханты-Мансийского окружного отдела НКВД пятипроцентные отчисления были отменены с 1 декабря 1944 г. [9, л. 34]. Постановление от 8 января 1945 г. фактически подтвердило трудовое «равноправие», провозгласив, что «спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР...», а за «нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами» [17, с. 184].

Фактически же вышеупомянутое постановление от 24 августа 1944 г. в части заключения договоров о трудоустройстве узаконило существующую к моменту прибытия калмыков на поселение практику. Уже в отношении спецпереселенцев, депортированных на территорию северных округов Омской области в 1942 г., подобных договоров не заключалось. Директора предприятий руководствовались указаниями управляющего рыбтрестом, которые гласили, что «...весь контингент, завезенный Вам в порядке переселения, поступает в полное распоряжение завода (комбината) и должен быть использован в первую очередь на лове и, во вторую очередь, на всех остальных работах, связанных с рыбной промышленностью, в основном на обработке рыбы» [5, л. 110]. Не было и речи об индивидуальных трудовых договорах. Это являлось прямым нарушением их трудовых прав, но никого не беспокоило.

Кроме того, на основании ведомственных инструкций был ограничен спектр работ, до которых допускались спецпереселенцы. Директивой руководства НКВД и НКГБ от 18 октября 1944 г. «о возможности использования спецпереселенцев на работах в промышленных предприятиях» [3, л. 113] запрещалось допускать к производству лиц, «разрабатываемых» спецслужбами по подозрению в принадлежности к «антисоветским группам», а при их выявлении на предприятиях – немедленно удалять и арестовывать. Вместе с тем разъяснялось, что «спецпереселенцы в промышленных предприятиях, в том числе на заводах оборонной промышленности, как правило, могут быть использованы на строительных и подсобных работах. Разрешается также использование спецпереселенцев в механических цехах предприятий (за исключением взрывоопасных), решая вопрос об их допуске в каждом отдельном случае, исходя из местных условий и обеспечивая за ними тщательное агентурное наблюдение»

[3, л. 113]. Результатом подобных инструкций стали возмущенные возгласы прокуратуры СССР в начале 1950-х гг. по поводу «отдельных случаев» допуска спецпереселенцев к «...охране важных государственных объектов [складов взрывчатых веществ – А. И.] и материальных ценностей [касс с золотом и наличностью] с выдачей им нарезного оружия» [2, л. 202].

«Разъяснение» начальника секретно-мобилизационного отдела треста «Тюменьлес» Кривополеновой (лето 1945 г.) показывает, что спецпереселенцы, работники Ханты-Мансийского леспромхоза, до принятия этого постановления правительства не были включены в существующую систему государственного социального страхования: случаи производственного травматизма не оформлялись, выплат по нетрудоспособности репрессированные не получали [6, л. 28].

Прокуратура Тюменской области в августе 1952 г. признала, что в связи с директивой Генерального Прокурора СССР и Министра Госбезопасности от 4 сентября 1951 г. райпрокуроры не могли рассматривать личные дела спецпереселенцев, а ввиду отдаленности районов от областного центра их личные дела из районных УМГБ не истребовались. Заместитель прокуратуры области по спецделам Серов заявил: «ранее прокуратура такие жалобы и заявления [о неправильном выселении и взятии на спецучет] пересылала в 9 отдел УМГБ» [7, л. 127]. Фактически, это было прямое нарушение закона, запрещавшего пересылку жалоб граждан в орган, на который направлена жалоба. Осознавая это, младший советник юстиции робко написал: «мне кажется, что подобная практика является неправильной, считаю, что ответ по существу должен быть дан прокуратурой» [7, л. 127]. И. о. начальника отдела по спецделам прокуратуры СССР, государственный советник Юстиции 3 класса А. Камочкин ответил, что подобные жалобы должны разрешаться отделом по спецделам прокуратуры области, для чего следует требовать учетные дела в УМГБ области либо направлять прокурорам республик краев и областей прежнего места жительства [7, л. 128]. При этом ни тот, ни другой прокурорский работник не ссылались на «Положение о спецкомендатурах НКВД», утвержденное СНК 8 января 1945 г., где говорилось о возможности для райпрокуроров запрашивать дела из периферийных органов НКВД [11, с. 448].

Большой проблемой для молодых спецпереселенцев являлось получение качественного образования, поскольку в «Положении» от 7 февраля 1944 г. указывалось, что «дети спецпереселенцев, окончившие среднюю школу, принимаются на общих основаниях в специальные средние технические и высшие учебные заведения (если они есть в районах вселения)» [11, с. 403]. Правительственные постановления об этом «молчали». В дополнение ко всему, возможность попадания в тот или иной населенный пункт определялась статусом этого населенного пункта – его режимностью (к концу 1953 г. ограничения на место жительства охватывали 340 городов, местностей, железнодорожных станций, а также пограничную зону вдоль всей границы страны) [13, с. 30]. Так, спецпереселенцу Б. в 1952 г. было отказано в приеме в Красноярский мединститут, поскольку для спецпереселенцев въезд в этот режимный город был закрыт. Прокурор не стал оспаривать подобный запрет, т. к. «место отбытия спецпоселения определяется органами МГБ» [7, л. 118]. Примечательно, что прокуроры опирались при этом не на правительственные акты, которые напрямую не ограничивали свободу перемещения спецпереселенцев, а на «Временное положение» 1931 г. (там говорилось о «праве органов ОГПУ» на «...выбор места и характера работы для спецпереселенцев» [16, с. 537]), утратившее силу еще в 1945 г.

Подобный подход прокуратуры был продиктован ее ограниченными возможностями при действиях в отношении органов НКВД-МВД-МГБ в сталинский период [15]. Прокурорские работники имели основания опротестовать действия руководства местного УМГБ, ведь им было известно о наличии в Красноярске городских спецкомендатур (как следует из смежных документов надзорного ведомства [2, л. 204]). К тому же, спецпереселенцы формально обладали всеми правами граждан СССР, об этом в прокуратуре СССР знали, но предпочли «забыть» [10, л. 214; 7, л. 119].

Подобное отношение к спецпереселенцам в различных областях жизни инспирировалось, по всей видимости, партийными и советскими органами. Показательна история, свя-

занная с принятием 8 августа 1950 г. Ханты-Мансийским окружкомом постановления «О засоренности аппаратов советских и хозяйственных органов округа социально-чуждыми элементами и лицами, не внушающими политического доверия» [8, л. 14–17], когда требование окружкома партии снять с руководящих постов в советских и хозяйственных организациях всех спецпереселенцев и административно высланных (ссылнопоселенцев) встретило неожиданный отпор со стороны Тюменского обкома ВКП(б), который 17 октября того же года указал югорским товарищам на «ошибочность» требования «проведения сплошной чистки аппарата советских учреждений и хозяйственных предприятий», после чего в Ханты-Мансийске вынуждены были отменить собственное решение о «массовой чистке» [8, л. 39].

Неравноправие, порожденное многочисленными ведомственными приказами и инструкциями, могло продолжаться и после освобождения со спецпоселения. Указанием прокуратуры СССР от 20 марта 1952 г. была узаконена практика, существовавшая на основании ведомственной директивы МВД № 1259 [4, л. 91], согласно которой *освобожденные со спецпоселения и закрепившиеся за «предприятиями и строениями по месту работы» не могли уволиться по собственному желанию* [7, л. 39–40].

Факты, отмеченные в материалах прокуратуры СССР, свидетельствуют не только о произвольной трактовке закона комендантами, но и о том, что в своей деятельности они руководствовались ведомственными инструкциями и указаниями, получаемыми по линии ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ. «Правовые» постановления правительства были отодвинуты на второй план или вовсе не использовались в практической деятельности. Противоречия в подзаконных нормативных актах приводили к путанице и произволу на местах. По всей видимости, имело место также сопротивление системы (через реализацию на практике «Положения» 1944 г.) установкам правительства, которые узаконивали сложившуюся к середине 1940-х гг. практику перехода от «подомового» («Временное положение» 1931 г.) к «порайонному» («Положение» 1945 г.) принципу учета спецпереселенцев.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 16-11-86009 а(р)

Литература

1. Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: историко-правовое исследование. Новосибирск : СО РАН, 2003. 324 с.
2. ГАРФ. Ф 8131. Оп. 32. Д. 2914.
3. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 172.
4. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 442.
5. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10.
6. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 855. Оп. 2. Д. 45.
7. ГАРФ. Ф 8131. Оп. 32. Д. 1596.
8. Государственный архив социально-политической истории Тюмен. обл. (ГАСПИ-ТО). Ф. 124. Оп. 1. Д. 1690.
9. Государственный архив Ханты-Мансийского округа (ГАХМАО). Ф. 58 Оп. 4. Д. 40.
10. Государственный исторический архив Омской области (ГИА ОО). Ф. 2164. Оп. 2. Д. 46.
11. История сталинского ГУЛАГа, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 тт. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М. : РОССПЭН, 2004. 822 с.
12. Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Ссылка калмыков: как это было : сб. док. и материалов : кн. 2 / сост.: В. З. Атуева, Л. С. Бурчинова, С. А. Гладкова. Элиста : Калм. кн. изд-во, 2001. 237 с.
13. Колосов В. А., Полян П. М. Ограничение территориальной мобильности и конструирование пространства от сталинской эпохи до наших дней // Режимные люди в СССР. РОССПЭН, 2009. С. 25–48.

14. Красильников С. А. Спецпереселенцы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) ; 2-е изд. Новосибирск : Сова, 2007. С. 287–373.
15. Кудрявцев В. И., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб. : ЮридЦентр-Пресс, 2002. 385 с.
16. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 : в 2 кн. / отв. ред. Н. Н. Покровский, В. П. Данилов, С. А. Красильников, Л. Виола. М. : РОССПЭН, 2006. Кн. 2. 1020 с.
17. Ссылка калмыков: как это было : сб. док. и материалов. Т. I, кн. 1 / сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
18. Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) : моногр. Екатеринбург ; Пермь, 2003. 331 с.

УДК 656.7(091)(571.12)«1960/1970»

Исмагилов А. А.
Ismagilov A. A.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ АВИАТРАНСПОРТА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЕГО ПОЛЕТОВ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-х – НАЧАЛЕ 1970-х гг.

AIRCRAFT TRANSPORT APPLICATION MAIN AREAS AND ITS FLIGHT OPERATING SAFETY IN TYUMEN REGION IN 1960s – EARLY 1970s

С началом развития крупнейшего в стране Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, возросла роль авиатранспорта, который в условиях больших расстояний и слабой наземной транспортной инфраструктуры занимал важное народно-хозяйственное значение. Однако возрастающие потоки пассажиро- и грузоперевозок сопровождалась рисками авиационных происшествий и предпосылок к ним, поиски эффективных методов решения и снижения угроз авиaproисшествий стали главными задачами авиаторов Тюменской области.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, авиатранспорт, народное хозяйство, безопасность полетов.

Начавшаяся в начале 1960-х гг. сибирская нефтяная эпопея, развернувшаяся на новых малоосвоенных территориях Западной Сибири, выдвинула в число первоочередных народно-хозяйственных задач строительство дорог и развитие транспортной инфраструктуры. Решающую роль на первом этапе должна была сыграть авиация.

Основным полем её деятельности в этот период были: аэрофотосъемка, авиасейсморазведка, аэромагнитные съемки, перевозка вахты и оборудования, участие в монтаже буровых установок, строительство линий электропередач в нефтедобывающих районах, геодезия и картография, лесоавиационные работы, на юге области – авиационно-химические работы и санитарная авиация.

Весьма перспективным направлением применения авиации на севере Западной Сибири в 1960-е гг. стал новый метод поиска нефти – авиасейсмозондирование. Впервые его применили в 1958 г. с использованием самолетов АН-2 в районе Тобольска, а затем Ханты-Мансийска. Авиасейсмозондирование нашло широкое распространение во всех нефтегеофизических Управлениях Тюменской области. Позднее стали работать с применением вертолетов, и возможности посадки стали расширяться.

Благодаря авиасейсморазведке была выявлена Шухтунгортская зона поднятий, Красноселенский, Сургутский, Нижневартовский, Салымский и Ляминский своды, Губкинская и Уренгойские структуры. Они позволили правильно ориентировать площадную сейсморазведку в Сургутском и Мегийском районах, что привело к быстрому открытию Южно-Балыкских, Западно-Сургутских месторождений нефти [10, с. 48].

Географические условия региона и состояние транспортной инфраструктуры в 1960-х гг. делали курс на широкое использование авиации в процессе освоения нефтяных и газовых месторождений практически безальтернативным. Самолеты Ан-2 и Як-12, гидросамолеты Ан-2В, а также вертолеты Ми-1 позволяли значительно ускорить проведение геологоразведочных работ. А появившиеся в 1970-е годы современные и мощные вертолеты Ми-4, Ми-6, Ми-8 и Ми-10К стали ещё более эффективным инструментом освоения природных богатств региона.

Однако, несмотря на всю значимость авиатранспорта в деле развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и народного хозяйства Тюменской области, в 1960-е гг. авиаторы Крайнего Севера испытывали существенные трудности в материально-техническом обеспечении и не всегда справлялись с поставленными перед ними задачами по грузо- и пассажирообороту.

Основными проблемами авиатранспорта стали: острый недостаток авиамашин, нехватка запасных частей (особенно двигателей), несвоевременные поставки горюче-смазочных материалов из Уральского управления гражданской авиации.

Например, в аэропорту Ханты-Мансийска периодически складывалась ситуация, когда базировавшаяся там четвертая авиаэскадрилья 246 отряда Тюменской авиагруппы, которая имела в своем распоряжении 8 самолетов, не справлялась со своим планом работ. Из имеющихся 8 самолетов Ан-2 в длительном ремонте могло находиться до 4 самолетов одновременно. Из оставшихся 4-х рабочих самолетов 2 самолета могли находиться в заданиях по работе с экспедициями. На работы по выполнению пассажирских рейсов, перевозки почты, грузов и вывозке рыбы оставалось всего два самолета. В то время как по расписанию были предусмотрены ежедневные вылеты в Сургут и Октябрьское, Нижневартовск – через день. Из-за отсутствия рабочих самолетов расписание не выдерживалось.

Недостаток самолётов сдерживал работу геологоразведочных экспедиций, ряд отрядов мог дожидаться вывоза к местам работы в течение нескольких месяцев. Почта по районам доставлялась несвоеременно, посылки в Нижневартовск скапливались и лежали до 7 дней.

Вывоз рыбы с глубинных водоемов производился нерегулярно, что сдерживало лов рыбы, и рыбоконсервные предприятия округа не могли обеспечить необходимой выработки консервов. Так, из Кондинского района в Ханты-Мансийск было не вывезено 54 т рыбы, из Сургута и Берёзовского суммарно – 70 т рыбы. Неблагоприятно обстояли дела и в перевозке грузов, которых имелось 75 т, а возможности отправки не было. Причиной столь острой проблемы было отсутствие самолетов и не укомплектованность кадрами [8, л. 63].

Проблема нехватки авиационной техники для выполнения народно-хозяйственных задач была схожей во всех аэропортах Тюменской области. Даже областной аэропорт к 1960 г. не мог справиться с доставкой всех своих грузов. В Тюмени скопилось около 200 т различных грузов, назначенных в северные округа и около 2,5 т почты, которые не могли вовремя покинуть Тюмень [2, л. 1–4].

Становится очевидным, что на начало 1960-х гг. авиаторы не справлялись с поставленными перед ними задачами в виду слабой материально-технической базы и остро нуждались в пополнении самолетно-вертолетного парка.

Другой острой проблемой при постоянно растущих объемах работ и не необходимости их скорого решения стало обеспечение безопасности полетов. Организация безопасности полетов всегда являлась одним из приоритетных направлений в деятельности гражданской авиации. В 1960-е гг. она была особенно актуальна в связи с возрастающей ролью авиатранспорта и расширением географии его полетов.

Большую обеспокоенность в 1960-х гг. в деятельности Тюменских авиаторов начали вызывать авиапроисшествия и многочисленные предпосылки к ним. Основными причинами таких предпосылок в 1960-е гг. были халатность и недисциплинированность личного состава.

Ряд авиационных происшествий происходил вследствие низкого технического контроля. Примером послужил случай в Сургутском авиаотряде, где произошла вынужденная посадка самолета Ан-2, в котором снизилось давление масла в двигателе из-за тряпки, которую авиатехник забыл во время ремонта [3, л. 232–234].

Зачастую руководители отдаленных северных авиаотрядов игнорировали решения собраний и мероприятий, проводимых руководством Тюменского Управления гражданской авиации. Часто складывалась ситуация, когда после проведенной проверки выявленные недостатки не устранялись длительное время, даже после повторных проверок.

Осложняющим обстоятельством в деле организации безопасности полетов на конец 1960-х – начало 1970-х гг. было несовершенное радиотехническое и метеорологическое оборудование северных аэропортов. Согласно одному из докладов начальника службы связи Фадеева «аэродромы Сургута и Салехарда в основном пригодны, но здесь мы опираемся на мастерство летчиков. По сути дела у нас в 60 % аэропортах радиотехнические и метеорологические средства для приема самолетов Ан-12, Ил-18 не годятся, даже новый аэродром в Тюмени полностью не пригоден. Нет системы посадки в Сургуте, ни в Березове для Ан-12, только надежда на мастерство летчиков» [6, л. 74].

Строительство средств связи вызвало большую обеспокоенность не только в Тюмени, но и в Министерстве гражданской авиации. Однако состояние электропитания, особенно в северных аэропортах, было маломощным и не пригодно для современных на тот момент радиотехнических средств.

Другой не менее острой проблемой в организации безопасности полетов было некорректное использование самолетно-вертолетного парка. Нередко складывалась ситуация, когда в авиационно-технической базе простаивали в ремонте вертолеты и самолеты, а рабочая техника перевыполняла свой план и ресурс, в конечном счете двигатели выходили из строя раньше времени и требовали больших усилий для их восстановления [7, л. 75].

Руководство Тюменского Управления прикладывало большие усилия и применяло различные меры по устранению этих проблем. Проводились регулярные проверки личного состава на соответствие занимаемой должности и расстановка диспетчеров в зависимости от практического опыта работы и личной подготовки [1, л. 90]. Применялись неординарные решения по совершенствованию радиотехнического обеспечения. Но положение дел стало меняться к лучшему только к середине 1970-х гг., когда в строй вошли новые аэропортовые комплексы с полным перевооружением всех технических средств [4, л. 14–16].

Другими причинами предпосылок к авиационным происшествиям являлись ошибки в деятельности наземных служб. Так, например, с 1960 по 1964 гг. по вине специалистов службы движения было допущено 4 предпосылки к авиационным происшествиям, 138 нарушений управления воздушным движением. Неудовлетворительно было организовано планирование потоков движения воздушных судов. Отсутствовали прямые оперативные связи с подчиненными службами управления воздушным движением в северных авиаотрядах, что не позволяло осуществлять контроль за использованием воздушного пространства, движением литерных, подконтрольных рейсов [9, л. 304].

Наряду с этим были и традиционно складывающиеся проблемы транспортных предприятий Севера страны – это нехватка высококвалифицированных кадров, недовольство социально-бытовыми условиями [5, л. 235–236].

Таким образом, на территории Севера Западной Сибири в начале 1960-х гг. создается крупное авиационное предприятие, которое стало мощным фактором социально-экономического развития Тюменской области, позволяя повышать эффективность геологоразведочных работ, предоставляя пассажирам быструю круглогодичную связь с отдаленной «большой землей», выполняя важные народно-хозяйственные задачи в исследуемый период.

Литература

1. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 12. Л. 90.
2. ГАСПИТО. Ф.124. Оп. 127. Д. 144. Л. 1–4.
3. ГАСПИТО. Ф. 3971. Оп. 1. Д. 18. Л. 232–234.
4. ГАСПИТО. Ф. 3971. Оп. 1. Д. 19. Л. 14–16.
5. ГАСПИТО. Ф. 3971. Оп. 1. Д. 18. Л. 235–236.
6. ГАСПИТО. Ф. 3971. Оп. 1. Д. 3. Л. 74.
7. ГАСПИТО. Ф. 3971. Оп. 1. Д. 3. Л. 75.
8. Государственный архив Тюменской области. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 4. Л. 63.
9. Государственный архив Тюменской области. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 416. Л. 304.
10. Эрвье Ю. Г. Сибирские горизонты. Свердловск, 1968. С. 48.

УДК 371(091) (571.122) «1945/1953»

Кирилюк Д. В.
Kirilyuk D. V.

НЕПРОСТЫЕ СБОРЫ В ШКОЛУ: РЕАЛИЗАЦИЯ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ В ШКОЛАХ ЮГРЫ В 1945–1953 гг.

UNEASY PREPARATIONS FOR SCHOOL: REALIZATION OF UNIVERSAL CHILDREN SCHOOLING IN UGRA DURING 1945–1953ss

В статье предпринимается попытка проанализировать деятельность государственной власти и учителей школ Югры по организации обучения детей в послевоенные годы. Исследуется ход работы по сбору и доставке учащихся в школу, а также отношение местного населения к школьному образованию. В заключении делается вывод о результатах реализации советских законов о всеобщем обучении детей в Ханты-Мансийском национальном округе в 1945–1953 гг.

Ключевые слова: государственная школьная политика, Закон о всеобщем обучении детей, дети коренных народов Севера.

Советское государство с первых лет своего существования уделяло большое внимание вопросам организации бессловного, массового обучения молодежи. Это, по мнению многих государственно-партийных деятелей межвоенного периода, было важной отличительной чертой советской школьной политики, по сравнению с предшествующим царским временем. Лидеры большевиков обращали внимание на культурную отсталость дореволюционной России, подчеркивая тем самым свои успехи в сфере культуры и образования. Многие современные писатели и ученые в целом разделяют эту точку зрения [5; 3]. Тем не менее, нужно подчеркнуть, что успехи новой власти в повышении уровня образования в стране, как показала практика, были далеко не везде одинаковыми. Особенно непростой была ситуация в удаленных регионах Советского Союза, таких, например, как Ханты-Мансийский национальный округ.

Находясь в сложных природно-географических условиях, оторванный от транспортной системы страны Север Тюменской области заметно отставал от других территорий по общему уровню грамотности населения. Следует со всей очевидностью также признать и тот факт, что Постановление ЦИК и СНК СССР «О всеобщем обязательном начальном обуче-

нии» в СССР, принятое в 1930 г., к началу Великой Отечественной войны в Югре так и не было выполнено. Освободительная война советского народа в 1941–1945 гг., потребовавшая напряжения всех сил государства, отложила выполнение данной задачи еще на 5 лет. Лишь в мае 1945 г. советская власть смогла вернуться к реализации своих стратегических целей в сфере образования.

В конце войны и первые послевоенные годы ситуация в обучении детей Югры была крайне тяжелой. Школьная сеть края, насчитывавшая в 1945 г. 257 учреждений, на первый взгляд, была достаточно большой, чтобы решить данные задачи. Но, во-первых, большинство этих школ (205 заведений) были начальными [1, л. 7] со штатами учителей, редко превышавшими 5 человек. Во-вторых, организация обучения детей Ханты-Мансийского национального округа затруднялась огромными расстояниями региона. Местным государственно-партийным работникам и учителям требовалось приложить немало усилий для того, чтобы своевременно собрать учеников в образовательное учреждение. Для охвата детей, подлежащих обучению, сельсоветы Югры были вынуждены рассылать на места своих уполномоченных. Там, где эта работа была организована на высоком уровне, например, в Аганской национальной школе, всех учащихся удавалось своевременно привезти в школу к началу учебного года [6, л. 20]. Но гораздо более распространенными были случаи, когда полная и своевременная доставка детей в школу к 1 сентября по каким-либо причинам не осуществлялась. Так, в середине 1940-х гг. Полноватская школа Микояновского района была вынуждена признать, что с вопросом доставки детей в школу она фактически не справляется [3, л. 21].

В-третьих, учет детей, подлежащих обучению, велся по так называемым похозяйственным книгам. Однако некоторые удаленные школы (национальные по составу учащихся) в выступлениях своих представителей на совещаниях фактически признавались, что данные похозяйственных книг тоже отличались неточностью. Поэтому наиболее ответственные учителя предлагали заменить похозяйственные книги сплошным объездом подведомственной школе территории. Другие педагоги указывали, что решением проблемы может быть более раннее начало работы учителями, задолго до начала учебного года [3, л. 21]. В любом случае, следует признать, что в сер. 1940-х гг. школы не имели точных данных о количестве детей, подлежащих обучению [3, л. 28], поэтому всеобщее образование просто не могло быть выполнено.

В-четвертых, острой проблемой рассматриваемого периода было обеспечение учащихся югорских школ одеждой и обувью. К примеру, в Аганской национальной школе, по словам ее заведующего, в 1944 г. обеспечение детей одеждой и обувью находилось в очень плохом состоянии. Районный отдел народного образования послал школе лишь 89 метров мануфактуры. Валенки было передано данному образовательному учреждению лишь 5 пар. При этом своих старых валенок в школе было только две пары. Зимними пальто были обеспечены только мальчики, девочки ходили в своей собственной одежде. В школе пос. Большой Вар Самаровского района в середине 1940-х гг. и вовсе торгующие организации никакой обуви школе не поставили [3, л. 20]. Всего в сер. 1940-х гг. государство сумело обеспечить лишь 257 югорских детей одеждой и обувью [3, л. 27]. Многие дети, подлежащие обучению, из-за отсутствия одежды и обуви так и не смогли своевременно попасть в школу. Примечательно, что, по данным А. С. Иванова, обеспечение спецпереселенцев промышленными товарами в Тюменском крае в середине 1940-х гг. также было заметно хуже, чем, например, в Омской области [4]. Данный факт приводит нас к выводу о том, что Тюменская область в первые послевоенные годы в принципе была хуже обеспечена одеждой и обувью, чем соседние регионы Сибири, что и определило глубину материальных трудностей школ Ханты-Мансийского национального округа.

В-пятых, следует отметить, что государственная школьная политика в Югре в 1945–1953 гг. наталкивалась и на дополнительные препятствия, вызванные особенностями этнонационального состава населения края. Одной из проблем по-прежнему было нежелание представителей коренного населения отдавать своих детей для обучения в советских школах. Это приводило, порой, к комическим ситуациям. Так, в 1944 г. заведующий Аганской нацио-

нальной школы Т. Цай сообщал, что местный сельсовет и общественность не помогали ему в сборе детей в школу. Более того, председатель местного сельсовета, ханты по национальности, сам не отдал своего брата в школу [3, л. 20]. Учителя национальных школ края на совещаниях сетовали на то, что по отношению к родителям, злостно уклонявшимся от выполнения закона о всеобуче, никаких мер воздействия не принималось [3, л. 20]. Самое большее, на таких родителей составлялся акт. Но дальше этого дело не шло [3, л. 23].

Некоторые родители учащихся ханты и манси также не оставляли попыток помешать образованию своих детей и в течение учебного года. Например, в школах Самаровского района в середине 1940-х гг. специалистами района было отмечено «много попыток со стороны родителей взять детей из школы» [3, л. 23]. С большим трудом местным учителям этот отсев удалось остановить. При этом наибольший отсев детей ханты и манси из школы, согласно документам, происходил в школах Сургутского и Ларьякского районов. Этот отсев был столь велик, что мало кто из детей-националов заканчивал своевременно национальную школу [3, л. 24].

Иногда на окончательном решении проблемы сказывались и отдельные частные ошибки работников системы образования. К примеру, в Казыме в середине 1940-х гг. 15 детей не удалось охватить школой по вине начальника культбазы, который на лето отправил детей за тысячу километров, а осенью дети не вернулись. В Полновате оказались не охваченными школой 11 человек [3, л. 27]. Это активизировало дискуссию среди учителей о том, стоит ли вообще отпускать учащихся ханты и манси из школы в течение учебного года. Тем не менее, даже консервативные работники образования признавали, что отпускать детей на каникулы можно и при правильной работе с учащимися и их родителями они должны своевременно возвращаться в школу [3, л. 29].

В конце концов, когда педагогическим работникам удавалось «обнаружить» детей ханты и манси, до сих пор не получивших общего образования, часто оказывалось, что они уже вышли из школьного возраста, превратившись в так называемых переростков [3, л. 21]. Общее количество недоохваченных школой детей коренных народов Севера различалось. В среднем на одну школу приходилось 2–5 детей ханты и манси, по каким-либо причинам не посещавших школу. Однако на уровне отдельного района Югры число таких детей было уже не столь безобидным, достигая 30–40 человек (например, в национальных школах Ларьякского района) [3, л. 21]. На общем фоне нехватки обучением детей ханты и манси, тем не менее, уже в сер. 1940-х гг. был существенно меньшим, чем количество не обучавшихся в школе русскоязычных детей. Так, в Самаровском районе в это время не были охвачены школой 131 человек, из которых дети ханты составляли лишь 18 человек [3, л. 23].

Но даже в тех случаях, когда детей все же доставляли в обозначенные сроки в школу, нередко возникали различные непредвиденные ситуации. Так, в пос. Большой Вар Самаровского района часть детей ханты и манси прибыли в школу с паршой (грибковым заболеванием кожи, волос и ногтей). Поэтому учителя школ были вынуждены брать на себя ответственность и не принимать таких детей в пришкольный интернат [3, л. 20]. Множество детей из-за различных заболеваний отсеваюсь и из национальных школ Микояновского района [3, л. 21].

Тем не менее, активная разъяснительная работа югорских учителей в предшествующий исторический период, меры государства и партии в данном направлении не прошли бесследно. Уже в середине 1940-х гг. в выступлениях учителей Ханты-Мансийского национального округа прозвучали слова о том, что работы с родителями ханты по вовлечению их детей в школу стало меньше и новые учащиеся из числа коренных народов Севера стали являться в школу своевременно. Задерживались к началу учебного года лишь те учащиеся из ханты и манси, которые вместе со своими родителями находились далеко от школы [3, л. 22].

Но была ли окончательно решена данная проблема к концу рассматриваемого периода? Ответ на этот вопрос, к сожалению, нужно дать отрицательный. В абсолютных цифрах, представляемых в окружной отдел народного образования, ситуация выглядела обнадеживающей. С 1949 по 1952 гг. количество детей, подлежащих обучению, но не посещавших

школу, сократилось почти в два раза – с 328 до 173 человек [2, л. 1]. Однако, учитывая ранее называвшиеся нами проблемы достоверности учета детей школьного возраста, эти цифры могли и не соответствовать действительности. Тем более что в другом отчете этого же периода общее количество неохваченных школой детей оценивалось в округе в 229 человек [2, л. 19].

Не были решены, как указывают документы, к началу 1950-х гг. и многие из тех причин, вследствие которых югорские дети не посещали школу. Среди них на первом месте находилась длительная болезнь учащегося (от 110 до 382 человек в год в 1949–1952 гг.), а на втором месте по-прежнему стояла проблема отсутствия у учащихся обуви и одежды. В 1950–1951 уч. г. таких, например, было 186 учащихся! [2, л. 1]. Справедливости ради нужно отметить, что уже через год, по данным официальной статистики, лишь один школьник не смог обучаться из-за отсутствия одежды и обуви. Кроме того, работникам школ удалось в это же самое время заметно сократить общее число детей, исключенных из школ. Если в 1949/50 уч. г. не закончили учебный год 49 человек, то в 1951–52 уч. г. – 11 человек.

Во многом эти успехи были связаны с созданием и постоянным увеличением так называемых фондов всеобуча. К началу 1950-х гг. они были созданы при школах и сельсоветах и систематически пополнялись. Привлечением денег в данные фонды занимались родительские комитеты совместно с сельским активом. Только в 1951 г. размер денежной помощи учащимся составил около 200 тыс. руб.

Для этих же целей изыскивались и иные средства. Так, в нач. 1950-х гг. в окружных школьных документах сообщалось, что при всех семилетних и средних школах, а также при большинстве начальных школ края имелись хозяйственные посеы, урожай которых также поступал в фонд нуждающимся учащимся. Стоимость продуктов в этом фонде выражалась примерно в тех же суммах, что и в денежном фонде [2, л. 2]. С другой стороны, в 1952 г. 21 учащийся не посещали школу из-за ее удаленности от места жительства, 28 – по причине занятости на работе на предприятиях и в колхозах [2, л. 1], что вновь свидетельствовало о невыполнении школьными работниками региона Закона о всеобуче.

Обобщая вышесказанное, необходимо заметить, что органы государственной власти Югры, учительские коллективы местных школ в 1945–1953 гг., как и в 1930-е гг., вновь не смогли справиться с выполнением Постановления ЦИК и СНК СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» 1930 г. Более того, в сложившихся обстоятельствах в округе не могло быть своевременно выполнено и решение советского правительства 1949 г. о введении в школах страны всеобщего семилетнего образования. Ежегодно сотни детей школьного возраста в Ханты-Мансийском национальном округе по разным причинам не посещали школу.

Из-за отсутствия в регионе развитой медицины многие дети подолгу болели, с большим трудом к концу периода удалось обеспечить основную массу учтенных школой детей одеждой и обувью. Однако продолжались отсеы учащихся в течение учебного года, голод и отсутствие средств к существованию вынуждали их уходить из школы на работу в местные промышленные и сельскохозяйственные организации. Сохранилось и недоверие местного населения к советской школе, попытки родителей ханты, манси и ненцев не пускать своих детей школу либо забрать их оттуда под первым же предлогом. Ко всему прочему, органы управления Югры в 1945–1953 гг. не сумели наладить точный учет молодежи, подлежащей обучению, вследствие чего даже отраженные в официальной статистике успехи не выглядят бесспорными.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 16-11-86008 «Развитие школьного образования в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 1945–1991 гг.»

Литература

1. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 224.
2. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 320.

3. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 209.

4. Иванов А. С. «Изьять, как антисоветский элемент...»: калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.) / под ред. Б. У. Серазетдинова ; науч. совет при Президиуме РАН по проблемам военной истории. М., 2014. С. 115.

5. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация : кн. 2-я. От Великой Победы до наших дней. (Сер.: История России. Современный взгляд). М. : Алгоритм, 2002. С. 126–147.

6. Соскин В. Л. Формирование советской системы общего образования: Очерк социальной истории. Первый этап (1917–1920 гг.). Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2000. С. 15.

УДК 314(091)(571.121)«19/20»

Корнилов Г. Е.
Kornilov G. E.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И НАСЕЛЕНИЕ ЯМАЛА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

MODERNIZATION AND YAMAL POPULATION AT END XIX – BEGINNING XXI CENTURIES

В статье анализируются процессы формирования населения Ямала в конце XIX – начале XXI вв. Выявлены его особенности, социально-политические и экономические факторы, исследована динамика численности населения, показана роль процессов воспроизводства и механического прироста населения. Выводы подтверждены историческими источниками, в первую очередь данными демографической статистики.

Ключевые слова: историческая демография, население Ямала, миграции населения, демографический переход, демографическая ситуация.

Одной из малоизученных тем остается история формирования населения Крайнего Севера. Тем не менее, для прогноза долгосрочных геополитических и коммерческих связей России требуется углубленный анализ того, как происходило заселение и обустройство Ямала, под действием каких факторов сформировалось его население, обеспечившее создание и успешное развитие крупнейшего нефтегазового комплекса страны.

В современной научной литературе существуют различные мнения по этой проблеме. Одни авторы вслед за Ф. Хилл и К. Гэдди считают, что из-за низких температур производство на Севере неоправданно и затраты на жизнеобеспечение населения чрезмерно высоки («сибирское проклятье»), поэтому работы здесь надо вести только вахтовым методом [17]. Другие авторы, такие как Ф. Штаммер, Е. Хлиновская, полагают, что Крайний Север России заселялся переселенцами и что царская, советская и современная власти проводили и проводят одинаковую политику колонизации Севера, которая является долгосрочным национальным инструментом ее развития, а демографическая политика неэффективна, особенно в отношении коренных народов [19, с. 343–371].

Население Ямала с конца XIX в. до начала XXI в. возросло с 10 тыс. до 507 тыс. человек. Его формирование происходило в условиях модернизации страны. Однако рост населения региона проходил крайне неравномерно [11, с. 33, 249].

Первый период демографической модернизации Ямала проходил с конца XIX в. по конец 50-х гг. XX в. Численность населения края с 1897 г. к 1927 г. увеличилась с 10 тыс. до 13,6 тыс. человек; к концу 1939 г., в результате так называемой «кулацкой ссылки», – до 47,9 тыс. человек; к 1959 г., под воздействием миграции (в подавляющей части насильственной), – до 62,3 тыс. человек [7, с. 35, 171, 328]. На Ямале сохранялся традиционный тип вос-

производства населения, демографическая сфера имела в основном закрытый характер, численность населения увеличивалась за счет небольшого естественного прироста (а в 1930–40-е гг. за счет насильственной миграции спецпереселенцев и заключенных). Показатели рождаемости и смертности на Обдорском Севере оставались очень высокими. «Пусковым механизмом» трансформации демографической сферы были изменения показателей смертности. В начале XX в. средний возраст жизни населения Обдории был равен 22,3 года. Смертность обуславливалась преимущественно эндогенными причинами. Уровень рождаемости, особенно среди коренного населения, в этот период также был высоким. К началу 1960-х гг. смертность населения Ямала сократилась до 10–12 % [15, с. 135], что свидетельствовало о начале трансформации демографического процесса в округе – вступлении в первую фазу демографического перехода.

Необходимым социально-экономическим фоном для появления новых тенденций в демографических процессах на Ямале стало постепенное хозяйственное освоение округа (становление и развитие рыбной промышленности), мощный импульс которому придали насильственные миграции: труд спецпереселенцев, заключенных использовался на строительстве Полярной железной дороги (в конце 1940-х – начале 1950-х гг.), что обеспечило экономику региона требуемым количеством рабочих рук. Развитие хозяйства сопровождалось формированием социальной сферы, улучшением медицинского обслуживания, распространением гигиенических знаний и повышением уровня санитарной культуры населения, в том числе коренного.

Второй этап демографической модернизации совпал со следующим этапом демографического развития – 1959–1989 гг. Население Ямала выросло до 494,9 тыс. человек к 1989 г. В конце 1960-х–1970-е гг. рост населения был связан с обустройством и освоением газовых месторождений и носил в основном «вахтовый» характер. Вахтовики были преимущественно малосемейными, в процессе воспроизводства населения участвовали слабо. Большинство рабочих поселков на начальном этапе не имело развитой инфраструктуры, люди жили в тяжелых бытовых условиях (вагончики, балки, времянки), медицинское, культурное и торговое обслуживание не было развито. Огромной была текучесть кадров. С середины 1970-х гг. и в 1980-е гг. в связи со строительством городов и современной социальной инфраструктуры освоение Ямала пошло быстрыми темпами. В формировании населения решающую роль стали играть миграционные процессы.

Период наиболее интенсивного формирования населения Ямала – 1960–80-е гг. – был очередным этапом модернизации населения региона, когда в короткий срок совершился первый (изменение смертности) и второй (изменение рождаемости) этапы демографического перехода, вызванные мощным миграционным движением. В это же время в демографическую трансформацию постепенно вовлекалось коренное население Ямала.

Миграция была ведущим фактором роста численности населения края. Ее вал составил за 1960–80-е гг. 1,5 млн человек, сальдо миграции – 335 тыс. человек [13, с. 23]. Основными районами, принимавшими переселенцев, где была высокая их приживаемость, являлись Надымский и Пуровский. Роль миграции в формировании населения возрастала по мере наращивания добычи природного газа, строительства трубопроводов, железных и автомобильных дорог, жилья. Две трети всех мигрантов составляли выходцы из других регионов страны (межобластная миграция), одна треть приходилась на долю внутриобластных перемещений (в пределах Тюменской области). ЯНАО притягивал население Урала, центральных районов России, Поволжья, Северного Кавказа. Каждый пятый мигрант был уроженцем Украины. Высокая территориальная подвижность населения на Ямале как в районе нового промышленного освоения, избирательность в отношении пола и возраста оказали существенное влияние на состав населения [4].

К концу 1980-х гг. в регионе в основном сложилась современная сеть городских и сельских поселений. Ускоренное социально-экономическое развитие ЯНАО обусловило прерывистый, скачкообразный характер урбанизации. Строительство газопромышленных пред-

приятий и других объектов приобрели крупные масштабы. Грандиозные задачи по созданию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) привели к быстрому развитию производительных сил, что определило объективный характер беспрецедентного в истории региона роста как численности городского населения, так и количества городских поселений. Рост и размещение городского населения были обусловлены экономической рациональностью строительства промышленных объектов, имевших градообразующее значение и приближенных к источникам сырья. Серьезной проблемой Ямала было противоречие между значимостью региона в экономике страны и низким уровнем обеспечения его населения социальной системой жизнедеятельности [3]. Нараставшая инерция общества, выражавшаяся в смене демографического поведения, семейного уклада и отношения людей к рождению детей, совпавшая по времени с кризисом СССР, привела к уменьшению привлекательности института семьи и постоянной жизни на Севере, к замедлению темпов механического прироста населения в конце 1980-х гг. и к отрицательному миграционному приросту в 1990-х гг. [11, с. 317].

Анализ процесса формирования населения Ямала в длительной ретроспективе показывает, что оно развивалось по общероссийской модернизационной модели [5] и что региональная специфика демографических процессов имела лишь количественный, а не качественный характер. На Ямале воспроизводились все социально-демографические феномены России XX в., только в этом регионе они проявлялись ярче, в чем и заключалась его основная особенность. Вторая особенность заключалась в том, что население Ямала миновало демографические катастрофы XX в., которые пережила Россия. Тем не менее, в условиях первого этапа промышленного освоения Ямала фиксировался демографический кризис, касавшийся коренных народов округа. В научной литературе в последние годы была «реанимирована» дискуссия «о вымирании коренных народов» [1, с. 15–23]. В исследовании Г. Г. Корнилова показано, что сокращение численности ненцев с 17,2 тыс. человек в 1971 г. до 15,9 тыс. в 1983 г. (на 7,6 %), хантов – с 6,4 тыс. до 5,9 тыс. (на 7,8 %), селькупов – с 1,7 тыс. до 1,4 тыс. (на 17,6 %) было вызвано повышением смертности, особенно младенческой, и снижением рождаемости [12, с. 22]. В 1980-е гг. государственные органы власти предприняли активные действия по ликвидации катастрофической ситуации среди коренного населения. Благодаря улучшению социального и медицинского обслуживания, борьбе с главными причинами смертности коренных народов удалось достичь положительных сдвигов в естественном движении населения: к концу 1980-х гг. уровень младенческой смертности среди коренных народов сократился в 2–3 раза. При сохранении достаточно высокого уровня рождаемости (в пределах 20–25 %) и сокращении смертности (до 12 %) уровень естественного прироста коренного населения был даже выше, чем у пришлого населения [2, с. 133, 150; 10, с. 354; 16, с. 53–55].

Демографическую модернизацию Ямала в целом определяли факторы, общие для всей страны. Но на Севере Западной Сибири сильнее действовал экономический фактор – форсированная индустриализация, – а также факторы миграции, «сопротивление пространства», специфика этнического состава населения, низкое качество городской среды. Влияние политического фактора было ослабленным, он не был доминантным.

С активными переселениями связаны все изменения в населении региона. Благодаря миграции ямальское сообщество достигло большого социального, культурного и этнического разнообразия. В то же время миграция выступала дестабилизирующим фактором социально-демографического развития.

Признаки модернизации видны во всех видах социального движения населения Ямала и его структурах. Его антропокультурной основой выступал рост образования, что изменило качество населения и усилило социокультурную нивелировку общества, составив доминанту его развития. Социально-демографические показатели свидетельствуют о быстром разрушении в регионе «конструкций» традиционного общества, что особенно ярко проявилось в исчезновении системы демографического воспроизводства.

Модернизация брачно-семейных отношений в регионе сочетала сохранение традиций всеобщих ранних браков с распространением свободных семейных союзов. Характер изме-

нений в семье также позволяет оценить их как проявление демографической модернизации. Ярких признаков кризиса семьи как института воспроизводства поколений не было.

Второй этап формирования населения (1960–80-е гг.) совпал с первыми двумя этапами демографического перехода населения к современному типу воспроизводства. Большинство демографических процессов на Ямале протекали синхронно с общероссийскими, правда с некоторым смещением примерно на десять лет, имели общие тренды и динамику. Хотя коэффициенты естественного движения населения (рождаемости, смертности, брачности, разводимости) на Ямале были выше, модель демографического перехода не противоречила общероссийской и вписывалась в нее как региональная разновидность.

Возрастная структура населения округа на протяжении последних пятидесяти лет характеризовалась высоким удельным весом детей и лиц трудоспособного возраста. До начала промышленного освоения Ямала этому способствовал высокий уровень рождаемости. С середины 1970-х гг. и вплоть до конца 1980-х гг. сильнейшее влияние на структуру населения оказывала миграция. На фоне многократного увеличения численности населения в целом резко выросла численность лиц трудоспособного возраста, а на долю лиц пенсионного возраста приходилось всего 2,1 % (1989 г.). Именно в этот период здесь сформировалось исключительно молодое и дееспособное во всех отношениях население. Накопленный демографический потенциал благотворно отразился на половозрастной структуре населения в 1990-е гг. и позволил восстановить положительный баланс между показателями рождаемости и смертности.

В период интенсивного промышленного освоения Ямала в отдельных возрастных группах доля мужчин на 20–30 % превышала долю женщин, а в сельской местности разница достигала 50 %. Впоследствии такие диспропорции несколько сгладились за счет притока женского населения. Это подтвердила Всероссийская перепись населения 2010 г. [6, с. 142, 160, 174; 18, с. 299, 300; 8, с. 212–214].

Причиной начавшегося в 1990-е гг. на Ямале сокращения численности населения являлись не тенденции предыдущих этапов развития, а обострение системного кризиса в стране. Демографические процессы испытывали сильное воздействие политических изменений, сопровождавших распад СССР, сложной рыночной трансформации социально-экономического развития округа, изменения его конституционного статуса. Все это привело к снижению темпа роста численности населения Ямала, а затем и к его стабилизации и даже к сокращению численности населения некоторых городов. Кроме того, эта ситуация явилась следствием негативных миграционных тенденций, сопровождавшихся оттоком населения, а также сокращения его естественного прироста в результате снижения рождаемости. Характер естественных и миграционных процессов отразился и на составе населения. За 1990–2010 гг. численность городского населения ЯНАО увеличилась на 58 тыс. человек (на 13,7 %), сельского – сократилась на 29,3 тыс. (на 35 %) [9, с. 159; 14, с. 12, 15, 18].

Начало XXI столетия сопровождалось оживлением экономической деятельности региона, вызванным стабилизацией и наращиванием топливно-энергетических ресурсов, улучшением ситуации в промышленном хозяйстве и социальном комплексе региона. Переход к интенсивному пути экономического развития предполагает более рациональное, бережное использование человеческих ресурсов. Принятые на государственном и региональном уровнях меры демографической политики привели к позитивным сдвигам в динамике численности и состава населения. Накопленный в прошлом демографический потенциал позволил Ямалу сохранить, а в последние годы и восстановить численность населения в размерах начала 1990-х гг., а к 2010 г. численность населения округа выросла до 522,9 тыс. человек [9, с. 159]. На новом этапе промышленного освоения Ямала и выхода к Арктике имеется возможность использования опыта демографической истории региона (решение проблем ограниченного спроса на рабочую силу, низкой мобильности населения, неразвитости рынка жилья, снижения демографической напряженности).

Литература

1. Богоявленский Д. Д. Вымирают ли народы Севера // Население и общество : информ. бюл. Центра демографии и экологии человека Ин-та народнохозяйствен. прогнозирования РАН. М., 2004. № 83. С. 15–23.
2. Волжанина Е. А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX – начале XXI века. Новосибирск, 2010. С. 133, 150.
3. Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Тюмень, 2002.
4. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 34. Оп. 1. Д. 390; 394; 416; 445; 464; 480; 498; 529; 549; 577; 602; 627; 661; 696; 735; 832; 880; 928.
5. Демографическая модернизация России. 1900–2000. М., 2006.
6. Демографический ежегодник (2008–2012) : стат. сб.: в 4 ч. Тюмень, 2012. Ч. 3. С. 142, 160, 174.
7. История Ямала : т. II : Ямал современный. Кн. 1 : У истоков модернизации. Екатеринбург, 2010. С. 35, 171, 328.
8. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. Т. 2. С. 212–214.
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 1: Численность и размещение населения. М., 2012. С. 159.
10. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4: Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М., 1971. С. 354.
11. Корнилов Г. Г., Корнилов Г. Е., Михалев Н. А., Оруджиева А. Г. Население Ямала в XX веке: историко-демографический анализ. Екатеринбург, 2013. С. 33, 249.
12. Корнилов Г. Г. Население Ямала в 1959–1989 гг.: историко-демографический анализ : автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010. С. 22.
13. Корнилов Г. Г. Население Ямала в период промышленного освоения (1959–1989 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 23.
14. Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). М., 1991. Ч. 1. С. 12, 15, 18.
15. Михалев Н. А. Население Ямала в первой половине XX века: историко-демографический анализ. Екатеринбург, 2010.
16. Население Ямало-Ненецкого автономного округа в 2001 году. Тюмень, 2002. С. 53–55.
17. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России. М., 2007.
18. Численность и состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М., 1990. С. 299, 300.
19. Bevölkerungsbewegung in Russlands Hohem Norden // Osteuropa. 2011. Heft 2/3. Februar – März.

УДК 39(091)(=1-81)(571.122)

*Кузьменко А. Ю.
Kuzmenko A. Yu.*

БЫТ КОРЕННОЙ СЕМЬИ ХМАО В ГОДЫ АКТИВНОГО ССЕЛЕНИЯ И ОСЕДАНИЯ

KNMAO INDIGENIOUS FAMILY HOUSEHOLD IN DAYS OF ACTIVE SETTLEMENT AND RESIDENCE

В статье рассматривается проблема изменения семейно-бытовых отношений коренного населения ХМАО в процессе реализации государственных идеологических установок советского государства в области семейной и национальной политики. Предпринимается попытка оценки трансформации бытового уклада семей «малых» народностей.

Ключевые слова: семейная политика, национальная политика, воспитание, советский период.

В настоящее время очень много внимания уделяется проблемам сохранения традиционных национальных культур, что напрямую связано с изучением вопросов, касающихся в первую очередь организации жизнедеятельности, бытового уклада, семейных отношений, воспитания подрастающего поколения представителей народов, проживающих на территории современной России.

Особо, по нашему мнению, это касается так называемых «малых» народов России, в связи с тем, что стоящая перед современным российским обществом проблема депопуляции населения особенно ярко вырисовывается при ближайшем рассмотрении современного состояния уклада представителей этих национальностей.

На территории Западной Сибири со времени ее освоения происходят существенные трансформации культурной, социальной, демографической, мировоззренческой сфер жизни как пришлого, так и коренного населения. Особенно явно эти процессы проявились со времени установления здесь советской власти, когда под влиянием новой государственной идеологии был принят курс на построение коммунистических производственных отношений у коренных народов Севера. При этом не принималась в расчет специфика традиционного образа жизни аборигенного населения, что не могло не привести к коренной ломке экономических, социальных отношений, а также бытового уклада. Все «попытки ... отстоять принципы традиционной жизни вызвали усиление репрессивных мер и были подавлены» [10, с. 28].

Своего апогея процессы переустройства традиционного уклада достигли в период так называемого сселения и оседания коренных народов Севера. Немаловажно, что значительная часть этого периода пришлась на период интенсивного промышленного освоения Западной Сибири, связанного с открытием и началом освоения «большой нефти». В максимальной степени связанные с этим трансформации жизнеустройства характерны и для территории Ханты-Мансийского автономного округа.

11 декабря 1950 года было принято Постановление Совета Министров СССР № 4875 «О мерах помощи в переводе на оседлость кочевого и полукочевого населения колхозов в районах Крайнего Севера Тюменской области». Несмотря на «запуск» процесса перевода малых народов на оседлость еще в конце 1930-х годов, активность он приобрел именно в связи с применением положений вышеуказанного Постановления, что отражено и в материалах партийных и комсомольских конференций и съездов, на основе которых можно произвести определенную реконструкцию бытового уклада представителей «коренных малочисленных народов» ХМАО.

В ходе мероприятий по исполнению Постановления развернулось строительство домов для колхозников, переходящих на оседлый образ жизни, появились новые посёлки с сетью бытовых и культурных учреждений – магазинами, почтой, клубом, избой-читальней, больницей, школой и интернатом, библиотекой, баней и другими культурно-бытовыми объектами. Хозяйствам, переходящим на оседлость, выдавались долгосрочные ссуды для строительства домов [2, л. 1].

В то же время идет процесс преобразования рыболовецких и сельскохозяйственных артелей в совхозы, бригад по добыче рыбы при рыбзаводах – в промыслово-охотничьи хозяйства, образовывались большие оленеводческие колхозы и совхозы в 50-е гг., происходила концентрация населения в поселках. Все это вызывало изменения в образе жизни северян. На занятости населения отрицательно сказалось закрытие звероферм и рыбоучастков [3, л. 46].

Результатом явилось то, что реализация идеи концентрации производства привела по сути к свертыванию традиционных отраслей хозяйства, были заброшены многие деревни, промысловые угодья, резко сократились посевные площади, поголовье скота, ухудшились условия жизни сельского и особенно национального населения [3].

Вообще быт коренных жителей ХМАО, за короткое время из свободных оленеводов, охотников и рыболовов, перешедших в разряд советских колхозников, меняется коренным образом. Это касается и гендерных ролей внутри системы семейно-родовых отношений, и воспитания детей, и религиозной обрядности, испокон века сопровождающей традиционный уклад жизни ханты и манси.

Колхозники с членами своих семей отрывались от родовых угодий, переселялись в построенные по «русскому» типу избы, должны были вести домашнее хозяйство, держать коров и разбивать огороды – то есть вести занятия, несовместимые с их прежним образом жизни [2].

Вопросы «внедрения культуры в быт коренного населения» постоянно обсуждаются и держатся на контроле членами партии и комсомольцами. В новых домах, выстроенных для коренных жителей, добивались образцового порядка [8, л. 89], регулярно проводились санкультпоходы, женщины ханты и манси обучались навыкам ведения «цивилизованного» домашнего хозяйства – уборке, стирке, мытью полов и т. д. [1, л. 199]. Вместо традиционных «женских» занятий – вышивания, ухода за оленями, присмотра за детьми и их обучением – женщина активно включалась в общественную жизнь, начинала работать в колхозе наравне с мужчинами [1], посещала курсы кройки и шитья, приготовления «вкусной и здоровой» пищи [1, л. 10], лекции о воспитании детей, организации здорового быта и устройстве семейной жизни [1, л. 31, 38, 45].

Под предлогом научно-атеистической пропаганды среди населения развертывается настоящая борьба с традиционной обрядностью. Запрещается проведение таких важнейших для аборигенов праздников, как Медвежий праздник, Вороний день, а как результат недостатков воспитательной работы с коренным населением отмечается, что «сами комсомольцы иногда становятся носителями религиозных предрассудков и суеверий» [6, л. 277], «женщины и девушки закрывают лицо» [5, л. 23]. Так политика коммунистов совершенно исключала любые проявления религиозности из повседневной жизни, заменяя ее «молодежными национальными вечерами и праздниками» [7, л. 16].

Широко и повсеместно привлекаются представители коренных национальностей к партийной, общественно-полезной деятельности, культурно-массовой и спортивной работе. В то же время в качестве значимых достижений советской власти указывается устройство национальных интернатов с целью создания условий для получения общего образования коренным населением [8, л. 68]. Все эти мероприятия, преследующие цель включить малые народы в состав большого и единого советского народа, в немалой степени сказались на бытовом устройстве коренных семей. Вынужденные жить максимально общественной жизнью, оторванные от родовых угодий и отлученные от традиционных видов деятельности, семьи сибирских аборигенов теряют основные, пожалуй, функции семьи – воспитание и обучение подрастающего поколения. Внедрение интернатской образовательной системы, имеющее

глубоко противоречивый характер, подавляющим большинством исследователей определяется как чисто негативный шаг советской власти, приведший к проблеме потери культурной самобытности и идентичности малыми народами [14, с. 32; 11, с. 28].

Однако в рассматриваемый период советскими партийцами такая мера рассматривалась как исключительно прогрессивное нововведение, позволяющее с наибольшей эффективностью включить «отсталое» кочевое население в процесс строительства светлого социалистического будущего для всех народов Советского Союза, «проявляя неустанную заботу по повышению образования и воспитания подрастающего поколения, о росте и развитии советской школы» [8, л. 68].

Конечно, не было все так гладко, как часто пытались представить члены компартии. Так как поселки для местного населения строились на значительном удалении от охотничьих угодий и мест лова рыбы, без возможности передвижения по воде, дома, построенные для семей колхозников, зачастую пустовали. Зимой колхозники жили в юртах на месте охотпромысла, а летом с семьями уезжали на рыбоугодья [7, л. 124].

Качество постройки домов также нередко оставляло желать лучшего, жители сталкивались и с другими бытовыми проблемами – нехваткой продуктов питания, стройматериалов [8, л. 315].

Но в целом, в период активного сселения малых национальностей в противовес традиционному представлению о коренных сибиряках складывается другой образ. Устоявшийся этнографический образ ханты и манси – это «таежные рыболовы и охотники, живущие в лесных избушках, которые носят красивую самобытную одежду», оленеводы, живущие в чумах, ведущие самобытный образ жизни, основанный на занятиях традиционными отраслями хозяйства, соблюдающие традиции и обычаи предков [12, с. 58].

С 1950-х же годов представители малых народов в основной своей массе живут в русских избах, осваивая новый для них тип ведения домашнего хозяйства, пользуются дровами и электричеством, учатся готовить не характерную для себя еду, обустривают «цивилизованный» быт – вешают занавески, ставят мебель в дома, начинают покупать в магазинах продукты, предметы первой необходимости и т. д. Традиционные наряды, расшитые бисерными узорами, несущими родовой и сакральный смысл, заменяются новой «современной и модной» одеждой, купленной в магазине или изготовленной на специальных курсах кройки и шитья. Из повседневной жизни практически исчезает традиционная обрядность, всегда сопровождавшая все значительные события в семье или роде, а где не исчезает, объявляется религиозным пережитком, подлежащим искоренению.

Трудовая деятельность взрослых членов семьи направлена теперь не на сохранение семьи, обеспечение ее продовольствием, кровом, не на сохранение традиций и передачу их следующим поколениям, а на максимальную включенность в коллектив, обеспечение выполнения пятилетних планов, участие в соцсоревновании. Обязательным становится и участие в общественной жизни – партийной работе, общественно-полезной деятельности и т. д. Семья практически лишается своих образовательной и воспитательной функций в связи с повальной передачей детей коренного населения в специально построенные национальные интернаты.

В целом же, осуществляя политику патернализма, советское правительство не просто вмешивалось в жизнь народов, населяющих территорию Советского Союза, но полностью перестраивало ее в соответствии с коммунистической идеологией. Нередко это приводило к негативным итогам, в погоне за результатами, в гонке социалистических соревнований не учитывался «человеческий фактор», культурные и национальные особенности представителей разных народов. К сожалению, проблемы от последствий такой политики приходится разрешать в настоящее время.

Литература

1. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1614.
2. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1640.
3. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2043.
4. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1640.
5. ГАСПИТО. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 435.
6. ГАСПИТО. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 438.
7. ГАСПИТО. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 453.
8. ГАСПИТО. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 455.
9. Гемуев И. Н. Манси: трансформация культуры. Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск : Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 91–103.
10. Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов и их изменения в XVII–XX вв. : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Екатеринбург, 2006. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/844/1/urgu0374s.pdf> (дата обращения: 22.04.2016).
11. Лапина М. А. Этические традиции в воспитании детей обско-угорских народов // Обские угры (ханты и манси) на пороге Третьего Тысячелетия : сбор. ст. № 5 / сост. Е. А. Немысова / под ред. К. В. Афанасьевой, Е. А. Немысовой. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2001. С. 27–29.
12. Мартынова Е. П. К вопросу о феномене хантыйской этничности // Обские угры: научные исследования и практические разработки : материалы всерос. науч. конф. VII Югорские чтения / сост. С. А. Герасимова. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. С. 58–62.
13. Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск : Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 168 с.
14. Обатина Г. А. Принципы традиционного воспитания в хантыйской семье // Народы Северо-Западной Сибири / под ред. Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1994.
15. Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): научно-исторические очерки. Екатеринбург : Тезис, 2002. 224 с.

УДК 94(571.1) «375/1492» (=512.1)(=511)

Курносков В. В.
Kurnosov V. V.

К ВОПРОСУ О ХАРАКЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ КОЧЕВНИКОВ И УГРО-САМОДИЙСКОГО НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНЫХ И ЮЖНО-ТАЕЖНЫХ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДЕВЕКЕВЬЯ

TOWARDS RELATIONS NATURE BETWEEN TURKIC-SPEAKING NOMADS AND UGRIC-SAMOED NONAGRICULTURAL POPULATION OF FOREST-STEPPE AND SOUTHERN FOREST REGIONS OF WESTERN SIBERIA IN EARLY MIDDLE AGES

В статье обращается внимание на проблему взаимоотношений кочевого и неземледельческого населения Западной Сибири в период раннего Средневековья. Приводится типология государственных образований кочевников, учитывающая политические структуры и характер отношений между кочевным и земледельческим населением на периферии степного пояса Евразии, открывающая новые перспективы в разработке вопроса о характере взаимоотношений двух цивилизаций в изучаемом регионе.

Ключевые слова: типология кочевых обществ, кочевая империя, мир-системный анализ.

Вопрос о характере взаимоотношений тюркоязычных кочевников и угро-самодийского неземледельческого населения лесостепных и южно-таежных регионов Западной Сибири в период раннего Средневековья остается одним из актуальных в отечественной историографии. Основными источниками, на которые опираются исследователи в разработке этого вопроса, являются археологические материалы, по которым крайне трудно судить, были ли эти отношения вассальные, даннические, союзнические или враждебные. Единственный письменный источник – Ремезовская летопись, согласно которой «сибирский царь (Кучум); и дани со многих низовых язык взяша» [13, с. 319], отражает события второй половины XVI в. Большинство исследователей склоняются к тому, что отношения аборигенов и пришельцев были мирными, однако есть и противоположенные мнения. К числу первых можно отнести Т. Н. Троицкую, В. И. Молодина, Д. Г. Савинова, В. С. Елагина, которые считают, что в период с VIII по XIII вв. в Центральной и Южной Барабе между тюркоязычным и угро-самодийским населением наблюдались стабильные хозяйственно-культурные отношения. По их мнению, длительное мирное сосуществование было возможным благодаря различию хозяйственных интересов промыслового лесного и степного скотоводческого населения [11, с. 167; 15]. Б. Л. Конилов на том же основании полагает, что с VI по IX вв. «характер этих взаимоотношений был преимущественно мирный» [6, с. 275], но с XI – XII вв. происходит давление «Юга», что «отразилось и в появлении следов разгрома на целом ряде южно-таежных городищ» [6, с. 276]. Как считает Д. М. Маслюженко смешанное южноугорское и протомадьярское население южного Зауралья в эпоху владычества I и II Тюркских каганатов установило со степным населением военные и торговые контакты, необходимые для функционирования меридианного ответвления Великого шелкового пути. Однако с середины VIII в. тюркоязычные кочевники вытесняют протомадьяр из степной среды обитания, а южноугорское население начинает строительство хорошо укрепленных городищ по Исети и Тоболу [10]. По мнению В. В. Горбунова, в IX в. «переселение тюркоязычного населения на юг Западной Сибири носило характер завоевания, в результате которого местное самодийское население было подчинено кочевниками» [4, с. 40]. А. А. Адамов пришел к схожему выводу для Новосибирского Приобья. Он считает, что в X в. местные аборигены были в основном вытеснены и частично ассимилированы тюркским (кыпчакским) населением [1, с. 87].

На наш взгляд, новые перспективы в решении вопроса о характере взаимоотношений двух цивилизаций в Западной Сибири открывают теоретические разработки последних лет отечественных номадистов в области типологии государственных образований кочевников, учитывающие политические структуры и характер отношений между номадными и земледельческими подсистемами [2; 3; 7; 8; 16]. Дополнительный импульс в разработке данной тематики может придать набирающий все большую популярность в отечественной историографии мир-системный подход [8].

Номадизм или кочевое скотоводство как специфический тип хозяйственной деятельности и связанных с ним социокультурных характеристик получил свое распространение на открытых ландшафтах аридной зоны, где были условия для смены пастбища выпаса скота в ходе годового цикла [9; 10]. Исследователи отмечают большую зависимость от оседлых обществ кочевой экономики в силу ее ограниченности и нестабильности [2; 3; 7; 16]. Важными факторами для возникновения кочевого скотоводства как долговременной и жизнеспособной альтернативы оседлому земледелию и скотоводству были, во-первых, изобретение усовершенствованного уздечного набора (с мартингалом и оголовьем) [14, с. 13]. Во-вторых, изменение климата повлекло дальнейшую специализацию скотоводческой экономики, и в-третьих, возникновение на южной границе степной зоны оседлых государств к концу II – началу I тысячелетий до н.э. [16]. Последнее обстоятельство не случайно, так как, по мнению сторонников идеи об опосредованности политогенеза у кочевников связями с земледельческим миром, именно специфические взаимоотношения кочевых и оседлых обществ были

решающим фактором в возникновении и функционировании кочевой государственности [2; 3; 7; 16].

По мнению сторонников этой идеи, в силу экстенсивной номадной экономики, низкой плотности населения и отсутствия оседлости потребность в государственности у кочевников не была внутренне необходимой, а скорее тяготела к центробежным тенденциям [2; 3; 7; 16]. Важным механизмом функционирования и воспроизводства крупных кочевых социально-политических образований являлась война и различные формы внешнеэксплуаторской деятельности, причем не только по отношению к оседлым цивилизациям, как считает Н. Н. Крадин [7], но и к номадному населению [3]. Под внешнеэксплуаторской деятельностью подразумеваются такие способы эксплуатации, как военный грабеж, данничество, налогообложение завоеванных земледельцев, неэквивалентная торговля на границах. Для обозначения этой деятельности Н. Н. Крадин ввел термин «экзополитарный способ производства» [7, с. 178].

Согласно теории Н. Н. Крадина, предложившего рассмотреть номадизм в понятиях мир-системной методологии, кочевники в едином пространстве различных региональных экономик (локальные цивилизации, «мир-империи») занимали место «полупериферии» по отношению к «ядру». В каждой региональной зоне политическая степень структурированности кочевой «полупериферии» была прямо пропорциональна размерам «ядра» [8]. Для эксплуатации княжеств, политически разобщенных локальных общностей охотников, небольших земледельческих оазисов, кочевников, рыболовов и пр. достаточно было консолидации в рамках небольшого союза или конфедерации племен, вождества и т. п. Для таких объединений характерна номинальная власть вождя. Его власть держалась до тех пор, пока это было выгодно членам временного объединения. Всегда сохранялась угроза, что союзники могли свергнуть его или просто откочевать.

Для взаимоотношений с крупными земледельческими государствами требовалось объединение кочевников на большом пространстве «в прочную военно-политическую организацию, централизация власти и установление жесткой военной дисциплины» [7 с. 175]. Так возникали «кочевые империи».

Для «кочевых империй» были характерны: «1) многоступенчатый, иерархичный тип социальной организации, в котором низшие звенья основаны на действительных экономических связях, кровном родстве, принципах трудовой кооперации, а более высокие уровни характеризуются фиктивным генеалогическим родством, военными, потестарно-политическими и др. связями; 2) триадный (реже – дуальный) принцип социальной организации на ее высшем уровне; 3) военно-иерархический характер социальной организации, как правило, по «десятичному» принципу» [7, с. 175].

При этом Н. Н. Крадин обращает внимание на то, что эти характеристики свойственны для классических кочевых империй, которые следует отличать от подобных им смешанных земледельческо-скотоводческих империй с большой ролью в их истории кочевого элемента, а также от более мелких, чем империи «квазиимперских» кочевнических государствоподобных образований (европейские гунны, авары, венгры, Приазовская Булгария, каракидани, татарские ханства после распада Золотой Орды) [8].

Существует большое количество типологий кочевых обществ, например, А. М. Хазанов приводит два типа кочевой государственности [16], у С. А. Васютина их пять [3]. Большинство из них так или иначе основано на степени вовлеченности номадного общества в отношения с оседло-земледельческими государствами.

В данном исследовании, исходя из логики изложения материала, приводится типология Н. Н. Крадина. По характеру отношений, существовавших между номадной и земледельческой подсистемами, автор выделяет три типа кочевых империй. В первом случае кочевники и земледельцы не составляли ни единой взаимосвязанной экономической системы, ни тем более единого политического организма (державы сюнну и сяньби, жужаньский, аварский, тюркский, уйгурский каганаты, ранняя Скифия, Приазовская Болгария). Там номады получали прибавочный продукт путем периодических набегов, грабежей, войны, вымоганием так называемых «подарков», навязыванием неэквивалентной торговли.

Кочевые империи второй модели характеризуются тем, что кочевая и оседлая подсистемы составляют единый политический организм, однако между их экономическими системами отсутствует тесная связь (Золотая Орда, империя Юань). В данном случае данническая эксплуатация зависимых земледельческих государств реализовывалась в рамках единой политической системы.

Империи третьего типа создавались после того, как номады завоевывали земледельческое общество и перемещались на его территорию. Соответственно, кочевое ядро и земледельческо-городское население входили в состав одного социального организма (парфянское и кушанское государства, поздняя Скифия, Тоба Вей, империи Сельджуков, Караханидов, Ильханов, Ляо, Дунайская и Волжская Болгарии). В кочевой империи третьего типа было характерно регулярное налогообложение земледельческого и городского населения внутри единого социального организма [7].

Н. Н. Крадин рассматривает отношения кочевников и оседло-городского мира в рамках взаимодействия единой суперсистемы, где господствующий «класс-этнос» кочевников являлся «надстройкой» над земледельческим «базисом». При этом «кочевая аристократия выполняла функции управления высших звеньев военной и гражданской администрации, а простые скотоводы непосредственно осуществляли экспансионистские и репрессивно-принудительные цели кочевого общества» [7, с. 176]. Последний тезис, на наш взгляд, согласуется с данными Сибирских летописей [12, с. 40], на которые обратил внимание Д. М. Исхаков. В них отчетливо прослеживается деление татар на ясачных, ведущих оседлый образ жизни, и кочующих служилых. По мнению исследователя, в первых можно видеть ранее как тюркское, так и тюркизированное угорское население, во вторых – кочевые группы, связанные с Бухарой [5, с. 9].

Применение вышеизложенной типологии кочевых образований, основанной на характере отношений между кочевой и земледельческой подсистемами, для изучения истории взаимоотношений двух цивилизаций в Западной Сибири является задачей для дальнейших исследований, которые будут продолжены автором статьи. При этом автор осознает проблематичность экстраполяции выявленных закономерностей взаимоотношения кочевников с земледельческим населением на территорию Западной Сибири, где кочевники взаимодействовали с неземледельческим, промысловым населением. Исходя из предложенной типологии автору предстоит решить следующие задачи: во-первых, к какому типу можно будет отнести образования кочевников, которые взаимодействовали с оседлым населением в разные исторические периоды; во-вторых, выявить, какое место занимало промысловое население, в системе региональной экономики согласно мир-системной методологии, было ли оно «ядром» или «периферией».

Литература

1. Адамов А. А. Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. 256 с.
2. Барфилд Т. Мир кочевников Скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М., 2002. Т. 6. С. 43–62 (Сер.: Цивилизационное измерение).
3. Васютин С. А. Типология потестарных и политических систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М., 2002. Т. 6. С. 63–71. (Сер.: Цивилизационное измерение).
4. Горбунов В. В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алтайск. ун-та, 2003. Кн. I. С. 37–42.
5. Исхаков Д. М. О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской общности // Сибирские татары : моногр. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 7–16.

6. Конигов Б. Л. О взаимодействии тюркской и угро-самодийской цивилизаций (эпоха раннего и развитого средневековья) // Тюркские народы : материалы V Сибир. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (Тобольск. 9–11 декабря, 2002.). Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2002. С. 275–276.
7. Крадин Н. Н. Кочевники в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. М. : Наука, 1995. Вып. 3. С. 164–179.
8. Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная революция // Альтернативные пути к цивилизации : колл. моногр. / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лын-ши. М. : Логос, 2000. С. 314–337.
9. Крадин Н. Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М., 2002. Т. 6. С. 79–90. (Сер.: Цивилизационное измерение).
10. Маслюженко Д. Н. Бакальская культура и миграционные процессы в лесном Приоболжье в период раннего средневековья // Проблемы бакальской культуры : материалы науч.-практич. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск : ЦИКР ; Рифей, 2008. С. 61–73.
11. Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С. и др. Бараба в тюркское время. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 176 с.
12. ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М. : Наука, 1987. 384 с.
13. Сибирские летописи : изд-е Археографич. комиссии. СПб., 1907. 395 с.
14. Смирнов А. П. Скифы. М., 1966. 200 с.
15. Троицкая Т. Н. Некоторые из путей тюркизации населения Западной Сибири // Тюркские народы : материалы V Сибир. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (Тобольск. 9–11 декабря, 2002 г). Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2002. С. 92–95.
16. Хазанов А. М. Кочевники евразийской степи в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М., 2002. Т. 6. С. 27–42. (Сер.: Цивилизационное измерение).

УДК 902/904(571.51):502.8

*Макулов В. И., Дроздов Н. И.
Makulov V. I., Drozdov N. I.*

**ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

**PRESERVING ARCHEOLOGICAL HERITAGE PROBLEMS
OF NORTHERN KRASNOYARSK KRAI TERRITORIES IN CONTEMPORARY
ECONOMIC DEVELOPMENT CONDITIONS**

В условиях современного интенсивного экономического освоения северных территорий Красноярского края остро встает вопрос выявления, изучения и сохранения памятников археологического наследия, расположенных в этом регионе. На сегодняшний день на этой огромной территории благодаря археологическим исследованиям, которые проводились в 40–70-е гг. XX в., выявлены сотни археологических стоянок, относящихся к различным археологическим культурам и охватывающим хронологический период от каменного века до этнографической современности. Но эти работы носили эпизодический характер и обследовались незначительные по площади районы речных долин.

Ключевые слова: Север Красноярского края, сохранение археологического наследия.

Север Красноярского края – это огромная территория, в которую входят полуостров Таймыр и прилегающие к нему острова Северного Ледовитого океана, плато Путорана, возвышенная лесная и лесотундровая зона севернее р. Нижней Тунгуски.

По географическому положению Красноярский север занимает центральное место в России. Здесь вблизи озера Виви находится географический центр страны. В регионе представлены такие природные зоны, как тайга и лесотундра, тундра и арктическая пустыня. Значительные пространства занимают горные и горно-лесные районы, плоскогорья (горы Бырранга, Среднесибирское плоскогорье, Плато Путорана), равнина (Западно-Сибирская) и низменности (Туруханская и Северо-Сибирская). Климат региона резконтинентальный с амплитудой годовых температур более 70 °С. Особой суровостью отличаются северные районы. Климатические условия Таймыра характеризуются длительной морозной зимой с сильными ветрами и высокой влажностью. Лето здесь короткое и прохладное.

Основным связующим звеном и транспортной артерией материковой части севера Красноярского края служит река Енисей и ее притоки, наиболее крупные из которых Нижняя Тунгуска, Курейка, Турухан. На Таймыре – Пясино, Хатанга, Хета, Котуй и др. Имеется множество озер, наиболее крупными из которых являются Хантайское, Кета, Глубокое, Лама, Пясино, Лабаз, Таймыр. Гидрографическая система хорошо развита практически на всей площади. На реках Курейке и Хантайке имеются два искусственных водохранилища, образованных строительством плотин. Уникальность этих водохранилищ состоит в том, что они образованы в зоне вечной мерзлоты. Главной грузовой артерией является Северный морской путь, эксплуатируемый круглогодично.

Обширность территории, разнообразие природных зон, суровые климатические условия наложили весьма существенный отпечаток на освоение человеком этой территории, которое началось, вероятно, в период позднего палеолита – мезолита. Об этом свидетельствуют сотни археологических памятников различных археологических эпох и культур, выявленных к настоящему времени, но в основном в 40-е и 70-е гг. XX столетия.

С нашей точки зрения, в отношении археологической изученности север Красноярского края все еще остается «белым пятном». Некоторое исключение составляет территория Таймыра, где в долинах нескольких рек были проведены разведочные работы.

Истории накопления археологических и палеоэтнографических данных по красноярскому северу чуть более 100 лет.

В 1916 г. экспедицией Красноярского музея под руководством А. Я. Тугаринова в Туруханском крае и на о. Диксон были собраны 83 предмета из 8 энецких погребений и 40 предметов, приобретенных у ненцев, энцев и долган [2, с. 39].

Первые археологические исследования на севере Красноярского края были проведены сотрудником музея Приенисейского края Н. К. Ауэрбахом. В 1921 г. он провел раскопки первых русских поселений в устье р. Промысловой [1].

В 1926 г. иркутский археолог Б. Э. Петри в работе «Сибирский неолит», определяя северные границы распространения неолита, констатировал: «Самое северное место, где были сделаны находки, относящиеся к неолиту, это село Дудинское на Енисее, почти у впадения его в Ледовитый океан (69° с. ш.) [7, с. 31].

В 1930 г. археологом из Иркутска П. П. Хороших по поручению ВСОРГО Иркутского Государственного музея и Иркутского биолого-географического научно-исследовательского института была совершена экспедиция по р. Нижней Тунгуске, правому притоку р. Енисей, маршрут которой от верховий до устья составил почти 3 000 км: «В ходе исследований были открыты 15 стоянок древнего человека, из них четыре – в нижнем течении реки Н. Тунгуски...» [9, с. 13–14].

В отчетном докладе он привел данные о более ранних находках, сделанных на Н. Тунгуске: «В 1928 г. И. М. Сусловым была открыта стоянка на устье р. Кочечумо, где под

тонким почвенным слоем найдены шлифованные и не шлифованные каменные орудия рядом с ружейным замком от «кремневки» и старинной железной тунгусской пальмой...

В Красноярском музее хранятся разнообразные археологические предметы, найденные на р. Н. Тунгуске: ... полированное долото из серого кремнистого сланца, из окрестностей г. Туруханска» [9, с. 14].

В 1935 г. в «Красной Газете» (от 19.01.1935 г.) и «Комсомольской Правде» (от 06.06.1935 г.) были опубликованы статьи о находке стоянки каменного века сотрудником Хатангской землеустроительной экспедиции Давыдовым на берегу р. Попигай, где в культурном слое найдены каменные наконечники стрел, копья, дротика, скребки и пластинка, колотая кость и др. [6, с. 267].

В 1940–41 гг. и 1944–45 гг. участниками Таймырской гидрографической экспедиции Главсевморпути и членами экипажей судна «Норд» и «Якутия» на острове Фаддея и в заливе Симса на побережье Таймыра были обнаружены и частично раскопаны остатки кораблекрушения и лагерь-зимовье русских полярных мореходов.

В западной части острова, вблизи от береговой линии, были собраны и раскопаны предметы корабельной оснастки и навигации, походного снаряжения и быта, монеты и украшения, оружие и другие изделия, свидетельствующие о месте кораблекрушения неизвестного судна и временном лагере спасшихся. На берегу залива Симса были обнаружены остатки избушки размером 2 × 2 м, срубленной из плавника. На месте избушки были обнаружены и раскопаны предметы быта, медные котлы, оружие, навигационные приборы, монеты, украшения и другие изделия [3].

На основании этих находок Б. О. Долгих сделал вывод о том, что первыми, кто обогнул Таймыр на морских судах, были не шведы, как считалось ранее, а русские мореходы [3, с. 156–157]. Понимая исключительную важность сделанных находок, он считал неотложной задачей проведение археологического обследования мест находок.

В 1944–45 гг. месторасположение избушки в заливе Симса осмотрели члены экипажа гидрологического судна «Якутия», в том числе Т. Н. Анисимов, будущий участник раскопок [5, с. 36–37].

В 1945 г. А. П. Окладников провел археологическую экспедицию в Таймырском Заполярье, которая была организована Институтом истории материальной культуры и Арктическим институтом Главсевморпути для изучения временного лагеря и зимовья русских мореплавателей. Участники экспедиции произвели археологические раскопки на о. Фаддея, и на месте избушки в заливе Симса. Раскопки и изучение полученных материалов позволили восстановить некоторые страницы истории и датировать время проведения одной из первых полярных экспедиций русских мореплавателей вокруг Таймыра во втором десятилетии XVII века. Эта датировка подтверждает приоритет русских мореплавателей в открытии морского пути вокруг Таймыра [5, с. 88].

Но освоение человеком территории Таймыра и северных островов началось задолго до прихода сюда русских мореходов – еще в каменном веке. В ходе работ на о. Фаддея, А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской при осмотре северного и восточного побережья в двух пунктах были обнаружены остатки четвертичной фауны и предметы древней каменной индустрии [5, с. 53–54]. На наш взгляд, это одна из очень важных находок в плане постановки вопроса времени первоначального заселения Красноярского Севера.

Во время экспедиции было совершено еще одно очень важное открытие – в окрестностях п. Хатанга и на его территории были обнаружены четыре стоянки эпохи неолита, бронзового и раннего железного веков [4]. По мнению автора раскопок, материал существенно отличается от известных материалов к западу от Енисея, юга Енисейского края, Прибайкалья и низовьев Ангары, но зато имеет прямые аналогии с инвентарем неолитических поселений Нижней и Средней Лены и, вероятно, имеется этническая близость между населением этих регионов и наличием многовековых культурных связей. Это же относится к материалам раннего железного века Таймыра и Якутии.

Открытия, сделанные А. П. Окладниковым на Таймыре, и выводы, сформулированные на основании полученных материалов, не утратили своей актуальности и сегодня. Также они показали перспективность проведения дальнейших археологических исследований на Таймыре, островах Северного Ледовитого океана.

В 1967 г. археологические исследования на Таймыре возобновились под руководством Л. П. Хлобыстина и проводились на протяжении 10 полевых сезонов. Работы носили планомерный, комплексный характер, опирались на результаты предшествующих исследований и находок. Были открыты более 200 археологических памятников, охватывающих хронологический период от мезолита до средневековья включительно. На некоторых из них были проведены стационарные раскопочные работы. Результаты исследований отражены во многих публикациях, в том числе монографии, где рассматриваются вопросы археологической истории Таймыра, этногенеза древнего и его современного коренного населения. Основываясь на полученных материалах, Л. П. Хлобыстин разработал культурно-хронологическую периодизацию памятников Таймырского Заполярья, которая имеет большое значение и актуальность на современном этапе [8]. После работ Л. П. Хлобыстина исследования на Таймыре не проводились.

Практически параллельно археологические работы на Красноярском севере осуществлялись отрядами ИА АН СССР под руководством Г. И. Андреева на Нижней и Подкаменной Тунгусках, в результате которых были открыты многочисленные стоянки с обилием материала времени неолита – железного века. На разрушаемом разновременном памятнике в п. Тура были проведены стационарные раскопки.

В 1986 г. известные памятники на участке Нижней Тунгуски от устья до п. Тура были паспортизированы отрядом Красноярского государственного педагогического института.

В начале XXI в. в связи с началом разработки Ванкорской группы месторождений были проведены точечные археологические осмотры строительных площадок, но материалов они не дали. Однако они обозначили очень существенную проблему по сохранению историко-культурного наследия Красноярского Севера, поскольку являются показателем масштабыности начавшегося промышленного освоения северных территорий Красноярского края, сопредельных регионов и показывают катастрофическую ограниченность возможностей для проведения комплекса охранно-спасательных работ.

Сегодня на территории Красноярского Севера расположены одни из самых крупных месторождений полезных ископаемых России: Ванкорская группа нефтяных месторождений, Лено-Тунгусская нефтегазоносная провинция и Енисейско-Анабарская газонефтеносная провинция, угольные бассейны, месторождения полиметаллических руд (ведется промышленная добыча и выработка никеля и меди в Норильском промышленном районе), также ведется добыча газа на Мессояхском месторождении и разработка Пясинского месторождения.

В последние два десятилетия Север Красноярского края стал одной из ведущих строительных и инвестиционных площадок в Российской Федерации. Главным образом это связано с развитием мощного топливно-энергетического комплекса, освоением огромных запасов углеводородного сырья и строительством нефтегазопроводов, добычей твердых полезных ископаемых, в том числе драгоценных металлов и алмазов, строительством перерабатывающих предприятий, формированием современной инфраструктуры в развивающихся районах, в том числе строительство автомобильных дорог, рабочих зон и поселков. Наиболее ярким примером может служить начало промышленного освоения Ванкорской группы месторождений нефти (Сузунский (Лодочно-Ванкорский) район).

В 2016 г. компания «Лукойл» начала геологоразведочные работы на Восточно-Таймырском участке Енисейско-Анабарской газонефтеносной провинции на основании лицензии, полученной 14 декабря 2015 г. (исполнитель ООО «Лукойл-Западная Сибирь»). Срок действия лицензии – 27 лет. Площадь участка 13 800 кв. км. На первом этапе будет осуществляться сейсморазведка в объеме 2 421 погонный км и бурение поисковых скважин. Уже в 2016 г. сейсморазведка будет проведена в объеме 1 000 погонных км, с использовани-

ем многочисленной техники. В этом же районе планируется в ближайшее время выдача лицензий еще на ряд участков площадью в несколько десятков тысяч кв. км.

Распоряжением Председателя правительства Д. А. Медведева от 22 декабря 2015 г. компания «Роснефть» получила для проведения геофизических исследований Хатангский участок недр, площадью 17,2 тыс. кв. км. Сейсмоисследования планируется провести в 2016–2020 гг.

Компания «ННК Таймырнефтегазодобыча» планирует построить в низовьях р. Енисей нефтяной терминал, пропускной способностью 5 млн т. 15 июля 2015 г. в г. Дудинке по этому проекту состоялись общественные слушания.

Все перечисленные проекты предполагают использование больших площадей как под разведочные работы, так и под промышленное освоение, развитие инфраструктуры, строительство трубопроводов, портовых сооружений, что несет угрозу нанесения значительного урона историко-культурному, в том числе археологическому, наследию Таймыра и сопредельных регионов. Безусловно, реализация экономических проектов способствует экономическому и социальному развитию сибирского региона, вовлечению в процесс промышленного освоения и отчуждения огромных земельных площадей, на которых расположены и выявлены сотни объектов археологического наследия. Этот факт, наряду с позитивными тенденциями, продолжает обострять ситуацию по сохранению и изучению объектов археологического наследия, нанося невосполнимый урон мировому историко-культурному наследию.

Сегодня продолжается проработка проекта строительства одной из крупнейших в мире гидроэлектростанций – Туруханской ГЭС на Нижней Тунгуске. Нет сомнений в том, что строительство энергетических гигантов позволяет решить для страны какие-то текущие энергетические и экономические проблемы. Но насколько целесообразны колоссальные потери, которые несет такое строительство? Когда говорят об экономической целесообразности проектов, то в качестве главного аргумента приводится дешевизна электроэнергии, получаемой от ГЭС. Но при этом не говорят о невосполнимых потерях, связанных с затоплением территорий, населенных пунктов, памятников истории и культуры, в том числе экологических и экосистемных, историко-культурных, этнообразующих и этнопсихологических, морально-психологических и многих других. Насколько соизмеримы эти потери с предполагаемой выгодой? Закрытость многих проектов для общественности наводит на мысль, что их целесообразность очевидна только для представителей определенных финансово-промышленных групп, занимающихся гидропроектным и гидростроительным бизнесом. Это – основа их существования. При этом основные проектные подходы, технологии и технические решения остаются неизменными на протяжении многих десятилетий. Особенно в области гигантомании.

Список крупных строительных проектов на территории севера Красноярского края, реализация которых уже началась или начнется в ближайшие годы, можно продолжить. Это карьеры по добыче угля, драгоценных металлов, твердых полезных ископаемых, объекты по добыче и транспортировке углеводородного сырья, линии электропередач и связи, жилищно-бытовое, хозяйственное, дорожное строительство.

Чем активнее человек внедряется в окружающую среду, тем больший невосполнимый урон он наносит историческому прошлому. Тем больше средств и усилий требуется для сохранения историко-культурного наследия, которое принадлежит не только прошлым, настоящим, но и будущим поколениям.

Несмотря на определенные успехи, достигнутые в последние годы государственными органами охраны памятников, в области охраны объектов историко-культурного наследия и соблюдения законодательства существует много проблем и пробелов. Можно привести десятки примеров, когда при проведении новостроечных работ стараются обойти или проигнорировать исполнение законодательства по охране памятников истории и культуры. Для организации и координации работ и мероприятий по сохранению наследия прошлого необходимо укрепление и расширение государственной службы охраны памятников истории и

культуры, укомплектования ее квалифицированными кадрами, совершенствование и ужесточение современного законодательства по охране и использованию памятников истории и культуры. И как аксиома – научно-исследовательские работы в этой области должны быть планомерными и вестись опережающими темпами.

Литература

1. Ауэрбах Н. К. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива: отчет о раскопках // Северная Азия, 1928. № 5–6.
2. Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П., Баташев М. С., Васильев А. Д., Выдрин Е. В. Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.). Красноярск : РИО КГПУ, 2001. С. 39.
3. Долгих Б. О. Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII веке // Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М. – Л. : Изд-во Главсевморпути, 1948. С. 117–157.
4. Окладников А. П. Древние поселения в долине р. Хатанги // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII. С. 38–45.
5. Окладников А. П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М. – Л. : Изд-во Главсевморпути, 1948. 164 с.
6. Паничкина М. З. Обзор археологических находок по газетным сообщениям в 1934–1935 гг. // Советская Археология. № 3. М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1937. С. 267.
7. Петри Б. Э. Сибирский неолит. Иркутск, 1926. С. 31.
8. Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Азии. СПб, 1998. 350 с.
9. Хороших П. П. Археологические исследования на реке Нижней Тунгуске // Доклады историко-археологической секции Восточно-Сибирского отдела Географического общества СССР. Иркутск, 1949. С. 3–16.

УДК 373.2(091)(571.122Сургут)«1960/1990»:061.5:620.9(571.122Сургут)ГРЭС

*Мантикова Э. К.
Mantikova E. K.*

ДОШКОЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭНЕРГЕТИКОВ В ПЕРИОД НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ ХМАО (1960-е – НАЧАЛО 1990-х гг.)

PRESCHOOL FACILITIES IN SOCIAL SPACE OF POWER WORKERS DURING OIL AND GAS DEVELOPMENT IN KHMAO (1960s – EARLY 1990s)

В данной статье рассматривается роль Министерства энергетики СССР в развитии сети дошкольных учреждений в ХМАО в 1960–1990 гг. Создание разветвленной сети дошкольных учреждений имело особую значимость в создании и сохранении трудовых коллективов ведомства. Цель их работы заключалась в строительстве объектов электроэнергетики, обеспечивающих электроэнергетическими мощностями крупнейшие месторождения не только ХМАО, но и в целом Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Ключевые слова: детский сад, энергетика, ХМАО, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, энергостроители.

Период нефтегазового освоения Западной Сибири в 1960-х – 1980-х гг. характеризовался масштабной миграцией молодого и трудоспособного населения страны. Это способствовало увеличению количества зарегистрированных браков и естественного воспроизводства населения, в основе которого лежала современная нуклеарная семья из супругов и 1–2 детей [26, с. 24]. Трансформации в демографической структуре населения требовали организации новой социальной инфраструктуры в населенных пунктах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Она подразумевала и создание сети дошкольных учреждений. Проблема с детскими садами в конце 1960-х – начале 1970-х гг. заключалась, с одной стороны, в низкой обеспеченности дошкольными учреждениями, с другой стороны, постоянно растущей потребностью в них в связи с постоянным притоком новых трудовых ресурсов. В конце 1960-х гг. по всей Тюменской области обеспеченность детскими садами в нефтяной отрасли составляла 21 %, в строительстве – 31,5 % [25, с. 192]. Как видно из нижеприведенной таблицы, в период с 1965 г. по 1970 г. в Сургуте как в базовом городе геологов, нефтяников, строителей, энергетиков при резко возрастающем населении ввод в эксплуатацию новых дошкольных учреждений был достаточно скромным.

Таблица

Капитальные вложения в строительство и ввод в действие дошкольных учреждений в Сургуте за счет всех источников финансирования [22, с. 120]

Год	Ввод в действие дошкольных учреждений (мест)		Капитальные вложения в строительство дошкольных учреждений (млн руб.)	
	всего	город	всего мест	город
1965	120	120	0,4	0,4
1970	нет сведений	нет сведений	0,3	0,3
1975	190	–	1,1	1,0
1980	1120	1120	4,7	4,5
1985	1820	1510	9,8	6,5
1990	3015	1565	11,5	6,8

Н. Ю. Гаврилова считает, что потребность в детских садах стала одной из ключевых причин увольнения работников из числа мигрантов и достигала до 12,2 % в нефтегазовых районах Тюменской области, т. е. почти каждый десятый работник нуждался в устройстве детей в детские сады и ясли [21, с. 171]. Случаи увольнения работников в связи с отсутствием путевок в детский сад были достаточно распространенным явлением в Управлении Строительства Сургутской ГРЭС: в 1974 г. было уволено 1 053 человека, из которых 107 заявлений по собственному желанию из-за отсутствия мест в детском саду [20].

В результате возникшей острой необходимости решение проблемы устройства детей в сады осуществляли ведомства, ведущие работы в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе. Они самостоятельно создавали собственную сеть дошкольных учреждений. В их числе было и Минэнерго СССР. Оно параллельно возводило объекты промышленного и гражданского назначения. Строительство дошкольных учреждений осуществлялось по программе сооружения объектов непромышленного назначения и входило в смету стоимости Сургутских ГРЭС-1 и 2 и Нижневартовской ГРЭС. Детские сады представляли собой типовые кирпичные здания с внутренней отделкой с общей вместимостью 320–330 дошкольников. С 1980-х гг. среди требований к зданию учреждения предъявлялись требования наличия в нем спортивных помещений и бассейна. В соответствии с письмом Минфина СССР от 26.08.1966 № 271 дошкольные учреждения сдавались в эксплуатацию полностью укомплектованные оборудованием, мебелью, игрушками, пособиями, посудой и т. д. [14].

После ввода в эксплуатацию здания ведомственная и местная административная власть определяла предприятие-заказчика строительства объекта в качестве шефа дошкольного учреждения. Это позволяло помимо целевого финансирования оказание различной помощи со стороны шефа-предприятия и вышестоящих структур.

Руководители и партийные организации предприятий участвовали в составлении плана мероприятий по осуществлению шефской помощи дошкольным учреждениям с конкретным указанием мероприятий [14]. Так, в 1981 г. Строительное управление Сургутской ГРЭС закупило новогодние костюмы и подарки для детей в Волгограде [4]. Только на проведение детских новогодних утренников Сургутская ГРЭС выделяла детским садам более 300 руб. [1]. Нередко сами родители детей работники-энергетики помогали в уборке снега и проведении праздников, дней здоровья.

Кроме строительства здания и благоустройства территории учреждения, создания материально-технической базы предприятия в лице исполнителя и заказчика самостоятельно решали проблему кадрового обеспечения учреждения. В штатном расписании детских садов Минэнерго СССР были указаны следующие должности: заведующая, методист, воспитатель-педагог, медсестра-воспитатель, старшая медсестра, патронажная медсестра, няня-санитарка, няня-уборщица, ночная няня, музыкальный работник, прачка, шеф-повар, повар, помощник повара, кухонный работник, кладовщик, кастелянша, слесарь, электрик, плотник и сторож [11].

В формировании коллективов активно принимало участие руководство Сургутских ГРЭС, Нижневартонской ГРЭС, приглашая выпускников Тобольского педагогического училища, часть из которых проходила производственную педагогическую практику в детских садах Сургута [2; 3]. Отметим, что во время распределения выпускники педучилища и культпросветучилища стремились устроиться на работу в ведомственные детские сады северных городов. В результате более 55 % воспитателей дошкольных учреждений Управления строительства Сургутской ГРЭС имели среднее специальное образование, а 40 % – высшее образование. Около 66 % имели опыт работы в дошкольных учреждениях. Для привлечения молодых кадров в систему детских садов проводились курсы повышения квалификации в Ханты-Мансийске, Тобольске, которые оплачивались предприятиями-шефами [6, с. 42; 9]. По данным источников СУ Сургутской ГРЭС-1 и ГРЭС-2 за период 1971–1990 гг. в детских садах сложились дружные коллективы, в которых текучесть кадров не наблюдалась.

Работники детских садов, как правило, не увольнялись по собственному желанию, за исключением музыкальных работников. Кадровые передвижки были связаны с уходом в отпуск по уходу за ребенком и карьерный рост. Основные факторы, способствующие сохранению кадров в детских садах, выступали: стабильность в работе, высокая заработная плата и регулярные премиальные мужей, а также более высокая обеспеченность жильём в системе предприятий Минэнерго и путевками в детские сады. К тому же работники дошкольных учреждений Минэнерго приравнивались к работникам отрасли, поэтому они получали премии при сдаче каждого энергоблока или за выработанную электроэнергию. Однако премирование работников детских садов осуществлялось по установленной системе премирования из фонда материального поощрения подразделений, за которыми они прикреплялись. Заработная плата работников детских садов состояла из оклада, надбавок северного и районного коэффициентов. Оклад воспитателя от 85 до 105 руб., оклад няни-уборщицы составлял 70 руб. [11]. Кроме того, в летний период воспитатели и другие работники садов могли подрабатывать в детских оздоровительных лагерях, расположенных на юге Тюменской области, Ставропольского края, Краснодарского края, Северного Кавказа, Московской области и Прибалтике [3, с. 75, 123; 5, с. 95, 121].

Архивные материалы содержат многочисленные сведения о нарушении трудовой дисциплины. Так, в 1974 г. повар детского сада нарушила санитарные требования в приготовлении пищи для детей. Она выдала для кормления детей пищу, оставшуюся со вчерашнего дня [7, с. 62]. Другим нарушением было хищение продуктов, например, в 1975 г. в этом была уличена кладовщик детского сада «Сказка» [8]. Среди нарушений отмечалось и употребление алкоголя работниками детского сада на рабочем месте. Так, в 1976 г. во время «тихого часа» работницы сада распивали спиртные напитки, что было несовместимо с обязанностями воспитания детей [6, с. 45]. Имели случаи невыполнения профессиональных обязанностей работниками садов. Так, в июле 1974 г. в детский сад № 17 прибыла делегация из

ФРГ вместе с кинорежиссёрами для съёмки фильма о детях энергостроителей. Согласно сценарию съёмки дети должны были под музыку танцевать и петь, играть. Однако музыкальный работник отказалась выйти с баяном для съёмки, мотивируя свой отказ тем, что была некрасиво одета. В результате ей вынесли выговор за недобросовестное отношение к работе [7, с. 232].

В 1968–1975 гг. дети дошкольного возраста работников Минэнерго СССР, проживавших в Сургуте, посещали детские сады других ведомств. Для посещения учреждения дошкольного образования необходимо было получение путевки от профсоюзной организации Минэнерго или по распределению исполкома горсовета Сургута. При вводе в эксплуатацию дошкольного учреждения на основании постановления Совета Министров РСФСР от 8 марта 1960 г. № 327 выделялось 15 % мест в фонд городского исполкома, который их распределял между предприятиями города [16]. В 1960–1970-х гг. предприятия энергетики не обладали собственной сетью дошкольных учреждений, а между тем срочно требовалось решить вопрос кадрового обеспечения строительства Сургутской ГРЭС. Поэтому руководство и профком Управления строительства Сургутской ГРЭС обратилось к местным властям с целью устройства детей работников в детские сады других ведомств. Ещё одним из вариантов получения путевки для посещения детского сада было трудоустройство одного из родителей на предприятие другого ведомства. Из-за отсутствия мест в дошкольных учреждениях в 1960–1970-х гг. энергетики оставляли детей у родственников или с женами на предыдущем месте жительства. С началом постепенного ввода дошкольных учреждений в эксплуатацию начала спадать общая психологическая напряженность и появилась стабильность в коллективах энергостроителей, а также появилась возможность осуществлять набор эксплуатационного состава электростанций.

В середине 1980-х гг. распределение мест в детсады в связи с увеличением работ на двух Сургутских ГРЭС и численности работников электроэнергетики производилось между подразделениями треста Запсибэнергострой совместно с администрацией треста и объединенным построечным комитетом профсоюза Сургутской ГРЭС. При этом роль профсоюза заключалась не только в выдаче путевки, но и в своевременной постановке ребенка в очередь на получение путевки [18].

Указанная проблема решалась за счет строительства ведомственных детских садов: в 1975 г. было сдано в эксплуатацию 3 детских сада – «Сказка», «Родничок» и «Белочка», рассчитанные на 840 мест [15]. Для организации контроля над сетью детских садов Минэнерго и решения вопросов их содержания в Сургуте появилось специальное управление. Оно подчинялось только Минэнерго СССР, но реализацию образовательной и воспитательной работы дошкольных учреждений, а также соблюдение санитарно-гигиенических норм контролировало Министерство просвещения. В детских садах проводились занятия на высоком уровне. Воспитатели проводили занятия по охране и укреплению здоровья, физическому развитию детей в соответствии с их возрастными особенностями, занимались интеллектуальным, эмоциональным, личным развитием в зависимости от индивидуальных особенностей ребенка, осуществляли развитие у подопечных возрастных умений и навыков в игровой, речевой, конструктивной деятельности. Занятия проводились в спортивном и музыкальном залах, изостудии. Кроме этого, с детьми проводили коррекционные занятия по восстановлению здоровья в кабинетах физиотерапии и стоматологии, работал логопед. Об этом свидетельствуют фотографии тематических мероприятий и съёмки отечественных и зарубежных телепередач о сургутских садах Минэнерго СССР [19; фотофонд музея Сургутской ГРЭС-2 филиала ЭОН Россия.; фотофонд школьного музея «История школы» МБОУ СОШ № 8 им. А. Н. Сибирцева г. Сургута].

Однако нужно заметить, что недостаток дошкольных учреждений в 1970-х гг. сказывался на их уплотненности, на соблюдении санитарно-гигиенических норм, а также на частоте простудных заболеваний и снижении иммунитета у детей. Эти проблемы, как и проблема получения путевки в детский сад, были решены во второй половине 1980-х гг. Этот период был ознаменован увеличением количества учреждений дошкольного образова-

ния: в Сургуте было введено в эксплуатацию 10 детских садов для детей работников Минэнерго: «Лебедушка», «Космос», «Аист», «Дюймовочка», «Фестивальный», «Снеговичок», «Голубок», «Умка», «Бусинка», «Аленький цветочек», «Веснушка», «Марьюшка». Они располагались в микрорайоне Энергетиков и 25-м микрорайоне, где в основном проживали энергостроители, а также в поселке Лунном. Если в целом потребности в детских садах для работников отрасли были удовлетворены, то оставалась проблема обеспечения дошкольными учреждениями вахтовых и временных поселков энергостроителей. В них не предусматривалось строительство дошкольных заведений, поэтому из поселков Кедровый и Медвежий детей в 1970–1990-е гг. работники отрасли возили на транспорте в вышеуказанные сады Сургута. В 1983 г. в очереди на получение путевок в детские сады стояло 977 детей работников треста «Запсибэнергострой» [17].

Подобная ситуация сложилась в отношении детских учреждений энергостроителей Нижневартовской ГРЭС. Ситуация обеспечения местами в детских садах осложнялась отсутствием собственной материально-технической базы Нижневартовской ГРЭС. Нерешенность проблемы привела к тому, что в 1986 г. часть инженерно-технических работников из-за необеспеченности детским садами уволилась. К тому времени в очереди на получение дошкольных детских учреждений стояло 225 человек без учета работников субподрядных организаций [23, с. 55]. Планировался ввод детского сада на 320 мест через год, но финансирование было задержано. Личные качества директора строящейся ГРЭС В. Неймышева смогли удержать поток заявлений об увольнении работников, а также решить проблемы строительства детского сада [23, с. 56]. С момента строительства Нижневартовской ГРЭС (1986–1990 гг.) было построено для ее сотрудников 2 детских сада в Нижневартовске и еще 2 – в поселке Излучинске. К 1990 г. проблема потребности в детских садах работников Нижневартовской ГРЭС была полностью решена [24, с. 275–276].

Отметим, что к 1980 г. количество детских дошкольных учреждений в Тюменской области увеличилось и составило 60,4 % от необходимого числа. Несмотря на то, что указанные показатели уступали республиканским, тем не менее, они превосходили уровень обеспеченности в Западной Сибири. Только в одном Сургуте в период с 1971 по 1990 г. было построено около 20 детских садов. В целом же в стационарных пунктах проживания работников Минэнерго СССР на территории ХМАО была создана сеть учреждений дошкольного образования. Важно заметить, что Минэнерго в ХМАО занимал второе место по строительству детских садов и яслей после Министерства нефтяной промышленности.

С 1990 г. наблюдалось две тенденции. Первая тенденция заключалась в переходе от временного закрытия к окончательному закрытию дошкольных учреждений, в том числе ночных групп. Летом 1990 г. в связи с переходом на летний режим работы были закрыты эти группы, после чего они уже больше не открывались [10]. Это было связано с сокращением объема выполняемых работ, уменьшением численности трудовых коллективов и низким заполнением мест в детских садах. Тюменьэнерго несло большие убытки по содержанию детских садов [12]. Вторая тенденция заключалась в постепенной передаче детских дошкольных учреждений Департаменту образования Сургута и Нижневартовска, Нижневартовского района [13].

Литература

1. АОАС. Ф. 113. Оп. 1. Д. 102. Л. 35.
2. АОАС. Ф. 128. Оп. 2. Д. Приказы отдела кадров по личному составу Строительного управления Сургутской ГРЭС за 1977 г. Л. 97.
3. АОАС. Ф. 128. Оп. 2. Д. Приказы отдела кадров по личному составу Строительного управления Сургутской ГРЭС за 1982 г. Л. 75.
4. АОАС. Ф. 128. Оп. 2. Д. Приказы отдела кадров по строительному управлению Сургутской ГРЭС по личному составу за 1981 г. Л. 222.

5. АОАС. Ф. 128. Оп. 2. Д. Приказы отдела кадров Строительства управления Сургутской ГРЭС за 1979 г. Л. 95, 121.
6. АОАС. Ф. 128. Оп. 2. Д. Приказы отдела кадров Управления строительства Сургутской ГРЭС по личному составу за январь – сентябрь 1976 г. Л. 42.
7. АОАС. Ф. 128. Оп. 2. Д. Приказы отдела кадров Управления строительства Сургутской ГРЭС за 1974 г. Л. 62.
8. АОАС. Ф. 128. Оп. 2. Д. Приказы отдела кадров Управления строительства Сургутской ГРЭС по личному составу за июль – декабрь 1975 г. Л. 133.
9. АОАС. Ф. 128. Оп. 2. Д. Приказы по личному составу Строительного управления Сургутской ГРЭС за 1987 г. Л. 46.
10. АОАС. Ф. 129. Оп. 2. Д. Приказы отдела кадров по личному составу Строительного управления Сургутской ГРЭС-2 за 1990 г. Л. 90.
11. АОАС. Ф. 132. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–4.
12. АОАС. Ф. 132. Оп. 1. Д. 465. Л. 74.
13. АОАС. Ф. 132. Оп. 1. Д. 473. Л. 79, 100; Ф. 230. Оп. 1. Д. 81. Л. 10.; Ф. 230. Оп. 1. Д. 386. Л. 50-51.
14. АОАС. Ф. 132. Оп. 1. Д. 77. Л. 298.
15. АОАС. Ф. 132. Оп. 1. Д. 83. Л. 302.
16. АОАС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 159. Л. 98.
17. АОАС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 318. Л. 267.
18. АОАС. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.
19. АОАС. Фотофонд А. Ф. Мясникова Оп. 1. Д. 1–420.
20. Архивный отдел администрации г. Сургута (далее АОАС). Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.
21. Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. 283 с.
22. Город Сургут в цифрах : юбилейный стат. сб. Сургут : Нефть Приобья, 1995. 148 с.
23. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 3791. Оп. 1. Д. 5. Л. 55.
24. Жабо В. В. Так закладывался фундамент Нижневартовской ГРЭС // Тюменская энергосистема. Героические будни созидания. М. : Энергоатомиздат, 1998. С. 275–279.
25. Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень : Вектор Бук, 2010. 258 с.
26. Стась И. Н. Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения (1960-е – начало 1990-х гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 29 с.

УДК 903.01/.09(571.122)

*Постнов А.В., Басова Н. В.
Postnov A. V., Basova N. V.*

СЛЕДЫ БРОНЗОЛИТЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА В МАТЕРИАЛАХ РАСКОПОК НА ПОСЕЛЕНИИ СЫРОЙ АГАН 1

BRONZE CASTING EVIDENCE FROM SYROY AGAN 1 SETTLEMENT SITE

В научный оборот вводятся материалы поселения Сырой Аган 1. Рассматриваются предметы из поселенческого комплекса, связанные с циклом металлообработки. Дается характеристика технической керамики, непосредственно изделий из металла. На основании анализов фрагментов тиглей выделено две группы данных изделий. В первую группу входят

тонкостенные плоскодонные сосуды, во вторую – плоскодонные тигли с овальным устьем, с большей толщиной стенок. Литейные формы для получения плоских отливок включали глиняную, с большой примесью песка, целую полуформу и фрагменты форм. Литье представлено древовидной фигуркой, обломками пластинок. Рассматриваемые находки относятся к атлымской (ее второму этапу X–VIII вв. до н. э.) и белоярской (VIII–III вв. до н. э.) археологическим культурам.

Ключевые слова: поселение Сырой Аган 1, бронзолитейное производство, атлымская культура, белоярская культура, Сургутское Приобье.

Поселение Сырой Аган 1 находится на левобережье р. Оби, в Нефтеюганском районе ХМАО – Югры, в 21 км к СВ от г. Нефтеюганска, в 16 км к В от пос. Сингапай. Памятник обнаружен в 1993 году экспедицией предприятия АВ КОМ Свердловского областного отделения Российского фонда культуры. В этом же году разведочной группой под руководством Л. В. Ивасько на памятнике был произведен сбор подъемного материала и шурфовка [5]. В 1997 г. в ходе рекогносцировочных исследований объект был отнесен к атлымской археологической культуре позднего бронзового века [4]. Разведывательные работы на памятнике в 1999 г. под руководством К. Г. Карачарова подтвердили сделанные ранее определения о культурно-хронологической принадлежности памятника [6]. Археологические раскопки объекта сплошной площадью были проведены В. А. Арефьевым в 2001 г. Исследована площадь памятника в размере 180 кв. м [2]. В результате работ были обнаружены изделия, изготовленные в бронзовом и железном веках в период нового времени [2, с. 4]. Отрядом отдела охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН под руководством А. В. Постнова в 2015 г. изучена вся площадь поселения. Общая площадь раскопок в этом году составила 1 926 м². Со времени обнаружения объекта и в последующие годы исследователи считали памятник городищем, а его название «поселение» в государственном списке объектов археологического наследия – ошибочным. Однако благодаря геологическим исследованиям, произведенным в ходе раскопок 2015 г., было установлено, что предполагаемые вал и ров на памятнике – это естественный рельеф, сформированный в результате геологических процессов позднего плейстоцена-голоцена, не имевший антропогенного воздействия [8, с. 590].

Кроме того, на левом берегу протоки Сырой Аган, в 1 км к В от русла реки Сырой Аган, в месте слияния Сухого и Сырого Агана, на ЮЗ оконечности урочища Городской остров, недалеко от памятника Сырой Аган 1, расположены поселения с единой культурно-хронологической характеристикой. Это семь поселенческих объектов: Сырой Аган 2–7, 14. На основе анализа находок из вышеперечисленных памятников можно сделать предположение о том, что поселения составляли единый, одновременно функционирующий ансамбль [6].

В позднем бронзовом веке у населения Сургутского Приобья особенно широко стали входить в обиход металлические изделия. Свидетельство тому – находки в памятниках, связанные с цветной металлообработкой. На поселении Сырой Аган 1 к таким предметам относятся фрагменты тиглей, литейные формы и их фрагменты, обломки бронзовых литых изделий, капли бронзы или так называемые бронзовые всплески – кусочки пролитого во время заливки в форму металла. Данные находки относятся к атлымской (ее второму этапу X–VIII вв. до н. э.) и белоярской (VIII–III вв. до н. э.) археологическим культурам.

Фрагменты тиглей были зафиксированы в очаге жилища № 1 среди большого количества фрагментов атлымских сосудов вместе с обломком бронзового изделия, кусками спекшегося песка, дробленой костью, использовавшейся в качестве флюса при переплавке металла. Очевидно, что плавка осуществлялась в этом очаге [2, с. 29]. Также зафиксирован развал тигля, отнесенный к белоярской культуре, так как рядом с ним находился фрагмент стенки белоярского сосуда с оттисками крупного гребенчатого штампа [2, с. 38].

Всего на поселении найдено как минимум 119 фрагментов тиглей. Удалось восстановить форму сосуда. Первая группа тиглей – это невысокие (3,5–4 см) плоскодонные сосуды с

толщиной стенок 5–7 мм. Один из них, скорее всего, был четырехугольным. На бортиках нанесены неглубокие округлые ямки или ромбы. Во вторую группу входят плоскодонные тигли с овальным устьем, с большей толщиной стенок – до 1,5–2 см. Размеры устья 11,3 × 8,8 см, высота предмета 4,5–5 см. В придонной части диаметр изделия уменьшается. Дно толстое. Есть желобок для слива металла. Переход от стенок ко дну может быть как плавным, так и разделенным кантом. В тесте имеется значительная примесь песка. Края у тиглей ошлакованы, с трещинами. Контекст обнаружения одного из фрагментов тиглей этой группы относит их к атлымской культуре, хотя изделия подобного вида известны в материалах железного века [2, с. 44]. Имеются тигли, которые отнесены к белоярской археологической культуре [2, с. 38]. Фрагменты от тигля белоярского облика обнаружены на поселении Сырой Аган 5 [1, с. 31]. Интересен метод изготовления данного тигля: крупный фрагмент от сосуда, который стал днищем тигля, был небрежно облеплен глиной по краям. Подобный артефакт обнаружен на этом же поселении в 2009 г. [7, с. 72].

Техника бронзолитейного производства предполагала наличие литейных форм, которые в небольшом количестве были найдены на поселении. В частности, в 2001 г. в межжилищном пространстве рядом с фрагментами атлымской керамики найден небольшой обломок литейной формы. Форма, скорее всего, использовалась для отливки плоских изделий [7, с. 44]. При раскопках поселения в 2015 г., кроме нескольких обломков, удалось зафиксировать целую глиняную створку литейной формы. Судя по оттиску на рабочей стороне створки изделие должно было быть плоским, четырехугольным. Литье могло осуществляться как в открытую форму, с одной створкой, так и в закрытую, состоящую из двух створок. В тесте для изготовления форм присутствовала значительная доля песка. Можно предположить, что данные артефакты относятся ко времени существования атлымской культуры.

Изделия из бронзы представлены обломками плоских литых вещей. Один из предметов – это обломок фигурки предположительно древовидной формы, по краю которого проходит небольшой валик [2, с. 46]. Предварительно он датирован атлымским временем [2]. Такое литье встречается и в белоярское время, а расцвета достигает в кулайское [9, с. 71, с. 89]. Целая зооморфная фигурка, интерпретированная как всадник, сидящий на медведе, обнаружена на поселении Сырой Аган 6, но она относится уже к кулайской археологической культуре [3]. Остальные предметы с Сырого Агана 1 фрагментированы и определить функциональную принадлежность, морфологию и метрические параметры изделий невозможно. Кроме того, на памятнике зафиксированы литейные отходы – капли и всплески бронзы, также свидетельствующие об организации бронзолитейного производства.

Хотя и находки не отличались особой выразительностью, они говорят о том, что в рассматриваемое время в данном регионе происходит становление бронзолитейного производства и распространение в быту металла. Несмотря на то что у местного населения отсутствовали собственные рудные ресурсы, вышеперечисленные находки отражают стабильность бронзолитейного производства. Цветной металл, обнаруженный на схожих по культурно-хронологическим характеристикам памятниках Сургутского Приобья, связан своим происхождением с Уралом и Алтаем [9, с. 59].

Литература

1. Арефьев В. А. Исследование поселения Сырой Аган 5 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского АО в 2000 году : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2000. 107с.
2. Арефьев В. А. Исследование городища Сырой Аган 1 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 2001 году : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2002. 206 с.
3. Арефьев В. А. Всадник на медведе // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург : Аквапресс, 2003. С. 31–34.
4. Визгалов Г. П. Историко-культурная экспертиза территории Солкинского, Южно-сургутского и Восточно-сургутского лицензионных участков НГДУ «Юганскнефть» ОАО

«Юганскнефтегаз» (этап предварительной, камеральной экспертизы) : отчет о НИР. Нефтеюганск, 1998. 112 с.

5. Ивасько Л. В. Отчет об археологической разведке в Нефтеюганском районе Тюменской области в бассейне реки Юганская Обь летом 1993 года. Екатеринбург, 1994. 64 с.

6. Карачаров К. Г. Исследование поселения Сырой Аган 6 в Нефтеюганском районе Ханты Мансийского автономного округа в 1999 году : отчет о НИР. Нефтеюганск, 1999. 38 с.

7. Пархимович С. Ю. Исследование поселения Сырой Аган 5 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского АО в 2008 году Сырой Аган : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2009. 111 с.

8. Постнов А. В., Зольников И. Д., Назаров К. Н., Гладышев С. А., Скоробогатова А. Ю. Спасательные раскопки поселения Сырой Аган-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 587–591.

9. Чемякин Ю. П. Барсова Гора : очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут ; Омск : Омск. дом печати, 2008. 224 с.

УДК 504.03(571.12):621.311.1(091)(083.94)

*Приходько Ю. С.
Prikhodko Yu. S.*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ПРОЕКТА СТРОИТЕЛЬСТВА НИЖНЕ-ОБСКОЙ ГЭС НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1950–1960-е гг.

CONSTRUCTION PROJECT ENVIRONMENTAL RISKS OF NIZHNE-OBSK HYDRO-ELECTRIC POWER STATION IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA IN 1950–1960ss

В статье рассматривается советский опыт проектирования крупного промышленного гиганта – Нижне-Обской ГЭС на территории Севера Западной Сибири в 1950–1960-е гг. без учета экологических рисков. Автор определяет возможные варианты развития затопляемых территорий, причины отказа от строительства гидроэлектростанции и указывает на возможные экологические последствия.

Ключевые слова: Север Тюменской области, Нижне-Обская гидроэлектростанция, экологические риски.

Интенсивное развитие промышленности в стране в середине XX в. по темпам потребления электроэнергии опережало ее производство, в результате чего в топливно-энергетическом секторе наметились кризисные тенденции. В этой ситуации руководство страны обратило внимание на территории Восточной и Западной Сибири, где сосредоточены значительные гидроресурсы. Идея использования гидроресурсов для развития топливно-энергетической базы страны укладывалась в общую концепцию использования водных ресурсов сибирских рек. В Восточной Сибири первыми крупными гидроэнергетическими объектами стали Братская и Красноярская ГЭС.

Для Тюменской области сооружение ГЭС на реке Оби представлялось в качестве перспективного направления индустриального развития Западной Сибири, так как на момент постановки вопроса о целесообразности строительства Нижне-Обской ГЭС разведка нефтегазовых месторождений не приносила больших положительных результатов. Только в начале 1960-х гг. материалы геологоразведки послужили основанием для изменения прежнего представления государства о регионе как о малоперспективном для хозяйственного освоения [8, л. 12].

Возведение гидроэлектростанций в Сибири рассматривалось исключительно с точки зрения экономической эффективности. Экологические риски, которые представляют собой оценку и прогнозирование возможности нанесения ущерба окружающей природной среде, при реализации таких проектов не учитывались. В условиях получения огромного количества дешевой энергии вопросы дальнейшей судьбы затопляемых территорий, изменения естественного природного ландшафта, социальные проблемы населения, проживающего в районах подтопления, оставались без внимания. Через несколько десятилетий недооценка последствий хозяйственной деятельности, экологические просчеты при проектировании и внедрении в эксплуатацию гидроэлектростанций привели к появлению серьезных экологических и социально-экономических проблем в районе Ангары и Енисея.

Обращение к современному опыту эксплуатации гидроэлектростанций Восточной Сибири позволяет сделать предположения о возможном сценарии развития событий на Севере Западной Сибири в начале 1960-х гг. при условии возведении Нижне-Обской ГЭС.

Согласно мнению сотрудников ИПОС СО РАН, с момента создания советского государства и до 1960-х гг. «для экономики этого края характерным оставалось выборочное использование природных ресурсов, не сопровождающееся какими-либо существенными нарушениями окружающей среды» [5, с. 156]. Действительно, крупных экологических проблем на территории Севера Западной Сибири в первой половине XX века не было, однако в целом природные ресурсы продолжали истощаться, а экологическая ситуация продолжала ухудшаться.

Для промышленного этапа освоения природных ресурсов Севера характерным было сохранение приоритета ведомственных интересов. По мнению бывшего министра охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации В. И. Данилова-Данильяна (1991–1996), ведомственный подход к управлению народным хозяйством и наличие сильной центральной власти фактически означало, что «советское государство получило возможность, не считаясь с местными региональными интересами, вершить свои грандиозные планы» [4, с. 41].

Сибирские исследователи: В. Л. Некрасов, О. Н. Стафеев, Е. А. Хромов – в своей работе [7] акцентируют внимание на проекте строительства Нижне-Обской ГЭС в контексте столкновения интересов региональных элит и государственной власти. В процессе принятия решения о сооружении ГЭС они выделяют два этапа: первый – 1956–1961 гг., характеризующийся поддержкой местными властями проекта строительства по причине отсутствия альтернатив интенсивного социально-экономического развития региона [7, с. 109]; второй – 1962–1965 гг., отражающий смену позиций региональных партийных властей по вопросу строительства ГЭС ввиду открытия крупных нефтегазовых месторождений и появления нового варианта экономического освоения Западной Сибири.

В 1962 г., в период активного обсуждения необходимости строительства Нижне-Обской ГЭС, бригада Совета по изучению производительных сил при Госэкономсовете Совета Министров СССР была направлена в Тюменскую область с целью ознакомления с природными ресурсами северной части нижней части бассейна Оби, проблемами, возникающими при их комплексном освоении, и перспективами развития промышленности [8, л. 2].

По итогам поездки в Тюмени было организовано совещание не только с членами бригады СОПСа, но и с руководителями Тюменского Совета народного хозяйства, обкома КПСС, Облплана, СНИИГИМС, прибывшими из Москвы руководителями схемы Нижне-Обской ГЭС [8, л. 7].

Замечания, вынесенные бригадой СОПСа в отношении предложенной Гидропроектом проектной схемы строительства гидроэлектростанции, фиксировали, что при разработке схемы не учитывались природные особенности района, интересы его народохозяйственного комплекса, ущерба, возникающие от затопления и подтопления огромных территорий [8, л. 29]. В 1963 г. согласно экспертному заключению Госплана СССР предполагаемая зона затопления составляла бы 11 340 тыс. гектаров, в зону подтопления входили еще 822 тыс. гектаров, что составляло 11 % от общей площади Тюменской области [10, л. 127].

Особое внимание при обсуждении проекта отводилось дальнейшей судьбе разведанных запасов нефти и газа на территории севера Тюменской области. Руководителями отраслевой промышленности в 1963 г. была обозначена нецелесообразность строительства ГЭС на данном этапе, так как для наращивания энергетических возможностей в Западной Сибири имелся ряд других возможностей.

Подход к строительству промышленного объекта, характеризовавшийся как узковедомственный, не учитывал возможность нанесения ущерба окружающей среде. Экологические издержки возведения гидроэлектростанции не отражались в проектных документах, схемах, записках. В ряде делопроизводственных документов по вопросу использования реки Оби и схематическому проекту Нижне-Обской ГЭС частично затрагивались вопросы восстановления затопленных территорий.

Экологические риски в области нанесения ущерба лесной и рыбной промышленности также не прописывались, хотя при реализации проекта эти отрасли пострадали бы больше всего. Согласно данным Гослесхоза РСФСР в зоне затопления оказывалось свыше 4 млн га лесов с запасом древесины около 400 млн кубометров, в том числе 200 млн кубометров товарной древесины, при этом по данным Гипролеспрома в зоне затопления останется 175 млн кубометров товарной древесины, из которых предлагалось переработать только 70 % [8, л. 32].

На деле это означало, что, кроме гибели лесов, оставление древесины под водой могло привести к стремительному ухудшению экологической ситуации в сфере рыбного хозяйства, так как разложение древесины в воде, увеличение количества засоров привело бы к гибели ценных видов рыб. Рыбные ресурсы, пожалуй, были единственным видом природных ресурсов, необходимость сохранения которых учитывалась при строительстве ГЭС. Отмечалось, что плотина Нижне-Обской ГЭС по схеме перекрывала реку в нижнем течении, что являлось препятствием для миграции некоторых ценных пород рыб, обитающих в Оби и Обской губе и имеющих нерестилища в притоках Оби выше Салехарда [9, л. 56]. Для пропуска рыб чрез гидроузел было предусмотрено 2 рыбоподъемника.

Однако экологические риски касаются не только нанесения ущерба отраслям хозяйства в ходе промышленного освоения территории, под угрозой негативного воздействия, в виде изменения, оказываются и природно-климатические условия региона.

Разработчики проектной схемы возведения Нижне-Обской гидроэлектростанции предприняли попытку доказать, что природные условия территории Севера Западной Сибири при работе ГЭС останутся неизменными. На самом деле увеличение водной поверхности послужит не только увеличению площади Обской Губы, но и проникновению холодных северных ветров вглубь материка. «Льды водохранилища при таянии на месте неизбежно будут охлаждать огромный район, а влага от испарения с поверхности водохранилища изменит его летние климатические условия» [8, л. 36].

В первой половине 1960-х гг. все больше внимания стало уделяться негативным последствиям строительства электростанции и ее низкой эффективности, однако преимущественно в ключе негативного воздействия на развитие других отраслей народного хозяйства: нефтяной и газовой промышленности, лесной промышленности, рыбного хозяйства, сельского хозяйства.

Влияние Нижне-Обской ГЭС на другие отрасли хозяйства в первую очередь выражалось в повышении стоимости разработки нефтегазовых месторождений в условиях затопления.

Таким образом, экологические риски при проектировании и строительстве Нижне-Обской ГЭС в начале 1960-х гг. не учитывались руководством страны. В качестве основных причин этого можно выделить приоритет экономических интересов государства, централизованное планирование, направленное на реализацию исключительно государственных интересов, а также отсутствие на первоначальном этапе правового закрепления принципов охраны природы на государственном уровне.

Но по факту получался парадокс плановой системы экономики. С одной стороны, предполагалось, что благодаря планированию хозяйственной деятельности можно будет из-

бежать негативных последствий нерационального природопользования, но с другой стороны, выполнение устанавливаемых Госпланом показателей освоения природных ресурсов наносило колоссальный урон окружающей среде.

Проведение экологической экспертизы и определение экологических рисков строительства промышленных объектов в советский период получило свое развитие в конце 1980-х гг., когда в стране была предпринята попытка создания единого органа управления охраны окружающей среды и рационального природопользования – Государственный комитет природы. К примеру, проект строительства двухниточной системы газопроводов СРТО – Урал (в том числе и Ямбург – Поволжье) в 1989 г. уже сопровождало сводное заключение экспертной комиссии Государственной экологической экспертизы Госкомприроды РСФСР.

В нем фиксировалось, что проектируемая система газопроводов является источником воздействия на окружающую среду по основным направлениям: нарушение чистоты воздушного бассейна, загрязнение водной среды, нарушение земельных угодий, негативное влияние на растительный и животный мир [1, л. 9–10].

Таким образом, можно отметить, что проект строительства Нижне-Обской ГЭС в 1960-х гг. активно обсуждался на уровне региональных и федеральных властей. Основными обсуждаемыми вопросами были вопросы об экономической эффективности предлагаемого строительства, дальнейшей судьбе нефтегазовых месторождений, влияния ГЭС на развитие других отраслей народного хозяйства. При этом вопросы, касающиеся экологических рисков нанесения ущерба и вреда окружающей среде при реализации такого грандиозного проекта, не учитывались. С момента открытия ряда крупных месторождений на Севере Западной Сибири для региональных элит становится очевидным факт необходимости дальнейшего развития нефтяной и газовой промышленности, что в дальнейшем послужило одной из главных причин отказа руководства государства о возведении Нижне-Обской ГЭС.

При этом проект строительства ГЭС не мог остаться незамеченным для научной общественности. На страницах популярного научного издания «Природа» ученые, преимущественно биологи, ставили вопросы о будущем не только природных ресурсов, флоры, фауны на затопляемых территориях, но и о судьбе коренных малочисленных народов Севера, которых коснутся отрицательные климатические и биологические изменения в природе в случае реализации проекта [2, л. 38]. Кроме того, автор статьи справедливо отмечал необходимость правомочности научной общественности участвовать в решении важнейших народохозяйственных проблем комплексного научно обоснованного планирования [2, л. 42].

Отсутствие в начале 1960-х гг. механизмов определения экологических рисков строительства и эксплуатации промышленных объектов, в свою очередь, обусловлено низкоэффективной организацией природоохранной деятельности государства. Экологическая политика наряду с экологическим законодательством находилась на этапе своего становления. Кроме этого, развитие механизмов реализации экологической политики, включающей в себя и определение экологических рисков, было значительно осложнено сохранявшимся приоритетом реализации ведомственных интересов.

Организация региональной системы охраны окружающей среды с учетом ведомственных интересов затрудняла проведение природоохранных мероприятий местными органами власти. Согласно мнению ряда исследователей, ведомственный подход в условиях освоения природных ресурсов способствует сохранению природозащитного производства; использованию узкопрофильных технологических схем разработки месторождений, при которых добыча сырья сопровождается большими потерями; формированию специфической системы финансирования социальной сферы жизни и мероприятий в области охраны окружающей среды [6, с. 8].

Литература

1. ГАРФ. Ф. 259. Оп. 48. Д. 8357.
2. ГБУТО ГАТО. Ф. 2110. Оп. 1. Д. 11.

3. ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4860.
4. Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С., Рейф И. Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. М. : ИНФРА-М, 2005. 122 с.
5. Лимонова Э. М., Михеев А. С., Старовойтов С. Н. Традиционное хозяйство народностей Севера в системе Западно-сибирского нефтегазового комплекса // Связь и отношение : Проблемы Западной Сибири : тез. науч. конф. Тюмень, 1990. С. 156–158.
6. Марков Ю. Г., Турченко В. Н., Чиркин Е. А., Юрков С. А. Социально-правовые механизмы природопользования (Анализ концепций и подходов). Новосибирск, 1995. 150 с.
7. Некрасов В. Л., Стафеев О. Н., Хромов Е. А. Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): экономические и институциональные аспекты развития. Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2012. 136 с.
8. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1118. Л. 29.
9. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 426. Л. 56.
10. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 427. Л. 127.

УДК 314.93/.96(571.122-21)«1960/1990»:316.614-055.2

Стась И. Н.
Stas I. N.

ГЕНДЕР И ЖЕНЩИНА В ДИНАМИКЕ НЕФТЕГАЗОВОЙ УРБАНИЗАЦИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА (1960-е – НАЧАЛО 1990-х гг.)

GENDER AND WOMAN IN DYNAMICS OF KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG OIL URBANIZATION (1960s – EARLY 1990s)

В статье анализируется гендерная роль женщины в городах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Акцентируется внимание на половозрастном составе населения, семейно-брачных отношениях и проблеме женской занятости. Автор приходит к выводу, что в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе доминировала маскулинная культура, а женщина была социально незащищенной.

Ключевые слова: гендер, женщина, маскулинная культура, повозрастной состав.

Гендерные исследования являются популярным направлением исторической науки. Изучение дрейфа социальной роли полов открывает новые горизонты понимания общественного развития. Однако, несмотря на актуальность темы, историографические региональные практики, как правило, обделяют вниманием гендер в историческом процессе. Особенно это касается советского периода. Такое положение вещей обуславливается как слабостью теоретико-методологической подготовки региональных научных школ, так и спецификой советских источников, которые, как правило, лишены нарратива и перенасыщены статистико-отчётной информацией, отчего условный гендер главным образом присутствует в работах по изучению половозрастной структуры населения. Однако исследования гендерных отношений в советском обществе необходимы по той причине, что именно из его истории вытекает современная независимость российской женщины.

Процессы индустриализации и урбанизации существенно отражались на уровне дифференциации населения, и чем сильнее были эти процессы, тем разнообразнее становилась структура населения, в том числе по критерию пола и гендера. Не стали исключением и города Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

До нефтегазового освоения Западной Сибири, последовавшего в 1960-х гг., в Ханты-Мансийском округе преобладало женское население. В 1959 г. удельный вес женщин составлял 53,1 % от всего населения, а среди горожан эта доля была еще выше – 55,1 %. «Женский перевес» был связан с последствиями Великой Отечественной войны, приведшей к сокращению мужского населения [1, с. 76], а также с тем, что регион выступал местом ссылки «неблагонадежного населения», которое часто имело ярко выраженный детско-женский состав. Например, детско-женская доля доминировала среди ссыльных калмыков, в 1950 г. в Тюменской области она достигала 72,4 % [10, с. 77].

В 1960-х гг. последовали кардинальные изменения в половой структуре населения ХМАО. Обширные миграционные потоки для нужд промышленных отраслей, в которых преобладали рабочие кадры мужского пола, привели к быстрому росту мужского населения. В 1960-х гг. мужчины преобладали (более 60 %) среди мигрантов всех возрастов, кроме пенсионного. В самой распространенной по количеству мигрантов возрастной группе – 20–34 года – доля мужчин повышалась до 68–70 %, а доля женщин была 30–45 % [17, с. 76, 78]. Особенно резкое нарушение демографического равновесия наблюдалось в молодых возрастных группах. Так, в Нефтеюганске на каждых 100 мужчин в возрасте 25–29 лет приходилось всего лишь 57 женщин, в возрасте 30–34 лет – 59 женщин, в возрасте 35–39 лет – 64 женщины [15, с. 38]. Таким образом, высокий удельный вес лиц молодого возраста, преимущественно мужчин, вел к нарушению нормального половозрастного состава населения в регионе, особенно в трудоспособном возрасте. Лишь в 1980-х гг. последовала стабилизация половозрастной структуры населения ХМАО. Преобладающая доля мужчин снизилась до 51,2 % в 1989 г. среди всего населения и до 51,1 % – среди горожан.

Эти цифры говорят о том, что в 1960–1970-х гг. женщин было меньше, и притом они были старше, чем прибывающие мигранты-мужчины. Это существенно сужало выбор брачных партнеров для мужчин, которые в силу этого меняли стратегии поиска будущих жен, а также снижали требования к ним. Так, известный социолог Г. Ф. Куцев отмечал, что в новых городах было немало семей, где жена старше мужа, и нередко эта разница составляла 5–7 лет [14, с. 95]. Также довольно часты были так называемые экспресс-браки, когда брак заключался во время отпуска, после непродолжительного знакомства. По мнению Г. Ф. Куцева, другого выхода у молодых мужчин просто не было, если учесть, что стремление устроить семейную жизнь занимало одно из ведущих мест в жизненных планах новоселов того времени [14, с. 95]. Однако не всем мужчинам удавалось наладить личную жизнь в таких условиях. Из тех, кто покидал нефтяной край и возвращался на «большую землю», примерно 10 % называли причиной уезда трудности вступления в брак [14, с. 96].

Однако если до нефтегазового освоения в 1959 г. доля женщин, состоявших в браке, была больше, чем мужчин (54 % и 46 %), то в 1970 г. доля женатых мужчин значительно выросла (до 52 %) и стала больше доли замужних женщин (48 %). Это было связано как с половой структурой населения ХМАО, в котором после начала промышленного освоения стали преобладать мужчины, так и с брачной стратегией мужчин, которые приезжали в нефтяной регион без жен, оставляя их на «большой земле». Историк В. П. Карпов отмечает, что в начале – середине 1960-х гг. в нефтяной регион мужчины приезжали в основном без семей [11, с. 51]. По мнению Г. Ф. Куцева, такие молодые люди часто именно в новых городах регистрировали развод, в то время как распад семьи де-факто происходил на прежнем месте жительства [14, с. 98]. Женщины, находившиеся в браке, доминировали только в возрастных группах 18–19 лет (80 %) и 20–24 года (64 %) [5, л. 61–64], что свидетельствовало о том, что мужчины стремились жениться в первую очередь на девушках более молодого возраста.

Так как многие семьи брали с собой на север родителей, главным образом матерей, и среди мужчин средняя продолжительность жизни была меньше, стал увеличиваться удельный вес женщин в группе, относящейся к возрасту старше трудоспособного. Например, доля мужчин в ХМАО в конце 1980-х гг. в пенсионных возрастных группах была небольшой: в 60 лет – 28,2 %, 60–65 лет – 24,8 %, 80 лет и старше – 9,2 % [13, с. 177–178].

Итак, в городских поселениях ХМАО была значительной возрастная и половая диспропорция в пользу лиц трудоспособного, или даже молодого возраста и населения мужского пола. Женщины преобладали только в группе пенсионного возраста, удельный вес которой был весьма незначительным. В 1980-х гг. последовало выравнивание половозрастной структуры населения. По мнению Н. Ю. Гавриловой, такая диспропорция состава населения в пользу мужчин обуславливалась объективными – суровыми природно-климатическими условиями региона и спецификой добывающих отраслей производства, требующих мужского контингента, – а также субъективными факторами – недостаточным регулированием процесса формирования населения, отсутствием работы для вторых членов семьи и отставанием в развитии социальной инфраструктуры [1, с. 77–78].

Однако еще с начала нефтегазового освоения в 1960-х гг. проектные и плановые институты уделяли женщинам особую роль при организации нового производственного комплекса, что связывалось с развитием социально-культурной инфраструктуры. Государственный институт проектирования городов (Гипрогор) указывал необходимость строительства в нефтедобывающем регионе несколько крупных городов, поскольку именно такие города, а не рабочие поселки нефтяников способствовали закреплению прибывающих для работы в создаваемые отрасли на постоянное жительство и обеспечивали трудоустройство женщин в сфере обслуживания и общественного питания [7, л. 38]. Конференция по градостроительству в нефтедобывающих районах Западной Сибири, проведенная в Тюмени в 1966 г., рекомендовала возведение именно таких крупных городов с обеспечением в них полной занятости всего трудоспособного населения с помощью правильного баланса использования мужского и женского труда и широкого развития службы быта [7, л. 172]. По воспоминаниям заместителя Министра нефтяной промышленности СССР Ш. С. Донгаряна, нефтяники при проектировании городов «исходили из того, что <...> по мере того как семьи будут расти, а добыча нефти будет падать, в этих городах создавались производства, на которых как подрастающее поколение, так и все желающие, особенно женщины, могли работать» [9, с. 203]. Таким образом, судьба женщин в условиях масштабной индустриализации была одной из центральных.

Главная проблема была в том, как заинтересовать женщину в переезде в новый необустроенный промышленный край, ведь создаваемая производственная нефтегазовая и энергетическая сферы были преимущественно «мужскими». Социологические исследования, проведенные в городах ХМАО во второй половине 1960-х гг., показали, что при переезде в округ около 23,2 % опрошенных указывали, что они приехали по семейным причинам, и, как правило, так отвечали женщины [15, с. 95–96]. В 1970-х гг. мотив переезда в ХМАО как «семейные обстоятельства» стал составлять чуть меньший процент – 22,3 % [2, с. 56]. А перепись населения 1970 г. зафиксировала, что 37,9 % мигрантов приехало в регион по причине переезда семьи [6, л. 7–8]. Опять же, в основном так отвечали женщины. Помимо того, женщины в два раза реже подчеркивали такие мотивы переезда, как стремление получить профессию высокой квалификации и материальная заинтересованность [14, с. 80]. Это говорит о том, что женщины преимущественно ехали в нефтяной регион за своими мужьями, которые пытались добиться здесь высокой материальной обеспеченности. Вместе с тем женщине той эпохи была свойственна романтика, она выше оценивала такой мотив, как желание познакомиться с новыми местами [14, с. 80].

Однако планам нефтяников и градостроителей по реализации полного трудоустройства населения, в том числе и женщин, не суждено было осуществиться. И виноваты в этом были сами нефтяники, которые фактически отказались от социально-культурного строительства в городах. Воздвигались только индустриальные градообразующие объекты, в которых задействовались преимущественно мужчины. Например, в 1983 г. на Сургутской ГРЭС-2 трудилось 78 % мужчин [16, с. 100].

Историк А. А. Долголюк отмечает, что в ХМАО женщины составляли около 70 % численности незанятого трудоспособного населения, а среди обратившихся в службы занятости для помощи в трудоустройстве женщины составляли 80 % в таких городах, как

Нефтеюганск, Мегион, Нягань [8, с. 112]. Тотальная женская безработица стала хронической болезнью Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Инженер Мегионской нефтеразведочной экспедиции А. М. Лаптев, выступая в сентябре 1976 г. на сессии Тюменского облсовета, заявил, что второй проблемой в Мегионе после ведомственной разобщенности являлось трудоустройство женщин: «Много женщин не работает из-за отсутствия детских учреждений, нормального жилья, из-за того, что в наших строительных организациях в основном мужской труд. Считаю, что необходимо облисполкому предусмотреть строительство предприятий легкой и пищевой промышленности» [4, л. 73]. Согласно данным Г. Ф. Куцева, женщины ставили проблему своей безработицы на третье место после затруднений с жильем и устройством детей в дошкольные учреждения [14, с. 88].

В городах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса фиксировалась также профессиональная сегрегация по признаку пола. Происходило перераспределение полов в секторах экономики, когда женщины вытеснялись в непроизводственные отрасли, а мужчины покидали условные «женские» профессии из-за уменьшения оплаты труда в них. Так, как отмечает историк Д. В. Кирилук, невысокое материальное стимулирование педагогического труда приводило к сокращению количества учителей-мужчин: с 1971 по 1981 гг. доля женщин в учительских коллективах ХМАО возросла с 83 % до 92,7 % [12, с. 17]. Еще хуже положение было в сфере культуры и искусства, работниками которой в подавляющем большинстве выступали женщины. На протяжении советского периода разрыв между заработной платой по народному хозяйству и в отраслях культуры и искусства неуклонно возрастал, а к началу 1990-х гг. работники культуры, то есть женщины, оказались, как отмечает М. И. Ташлыкова, на уровне людей, нуждавшихся в социальной защите, – малоимущих, пенсионеров, инвалидов [18, с. 187, 190].

В условиях масштабного промышленного освоения женщины в отличие от мужчин становились более мобильным социальным полом. Связано это с тем, что они, испытывая трудности с устройством на работу по специальности, первоначально устраивались на любую возможную работу, а затем уже переходили на другую, которая в большей степени соответствовала их требованиям. Женщины чаще выполняли работу служащих-неспециалистов и младшего обслуживающего персонала, из-за чего чаще были не удовлетворены своей работой и негативно оценивали перспективы профессионального роста, указывали, что выбор места работы часто определялся вынужденными обстоятельствами («нет работы по специальности», «близость дома» и т. п.) [14, с. 89, 96]. Лишь в 1980-х гг. показатели занятости женщин улучшились, когда в городах региона стали развиваться непроизводственные сектора экономики.

Симптоматично письмо женского коллектива Главтюменнефтегаза в ЦК КПСС, зарегистрированное 12 октября 1979 г. Женщины-сотрудники главка жаловались на своего начальника за то, что тот бросил семью и официально оформил третий по счету брак. Они писали: «Особенно возмущены мы, женщины, жены. Ведь сколько забот и хлопот лежит на наших плечах, кроме работы. Стараемся создать тепло и уют дома не только для себя, а в основном для наших мужей. Делаем все, чтобы им легче работалось. Что же нам делать, у кого искать защиту, как не у наших парторганов, что делать, если нашим мужьям встретятся на пути женщины, лет на 20 моложе нас. Как сохранить семью, как защитить детей?» [3, л. 1–2]. Женщины главка были удивлены тем, что вместо того, чтобы наказать начальника, Тюменский обком КПСС одобрил новый брак и дал ему квартиру в партийном доме. Письмо ярко свидетельствует о том, что женщины в условиях развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса чувствовали себя социально незащищенными, не доверяли мужчинам, которые могли в любой момент завести новую семью с женщиной моложе, что фактически обрекало их на маргинализацию, неполное соответствие общепринятой социальной норме.

Таким образом, процессы индустриализации и урбанизации в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе осуществлялись при мужском доминировании. Нефтегазовое освоение сформировало в Ханты-Мансийском округе маскулинную культуру, которая была обусловлена не столько социально-конструктивистским подходом нефтяников к освоению, так

как в своих планах развития региона они все же уделяли женщине особую социокультурную роль, сколько ситуационностью и историчностью процесса, когда становление нефтегазодобывающего района не могло реализоваться без доминантности «мужских» специализаций производства. Документы и цифры эпохи указывают, что из-за неразвитости социально-культурных и обслуживающих сфер в городах гендерная роль женщины в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе сводилась главным образом к выполнению функций жены и матери. Женщина обладала более широким выбором брачного партнера, в отличие от мужчины, нередко находила молодого мужа, но за это приходилось платить безработицей или отсутствием возможностей профессионального роста, а что еще хуже – чувством социальной незащищенности в окружающей маскулинной культуре.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-11-86001, тип проекта: “а(р)”)

Литература

1. Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. 283 с.
2. Гапонова Т. Г. География миграционных связей и приживаемость новоселов Тюменского Севера // Медико-биологические проблемы вахтенного труда в условиях Тюменского Севера. Новосибирск, 1977. С. 52–57.
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. П124. Оп. 1. Д. 6890.
4. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 5658.
5. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 14.
6. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 27.
7. ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18.
8. Долголюк А. А. Кадровые проблемы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы) : сб. науч. тр. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 1992. С. 89–118.
9. Донгарян Ш. С. Подвиг созидателей // Нефтегазостроители Западной Сибири : в 2 кн. М. : Рос. союз нефтегазостроителей, 2004. Кн. 1. Антология. С. 193–218.
10. Иванов А. С. «Изьять, как антисоветский элемент...»: калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.). М., 2014. 294 с.
11. Карпов В. П. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень : ТюмГНГУ, 2014. 184 с.
12. Кирилук Д. В. Развитие общеобразовательной школы Ханты-Мансийского автономного округа (конец 1950-х – середина 1980-х гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 25 с.
13. Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень : Вектор Бук, 2010. 258 с.
14. Куцев Г. Ф. Новые города: социол. очерк на материалах Сибири. М. : Мысль, 1982. 269 с.
15. Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. М. : Статистика, 1976. 167 с.
16. Мантикова Э. К. Историко-демографическое отражение состава населения Севера Западной Сибири в годы ее активного промышленного освоения (середина 1960 – 1980-е гг.) // Наука и инновации XXI века : материалы IX окр. конф. молодых ученых. Сургут. 27–28 нояб. 2009 г. : в 2 т. Сургут : ИЦ СурГУ, 2009. Т. 2. С. 100–101.
17. Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1973. 209 с.
18. Ташлыкова М. И. Проблемы кадрового обеспечения учреждений культуры Севера Западной Сибири в 1965–1991 гг. // Актуальные проблемы истории Западной Сибири : межвуз. сб. науч. ст. Сургут : Изд-во СурГУ, 2006. С. 183–198.

УДК 061.12(091)«1930»(470):57(985)

Сулейманов А. А.
Suleymanov A. A.

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР И БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ В 30-е гг. XX в.**

**USSR ACADEMY OF SCIENCES AND BIOLOGICAL RESEARCHES
IN RUSSIAN ARCTIC IN 1930s XXCENTURY**

В работе рассматривается деятельность учреждений и сотрудников Академии наук СССР по исследованию биологических проблем Российской Арктики в период, начало которого связано с реорганизацией научного центра и его фактической «советизацией», а окончание – с перестройкой работы в соответствии с требованиями военного времени. В связи с этим реконструирована история ряда академических инициатив, определены их тематика, особенности и важнейшие результаты.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Арктика, научные исследования, экспедиции, флора, фауна.

Изучение флоры и фауны арктических районов России силами Академии наук осуществлялось практически с первых лет существования этого исследовательского центра. Так, изыскания участников второй Камчатской (1732–1743 гг.) экспедиции, в организации которой активное участие приняла Академия, включала сбор сведений о растительном и животном мире северных территорий [11, с. 14–20].

Рассматриваемый в работе период в целом характеризовался достаточно активным присутствием Академии наук (АН) СССР в Российской Арктике и, прежде всего, в ее европейской части. Вместе с тем следует отметить, что основным стратегическим вектором академической деятельности в 1930-е гг. явились исследования, связанные с обеспечением экономико-хозяйственного развития страны. Не случайно, что из 54 отрядов, принимавших участие в экспедициях АН СССР в 1937 г., 48 были горно-геологической направленности [1, л. 17]. Именно изучению полезных ископаемых и связанных с их добычей вопросов была посвящена основная часть исследований участников работавшей в рассматриваемый период Кольской комплексной экспедиции АН СССР.

В то же время академические работы на Кольском полуострове включали и различные биологические изыскания. Так, серьезным шагом на пути перехода от экспедиционного к стационарному изучению Кольского полуострова стало принятое в 1931 г. решение о создании в Хибиногорске Полярно-альпийского ботанического сада Академии наук [7]. На его опытных площадках стали проводиться эксперименты по приживанию в Заполярье растений различных климатических зон и улучшению местных сортов [4, с. 69–71].

Автор идеи создания сада Н. А. Аврорин в 1931–1932 гг. руководил работами ботанического отряда Кольской комплексной экспедиции АН СССР. Отряд занимался изучением растительности центральной части Хибинских гор. В ходе изысканий исследователи составили описание флоры района и собрали гербарий цветковых растений, мхов и лишайников [4, с. 69].

В 1931–1934 гг. проводил биологические исследования и зоогеографический отряд, также работавший в Хибинских горах. В его состав входили: В. Ю. Фридолин (начальник), Е. М. Белякова, К. Г. Лукьянова, В. П. Рудольф (Зоологический музей АН СССР), Г. А. Новиков, Н. В. Проворов и Н. М. Чебурова (Географический факультет Ленинградского госу-

дарственного университета) [4, с. 74]. Исследования отряда базировались на принципе комплексности взаимоотношений животных и растений с элементами ландшафта и микроклиматом. С этой целью были изучены состав флоры и фауны ареала, проведены наблюдения за жизненным циклом насекомых, питанием растениеядных животных, границами их обитания. В результате изысканий члены отряда собрали обширную энтомологическую коллекцию, а также коллекции птиц и мелких млекопитающих, изучили рацион различных представителей фауны (насекомых, птиц и рыб). Главные усилия ученых были направлены на наблюдения за кровососущими насекомыми – комарами и мошками, серьезно осложнявшими жизнь ученым и сотрудникам промышленных предприятий. Участники изысканий установили места их обитания, условия размножения, источники питания, а также проследили онтогенез (развитие от рождения до смерти) [12, с. 65–75].

Одновременно проводились биологические изыскания и в соседнем с Кольским полуостровом Северном крае (территория современных Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей), роль которого в экономике страны именно в 1930-е гг. значительно возросла. В одном только 1931 г. на территории края были открыты месторождения и проявления различных полезных ископаемых – пирита, меди, свинца, асбеста, цинка, гипса, флюорита, строительных материалов, сланцев, фосфоритов, серного колчедана и др. Не говоря о том, что в этот период в районе Воркуты были разведаны крупные месторождения угля и началась его промышленная добыча, а также о больших масштабах развития лесной промышленности (главным образом руками заключенных и спецпереселенцев – в Северный край было выслано 46 тысяч «кулацких» семей), нуждавшейся, естественно, в соответствующем обеспечении ресурсами и инфраструктурой.

Следует отметить, что хотя академическая деятельность в этих районах страны велась и ранее (в 1882 г. зоолог, впоследствии член-корреспондент Академии наук Н. П. Вагнер создал на Соловках биологическую станцию, которая послужила в итоге, после череды реорганизаций, базой ныне действующего Полярного института морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н. М. Книповича, а в 1906 г. исследователь полярных районов А. В. Журавский организовал в селе Усть-Цильма Печорскую естественно-историческую станцию), однако, по большому счету, территория Северного края оставалась мало охваченной работами Академии наук.

Лишь в 1930 г. изыскания, организованные Ботаническим музеем АН СССР, положили начало последовательному биологическому изучению края академическими экспедициями [9, с. 77].

В следующем году эти работы были продолжены экспедицией уже Ботанического института Академии наук СССР, образованного в 1931 г. на базе Ботанического музея и Ботанического сада. В состав экспедиции входили шесть отрядов. Два из них работали в Большеземельской тундре, три – в Малоземельской, один – на Новой Земле. Всего за время изысканий, которые продолжались с июля до сентября, отряды экспедиции прошли больше 2 000 км, исследовав район площадью 20 тыс. км².

Деятельность экспедиции совпала по времени с проведением коллективизации оленеводческих хозяйств Северного края. В связи с этим ее основной задачей было определение территорий, подходящих для обитания полумиллионного поголовья оленей, а также изучение кормовой базы. В ходе изысканий ученые составляли карты, на которые наносились пригодные пастбища и отмечался сезон их возможного использования. Одновременно собирались сведения о количестве стад оленей, маршрутах их передвижения, социально-экономическом состоянии местного населения.

Кроме того, участники экспедиции провели почвенные изыскания, выделили четыре ботанико-географические подзоны и определили в них преобладающий вид растений [14, с. 350–355]. Ученые составили топографическую карту центральной части Большеземельской тундры, а также карты типов тундры и пастбищ, установили соотношение высот исследованного района, описали обнажения в ледниковых отложениях и определили порядок залегания пород [8].

Исследования следующего, 1932 г., продолжили программу изысканий 1931 г. Экспедиция вновь была разделена на шесть отрядов. Три из них работали в Малоземельской тундре. Эти отряды исследовали ее северную часть, бассейн реки Вельт, а также среднее течение и северные притоки реки Сула. Ученые продолжили здесь изыскания по выявлению и обследованию кормовой базы оленеводства, планированию устройства пастбищ. Исследованием кормовой базы для оленей занимался и четвертый отряд экспедиции, работавший на Новой Земле.

Еще два отряда, Енейский и Юшарский, проводили изыскания в Большеземельской тундре. Енейский отряд исследовал ее центральную часть по меридиональному маршруту от побережья Баренцева моря до северной границы лесной зоны, протяженностью около 400 км. В ходе этого маршрута ученые определили типы тундр, установили примерные количественные и видовые показатели флоры, дифференцировали обследованные пастбища по сезонам использования и на этом основании определили приблизительную оленеемкость района. Кроме того, специалисты собрали гербарий высших и споровых растений, изучили рыбные ресурсы пресных водоемов и провели барометрическую нивелировку местности. Юшарский отряд проводил исследования по маршруту Югорский Шар – бассейн реки Кара – река Адзва – село Хоседа-Хард. Его участники осуществили типологическое исследование тундры, выделили пять ботанико-географических подзон и изучили их кормовые ресурсы [15].

В октябре 1933 г. Президиум Академии наук включил Печорский бассейн в число основных районов деятельности Совета по изучению производительных сил (СОПС), биологических и геологических учреждений АН СССР. Тогда же было решено создать в Архангельске Бюро Полярной комиссии. 15 декабря 1933 г. Президиум АН СССР утвердил Положение о Бюро по изучению Северного края. Его руководителем был назначен А. И. Толмачев [5, с. 112]. Главным результатом всех этих решений стала организация в 1934 г. Печорской комплексной экспедиции СОПС АН СССР под общим руководством А. П. Карпинского [6, с. 70].

Геоботанический отряд этой экспедиции возглавлял А. П. Шенников (Ботанический институт АН СССР). В отряд также входили А. А. Корчагин (зам. начальника), геоботаники Ю. Н. Юдин, Н. В. Дылис, Е. А. Дояренко, помощник геоботаника Л. В. Бахтин и агроном А. А. Шахов.

Основной задачей ученых была порайонная геоботаническая характеристика растительности западной части лесной полосы Печорского края от реки Вычегда на юге до бассейнов Цильмы и Ижмы на севере. С этой целью они в июле – первой половине сентября изучали рельеф местности, ее почвенный покров и флору. В результате проведенных изысканий специалисты составили описание ландшафта, установили основные виды растений, характерные для исследованного ареала, и выделили 3 геоботанические подзоны, которые включали 18 районов, различающихся климатом, почвой и растительным покровом. При этом ученые определили их наиболее эффективную экономическую роль (сельское хозяйство, лесозаготовка или охотничьи промыслы) [12, с. 76–84].

Геоботанические исследования 1935 г., в купе с предыдущими изысканиями, дали специалистам возможность составить карту геоботанических районов и геоботаническую характеристику лесов, болот, лугов, полевых угодий и водных ресурсов края [3, с. 13].

В 1936 г. в Архангельске на основе Бюро Полярной комиссии была организована Северная база АН СССР (правда просуществовала она только до 1941 г., когда была эвакуирована в Сыктывкар). Руководителем базы был назначен академик Н. М. Книпович (в 1939 г. эту должность занял А. И. Толмачев). В 1937 г. структура базы включала 3 сектора (геологический, ботанический и зоологический), в которых работали 22 специалиста [5, с. 113].

Ученые в основном продолжили рассмотренные исследования, направленные на развитие экономики Северного края. Так, сотрудники ботанического сектора (начальник А. И. Толмачев) на основе изучения местной флоры разработали рекомендации по повышению урожайности сельскохозяйственных культур и оптимизации лесного хозяйства края. Кроме того, были проведены изыскания в области животноводства: исследованы холмогорская порода крупного рогатого скота и проблема распространения инфекций у оленей [5, с. 112–113].

В рассматриваемый период, пусть и в меньших масштабах, чем в 20-е гг. XX в. биологические исследования получили развитие и в азиатской части Российской Арктики. Так, в 1932 г. участники Хатангской экспедиции под руководством А. Н. Смесо́ва проводили исследования на севере современного Красноярского края. В состав экспедиции входили также А. И. Толмачев (в качестве ботаника), С. П. Суслов (геоморфолог) и 6 наблюдателей на метеостанции – студенты Московского гидрометеорологического института. 28 июня 1932 г. члены экспедиции прибыли в село Дудинка в низовьях Енисея, откуда отправились к озеру Боганидское. Здесь в ожидании транспорта до Норильска, растянувшееся более чем на два месяца, ученые развернули исследовательский лагерь. А. И. Толмачев сбором коллекционного материала продолжил начатое им в 1926 г. изучение флоры Таймыра. С. П. Суслов исследовал геоморфологию озера и прилегающей к нему тундры. А. Н. Смесо́в собрал коллекцию птиц и совместно с С. П. Сусловым провел съемку озера [10].

Летом 1935 г. в окрестностях реки Булун и бухты Тикси работала Нижне-Ленская экспедиция Ботанического института АН СССР. В экспедиции участвовали научные сотрудники института Б. Н. Городков и Б. А. Тихомиров [2, л. 5].

В ходе изысканий ученые собрали материал, характеризующий растительный покров, включая сведения о происхождении тундровой флоры и ее разнообразии в зависимости от рельефа местности, а также составили описание отдельных видов растений. Одновременно специалисты ознакомились с процессами почвообразования в прибрежных районах Якутии: проследили изменения типов почв в зависимости от происходящих геокриологических процессов, определили температурные условия грунтов и глубину летнего оттаивания мерзлоты [13, с. 182–188].

Наряду с названными исследованиями Б. Н. Городков и Б. А. Тихомиров занимались и прикладными изысканиями. Так, ученые определили пригодные для земледелия участки, предложили пути развития кормовой базы животноводства, огородного и ягодного хозяйства для будущего поселка Тикси. Кроме того, исследователи собрали образцы торфа для биологического и химического анализа на предмет выяснения возможности его применения в качестве местного топлива и удобрений в сельском хозяйстве, а также образцы почв и древесины кедрового стланника для изучения их технических свойств [13, с. 182–189].

Таким образом, в 30-е гг. XX в. в арктических районах Советского Союза были продолжены академические работы по изучению флоры и фауны. В частности, в рассмотренный период получили развитие исследования на Кольском полуострове, территории современных Архангельской области, Республики Коми и Красноярского края, а также в Якутии. Несмотря на то что эти изыскания осуществлялись достаточно ограниченными силами, их участники смогли получить ценные сведения, характеризующие уникальный растительный и животный мир Российской Арктики.

Литература

1. Архив РАН (АРАН). Ф. 174. Оп. 26. Д. 32.
2. АРАН. Ф. 174. Оп. 106. Д. 23.
3. Васильев В. Н. Экспедиции Совета по изучению производительных сил в 1935 г. // Вестн. АН СССР. 1936. № 2. С. 11–20.
4. За Полярным кругом. Работы Академии наук на Кольском полуострове за годы Советской власти. 1920–1932 гг. / под ред. А. Е. Ферсмана. Л. : Изд-во АН СССР, 1932. 81 с.
5. Кольцов А. В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР, 1917–1961 гг. Л., 1988. 261 с.
6. Красникова О. А. Академия наук и исследования в Арктике: научно-организационная деятельность Полярной комиссии в 1914–1936 гг. : дис. ... канд. истор. наук. М., 2006. 244 с.
7. Положение о Полярно-альпийском ботаническом саде при Горной станции АН СССР в Хибинах // Документы по истории Академии наук СССР. 1926–1934 гг. / под ред. Б. В. Левшина. Л., 1988. С. 194–195.

8. Самбук Ф. В. Отряды Северной геоботанической экспедиции // Вестн. АН СССР. 1931. № 9. С. 51–52.
9. Самбук Ф. В. Работы в тундрах Северного края // Вестн. АН СССР. 1933. № 8–9. С. 77–84.
10. Смесов А. Н. Метеорологические станции сети 2-го Международного полярного года (Хатангская экспедиция) // Вестн. АН СССР. 1933. № 5. С. 27–34.
11. Ширина Д. А. Россия: научное исследование Арктики. XVIII в. – 1917 г. Новосибирск : Наука, 2001. 191 с.
12. Экспедиции Академии наук СССР 1934 г. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 510 с.
13. Экспедиции Академии наук СССР 1935 г. / под общ. ред. И. М. Губкина. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. 535 с.
14. Экспедиции Всесоюзной Академии наук 1931 г. / под общ. ред. И. М. Губкина. Л. : Изд-во АН СССР, 1932. 378 с.
15. Шишкин Б. Тундровая растительность Северного края // Вестн. АН СССР. 1932. № 13. С. 132–136.

УДК 902/904(571.122):502.8

*Цыбанков А. А., Постнов А. В., Кениг А. В., Ломов П. К.
Tsybankov A. A., Postnov A. V., Kenig A. V., Lomov P. K.*

**МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ, ВЫЯВЛЕННЫХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ
ОБСЛЕДОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ОАН
В СУРГУТСКОМ РАЙОНЕ ХМАО – ЮГРЫ**

**PROBLEMS IN APPROACHES TO ARCHAEOLOGICAL
HERITAGE PRESERVATION:
EVIDENCE FROM ESTIMATION OF ITS TECHNICAL CONDITION
IN SURGUT DISTRICT OF KHMAO – UGRA**

В статье рассмотрены основные методические проблемы, связанные с обработкой сведений необходимых для поиска и идентификации памятников археологии на местности. Даны методические рекомендации для археологов, существенно упрощающие мероприятия по сохранению культурного наследия в будущем.

Ключевые слова: Сургутское Приобье, инвентаризация, ОАН, поиск памятников, атрибуция, картографирование, учетная документация.

В полевой сезон 2015 г. Солнечным отрядом отдела охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН по Открытому листу А. В. Кенига было проведено обследование технического состояния 42 объектов археологического наследия (ОАН) на территории Сургутского района ХМАО – Югры согласно условиям Государственного контракта.

Целью работ было уточнение сведений о сохранности ОАН, определение их границ и культурно-хронологической атрибуции. Основными задачами были: сбор и анализ информации об ОАН; определение современного состояния и описание историко-культурной ценности, включая характеристику каждого видимого объекта на памятнике; создание подробного топографического плана с определением координат характерных точек границ объектов и их обоснованием.

Одной из ключевых проблем стал поиск точного расположения выявленных ранее ОАН. На подготовительном этапе работ анализировались все основные источники информации. После анализа сведений оказалось, что для одних и тех же ОАН по-разному были указаны административные и географические ориентиры: различались ландшафтно-гидрографические привязки, расстояния и направления. В качестве оптимизации работ по инвентаризации ОАН предлагается ряд методических рекомендаций.

В случае явной противоречивости информации о местонахождении ОАН источники данных были ранжированы по достоверности следующим образом: 1) учетная документация; 2) подзаконные акты о постановке на учет в органы охраны памятников; 3) отчетная документация отдельных исполнителей археологических работ (НИР, НТО и пр.); 4) научные публикации; 5) устные сообщения археологов, принимавших участие в исследовании объектов; 6) прочие публикации, включающие и неофициальные Интернет-ресурсы.

Согласно ст. 18 закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» «федеральный орган охраны объектов культурного наследия и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные в области охраны объектов культурного наследия, осуществляют работы по выявлению и учету объектов, представляющих собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и рекомендуемых для включения в реестр» [9]. Кроме этого, «данные об объектах, представляющих собой историко-культурную ценность, вносятся в специальные документы. Перечень таких документов, формы их ведения, рекомендации по их заполнению определяются Положением о едином государственном реестре объектов культурного наследия народов Российской Федерации» [9]. Федеральным законом, при внимательном прочтении, снимается ряд существенных противоречий между органами, уполномоченными на охрану ОАН, и исследователями-первооткрывателями. ОАН считаются выявленными со дня их обнаружения, а информация о выявленном объекте археологического наследия направляется соответствующим органом охраны объектов культурного наследия собственнику земельного участка, на котором обнаружен ОАН. Закон описывает следующую процедуру. Сначала археолог-исследователь в десятидневный срок направляет в Службу письменное уведомление о вновь выявленном ОАН, прикладывая сведения о местоположении объекта. Далее Службой процедурно создается учетная документация (учетная карточка, паспорт). Учетная карточка или паспорт являются бессрочным документом (ст. 18, п. 3 № 73-ФЗ). Поскольку каждый конкретный ОАН охраняется государством в тех границах, что стоят на учете в Госоргане охраны, то информацию, изложенную в учетном документе, необходимо считать приоритетной.

Подзаконные акты о постановке на учет ОАН в органы охраны памятников использовались в случаях отсутствия подробной информации в учетных документах, поскольку они, как правило, несли очень краткую характеристику местоположения и описание объекта. Научные публикации, являющиеся источником информации, в основном сосредоточены на интерпретации материала, и сведения о местонахождении ОАН в них очень краткие, а в связи с выходом приказа Министерства культуры от 01 сентября 2015 г. № 2328 будут отсутствовать вовсе. Отчетные документы, выполненные конкретными исполнителями, являются одним из наиболее информативных, но противоречивых видов источников. Текст их часто содержит ошибки и неточности в описаниях местонахождений, путаницей правого и левого берегов водотоков, направлений и расстояний от административных привязок. Возможно, эти неточности связаны с изменениями ландшафтно-географической ситуации, возможно, с кратковременным пребыванием исследователей на памятнике. Уточнить противоречивую информацию в отчетах помогает обращение к устным сообщениям отдельных археологов, проводивших ранее работы на конкретных объектах. Этот источник слабо верифицируется. Дополнением к устным сообщениям можно считать информацию из Интернет, в которой можно найти ряд воспоминаний и фотографий участников исследований (рабочие, студенты, аспиранты и т. д.).

Учитывая все неточности в указании месторасположений ОАН в учетной и отчетной документации, предлагаются следующие методические рекомендации для описаний местоположения ОАН. Рекомендуется использовать комплексную методику, состоящую из спутниковых (навигационных) методов позиционирования (включая определение и учёт деформации сети ГГС на участке работ) и наземные инструментальные (точные) геодезические измерения [4; 6; 7; 2; 3]. Переход от карт к спутниковым определениям не кажется на современном уровне чем-то экзотическим. Малоточные спутниковые навигаторы уже вмонтированы в большинство моделей сотовых телефонов и работают без доступа к сотовой связи. Система WGS-84, в которой работают спутниковые малоточные приборы, не является секретной. Простые навигаторы и навигаторы со встроенной функцией барометрического нивелирования имеют «бюджетную» цену. Спутниковые снимки с разрешением 30 и 15 м и точнее, покрывающие весь земной шар находятся в свободном доступе сети Интернет, есть огромный выбор бесплатного программного обеспечения. Переход на комплексную методику, основанную на спутниковых определениях, продиктовано двумя тенденциями: бурным ростом спутниковых технологий и стремительным падением актуальности карт в связи с интенсивным хозяйственным освоением и изменениями рельефа [8; 1; 5]. При этом необходимо не только указывать географические координаты, но и способ их получения. Особое внимание в описании методики получения географических координат надо обращать на продолжительность сеанса связи, условия приема (указываемая погрешность прибором при данном положении спутников, условия местности и погоду), марку прибора и количество измерений при осреднении.

Исследователям рекомендуется, используют ли они карту или спутниковый снимок, указывать географические координаты памятника с точностью не менее чем до десятых долей минуты (110–185 м в зависимости от широты). При этом подробно описывать способ получения этих координат: масштаб и год издания использовавшейся карты; модель и характеристики применяемых приборов и т. д.

Осуществляя измерения от удаленных объектов до объекта археологического наследия в первую очередь отдавать предпочтение точечным объектам, имеющим на карте отдельный условный знак, или ясно читаемым на снимке, таким как пункт ГГС, мост, и т. п. Избегать привязки к берегам рек и озер, отдельно стоящим деревьям и кустарникам, заброшенным постройкам, дорогам. Избегать привязки к объектам, имеющим нечеткий контур на карте (граница леса, берега водоемов и т. д.). При указании расстояния до населенного пункта рекомендуется указывать расстояние не до города, а до городской администрации, почтамта, школы или других объектов, имеющих точный адрес; в случае с естественными объектами – не до берега озера, а до места впадения в озеро какого-либо водотока. Направление до объектов привязки указывать не в буквенном (СВ, ЮЮЗ), а в цифровом значении азимута, поскольку погрешность хотя бы в 5 градусов уже может увеличить зону поиска памятника до нескольких километров. Желательно указывать тип азимута, метод его получения, а градусы с десятыми долями.

Литература

1. Вергунов Е. Г., Крейдун Ю. А., Постнов А. В. Информационное обеспечение полевых археологических и этнографических исследований методами археологической геодезии // Ползуновский вестник. Барнаул, 2004. № 3. С. 42–51.
2. Вергунов Е. Г., Постнов А. В. Вопросы методики применения малоточных спутниковых измерений при создании специализированных ГИС с археологическими данными // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2005. Т. XI. Ч. II. С. 208–212.
3. Вергунов Е. Г., Постнов А. В. Подготовка специализированных ГИС для археологии // Методика археологических исследований Западной Сибири. Омск, 2005. С. 57–64.

4. Вергунов Е. Г., Постнов А. В. Разработка методики измерений в специальных геодезических работах с помощью клинометра и дальномера на Усть-Канском геодезическом полигоне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. II. С. 178–182.

5. Постнов А. В., Вергунов Е. Г. Геодезические работы при археологических исследованиях с применением GPS-навигатора (теория и методика) : учеб.-метод. пособие. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2006. 74 с.

6. Постнов А. В., Вергунов Е. Г. Основы геодезического обеспечения археологических исследований с применением спутниковых навигационных приемников. Новосибирск : Свет, 2003. 160 с.

7. Постнов А. В., Вергунов Е. Г. Применение спутниковых навигационных приемников при проведении археологических исследований // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 5. С. 67–99.

8. Постнов А. В., Вергунов Е. Г. Создание полигона для отработки методики применения спутниковой навигационной аппаратуры в специальных геодезических работах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 185–189.

9. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон РФ от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 2002 г. : одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318 (дата обращения 20.04.2016).

УДК 342.815(091)«1920/1930»(571.122-21Сургут)

*Шаймиева Л. И.
Shaimieva L. I.*

СУРГУТСКИЕ «ЛИШЕНЦЫ»

SURGUT “NONVOTERS”

В статье рассматриваются проблемы лишения избирательных прав среди населения Сургутского района в 1920–1930-е гг., раскрываются социально-экономические последствия ограничения в правах.

Ключевые слова: «лишенцы», избирательная система, лишение избирательных прав, дискриминация.

В 1920–1930-е гг. термин «лишенцы» обозначал граждан, отстраненных от участия в выборах в органы государственной власти. Лишение избирательных прав было направлено на оказание давления на «непролетарские» слои населения, перестройку общества и сознания.

Лишение избирательных прав было зафиксировано в Конституции РСФСР 1918 г. Ст. 7 декларировала: «...эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам...». [4] В ст. 65 перечислялись основные категории лиц, которым было отказано в избирательном праве:

- а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- б) лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;
- в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;

- г) монахи и духовные служители религиозных культов;
- д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома;
- е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой;
- ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

По данным Уральского облзбиркома в 1924–1925 гг. численность лишенных избирательных прав составила 39 630 человек, в 1925–1926 гг. – сократилось до 19 622 человек [7]. Снижение числа «лишенцев» было связано со снятием ограничений с части крестьянства и интеллигенции [4; 5; 7, с. 53; 25, с. 487]. Это, однако, привело к тому, что в 1925 г. в ходе выборов в сельские и городские советы коммунисты с трудом сохранили свои позиции. В 1926 г. политика в отношении «непролетарских» слоев населения ужесточилась. В постановлении ЦИК СССР «Об утверждении инструкции по выборам в Советы» отмечалось: «Выборы в Советы 1926 года ... поставили ... задачу дальнейшего охранения советов от проникновения в них эксплуататорских элементов» [18].

В 1926 г. инструкция «О выборах городских и сельских советов и о созыве съездов Советов» расширила круг лиц, подлежащих лишению избирательных прав. В состав «лишенцев» вошли лица, использовавшие наемный труд и жившие на нетрудовые доходы еще до революции, служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранного отделения, служащие госаппарата царского и небольшевистских правительств, а также члены семей «лишенцев».

Документы Сургута и Югры позволяют проследить процесс лишения избирательных прав на территории Сургутского района в 1920–1930-е гг.

В 1926 г. Сургут стал селом, центром Сургутского района с населением 6 399 чел. [24, с. 118]. Русские составляли примерно 54 % жителей района, остяки – около 32 %, самоеды – около 12 %. [11] Население района было сельским. Из промышленных предприятий в 1928–1934 гг. работала Сургутская рыбоконсервная фабрика.

В 1925–1926 гг. в Сытоминском, Локосовском, Юганском, Тундринском, Сургутском сельсоветах от участия в выборах было отстранено 99 человек [23], что составило 1,5 % от общей численности населения [24, с. 118]. В 1927 г. количество «лишенцев» увеличилось до 176 человек [22]. В 1927 г. лишенные избирательных прав составили 2,6 % от общего населения [11]. К 1929 г. численность «лишенцев» увеличилась в два раза, и в 1931 г. составила 3,4 %, в 1932 г. – 3,2 % [16]. В 1934 г. в Сургутском районе было 118 человек, ограниченных в правах [17]. Доля туземного населения в среднем составляла около 25 %.

70 % лишенцев составляли мужчины. Женщин лишали прав как членов семей «лишенцев» за торговлю, предпринимательство или как административно-ссылных.

Местные избиркомы ежегодно составляли «списки лиц, не имеющих права избирать и быть избранными...» [2]. Причина для лишения избирательных прав по каждой категории подтверждалась справками из ГПУ, финансовых органов, административных органов сельсоветов и Райисполкомов, органов здравоохранения и др. [2].

Таблица 1

**Статистика лишения избирательных прав по Сургутскому району
в 1926–1927 гг. (на основе документов Сургутского РИКа) [20]**

Категория лиц, лишенных избирательных прав	Количество человек	
	1926 г.	1927 г.
осужденный по суду за бандитизм и заключенный в изолятор	8/8,08*	7/3,9
лишенный права голоса по суду	10/10,1	2/1,1
член семьи «лишенца»	1/1,01	–

Окончание табл. 1

Категория лиц, лишенных избирательных прав	Количество человек	
	1926 г.	1927 г.
служитель религиозного культа	6/6,06	4/2,3
умалишенный	1/1,01	3/1,7
торговец	1/1,01	4/2,3
живущий на нетрудовые доходы	–	1/0,5
административно-ссылный	71/71,7	155/88
по ст. 65 Конституции	1/1,01	–
Итого	99	176

Примечание: * здесь и в табл. 2: в числителе – чел., в знаменателе – %

С 1929 г. распределение по группам стало осуществляться строго в соответствии со ст. 65 Конституции РСФСР и инструкциями о выборах.

Таблица 2

**Статистика лишения избирательных прав по Сургутскому району
в 1929–1933 гг. по категориям (на основе документов Сургутского РИКа) [14]**

Категории лиц, лишенных избирательных прав	Год составления списка, год			
	1929	1930	1931	1933
лица, прибегающие к наемному труду	8/2,07	21/0,96	39/15,8	33/25,7
лица, живущие на нетрудовые доходы	33/8,5	9/4,1	–	10/7,8
торговцы	17/1,8	15/6,8	21/8,5	15/11,7
служители религиозного культа	22/5,7	14/6,4	24/9,7	19/14,8
агенты полиции	17/4,4	12/5,5	6/2,4	4/3,1
пораженные в правах, административно-ссылные	100/25,9	55/25,2	78/31,07	–
члены семей, лишенных избирательных прав	184/47,7	88/40,3	76/30,8	43/33,5
душевнобольные или умалишенные	4/1,03	4/1,8	2/0,8	4/3,1
Итого	385	218	246	128

Особенно жестко политика «лишенчества» применялась в отношении экономически независимых от властей зажиточных крестьян и торговцев. С 1929 г. лишение избирательных прав было вплетено в систему репрессий, связанных с коллективизацией. Лица, лишенные избирательных прав за систематическое применение наемного труда в сельском хозяйстве, на предприятии, в промысле, официально стали называться кулаками. В Сургутском районе кулацкими признавались хозяйства, состоящие из дома с надворными постройками, амбара, бани, 2–3 лошадей, 2 коров, 1–2 неводов [13].

В 1930 г. раскулачивание приобрело огромный размах. Доля кулаков в общем списке «лишенцев» возросла от 2,07 % в 1929 г. до 25,7 % в 1933 г. (табл. 2). В 1933 г. от участия в выборах по Сургутскому району были отстранены 13 кулаков [3].

Наибольшую группу «лишенцев» составляли спецпереселенцы. В соответствии с «Временным положением о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев» они были лишены избирательных и других гражданских и имущественных прав [8, с. 39]. В 1931 г. в Сургутском районе на спецпоселении проживало 8 973 переселенца из числа раскулаченных, что превышало изначальную численность населения [16, л. 22]. Все данные по ним были сосредоточены в поселковых спецкомендатурах при ОГПУ [16, л. 24]. В списках Сургутского РИКа данная категория не значилась.

Сургутские «лишенцы» нередко учитывались как «лица, прибегающие к наемному труду» (п. «А»), как «живущие на нетрудовые доходы» и «бывшие торговцы» (п. «Б»). К этим категориям причислялись и представители туземного населения. По данным Аганского, Угут-Юганского тузсоветов, в списках значились главы семей, обвиненные в шаманстве [19].

В 1929 г. доля «лиц, живущих на нетрудовые доходы» составляла 8,5 % от общего числа граждан, отстраненных от выборов (табл. 2). В 1930-е гг. отмечается незначительное снижение до 7,8 % (табл. 2). В категории «бывших торговцев», наоборот, наблюдается рост: с 2,3 % в 1927 г. до 11,7 % в 1933 г. (табл. 1, 2).

Наблюдается рост числа «лишенцев» в категории «служителей религиозного культа» в 1927 г. – 2,2 %, а в 1933 г. – 14,8 %. (табл. 1, 2).

Лишенные избирательных прав по пункту «Д» Конституции РСФСР 1918 г. вызывали особый интерес властей. Это служащие и агенты царской полиции, особого корпуса жандармов и членов царствующего дома, белые офицеры и военные чиновники. В Сургутском районе их численность составляла 3,8 % (табл. 2). Преимущественно это были мелкие служащие и технический персонал: стражники, надзиратели, письмоводители, а также служащие милиции Сибирского правительства [15].

Категория членов семей «лишенцев» состояла в основном из детей, жен, родителей. В 1929 г. ее доля составила 47,7 % от общего количества лишенных прав (табл. 2). В 1933 г. группа сократилась до 33,5 %. Это произошло в связи постановлением ВЦИК СССР «Об устранении нарушений законодательства» от 22.03.1930 г., предусматривающим восстановление избирательных прав для детей, достигших в 1925 г. совершеннолетия и не зависящих от родителей-«лишенцев» [7].

Последнюю категорию «лишенцев» составили административно-ссылные. Эта группа появилась в 1922 г. в соответствии с декретом ВЦИК «Об административной высылке», предусматривающим административную высылку сроком до 3 лет для лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям. В 1926 г. в Сургутской ссылке находились журналист Ф. Гаджиев, кондитер Н. Насановский, студент П. Кручинин, осужденные по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР, а также священник, член Высшего Церковного совета, профессор, ученый Илия Громогласов [21]. В 1926 г. эта категория в общем списке «лишенцев» составляла 71,7 %, в 1927 г. – 88 %. (табл. 1).

С 1929 г. административно-ссылные учитывались в общем списке вместе с лицами, пораженными в правах по суду [12]. С начала 1930-х гг. их количество сократилось до 30,8 % (1931 г.) (табл. 2).

По окончании ссылки (3–5 лет) истекал и срок поражения в избирательных правах. Если не было протеста ОГПУ, ссылные восстанавливались в правах.

Лишение избирательных прав влекло за собой множество дискриминаций. «Лишенец» не только не мог избирать и быть избранным в органы власти, но также не мог занимать государственную должность, учиться в средних специальных и высших учебных заведениях, лишался всех пособий, пенсий, компенсаций. В 1928 г. в СССР была введена карточная система и лишенцы не получали продуктовых карточек. В случае поступления на какую-либо работу «лишенцу» назначалась самая низкая зарплата, при службе в армии его направляли в штрафную роту или тыловое ополчение [9, с. 490–491].

Для крестьян статус «лишенца-кулака» означал обложение «твердым заданием», отказ в приеме в колхозы, кооперативы, артели, конфискацию имущества, высылку на спецпоселение.

Люди пытались обжаловать принятые в отношении их ограничительные меры [9, с. 20–22, 61, 69–70, 78–79] Ради возвращения прав они жертвовали моральными принципами – отказывались от членов семьи, шли на откровенную ложь и подкуп.

Восстановлением в избирательных правах занимались избирательные комиссии разных уровней [6]. По данным Остяко-Вогульской окружной комиссии от 1933 г. около 45 % сургутян, пораженных в правах в 1928–1931 гг., были восстановлены [1].

Лишение избирательных прав как мера социальной и правовой дискриминации населения была отменена Конституцией 1936 г. Все совершеннолетние граждане, за исключением умалишенных и осужденных судом с лишением избирательных прав, получили право избирать и быть избранными. Но это оказалось лишь формальностью. Дискриминация по социальному признаку продолжалась вплоть до середины 1950-х гг.

Наиболее активная часть населения была полностью отстранена от общественной жизни. Советское руководство сумело нейтрализовать любые проявления недовольства со стороны «непролетарского» населения и установить тотальный контроль над обществом.

Литература

1. ГАХМАО. Ф.1 Оп. 3. Д. 10 Л. 68–72.
2. ГАХМАО. Ф.1 Оп. 3. Д. 3. Л. 7.
3. ГАХМАО. Ф.103. Оп.1. Д. 87. Л. 3.
4. Кириллов В. М. История репрессий и правозащитное движение в России (компьютерная поддержка курса) [Электронный ресурс]. Н. Тагил, 2006. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5178293/page:10/#12> (дата обращения: 23.03.2016).
5. Красильников С. А. На изломах социальной культуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.) [Электронный ресурс]. Новосибирск НГУ, 1998. URL: http://www.zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1.shtml (дата обращения 21 марта 2016 г.).
6. Кринко Е. Ф. Репрессии «по закону»: лишение избирательных прав советских граждан // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 3 (7). Сыктывкар, 2011. С. 81–85. URL: http://www.izvestia.komisc.ru/Archive/i07_ann.files /krinko.pdf (дата обращения: 01.04.2016).
7. Мавлютова З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2009. № 23 (161). Вып. 33. История. С. 52–57. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/161/008.pdf> (дата обращения: 01.04.2016).
8. Наша общая горькая правда : ист.-краевед. сб. / ред.-сост. Л. В. Цареградская. Ханты-Мансийск : Полиграфист. 2003. 352 с.
9. Политические репрессии 1930–40-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа : сб. док. / сост.: Е. М. Брагина, Ю. В. Лазарева, Л. В. Набоков. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2002. 262 с.
10. Саламатова М. С. Лишенные избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы: сборник статей молодых историков. 1995. URL: <http://www.memo.ru/library/books/KORNI/chapter4.htm> (дата обращения: 07.04.2016 г.).
11. СГА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 231. Л. 34.
12. СГА. Ф.Р. 1 Оп. 4. Д. 438. Л. 19.
13. СГА. Ф.Р. 1 Оп. 6. Д. 10. Л. 42.
14. СГА. Ф.Р. 1 Оп. 6. Д. 11 Л. 225–226 ; Ф.Р. 1. Оп. 5. Д. 3. Л. 219–233 ; Ф. Р. 1. Оп. 5. Д. 3. Л. 97 ; Ф.Р. 1. Оп. 4. Д. 346. Л. 22.
15. СГА. Ф.Р. 1. Оп. 4. Д. 224. Л. 79, 89–93, 99, 119.
16. СГА. Ф.Р. 1. Оп. 4. Д. 346. Л. 14, 22.
17. СГА. Ф.Р. 1. Оп. 4. Д. 439. Л. 3–4, 6–7, 12.
18. СГА. Ф.Р. 1. Оп. 4. Д. 116. Л. 8.
19. СГА. Ф.Р. 1. Оп. 5. Д. 4. Л. 60, 242.
20. СГА. Ф.Р. 1. Оп. 5. Д. 1. Л. 6 ; Ф.Р. 1. Оп. 6. Д. 9. Л. 22–53.
21. СГА. Ф.Р. 1. Оп. 5. Д. 1. Л. 7.
22. СГА. Ф.Р. 1. Оп. 6. Д. 9. Л. 34–53.
23. СГА. Ф.Р. 1. Оп. 5. Д. 1. Л. 6–7.
24. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.) : сб. док. / сост. Н. Д. Радченко, М. А. Смирнова. Тюмень, 1994. 319 с.
25. Федорова Н. А. «Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных» // Исследование социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 483–496. URL: https://jsps.hse.ru/data/2010/12/31/1208180196/Fedorova._Lisency_1920-h_godov.pdf (дата обращения: 28.03.2016).

УДК 929:352.075.26(571.122)«19»

*Шуляк Е. В.
Shulyak E. V.*

**ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ ВЛАСТИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА – ЮГРЫ:
ПРЕДСЕДАТЕЛИ ОКРУЖНОГО ИСПОЛКОМА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ЯКОВ МАТВЕЕВИЧ РОЗНИН (1896–1934)
И МИХЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ САВИН (1912–1982)**

**FROM HISTORY OF REPRESENTATIVE AND EXECUTIVE
KHANTY-MANSI OKRUG – UGRA AUTHORITIES:
DISTRICT EXECUTIVE COMMITTEE CHAIRMEN OF SOVIET MEMBER
YAKOV MATVEEVICH ROZNIN (1896–1934)
AND MIKHEY YAKOVLEVICH SAVIN (1912–1982)**

Статья посвящена истории представительных и исполнительных органов власти Ханты-Мансийского округа – Югры и, в частности, председателям окружного исполкома народных депутатов Якову Матвеевичу Рознину и Михею Яковлевичу Савину.

Ключевые слова: Остяко-Вогульский национальный округ, окружной исполнительный комитет народных депутатов, Яков Рознин, Михей Савин.

Остяко-Вогульский национальный округ (с 1940 г. – Ханты-Мансийский национальный округ, с 1977 г. – Ханты-Мансийский автономный округ, с 2003 г. – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) был образован постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера». Уже тогда созданные ранее районные туземные съезды и советы были заменены системой обычных территориальных советов, которые в 1931–1937 гг. формировались согласно «Положению об окружных съездах советов и окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР», утверждённого Всероссийским центральным исполнительным комитетом, Советом народных комиссаров (СНК) РСФСР 20.04.1932 г. [4, с. 17]. Согласно этому документу высшим органом на территории Остяко-Вогульского национального округа являлся окружной съезд советов, а в период между съездами – окружной исполком, избираемый съездом советов. Следует отметить, что исполком народных депутатов Остяко-Вогульского национально-го округа, как и исполкомы других национальных округов, был наделён широкими полномочиями и разрешал все вопросы окружного масштаба. Руководил работой исполкома его председатель. Одним из первых председателей Остяко-Вогульского исполкома являлся Яков Матвеевич Рознин, который был также и председателем оргбюро по созданию Остяко-Вогульского национального округа.

Яков Матвеевич Рознин (1896–1934) родился в семье русского крестьянина в селе Осиновка Осиновской волости Шадринского уезда Пермской области. Яков получил низшее образование, закончив в 1908 г. курс обучения в Осиновском училище. До 1915 г. он занимался трудом в семейном хозяйстве, а затем служил в царской армии (1915–1918 гг.). Являясь членом ВКП(б) с 1919 г., Яков Матвеевич Рознин участвовал в гражданской войне, принимал активное участие в организации Советской власти в Осиновском сельском Совете и коммуны «Красные орлы», позднее избирался секретарем Шадринского уездного исполкома, заведующим орготделом Шадринского уездного комитета ВКП(б), председателем райиспол-

кома, заведующим окружным земельным отделом, председателем окружной комиссии по сплошной коллективизации, одновременно – председателем райисполкома. В феврале 1931 г. Уральский обком ВКП(б) направил Якова Матвеевича Рознина председателем оргбюро по организации Остяко-Вогульского национального округа, а 4 марта 1932 г. на первом пленуме Остяко-Вогульского окрисполкома он был избран его председателем. В годы организации и становления округа Яков Матвеевич Рознин вёл активную работу по его экономическому и социальному развитию, уделяя немало внимания строительству окружного центра. Переехав в Самарово, где на первых порах располагалось оргбюро, он целенаправленно занимался кадровой политикой. С его участием был осуществлен выбор места под строительство окружного центра. Он регулярно посещал строительные площадки, заражая всех своей неиссякаемой энергией. По образному выражению очевидцев, Я. М. Рознин «был сплав острого ума, ясной мысли, огромнейшего запаса энергии, доброжелательности и жесткой требовательности». Умер Яков Матвеевич Рознин в расцвете творческих сил 13 мая 1934 г. [1; 2; 5; 6].

Среди первых председателей Остяко-Вогульского национального округа был и Михай Яковлевич Савин. Он родился 27 августа 1912 г. в селе Малый Атлым Микояновского Остяко-Вогульского национального округа (ныне Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) в семье крестьянки Савиной Евдокии Касьяновны, которая занималась рыболовством, а также содержанием коровы, лошади и нескольких овец. Семья была неполной. В воспитании Михея и его сестры принимал участие дедушка (отец Евдокии Касьяновны Савиной), который проживал вместе с ними. Уже в десятилетнем возрасте Михай начал заниматься отловом рыбы и охотой. В 1925–1926 гг. он трудился батраком в хозяйстве кулака А. И. Губанова в Сосновских юртах. В 1926–1928 гг. Михай Савин учился в начальной школе, а в 1928–1931 гг. – на отделении народов Севера при Тобольском педагогическом техникуме, куда был направлен Тобольским Комитетом Севера и райисполкомом. По окончании учёбы Михай Яковлевич Савин сначала возглавлял работу орготдела Остяко-Вогульского окружкома ВЛКСМ (1931–1934 гг.), а затем стал заместителем секретаря Остяко-Вогульского окружкома ВЛКСМ (1931–1934 гг.). С августа по декабрь 1934 г. он исполнял обязанности инструктора оргбюро ЦК ВЛКСМ по Обско-Иртышской области, а после ликвидации этой области являлся инструктором Омского обкома ВЛКСМ (с декабря 1934 г. по март 1937 г.). В 1937 г. Михай Савин был направлен Омским обкомом ВЛКСМ в Остяко-Вогульский национальный округ, где в 1937–1938 гг. он трудился секретарём Березовского, а затем и Микояновского райкомов ВЛКСМ. В ноябре 1937 г. Михай Яковлевич Савин вступил в ряды ВКП(б), что открыло ему дорогу к дальнейшей успешной карьере. Так, с июля по октябрь 1938 г. он являлся инструктором Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б), а с октября 1938 г. по ноябрь 1943 г. – председателем исполкома окружного совета депутатов трудящихся Остяко-Вогульского (с 1940 г. – Ханты-Мансийского) национального округа. В 1943 г. он оставил пост председателя окрисполкома и до 1944 г. руководил работой окружкома профсоюза работников рыбной промышленности северных районов, а затем занимал должность заведующего оргинструкторским отделом окружкома ВКП(б), первого секретаря Кондинского райкома ВКП(б) (1944–1946 гг.). В июне 1946 г. он вновь был избран на пост председателя исполкома Ханты-Мансийского окружного совета депутатов трудящихся. В 1948 г. Михай Яковлевич Савин был направлен в Москву для обучения в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), которую успешно закончил в 1951 г.. В 1951–1954 гг. он занимал пост второго, а в 1954–1957 гг. – первого секретаря Ханты-Мансийского окружкома КПСС, в 1957–1962 гг. – первого секретаря Березовского райкома КПСС, в 1964–1972 гг. – заместителя председателя окррыбколхозсоюза, являясь, кроме того, лектором и инструктором окружкома КПСС. Кроме того, М. Я. Савин являлся депутатом Верховного Совета РСФСР второго, третьего и четвертого созывов (соответственно 1945, 1947 и 1954 гг.). Деятельность М. Я. Савина неоднократно поощрялась вышестоящими руководящими органами. Так, он был награждён грамотой ВЛКСМ, дважды награждён грамотами и ценным подарком от обкома ВКП(б) и Облсполкома, грамотой окружкома ВКП(б) и окрисполкома. За работу на

Северу он был удостоен ордена Ленина и медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Михай Яковлевич Савин прожил яркую и насыщенную жизнь, умер 15 сентября 1982 г. в Тюмени [3].

Литература

1. Герасименко Е. «Высокий» человек с талантом организатора // Музейное дело. 2005. № 8. С. 6 ; Она же. Он был первым // Новости Югры. 2005. № 139. С. 6.
2. Казённое учреждение «Государственный архив Югры». Ф. 499. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 ; Д. 2. Л. 1–8 ; Д. 4. Л. 1 ; Д. 6. Л. 1–42 ; Д. 8. Л. 1.
3. Казённое учреждение «Государственный архив Югры». Ф. 499. Оп. 9. Д. 3. Л. 58–60 ; 72, 72 об., 73.
4. Представительные и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе. 1930–2001 гг.: полномочия, функции, структура : сб. док. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2002. 228 с.
5. Редикульцев В. Первый съезд или песня северного ветра // Тюменские известия. 2005. № 184 (18 авг.). С. 4.
6. Хлынова М. Первый губернатор Югры // Город. 2007. № 4. С. 7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авимская Марина Аскольдовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и археологии, Сургутский государственный университет

Алексеева Любовь Васильевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Старший учитель (РСФСР), Заслуженный деятель науки ХМАО – Югры, Нижневартовский государственный университет

Андреева Ольга Владимировна – аспирант, Сургутский государственный университет

Багищева Регина Раиковна – студент, Сургутский государственный университет

Банникова Наталья Александровна – научный сотрудник отдела изучения историко-культурного наследия МБУ ИКЦ «Старый Сургут»

Басова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

Бобейко Виктор Иванович – старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии, Сургутский государственный университет

Быкова Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка, Сургутский государственный университет

Вдовиченко Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Сургутский государственный университет

Гарипова Зарина Фидарисовна – педагог-психолог, МБОУ Начальная школа № 30, г. Сургут

Гафарова Гульнара Иршатовна – ведущий специалист лаборатории спортивной психологии Центра спортивной науки, Сургутский государственный университет

Главан Анна Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка, Сургутский государственный университет

Грицаюк Дарья Сергеевна – магистрант, Сургутский государственный университет

Давыдова Анжелика Олеговна – заведующий отделом изучения историко-культурного наследия МБУ ИКЦ «Старый Сургут»

Демчук Анастасия Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования, Сургутский государственный университет

Добродомова Татьяна Михайловна – старший преподаватель кафедры теории и методики профессионального образования, Сургутский государственный университет

Дроздов Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Красноярская лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири, Заслуженный деятель науки РФ, г. Красноярск

Ершов Михаил Федорович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории, археологии и этнологии, «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

Жилина Анастасия Александровна – соискатель кафедры социологии, специалист, Тюменский индустриальный университет

Задорожная Анна Валерьевна – менеджер по проектам, ООО «Переводов-Сургут»

Задорожная Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Захаркина Анна Владимировна – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, Пермский институт экономики и финансов, аспирант кафедры гражданского права, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ибрагимова Динара Владимировна – кандидат биологических наук, преподаватель кафедры зоологии и экологии животных, Сургутский государственный университет

Иванов Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России, Сургутский государственный университет, доцент кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин, Сургутский институт нефти и газа, филиал Тюменского индустриального университета

Исламова Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

Исмагилов Артур Аскарлович – аспирант 3 курса, кафедры отечественная история, Сургутский государственный университет

Калашишникова Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет

Карчина Виктория Викторовна – начальник Сургутского филиала, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Сургут

Кашилатова Любовь Васильевна – кандидат культурологии, начальник Березовского филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, пгт Березово

Кениг Александр Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий Югорской лабораторией археологии и этнологии СурГУ и ИАЭТ СО РАН, Сургутский государственный университет, Институт археологии и этнографии СО РАН

Кирилюк Денис Валериевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Корнилов Геннадий Егорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН, Заслуженный деятель науки РФ, г. Екатеринбург

Костюнина Марина Викторовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Сургутский государственный университет

Кузьменко Альбина Юрьевна – ведущий юрист-консульт юридического отдела, Сургутский государственный университет

Курносков Валерий Валерьевич – преподаватель, Сургутский государственный университет

Лашко Юлия Викторовна – магистр лингвистики по профилю «Германские языки», Сургутский государственный университет

Лезьер Виктория Александровна – доктор философских наук, профессор, Президент образовательной некоммерческой ассоциации «Центр культуры и познания», г. Ницца, Франция

Литовченко Анна Сергеевна – старший преподаватель кафедры теории и методики профессионального образования, Сургутский государственный университет

Ломов Павел Константинович – аспирант, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, старший лаборант отдела охранно-спасательной археологии, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

Макулов Владимир Иванович – научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Красноярская лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, г. Красноярск

Мальцева Людмила Анатольевна – учитель физики, МБОУ «Федоровская СОШ № 5», Сургутский район

Мантикова Эльмира Курмангазиевна – преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии, Сургутский государственный университет

Моор Светлана Михайловна – доктор социологических наук, профессор, директор Центра дистанционного образования, профессор кафедры социологии, Тюменский индустриальный университет

Морус Елена Владимировна – учитель изобразительного искусства, педагог дополнительного образования, руководитель школьного пресс-центра Русскинская СОШ, Сургутский район

Муллер Ольга Юрьевна – заведующий научно-методическим отделом научной библиотеки, Сургутский государственный университет

Мустафина Алла Семёновна – преподаватель теоретических дисциплин «Детская школа искусств № 2», г. Сургут

Наконечный Николай Владимирович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник научного центра экологии природных комплексов, Сургутский государственный университет

Насырова Эльмира Фанилевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, Сургутский государственный университет

Николаева Алла Алимовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Сургутский государственный университет

Одесский Владислав Станиславович – магистр направления «Лингвистика», Сургутский государственный университет

Ослина Ирина Викторовна – учитель начальных классов, МБОУ «Ляминская СОШ», Сургутский район

Плеханова Наталья Павловна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития, Сургутский государственный университет

Постнов Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела охранно-спасательной археологии, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

Приходько Юлия Сергеевна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Сургутский государственный педагогический университет

Расказов Филипп Дементьевич – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, Академик МАНПО, член-корреспондент РАН, Сургутский государственный университет

Ротова Наталья Александровна – кандидат педагогических наук, педагог дополнительного образования, учитель начальных классов, Сургутский естественно-научный лицей

Рубцова Кристина Романовна – аспирант, Сургутский государственный университет, преподаватель английского языка, Европейский лингвистический центр

Руднева Регина Ириковна – аспирант кафедры теории и методики профессионального образования, Сургутский государственный университет

Савиных Лидия Егоровна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории физической культуры, Заслуженный деятель физической культуры и спорта ХМАО – Югры, Сургутский государственный университет

Савченко Евгения Александровна – магистрант, Сургутский государственный университет

Сало Виктория Эдуардовна – аспирант, Сургутский государственный университет

Самсонова Марина Викторовна – заведующий отделом коренных народов Севера, МБУ ИКЦ «Старый Сургут»

Сергиенко Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Сургутский государственный университет

Симонова Ольга Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры методики преподавания английского языка и перевода, Заслуженный учитель России, Сургутский государственный университет

Сироткина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет

Ситникова Анастасия Юрьевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Сургутский государственный университет

Соловьева Евгения Наргизовна – педагог-психолог, МБОУ Начальная школа № 30, г. Сургут

Сподина Виктория Ивановна – кандидат исторических наук, директор, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

Ставрук Марина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Член-корреспондент МАНПО, Сургутский государственный университет

Старикова Татьяна Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры зоологии и экологии животных, Сургутский государственный университет

Стась Игорь Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии, старший научный сотрудник Югорской лаборатории археологии и этнологии, Сургутский государственный университет

Сулейманов Александр Альбертович – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора арктических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, г. Якутск

Таджибова Аксана Наруллаховна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка, Сургутский государственный университет

Цыбанков Александр Алексеевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом охранно-спасательной археологии, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

Шаймиева Лилия Индусовна – старший научный сотрудник МБУК «Сургутский краеведческий музей»

Шибеева Людмила Васильевна – профессор кафедры психологии, Сургутский государственный педагогический университет

Шуляк Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ханты-Мансийская государственная медицинская академия

Научное издание

СЕВЕР РОССИИ: СТРАТЕГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Материалы II Всероссийской научно-практической конференции
27 мая 2016 г.*

Том I

Технический редактор Е. В. Бодрова

За информацию, содержащуюся в статьях, ответственность несут авторы

Отпечатано в Издательском центре СурГУ.
Адрес издателя и типографии:
БУ ВО «Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-31-79.

Дата выхода в свет 05.12.2016 г. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 31,6. Уч.-изд. л. 27,2. Тираж 100.